ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения

№ 4 | 2024

Роман Сорокин | На покосе. Холст, масло. 60x80. 1979 г.

Роман Сорокин | Перцы и цветы. Холст, масло. 61x81. 2001 г.

ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №4 | 2024

В номере

ДиН ПАМЯТЬ

Евгений Татарников
3 Тихая Вологодчина Виктора Астафьева

ДиН ПОЭМА

Александр Щербаков
9 Здравствуй, верба!

ДиН ПУБЛИЦИСТИКА

Валентина Майстренко
15 Сибирский крест

Геннадий Малашин
21 (Не)забытые голоса Сибири

ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Игорь Северянин
30 Купанье звёзд

Борис Поплавский
36 В венке из воска

Сергей Есенин
38 Шаганэ

Саша Чёрный
86 Эпиграммы

Зинаида Гиппиус
127 Живая тайна

Михаил Зенкевич
146 Стакан шрапнели

Вера Инбер
155 На смерть Ленина

Василий Казин
185 Поезд из Ростова

Осип Мандельштам
187 Ходят боты, ходят серые…

ДиН СТИХИ

Анатолий Аврутин
31 На золотом крыльце

Татьяна Ческидова
35 Метель

Татьяна Панова
37 Несите им память

Георгий Попов
128 Хранители

Геннадий Васильев
130 Венок сонетов

Марина Панфилова
133 Стихи про стихи

Марина Росс
136 Ранетки цветут

ДиН ВРЕМЯ

Виталий Пшеничников
39 В дебрях Восточного Саяна

Андрей Пучков
61 «Взвейтесь кострами…»

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Владимир Зангиев
68 Откровения статуи

Амир Макоев
76 Буйволиная тропа

НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ

Анастасия Астафьева
87 Богатыри! А вы?!

Денис Макурин
90 Где память живёт

Даниил Лихачёв
103 Ветки

Д*и*Н ПРОЗА

Сергей Кузичкин
105 Откос

Николай Тимченко
156 Загадочное давным-давно

Дмитрий Васянович
176 Ветер тоже нужен

Д*и*Н РЕВЮ

Анна Мамаенко
137 Рыбовладелец. Стихотворения

Арсен Титов
138 Стихи молодого Важа

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Алексей Небыков
139 Тиромалка

Анна Темникова
147 История под ковром

Татьяна Сидоренко
151 Весенний ветер касается моей щеки…

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Алексей Корнилов
186 Принцип айсберга

Д*и*Н ДЕТИ

188 Подвиг любви и веры

195 ДИН АВТОРЫ

Д*и*Н ГАЛЕРЕЯ

Тихая жизнь вещей Романа Сорокина[1]

Репродукции с картин, опубликованных на обложке, любезно предоставлены «Арт-галереей Романовых» (Красноярск).

Художник Роман Сорокин родился в 1939 году в селе Ермаковское Красноярского края, учился в Красноярском художественном училище имени В.И. Сурикова (1959-1961), окончил Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами (1964-1968). Член ВТОО «Союз художников России» с 2001 г.

Многочисленные пейзажные работы Сорокина посвящены уникальной природе родного края. Любовь к Сибири раскрывается в произведениях «На Ермаковской земле», «На покосе», «Осенний мотив. Сумерки», «Солнце играет», «Звонкий вечер».

Жизненная достоверность отличает натюрморты Сорокина. Вещи на его холстах имеют свой характер, историю, их тихая жизнь является продолжением жизни людей и природы.

Творческая деятельность художника отмечена многочисленными дипломами региональных и всероссийских художественных выставок. Роман Сорокин награждён серебряной медалью Российской академии художеств (2004). Его произведения находятся в собраниях Абакана, Канска, Лесосибирска, дирекции художественных выставок Министерства культуры Российской Федерации, а также частных коллекциях России и Германии.

1 По материалам региональной прессы.

Евгений Татарников

Тихая Вологодчина Виктора Астафьева

Пролог

Больше всего Виктор Петрович Астафьев не любил пафосных речей и статей, писал он просто, по-сибирски колоритно, «не лазя в карман за красивым словцом», у него был свой кладезь слов русского языка. А его письма — это отдельная книга, где юмор и драма, держась друг за друга, идут вместе, так им нескучно шагать. Ну вот сами посудите, Виктор Астафьев пишет из Вологды игарскому однокласснику в письме: *«Я тоже бросил курить и тоже стал пузат и толст. Курить заставил меня бросить сердечный приступ, который случился после празднования дня рождения — первого мая праздник, второго в больницу. Там и бросил. Что делать? Не помирать же из-за курева. Есть более веские причины… А если это не получится — летом двину в село родное на месячишко, ждёт меня дядя рыбачить — вот с ним и к тебе по морю прикатим (у дядьки моторка есть). Будем ехать, песни петь и рыбачить, а ты выйдешь на бережок и скажешь: „Что же вы, бл… такие, так долго едете? Уж самогонка вся прокисла!“ „Мечты, мечты, где ваша сладость?!“…»*

Незадолго до своего юбилея Виктор Астафьев писал в 1973 году Николаю Волокитину: *«… пишу выступление к 50 годам, и страшное моё ощущение и отношение к этому — по длине жизни чувствую, что мне лет полтораста, и в то же время кажется: не заметил, как всё это было. Видимо, самый длинный отрезок времени — это юность. И, отнятая, убитая, сожжённая, она пеплом своим стучит в сердце, требует какого-то возмещения, компенсации, но компенсацией может быть только сама юность, а она бывает раз. „Ах, юность, юность, нет к тебе возврата, не воскресить — зови иль не зови! На дне души светло и виновато лежат осколки дружбы и любви!“ Осколки! Разве из них что склеишь? Я же не археолог, а всего лишь литератор, иногда впадающий в детство и умеющий более или менее выдумать юность чью-то, воображая её своей…»*

«Так уж случилось, что вся его жизнь прошла по миру и зависела только от чужого участия. Раннее сиротство, детский дом в забытой Богом тогдашней Игарке, ФЗУ, фронт, передовая, госпиталя, послевоенная разруха… Как бы мог пройти через все эти жестокие жернова одинокий мальчишка, искалеченный войной юноша? Как — не будь к нему сочувствия со стороны? Вот в этой-то сыновней благодарности народу и надо видеть истоки его писательского дарования. Там же, среди людей, кончал он и свои университеты, набирался ума-разума, который теперь перерос в глубокую творческую мудрость. И последнее, что я хотел поведать о своём друге. Весёлый он человек! Шутник и балагур. Любой зал, любую аудиторию заставит смеяться. Но приглядитесь повнимательнее к нему… Смех для него — лишь с годами выработанная зашита. Ещё стриженым детдомовцем понял, что хуже ему придётся, если не научится смеяться над собой, над своими неудачами, сиротскими бедами. И там, под пулями, в промозглом фронтовом окопе, этот астафьевский смех помогал смелее глядеть в глаза…» — так сказал его друг Евгений Носов в Вологде, когда праздновали пятидесятилетие Виктора Астафьева. Сейчас будут праздновать столетие уже без него, но он всё равно с нами…

Литературные истоки творчества Виктора Астафьева

Истоки литературного творчества Виктора Астафьева открылись ещё в школе заполярной Игарки. Первым, кто раскрыл его писательский талант, был преподаватель литературы, а впоследствии известный красноярский поэт Игнатий Рождественский. После каникул школьники писали сочинение «Как я провёл лето». Пятиклассник Витя написал о том, как пошёл в лес, побежал за глухарём, заблудился, но всё же на четвёртые сутки вышел из тайги. Вверху аккуратно вывел название:

«Жив». Сибирский поэт Игнатий Рождественский три года в посёлке Игарка преподавал литературу в классе у юного Вити Астафьева — до 1941 года. Он же стал героем нескольких рассказов Виктора Петровича и той самой «затесью», по Астафьеву, которая сформировала жизненную тропу писателя. Дочь Игнатия Рождественского, Лидия, писала: *«Папа любил своего Витьку какой-то ему одному ведомой любовью к ученику, оправдавшему его надежды. И Астафьев платил ему тем же: поначалу сыновней нежностью интернатского пацана, а потом преданностью верного друга. И как бы высоко ни поднимался на своём литературном поприще, никогда не забывал того, кто указал ему эту дорогу. Приезжая в Красноярск, он часами проводил время в беседах с отцом… Каждый его приезд становился праздником… для отца».* Да и для самого Астафьева каждая встреча с Игнатием Рождественским была праздником, особенно на фронте, а ещё после выхода в свет первой книги прозаика. *«Когда в 1953 году в Перми вышла первая книжка моих рассказов, я поставил первый в жизни автограф человеку, который привил мне уважительность к слову, пробудил жажду творчества»* (из рассказа В. П. Астафьева «Учитель»). И уже позже, став писателем, Виктор Астафьев достал с полки заветную тетрадь, переработал. Так получился замечательный рассказ «Васюткино озеро» — по сути, первый, вышедший из-под руки классика. А сейчас первого мая каждый год все игарчане отмечают день его рождения. В школе № 1, которая носит имя писателя, проводятся памятные уроки. Будет такой урок и первого мая 2024 года.

«И надумал я покинуть Урал…»

Летом 1968 года состоялся, как писали газеты, «агитационно-пропагандистский рейс писательской бригады по присухонским городам, посвящённый подготовке к 100-летнему юбилею В. И. Ленина». Об этой поездке Астафьев сообщал В. Старикову: *«Ездил я в июне в Вологду… В хорошей компании — Фёдор Абрамов, Вася Белов, Женя Носов, Саша Романов… прокатились от Вологды до Великого Устюга на пароходике, и это было самой большой отрадой в моей нынешней жизни, которая… как-то сделалась очень уж квёлая и одинокая».* В этой поездке писатели посетили знаменитого художника, мастера северной черни по серебру, заслуженного деятеля искусств РСФСР Евстафия Павловича Шильниковского. Позже Астафьев в дневнике напишет: *«И вот, довольный всем и жалкий в этой довольности, большой художник жаловался лишь на одно: „Мне всю жизнь не хватало среды. Я засох тут один“. И я понимаю его. И надумал я покинуть Урал… Звали меня опять ребята в Вологду. Что-то после поездки к Вам тошно мне, тесно на этом индустриальном Урале…»* В конце 1968 года Астафьев извещал Белова: *«Решил я приехать к Вам, попробовать жить в исконной России. Как ты на это дело смотришь? Дадут ли мне квартиру в Вологде?»* Квартирный вопрос был решён оперативно, и Астафьев переехал в Вологду, началось его «вологодское десятилетие».

Приезд Виктора Астафьева в исконно русский город

Тяга к переезду у Астафьева была велика: *«Уехать я всё равно уеду куда-то,* — писал он Василию Белову. — *Жить на Урале больше не могу и не хочу — если уж за 25 лет он не стал мне родным, дальше уж ждать нечего».*

Зима на Вологодчине в 1969 году была, как всегда, мягкая и пушистая, а при свете желтоватых вокзальных фонарей, когда на перрон под ноги приехавшим, искрясь, падали снежинки, она казалась сказочной. Несмотря на поздний вечер, на перроне было много людей, среди них выделялась возбуждённая группа вологодских литераторов, пришедших встречать своего нового коллегу, Виктора Астафьева. В этой группе был и поэт Николай Рубцов, трезвый и, как всегда, весёлый. Он сильно был взволнован, ведь он мимолётно встречался с Астафьевым, когда они в 1962 году жили в общежитии Литинститута имени М. Горького в Москве. Узнает, не узнает? Узнал, но сейчас Рубцов старался произвести приятное впечатление на Марию Семёновну, жену Астафьева, которая сама подошла к нему, хотя видела его впервые. На Рубцове было тёмное ношеное пальто, шапка пирогом, пёстренький шарф, довольно лёгкий для зимы, небрежно высовывался одним концом поверх пальто, на ногах — разношенные стоптанные валенки, а на руках были деревенские варежки-самовязки из овечьей шерсти, новые, видать, даже не запушились ещё, не обмялись. Он сказал ей коротко: «Рубцов», — и, сняв свои варежки, сразу же стал предлагать их в подарок. Ведь поэту предстояло жить с этим семейством по соседству. *«Марья Семёновна уверила его, что она сама умеет вязать, и, взяв под руку поэта, мы повели его к машине. Скоро оказались мы в квартире-хрущёвке, приготовленной для нас, обмыли новоселье, сидя кто где, кто как, в основном на газетах, расстеленных на полу. То новоселье затянулось, очень уж мне понравилась тихая, почти благостная в ту пору Вологда, вологодские ребята, и очухался я не скоро…»* — писал Виктор Астафьев в своём рассказе «Рукавички».

Мария Семёновна Корякина-Астафьева, жена писателя, вспоминала: *«В Вологду мы приехали февральским вечером в 1969 году. Народу на перроне оказалось много, и не сразу к вагону пробились нас встречающие. Вечером того дня все собрались отметить наш приезд. На столе — вино, закуски, шаньги! Не ватрушки, а именно*

шаньги, с картошкой, с творогом, со сметаной — на любой вкус! Каждая с тарелку величиной. Наверное, только в Вологде выпекают такие пышные да аппетитные и продают их повсюду, на каждом углу. Скоро заговорили все разом, смеялись, читали стихи. Николай Михайлович [Рубцов] почти весь вечер играл на гармошке. Пил он мало, то ли не в настроении был, то ли не хотел производить плохое впечатление — не знаю. А пел много, и так пел! Пел свои стихи, подладив под них музыку, — сочетание необычное, великолепное. На другой день под вечер он снова пришёл к нам, со смущённой улыбкой сказал: „Вчера мне вовсе не хотелось уходить, да отдыхать вам надо было… Вот пришёл опять…“ Вскоре он повёл разговор о Гоголе, да так интересно, с юмором, с удивительной радостью, наизусть цитируя отрывки и реплики из „Мёртвых душ“, мы смеялись до слёз. Николаю это очень нравилось. Прощаясь, пообещал в следующий раз повеселить нас рассказами из литинститутской жизни… Мне казалось, он понимал, чувствовал, как непривычно, одиноко, тоскливо нам пока на новом месте, и старался как бы скрасить нашу жизнь, отвлекал…»

Такие вологодские шаньги, наливные, с творогом и картошкой, продавали не только в кулинарии, но прямо с голубых тележек ещё горячими по всему городу и на базаре, *«двери которого здесь простодушно и гостеприимно открыты день и ночь, а с одной стороны их вовсе нету».*

Его «двушка» в Вологде, где резной палисад…

Пятиэтажный жилой дом на улице Урицкого (современная Козленская). В одной из квартир на втором этаже с февраля по декабрь 1969 года жила семья Астафьевых: Виктор Петрович, Мария Семёновна и их дочь Ирина. *Это была обычная «двушка», которую им дали временно, так как строился новый дом, в котором Астафьеву дадут четырёхкомнатную квартиру в 1970 году. А в «двушке» был маленький коридорчик, большая комната, где лежала шкура белого медведя на полу и стояли два кресла. Вся стена была в книжных стеллажах, стояли стул, старый стол, на нём — пишущая машинка. Вторую комнату отдали дочке.* Поэт Николай Рубцов, который писал про Вологду: *«Живу вблизи пустого храма, на крутизне береговой и городская панорама открыта вся передо мной…»* — часто бывал здесь в гостях у Астафьева, так как жил по соседству. Этот дом находился неподалёку от центра города, и всё было рядом. Особенно нравилось Марии Семёновне, что рядом была кулинария, про которую она вспоминала: *«Хорошо, что через дом располагалась кулинария. Там можно было взять свежие, пышные шаньги, причём на любой вкус: со сметаной, с яйцом, с творогом. Поражало и обилие свежей рыбы. Я уж не говорю о чудном снетке — вяленой, замечательной на вкус рыбке, её в Вологде в ту пору ели походя, вместо семечек. Всё это очень выручало…»*

Прогулка с друзьями по Вологде. Слева направо: Ирина Астафьева, Виктор Коротаев, Мария Корякина (жена), поэт Николай Рубцов, Виктор Астафьев. Фотография сделана у дома № 94 по ул. Козленской, где с февраля по декабрь 1969 года жили Астафьевы. Дата съёмки: август 1969 г.

«Исконно русская вологодская земля» пришлась сорокапятилетнему Виктору Астафьеву по душе. Уже в письме в 1969 году он пишет другу А. М. Борщаговскому: *«Вот и выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и ещё пахнет Русью, близкой моему сердцу… Дали мне такую же точно квартиру, как в Перми, только получше построенную, на три метра поменьше, да это пустяки. Встретили меня хорошо и власти, и писатели»*.

В письме Е. И. Носову от 20 октября 1969 года возникает и лестное для города сравнение: *«В Вологде я чувствую себя так, как будто из курной бани выбрался на студёный снежный воздух. Все живём мы семейно, друг друга питаем»*. В мае 1970 года земляку, журналисту газеты «Красноярский рабочий» Саше Щербакову писал: *«Живу в Вологде хорошо, спокойно. Город здесь тихий, ребята-писатели хорошие. Дали мне здесь четырёхкомнатную квартиру, и работать хорошо. Дочь у меня учится в здешнем пединституте, сын служит в армии, а старуха моя мне помогает и суп да кашу варит. Так вот и живём…»*

«Поплавок» на Вологде…

Раньше, в советские времена, когда водный транспорт был «на высоте и в почёте», на каждой реке стоял двухэтажный дебаркадер, где на первом этаже были касса и зал ожидания, вечно набитый народом, на втором были комнаты отдыха и затрапезный ресторан — любимое место отдыха любителей покачаться на воде с одновременным приёмом в организм «водовки». Ощущение, как будто ты в невесомости. Дебаркадер, как поплавок, качался на воде от набегавших на него с шумом волн, которые исходили от проходивших мимо речных судов. И поэтому в большинстве городов такие ресторанчики так и называли — «Поплавок», был такой даже на Москве-реке. В «Поплавок» мало кто заходил из приличной публики, а если они уж заходили, значит, им было «невтерпёж». Еда там была отвратительная, а вино ещё хуже. Чего только стоило вино из Алжира! Да ничего оно не стоило… Бормотуха ещё та — красное «Алжирское»: выпив его, думаешь, что оно из инжира. Покачаешься в «Поплавке» — ещё не то подумаешь. По вечерам около «Поплавка» всегда «на шухере» стоял ментовской «луноход-воронок» с зарешёченными окнами, так называемый «обезьянник на колёсах», так как частенько перебравшие «Алжирского» сигали из «Поплавка» вниз головой в реку, думая, что… Да уже ничего не думая… Вот такой же «Поплавок» был в Вологде, который любил посещать один известный поэт, про себя писавший: *«Я — Николай Михайлович Рубцов — возможность трезвой жизни отрицаю»*.

Вот как красочно и с любовной иронией описывает в своём рассказе из книги «Затеси» Виктор Астафьев этот «Поплавок»:

«… Стоял дебаркадер на реке Вологде, ниже так называемой Золотухи, про Золотуху тут пелось: „Город Вологда — не город. Золотуха — не река“… Золотуха и в самом деле не река. Вал это, канава, вырытая во времена Ивана Грозного при строительстве здешнего уютного кремля и Софийского собора. В Золотуху вологжане сваливали всё, что можно и не можно. И всё это добро выплывало в Вологду-реку. Двухэтажный дебаркадер стоял почти на окраине, в конце города, сама же река малопроточная, глубокая… От берега к дебаркадеру из прогибающихся плах был сооружён широкий помост, поверх которого наброшены трапы, на корме дебаркадера кокетливо красовался деревянный нужник с чётко означенными буквами „М“ и „Ж“, который никогда не пустовал, потому как поблизости никаких сооружений общественной надобности не водилось. С дебаркадера, в особенности с кормового сооружения, с головокружительной высоты любили нырять ребятишки. Разгребая перед собой нечистоты, вынесенные Золотухой, натуральное дерьмо, плавающее вокруг дебаркадера, плыли вдаль будущие граждане Страны Советов…

Вот здесь-то, на втором этаже дебаркадера, располагалась забегаловка, называющаяся рестораном; и занавески на окнах тут были, несколько гераней с густо насованными в горшки окурками, горячее тут подавали и горячительное, это самое „кадуйское вино“… А вино это варили в районном селе Кадуй ещё с дореволюционных времён из калины, рябины и других растущих вокруг ягод. Настаивали вино в больших деревянных чанах, которые после революции мылись или нет — никто не знал. Во всяком разе, когда однажды, за неимением ничего другого, я проглотил полстакана этого зелья, оно остановилось у меня под грудью и никак не проваливалось ниже. Брюхо моё, почечуй мой и весь мир противились, не воспринимали такой диковинной настойки. Из еды в „Поплавке“ чаще всего подавались рассольник, напоминающий забортную жидкость реки Вологды, лепёшку, называемую антрекотом, с горошком или щепоткой жёлтой капусты… Я жил недалеко от пристани…»

«Ода русскому огороду»

В Вологде В. П. Астафьев написал «самое радостное детище» — «Оду русскому огороду», как признавался сам — «для услады души». «Ода» написана таким «вкусным» языком, что хочется его проглотить. Писатель уходит в детство, где он на коленях у деда уплетает сладкую брюкву. А огород у дома — это целое «царство», в котором что только не растёт, и всё вкусное, надо только дождаться радостного момента, не сорвать раньше времени. *«Лежит огурец-удалец, дразнится; семейство ревниво следит друг за дружкой, особенно*

за мальчиком, чтобы не снял он огурец-то, не схрумкал в одиночку. Съесть огурец хочется любому и каждому, и как ни сдерживайся, как ни юли, проходя по огороду, обязательно раздвинешь руками резные, цепкие листы, подивуешься, как он, бродяга, нежится в зелёном укрытии, да и поспешишь от искушения подальше. Но, слава Тебе Господи, никто не обзарился, не учинил коварства. Уцелел огурец, белопупый молодец! Выстоял! Бабка сорвала его и бережно принесла в руках, словно цыпушку. Всем внучатам отрезала бабка по пластику — нюхнуть и разговеться, да ещё и в окрошку для запаху половина огурчика осталась…»

В июле 1975 года из Игарки в Вологду навестить брата Виктора приезжала сестра Галина Петровна Буракова с мужем и сыном Сергеем. Об этом Астафьев сообщает в письме критику Валентину Курбатову: *«Из Игарки приехала сестра с мужем и дитём, которое взорвало бочку пороха, готовясь к будущим битвам, опалило себе рожу, кожу, лёгкие, а главное, глаза. На одном начались боли — надо лечить. Хлопоты, беготня, но всё же пробую работать». А в сентябре этого же года Виктор Астафьев перевозит к себе в Вологду в очередной раз овдовевшего отца. Никто из детей, сводных братьев и сестёр не захотел взять его к себе. «Нет у меня к нему любви, хоть и грешно это, — пишет он в письме другу, писателю Евгению Носову, — но и злобы на него уже нет — всё перегорело, перетёрлось в муку — жизнь учит терпимости, которой так людям недостаёт, терпимости и жалости друг к другу».*

Воспоминания о Вологде

В. П. Астафьев вспоминает: *«В Вологде я живу уже больше года — срок достаточный, чтобы оглядеться, кое-что увидеть и даже немножко узнать… Но исконно русская вологодская земля, люди её мне сразу же показались близкими, пришлись по душе, и, странное дело, я даже написал два коротких рассказа на вологодском материале, изменив своему правилу. Один из этих рассказов недавно звучал в сокращённом виде по Всесоюзному радио. Земля, Родина накладывает отпечаток и на людей, а следовательно, и на писателей, на их дело. Вологодские писатели и поэты — люди в большинстве своём по-хорошему простые, но не простоватые, открытые, и также их работа — книги, стихи очень душевны, многозвучны и по-настоящему народны… „Тихая моя родина“, — говорят о своей земле вологодские писатели, и в этой прекрасной строке много обозначено и сказано, хотя нынче не такая уж она тихая, Вологодчина-то…»*

Про Вологду, живя уже в Сибири, в начале девяностых годов Виктор Астафьев писал следующее: *«Почти одиннадцать лет я прожил в городе Вологде… Вологда показалась мне тихим белым раем. Магазины ломились от продуктов и товаров, выпускалось вологодское масло в деревянных бочоночках, в озёрах и реках водилось так много рыбы, что ерша, плотву и прочую „серость“ рыбаки оставляли зимой на льду, летом — на берегу, на прокорм воронам. Здесь создалась и долго жила по законам братства писательская организация, взрастившая не одного выдающегося писателя современности. В местном театре одновременно шли четыре спектакля по пьесам местных авторов, два спектакля были отмечены государственными премиями. Особое место в жизни города всегда занимала центральная областная библиотека им. Бабушкина, в которой ежегодно в декабре местные писатели устраивали творческий вечер — что-то вроде годового отчёта, благо было им чем и о чём отчитываться. Связи мои с Вологдой и вологжанами не прервались, тёплое отношение к этой приветливой земле во мне не остыло, с нежностью вспоминаю плодотворные творческие годы, прожитые на Вологодчине».*

«Вот и пришла тоска по Сибири…»

Виктор Петрович не хотел быть «правильным мужиком», он был как все: по праздникам пил водку, болел, ругался, когда ему было плохо или его обижали, не юлил, как «уж на сковородке». Любил близких ему людей и весь русский народ. Он был как все обычные люди, и они за это его любили. Пребывание Виктора Астафьева на вологодской земле — однозначно сказать, что ему тут было хорошо, нельзя. Время неумолимо бежит, и с годами всё изменяется, поэтому в марте 1980 года Виктор Астафьев напишет критику В. Я Курбатову совсем откровенные строки в письме: *«В Вологде у меня нет никакого общения. Пока мог водку пить, собутыльничать было с кем. А вот уже не могу, да и неинтересно стало, не веселит и водка, и нету собеседника по душе, а трепаться просто так я уж лучше буду со своей Марьей, она в писательских делах собеседник толковый и подвижный…»* Хотя ещё задолго до этого письма, а точнее — после смерти поэта Николая Рубцова, в письмах Виктора Астафьева всё чаще звучала тоска по родным ему красноярским местам. В ноябре 1976 года пишет Евгению Городецкому: *«… Надо уезжать. Дорога мне только в Сибирь, на родину, или на тот свет. Лучше на родину. Сперва я думал построить дом в Овсянке, вселиться в него и припухнуть. Но ведь опять же при наших-то порядках построят его года за три-четыре, и мне надо быть там, терпеть, руководить, раздавать деньги, трепать нервы. Опять придётся кланяться, просить квартиру. Ах, Мати Божья!.. Дома о моём решении ещё никто ничего не знает. Постепенно готовить — изведутся. Ведь переезд*

в нашем возрасте, при нашем барахле уж и не просто двум пожарам, а землетрясению равен…»

В 1976 году в письме Василию Юровских он признаётся: *«Здесь я больше жить не могу — скверно, грустно, не родно!»* А в 1978 году — ему же, Василию: *«… На износ живу. Надеюсь на переезд в Сибирь как на некое Христово осияние, а Марья Семёновна тихо и упорно сопротивляется этому…» В мае 1978 года Летову Вадиму пишет: «Пасху и первомайские праздники был на родине, в Овсянке. Хорошо было. Наверное, куплю я там домишко, оборудую его и стану там писать книгу о войне, надумывается трилогия — запасной полк, фронт, после фронта. Страшно и думать, какая работа, сколько сил и бумаги потребуется! Но всё уже вертится в голове и сердце, и мне уже не отвертеться от этой работы…»*

В феврале 1980 года пишет Валентину Распутину со всей искренностью: *«Одна отрада осталась, мечтаю летом попасть в Сибирь и со временем вовсе переехать. Я знаю — лучше не будет. Возможно, даже и хуже будет, но хочется верить, что воздух Родины, её виды, родня и прочая дребедень как-то встряхнут, освежат».*

Письмо Ю. Н. Сбитневу от 19 февраля 1980 года: *«… Я хотел тебе написать письмо, но суета… а потом заумирал мой доблестный папа, и умер 3 сентября прошлого года, и закопан в мокрые комки вологодской глины. Как он хотел убраться со мной в Сибирь и лечь в мягкую родную землю! Не успел. И теперь я уж всерьёз думаю: самому надо успеть податься ближе к родному пределу. Отец мой был, как тебе известно, не самый лучший из родителей, но родителей, как и Родину, не выбирают, и вот жаль его, необъяснимо жаль. Никого более из стариков на свете не осталось, только две тётки и дядя в Сибири. Надо ехать ближе к ним… раньше спасался от всего работой, сейчас работать не могу…»*

28 апреля 1980 года — письмо В. Г. Летову: «Дорогой Вадим! Я только что из Сибири, смотрел квартиру, отдавал команды по ремонту дома. По мне всё решено, и душой я уже „дома“, но последняя препона — Марья Семёновна. Беда! Не хочет она отсюда уезжать. А надо! Я здесь больше не могу не только писать, но и жить. И душевно, и физически тяжело. Вот пишу письмо, а по спине струйки текут…»

Эпилог

Виктор Петрович Астафьев провёл в Вологде почти одиннадцать лет. Сюда он приехал, имея уже всесоюзную известность, и приехал по приглашению Вологодской писательской организации — в частности, Василия Белова. В шестидесятые и семидесятые годы творческая атмосфера города привлекала многих писателей. Здесь им написаны первые пьесы и киносценарии, известные произведения: «Пастух и пастушка» (1971); «Ода русскому огороду» (1972); главы из книги «Последний поклон» (1958–1992); «Царь-рыба» (1972–1975). И по выходе журнального варианта Виктор Астафьев писал журналисту Вадиму Летову: «…„Царь-рыба“ продрала все невода и мерёжи на своём пути. Не давать стало невозможно, велик резонанс, сильно пошла за кордон, а ведь написана-то лишь частица, капля из великого моря человеческих страданий и безобразий, чуть тронута вопросом тема: отчего люди так одиноки?» В вологодский период им были получены звания лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького и Государственной премии СССР.

Из завещания Виктора Астафьева: *«Пожалуйста, не топчитесь на наших могилах и как можно реже беспокойте нас. Если читателям и почитателям захочется устраивать поминки, не пейте много вина и не говорите громких речей, а лучше молитесь. И не надо что-либо переименовывать, прежде всего моё родное село… Желаю всем вам лучшей доли, ради этого жил, работал и страдал. Храни вас всех Господь!»*

Александр Щербаков

Здравствуй, верба!

1.

Отшумели, отпели метели
И захлопнули дверь за зимой.
И решил я на Вербной неделе
Бросить всё и поехать домой.

Уж давно отца-матери нету,
А всё тянет к родным берегам.
Ничего, что не встречу привета,
Сам приветы я всем передам.

Не скажу почему, но покоя
Вдруг лишаюсь я каждой весной.
Происходит со мною такое —
Становлюсь я весной сам не свой.

Поселяется в сердце тревога,
И бессонница мучит меня,
И стоит пред глазами дорога,
К дорогим пепелищам маня.

Точно так же, должно быть, и птицам:
Лишь весною запахнет чуть-чуть,
От сердечной тревоги не спится
И от зова в таинственный путь.

Свет не ближний до отчих гнездовий,
Налегай, налегай на крыло,
Если хочешь, бродяга бездомный,
Посмотреть на родное село,

Дотянуть до родимого неба,
Отдохнуть на согретой земле
У леска, где медвяная верба
Распушилася — шмель на шмеле.

…С самолёта — пешком. Не забылись
Сердцу близкие эти места.
Кто-то сзади трусит́ на кобыле:
— Тпру! Садитесь, домчу до моста! —
Слышу голос как будто знакомый.
— Нет, спасибо, пройдусь, подышу.
— Неудобно: Вы пеший — я конный
И к тому же в гараж не спешу.
Фу ты, брат, деликатность какая.
— Что ж, Никита Иваныч, на «вы»?
Он смеётся:
— Сказать, не лукавя:
Не видались давно — и отвык.

…По шахрам, по ухабам, по лужам
Я иду — не хозяин, не гость.
Может, я никому здесь не нужен,
Мне всё дорого… Вот он и мост.
А за ним на пригорке погост.

2.

К тебе пришёл я, малая и милая,
С усталых ног отряхиваю прах,
Склоняюсь над родительской могилою
Покаяться в содеянных грехах.

Не убивал, не грабил, не обманывал,
Но всё ж мой грех велик, незамолим:
Я столько вёсен не видался с мамою,
Не говорил с отцом я столько зим.

На эти вот суглинистые холмики
Не приносил цветов я столько лет,
И, значит, бездушевней, бездуховнее
Я становлюсь. И мне прощенья нет.

Березник за околицей, за пажитью,
Он стал как будто реже и белей.
А может быть, мне это просто кажется
В сорокалетний грустный юбилей.

Я для себя ищу не утешения,
Не умиротворения в тиши,
Мне этот лес дарует очищение,
Дарует просветление души.

Когда я здесь, я думаю о вечности,
О святости отеческих полей,
И жизнь в неумолимой скоротечности
Становится дороже и милей.

Прошла зима лесами и опушками.
Растаяла. Ручьи сбежали в лог.
И вот берёз прозрачными макушками
Опять играет вешний ветерок.

Стоит монахом осокорь раскидистый,
Сквозь белый лес чернеются кресты.
Но по-за ними мне подлесок видится
И светлых ив округлые кусты.

Розетки ярко-жёлтой мать-и-мачехи
Рассыпаны среди могильных плит.
Скворцы в земле копаются, как дачники,
И запах вербы в воздухе разлит.

А коли мы находим обновление
И смену поколений даже здесь,
То верится, что нет на свете тления,
А только жизнь на этом свете есть.

3.

Иду родной деревней —
Вся улица красна.
Как марьиных кореньев
Наставила весна.

Готовясь к Первомаю,
Привычно земляки,
Как прежде, поднимают
Пунцовые флажки.

В домах многооконных
Играет вешний свет,
И весь народ знакомый
На праздник приодет.

И я смотрю ревниво
На нынешних парней —
То машут мне из «Нивы»,
А то из «Жигулей».

Кричу им:
— Жми, ребята!
Теперь и мал удал,
А нашего-то брата
Колхозный бык бодал,
Тележный скрип пугал…

Иду родной деревней.
В душе и грусть, и свет.
Какой я всё же древний,
Сорокалетний дед!

И как всё устарело,
О чём строчу в нощи.
В летающих тарелках
Давно здесь варят щи.

Об ЭВМ колхозных
Брожение в умах,
А я пою о ко́злах,
О пряслах да пимах.

Летаю в реактивном,
Лавсан-кримплен ношу,
А сам всё о старинном,
Золу всё ворошу.

Хочу и тот, и этот
Века соединить.
Но где тут для поэта
Связующая нить?

Шумел бы, например бы,
У автопарка парк,
Цвели и пахли вербы,
Клубясь, как лёгкий пар.

Для полноты идиллии
В том парке, как бычки,
Сохатые ходили бы
И брали хлеб с руки.

Но где пройдут машины,
Не то что дерева,
А даже в треть аршина
Не вырастет трава.

И как ты тут богатства
Природы сбережёшь,
Когда в ухе рыбацкой
Бензином пахнет ёрш?

А может, зря вздыхаю,
И, может, вы правы —
Деревня неплохая
Без рыбы и травы?

Гляди, к весне надела
Свой праздничный наряд —
Зелёным, синим, белым
Наличники пестрят.

Столбы стоят, как свечи,
И провода «гудут»,
И через гурт овечий
Грузовики идут.

От гула самолёта,
Как лист, дрожит окно.
Петух слетел с заплота,
Не дотянувши ноты —
Не слышно всё равно…

4.

Прости меня, грешника,
Дом мой. Дела…
И крыша скворечника
Мхом зацвела,

И тёс на воротах
Стал сер и дыряв,
И вывернул кто-то
Скобу на дверях.

И сам ты нахохлен,
Поблёк твой фасад.
И чертополохом
Забит палисад.

Надломлен наличник
В резьбе-ворожбе,
И жерди в наличии
Нет в городьбе.

Прости, сделай милость,
Потух твой очаг,
Труба накренилась
На скатах-плечах.

И поутру рано
Нет дыма над ней,
И чёрные рамы —
Крестами в окне.

Спиною кобыльей
Просело крыльцо.
Да здесь ли ходил я
Когда-то мальцом?

И был ли тот мальчик,
Веснушчат и мал,
Что прыгал, как мячик,
Ступеньки считал?

А жил ведь он всё же
В сиянии дня,
Мальчишка, похожий
Чуть-чуть на меня…

Под старым навесом
Я дров нарублю.
Вздохни, обогрейся,
Я печь растоплю.

И вспыхнет флажочком
Дымок над трубой,
Как только зажжётся
Заря над тобой.

Суди меня строго,
Но зря не вини.
На дальних дорогах
Спаси, сохрани.

Спаси и помилуй,
Дела, брат, дела
До самой могилы
Судьба нам дала…

Сосед мой проснулся,
Кивнул головой:
— Здоро́во! Вернулся,
Сын блудный, домой?

5.

Что говорить, конечно, я беспечен,
Поскольку проживаю без печи,
Без той, родной, чей жар глубинный вечен,
Чьи кирпичи извечно горячи.

Без деревенской, дедовской, без русской,
Со сводчатым облупленным челом,
С трубой, как пирамида, кверху узкой,
Прочищенной полынным помелом,

Просвищенной февральскими ветрами,
Поющей басовитым голоском,
Курящейся раздумчиво утрами
Берёзовым и вербовым дымком.

С приступками, с печурками, с лежанкой,
Где сушится пимов нестройный ряд,
С шуршащею смолистою вязанкой
Лучинок, что так весело горят.

Бывают в жизни тяжкие моменты,
Когда берут болезни на излом,
Я знаю: лучше всех медикаментов
Твоим бы излечился я теплом.

Или когда навалится усталость
Такая, что и белый свет не мил,
Я думаю: вот полежал бы малость
На нашей печке — и набрался сил.

Или когда в душе горенья нету
И не даётся стихотворный слог,
Я вспоминаю про твою загнету,
Где тлел всегда под пеплом уголёк.

Неугасима ты, подобно домне.
И сколько бы воды ни утекло,
Оно неистребимо в нашем доме,
Твоим нутром рождённое тепло.

Ты всё горишь. Сменяются поленья,
Но остаётся суть — она в тепле.
Приходят и уходят поколенья,
Но ты стоишь на отческой земле.

Бывало, даже руку враг подымет
На землю ту и дом дотла спалит,
Но и тогда, как грозная твердыня,
Как монумент, печь русская стоит.

Потомок хлебопашеских фамилий,
Не слишком избалованный судьбой,
Я благодарен, что меня вскормили
Тем хлебушком, что выпечен тобой.

6.

— Давай, сосед, на лавочку присядем,
О жизни побалакаем ладом.
Какие мы с тобой смешные дяди —
Усы торчком и лысины в ладонь.

Рассказывай, как пашется, как жнётся
Тебе на доброй нашенской земле,
И вообще, как можется-живётся
Сегодня хлебопашцу на селе.

Сосед мой вынимает папиросу,
Лукаво улыбается в ответ:
— Да ничего, живём себе, трём к носу,
Без жалоб на колхоз и сельсовет.

Конечно, приходилось туговато,
Когда вас разом в город унесло.
Осталось, помню, нас в семидесятом
Всего четыре парня на село.

Сойдёмся в клубе, посидим, покурим,
Рассеянно сыграем в домино,
А то ещё прокрутим на смех курам
Для четверых любовное кино…

И всё же дело двигалось в колхозе,
И кто-то сеял, кто-то убирал.
Я шоферил тогда на бензовозе,
Работал, никуда не удирал.

Теперь колхоз живёт куда надёжней,
Работников хватает и машин,
Заметно больше стало молодёжи,
Да и таких, как мы с тобой, мужчин.

Домой вернулись Ванька, Гришка, Мотька,
Прости — Иван, Григорий и Матвей.
Кажись, и ты проворный был работник,
Правление возьмёт тебя, ей-ей.

Покуда поживёшь у тётки Домны,
Жильё найдём, скажу как бригадир.
Чего ж ты будешь маяться, бездомный,
Ютиться в клетках городских квартир?

— Благодарю, дружище, за заботу.
Я знаю, как щедра твоя душа,
Но за мою бумажную работу
Правленье мне не выдаст ни гроша.

Себя я вижу и весной, и летом
В деревне и во сне, и наяву,
Но мне сюда пока дороги нету,
И доживу уж, видно, как живу…

7.

Улыбается, но всё же
Грустно взглядом повела:
— Саня, я тогда моложе
И лучше, кажется, была…

— Полно, Верочка! Ну что ты!
Ты свежа, как вербный цвет.
Далеко ль бежишь?
　　— С работы.
— Муж-то как?
　　— И есть, и нет…

(Ат беда, к запретной теме
Прикоснулся невзначай.)
— Извини, мне в садик время,
Минька мой заждался, чай.

Если вырвется минута,
Забегай, не обходи…
И пошла. И почему-то
Не сказал я: «Погоди!»

Так давно, до новой эры
Вроде мы встречались с ней.
Мы друзьями были с Верой,
А быть может, чуть нежней.

Нет, она не посылала
Объяснений тайных мне,
И её не целовал я
Возле вербы при луне.

Никогда я не касался
Даже рук её и кос,
Только взглядом с ней встречался
И в глазах встречал вопрос.

Эти серые глазищи
С блеском солнечного дня…
Я не видел взора чище,
Он просвечивал меня.

Я на парту ставил в классе
Тайно зеркальце своё
И украдкой любовался
Отраженьем глаз её.

В мяч играли мы за школой
Или в Марьином логу,
Разговор вели весёлый
В шумном дружеском кругу.

Но едва, как бы случайно,
Оставались мы вдвоём…
Мы сидели и молчали,
Лишь сердца у нас стучали,
Лишь глаза, когда встречались,
Говорили об одном.

Пролетали дни за днями —
Годы юные прошли.
Что-то было между нами,
Что — назвать мы не смогли.

А теперь назвать бы можно,
Только нужно ли, когда
Разминулись безнадёжно
Наши стёжки навсегда?

8.

Я иду по ручью, где пруды
Были прежде. Весёлый каскад.
Я иду, и шипы череды
Ухватить за полу норовят.

Давний паводок снёс вешняки
И пруды к океану умчал,
Но как памятные узелки —
Их плотины по нитке ручья.

Постою на смешном островке.
Как похож он на короб вверх дном!
По-цыплячьи купаясь в песке,
Загорал я когда-то на нём.

Заплывал от него «на маха́»,
Но когда затекала рука,
Я, причалив к мосткам, отдыхал
И опять достигал островка.

И отчётливо помнится мне:
Под мостками был вербовый кол,
Он однажды ожил по весне,
Золотыми серёжками цвёл…

Нет, во мне говорит не печаль.
Просто плаха вон та от мостка
Не похожа на бывший причал,
И невесел плотинный каскад.

Вверх по речке к истокам пройду,
Горсть воды зачерпну из ключа…
А мальчишки на новом пруду
В понизовье, как галки, кричат.

Я немного завидую им,
Но поверьте, что зависть светла.
Пусть плотина сто лет и сто зим
Держит пруд их, тверда, как скала.

9.

Мне стыдно говорить, но я не лгу:
Я заблудился в Марьином логу.
И ничего понять я не могу,
И лес стоит угрюмый — ни гугу.

Но погодите: вот он, перевал,
Где я весной дневал и ночевал
И по нему пускал, бывало, пал,
Когда солодку раннюю копал.

Потом спускался вот сюда, к ручью.
Ручей, я помню музыку твою,
Ты заливался — где там соловью! —
Но я теперь тебя не узнаю.

Очёски травянистой бороды,
Осколки льда, прозрачнее слюды, —
И это всё? И все твои следы?
Чего молчишь, набравши в рот воды?

Не узнаю берёз. В былые дни
Они стояли здесь тесней родни…
Или меня не узнают они
И мне под ноги подставляют пни?

Стою. Как филин, головой верчу
И на свою забывчивость ворчу.
Я так устал, я отдохнуть хочу.
Где та тропа, ведущая к ключу?

Мне помнится, как, выбившись из сил,
Не раз по этой тропке я трусил
Туда, где дягиль рос и девясил,
И мне родник напиться подносил.

Как будто бы из крошечной норы,
Родник толчками бил из-под горы,
И был глоток ценней, чем все дары,
В часы послеполуденной жары.

Мы нежно звали Ключиком его,
Он был такой весёлый и живой,
И в нём носились в пляске круговой
Хвоинки с прошлогоднею листвой.

Тот Ключик издавал хрустальный звон,
Наигрывая, словно ксилофон,
И далеко вокруг был слышен он
В палатах меж берёзовых колонн.

Подай же снова голос, не молчи,
Мне до того обидно, хоть кричи.
Теряю я на родине ключи,
Теряю я от родины ключи…

10.

Зайти хотел я на прощанье к Вере,
Моей подружке юношеских дней,
Но завернул сперва к заветной вербе,
Сейчас меня тянуло больше к ней.

Сюда, в ложок, за низенький березник,
Где верба испокон весной цветёт,
Когда-то прибегал парнишка резвый,
По сельской кличке Санька Стихоплёт.

Ах, нет другого дерева на свете,
Чтоб у него апрельскою порой
Был кроны шар, как одуванчик, светел
Над тёмною шершавою корой,

И чтобы так же чётко был оттиснут
На синем небе переплёт ветвей,
И чтобы рой пушинок золотистых
Кружил при ясном солнце, как над ней.

Ну, здравствуй, верба! Вижу, постарела.
Что ж, время ставит метину свою…
Не узнаёшь бывалого пострела?
А я твои серёжки узнаю.

Они нам были слаще, чем конфеты,
Их мятный вкус доныне помню я.
Да разве мне забыть твои приметы,
Весенняя красавица моя?

Прости, что не сидел с тобою рядом
На тёплой травке столько долгих лет.
Не обижайся на меня, не надо,
Ведь главное — нашёл к тебе я след.

Бывает с нами в юности… От дому
Нас будто тянет кто-то, вдаль маня.
Но не забыл я запах твой медовый,
Повсюду он преследовал меня.

Немало помотался я по свету.
Какой я град искал, какую весь?
Но понял: на чужбине счастья нету,
Оно живёт на родине, вот здесь.

Как ни обширна матушка-планета,
Но лучше нет родимого угла,
Где за селом (мы с детства помним это)
В апреле верба рясная цвела.

Спасибо, верба, за твоё участье,
Спасибо за сочувствие ко мне.
Дай тоненькую веточку на счастье,
Пусть светит в городском моём окне.

Весна пройдёт, и отцветут серёжки,
Но сохраню я красоту твою:
Я соберу пыльцу до каждой крошки
И золотую строчку отолью.

Валентина Майстренко

Сибирский крест

Духовное стояние святителя Луки

Сама ваша религиозность есть преступление, за которое мы будем преследовать вас беспощадно…
Из откровений, высказанных туруханскому ссыльному Войно-Ясенецкому на допросе

На праздник Сретения Господня 1921 года весь интеллигентный Ташкент был шокирован вестью о том, что знаменитый хирург, доктор медицинских наук, профессор медицинского института Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий надел монашескую рясу. Через тридцать лет, выступая в кафедральном соборе города Симферополя в праздник Сретения Господня, он скажет: «*Весь город изумился: как это так, профессор — и вдруг диакон? Не вмещалось в их сознание, не вмещается и поныне в сознание весьма многих людей… Не понимают: как это возможно? А объяснение весьма просто: меня призвал сам Бог. Это во-первых. А во-вторых, когда я увидел кощунственные карнавалы* (воинствующих безбожников. — *В. М.*) *на улицах Ташкента, то сердце моё закричало: „Не могу молчать!“ И с тех пор я не молчу, а проповедую слово Христово*».

Через два года после рукоположения Войно-Ясенецкий писал в эмиграцию своему племяннику Юрию: «*Может, Господь и приведёт меня к тебе в Марокко… И только Он знает, кем буду я — хирургом ли Мароккским или епископом Ташкентским*». Об отъезде в Африку он серьёзно задумался, когда стало совсем очевидно, что от застенков ГПУ ему не уйти. О своей попытке уйти от карающей десницы нового атеистического государства Ясенецкий снова пишет уже в июне 1923-го, на этот раз в письме архиепископу Иннокентию Ташкентскому. Но уже с явным скепсисом: «*И вот явился соблазн, не дожидаясь Бутырок и ссылки, уехать в Марокко, где оказался мой племянник, если, конечно, отпустят меня. Мне лично ссылка не страшна, но что будет с детьми? А в Марокко и они поехали бы со мной… Вы видите… и я не могу устоять до конца*».

После недолгих колебаний из-за детей выбор был сделан: остаться в России! Эх, почитать бы это струсившим из-за начала СВО беглецам-релокантам! Но у них нет понятия Родины, если и прочтут — ничего не поймут. Знаменитый ташкентский профессор и учёный, отец четверых детей, принял постриг после смерти жены и стал епископом в мае 1923 года, когда по всей России шли массовые расстрелы. Только с 1922 по 1923 год новый режим расстрелял сорок тысяч представителей духовенства, более ста тысяч активных верующих и членов церковных общин. Первыми взошли на большевистскую плаху иерархи Русской Православной Церкви.

«Сними рясу»

В своей книге «Крестный путь святителя», построенной на подлинных документах карательных органов — ЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-ФСБ, внук Войно-Ясенецкого, известный учёный, доктор экономических наук Владимир Александрович Лисичкин приводит холодящий душу мартиролог тех лет: «*Петербургский митрополит Вениамин обнажённым был выведен на мороз, облит водой, превращён в ледяную статую и утоплен; Пермский архиепископ Андроник живым закопан в землю; Киевский митрополит Владимир был оскоплён, расчленён и брошен на поругание пьяным коммунистам; Тобольский епископ Гермоген разрублен на мелкие кусочки лопастями парохода, будучи для потехи партийной и чекистской публики привязан к пароходным колёсам; Черниговского архиепископа Василия, как Христа, распяли на кресте и сожгли…*»

Что могло ждать человека, дерзнувшего стать в это время священнослужителем? О духовной оставляющей того времени хорошо написал в сентябре 1922 года старший брат Войно-Ясенецкого Владимир Феликсович: «*Когда кругом властители, вооружённые до зубов, твёрдо устанавливающие, что нужно счастье только в этой земной жизни, а мысль о загробной — яд и контрреволюция; когда духовенство — их враги и борьба идёт открыто, тогда смешно не сознавать, что взятая тобою на себя миссия… открытая борьба тебя, безоружного, с целой армией. Конечно, можно быть героем… (если забыть о Дон-Кихоте) и броситься в неравный бой, зная о неизбежной смерти. Эта героическая смерть возможна. Но она неизбежна в самом коротком времени. Вот тут-то и выбор: немедленно погибнуть, загасив данный тебе*

великий светильник знания и пользы, или только личной жизнью, а не недопустимыми теперь проповедями, давая пример другим, продолжать своё великое служение науке, учащейся молодёжи и страждущему человечеству. Великий д-р Гааз… не сказал ни одной проповеди о Боге, а освещал всё вокруг себя, как солнце, и стал примером для потомства… Сними рясу. И Господь Бог, в которого я свято верую, благословит тебя в поколениях твоих учеников. Для несчастной России они нужны до слёз».

Но выбор младшего Ясенецкого после всех колебаний был уже твёрд: и проповедь слова Божия, и хирургия! И то, и другое. Началось неравное противостояние одного человека против власти, которая атеизм объявила одной из основ существования нового социалистического государства и главными ценностями — всё, что отвечает идеалам безбожия. Предыдущее христианское тысячелетие было сброшено с «корабля современности». Страна, ведомая новыми лидерами, мечтающими о демократической республике, пустилась в свободное плавание. А чтобы оно было поистине свободным, надо было уничтожить духовный фундамент, на котором держалось государство Российское десятки веков.

Через несколько дней после рукоположения во епископы владыка Лука был арестован. Лубянка, Бутырки и Таганка ждали его и всех, кто посмел выступить против церковного раскола, затеянного большевиками и обновленческим ВЦУ. Диагноз, который врач и епископ Лука поставил обновленцам, был беспощаден: *«Церковь наша заболела тяжёлым недугом. Из больного организма съехались в Москву на собор больные члены. Это не епископы, а харкотина, вызванная болезнью».*

На допросе в Туркестанском ГПУ он, не дрогнув, подтвердил эти слова: *«ВЦУ для меня — презренное собрание людей, носящих священный сан, но не боящихся Бога, поправших правду Христову ради презренного карьеризма, власти и материальных выгод. Они же те, о ком пророк Иезекииль сказал с гневом: горе вам, пастыри недостойные, за то, что вы не овец Моих пасли, а сами себя, овец же Моих стригли и управляли ими с насилием и жестокостью».*

Какая напрашивается яркая параллель с тем, что происходит сейчас на Украине с явлением из раскольнического гнездовья так называемой ПЦУ и гонениями на УПЦ, священство которого стоит сейчас перед выбором: прыгнуть на их «корабль современности» или угодить в застенки СБУ. Придёт время, и со святителя состригут волосы, чтобы отправить по этапу, он обретёт вид арестанта, и только глаза его — светлые, умные, видящие всякого насквозь — будут узнаваемы всегда. Работая над книгой о своём знаменитом деде, Владимир Александрович Лисичкин нашёл в архивах уникальный документ — постановление секретного отдела Туркестанского ГПУ с ходатайством о ссылке *«гр. Война-Ясенецкого из пределов Туркестанского края и заключения в концлагерь сроком на два года».*

Духовная война новых властей с собственным народом ознаменовалась тем, что уже в 1918 году были созданы первые концлагеря в России специальным постановлением ЦК РСДРП и Совнаркома, подготовленным Урицким и Дзержинским и подписанным Лениным и Свердловым. *«Во времена хрущёвской оттепели и горбачёвской перестройки были приняты решения вычистить из всех архивов КГБ, из всех уголовных дел любые упоминания о концентрационных лагерях»,* — пишет Лисичкин.

Пять уголовных дел будет заведено властями против Война-Ясенецкого. Концлагерь появится в его жизни позднее, а в начале крестного пути знаменитого узника ждала ссылка в Сибирь. В Красноярск он был отправлен в переделанном «столыпинском» вагоне. *«В камеру,* — вспоминал в своих мемуарах владыка Лука, — *посадили ещё двух профессоров, бандита, убившего восемь человек, и проститутку, уходившую по ночам на практику к нашим стражникам».*

Против течения

Так по этапу ровно сто лет назад прибыл в Красноярск дважды обворованный в дороге святитель, знаменитый хирург, профессор, учёный, который успел, находясь под следствием, продолжать писать свои «Очерки гнойной хирургии». Всю жизнь он трудился над ними, дополняя, обогащая их новыми практическими открытиями. Этот труд Война-Ясенецкого и по сей день является настольной книгой хирургов, издаётся и в двадцать первом веке. Как же эти врачебные труды помогали владыке Луке противостоять, спасать больных и дальше идти против течения!

Красноярское ГПУ запомнилось ему большим подвалом, загаженным человеческими испражнениями, которые ему пришлось чистить с сокамерниками, прежде чем заселиться. Запомнился ещё одним соседним подвалом, где держали под арестом казаков из повстанческого отряда. *«Никогда не забуду ружейных залпов, доносившихся до нас при расстреле казаков…»* — пишет владыка в своих мемуарах. Стоял январь 1924 года. Поразительно! За какие-то семь лет кровавый лидер большевиков стал любимым вождём громадной страны. При этом невольно вспоминается современная Украина, её «вожди» и толпа (толпы!), поражённая массовым психозом, слепо следующая за «вождями». Красная Москва прощалась со своим кумиром, тело Ленина бальзамировалось, для того чтобы на века стать предметом почитания и поклонения, новой ценностью нового Советского государства.

Большевикам нужны были свои «святые», которые были бы «живее всех живых».

От предателей-обновленцев Средней Азии владыка Лука приехал к обновленцам Сибири. Вся Красноярская епархия была поражена этой «харкотиной». Всего один пример. После революции епископ Зосима (Сидоровский) вышел из монашества, женился (!), и как только начался раскол в Церкви, был избран «большевистским» ВЦУ опять во епископы с новым именем Александр и назначен епископом Красноярским вместо отправленного на покой епископа Назария. Как похожа эта свистопляска на ту, что происходит сейчас на Украине!

В Енисейске, куда вскоре отправили титулованного арестанта, все церкви тоже были захвачены обновленцами-живоцерковниками. Что предпринял архиерей-узник? В допросах сохранились доподлинные его слова власть имущего: *«Я открыто объявил себя единственно законным епископом Красноярским и Енисейским, согласно общей директивы патриарха Тихона».* Вскоре в доме, где он жил, была создана и освящена домашняя церковь, собравшая верующих Енисейска, обретших наконец такую желанную в то смятенное время твёрдую духовную опору. Здесь владыка Лука рукополагал отважных людей в священники, в дьяконы, в монахи и монахини. Духовное противостояние безбожию оборачивалось их арестами и лагерями, но не прекращалось.

Популярности нового ссыльного архиерея в Енисейске способствовали чудодейственные операции, которые он делал в городской больнице. Слепые прозревали в полном смысле этого слова, больных, жаждущих исцеления, как и верующих на его богослужениях, становилось всё больше. Надзирателям из ОГПУ надо было что-то срочно делать с популярностью этого «попа». Вскоре последовала новая ссылка через Богучаны в Хаю, потом возвращение в Енисейск, где видного узника, вероятно, для острастки, подержали несколько дней в камере-одиночке.

Но, выйдя на волю, владыка Лука вновь проповедовал, неся людям слово Христово. На этот раз в стенах енисейского Преображенского храма, который, видимо, удалось забрать у обновленцев. Именно на престольный праздник — на Преображение Господне — 19 августа 1924 года начальник ГПУ по Восточной Сибири товарищ Вольфрам отправил срочную телеграмму своим соратникам в Енисейск: *«Запретите Луке Ясенецкому служить в храмах, поторопитесь с высылкой в Туруханск».*

Нет в Енисейске и Туруханске улицы имени Войно-Ясенецкого, но зато есть там с давних времён улица Бабкина, с которым у святителя произошёл неожиданный и любопытный культурологический конфликт. Создатель первой коммуны Василий Яковлевич Бабкин был человеком по тем временам большим: член крайкома РКП (б), председатель Туруханского исполкома. Кому, как не ему, было хлопотать о новом уголовном деле против ссыльного? И случай для этого представился просто исключительный. Здесь духовное противостояние перешло уже в противостояние в сфере культурных традиций русского народа.

Всё началось с того, что на приём к Войно-Ясенецкому пришла женщина с больным годовалым сыном. Когда врач спросил мамашу, как зовут ребёнка, та ответила: «Атомом». Доктор поразился столь необычному имени, поинтересовался, почему не назвали ребёнка Поленом или Окном, выписал рецепт, и они расстались. Женщина эта оказалась непростая: то была жена Бабкина, а Атом был его сыном. Глубоко возмущённый папаша написал на праздник иконы Казанской Божьей Матери, 4 ноября 1924 года, в крайком партии очень путаное, безграмотное заявление о новом революционном быте и покусителях на него, где более всего понятен последний абзац: *«Прошу крайком рассмотреть моё заявление и сделать все выводы по поводу действий Ясенецкого-Войно».* Тут же последовала резолюция: *«Секретно. Губуполномоченному по Туруханскому краю — для сведения и принятия мер».* И закипела работа.

Объяснения доктор Войно-Ясенецкий давал уже на допросе 6 ноября, в канун семилетия Великой Октябрьской революции: *«По существу предъявленного мне обвинения объясняю: инцидент, который гр. Бабкина сочла за намеренное оскорбление с моей стороны, был вызван тем, что я, в первый раз встретившись с революционным именем, был очень озадачен им и не сразу понял, в чём дело. Мои слова объясняются именно этой озадаченностью, а никак не желанием оскорбить революционные чувства гр. Бабкиной. Вообще я не способен к насмешкам над революцией, ибо это было бы мальчишеским непониманием исторического величия революции. Перед гр. Бабкиной я с радостью готов извиниться. Епископ Лука (Ясенецкий-Войно)».* Вот так простодушно ответил он идейным товарищам.

Сослать на Ледовитый океан!

В Туруханске владыка тоже наделал много шума. Заставив стоять на ушах всю губернию, он выразил протест по поводу того, что ему запрещают во время врачебных приёмов благословлять больных, жаждущих его архиерейского благословения. В конце концов строптивого ссыльного отправили дальше в ссылку, на две сотни километров севернее полярного круга, обвинив его аж по трём статьям Уголовного кодекса. Как же это похоже на действия нынешних украинских властей против архиереев канонической Православной Церкви!

«Уполномоченный ГПУ (товарищ Стильве. — *В. М.*) *встретил меня с большой злобой и объявил, что я… должен немедленно уехать дальше от Туруханска и на сборы мне даётся полчаса… Я спокойно спросил, куда же именно меня высылают, и получил раздражённый ответ: „На Ледовитый океан“»,* — вспоминал владыка Лука. Морозы доходили до сорока пяти градусов, и столь срочный отъезд дальше на север без тёплой одежды означал верную смерть.

Путь святителя лежал к заброшенному полустанку Плахино через страшные ледяные торосы, через Курейку, где ещё недавно будущий великий вождь великой державы Иосиф Джугашвили (Сталин) отбывал наказание за революционно-террористическую деятельность. Войно-Ясенецкого бросали на Плахино, как на плаху, прекрасно понимая, что тут ему не выжить. *«Когда дул „сивер“,* — вспоминал он, — *поплавки* (на чердаке. — *В. М.*) *непрерывно стучали, напоминая мне музыку Грига „Пляска мертвецов“».* Знала тогдашняя царская интеллигенция и Грига, и Дон Кихота. Самое интересное: по выведенному Лениным закону отрицания отрицания, «корабль современности» вернёт на свою палубу многое из выброшенного вгорячах. Благодаря этому будет создана в двадцатом «серебряном веке простонародья» советская интеллигенция, которая знала и Грига, и Сервантеса. Но, опять же по закону отрицания отрицания, она низвергнет власть, породившую её. И придёт новая пагуба на русскую землю, новые бабкины, вольфрамы, стильве.

Но не будем касаться новейшей истории, а скажем только, что и на краю света, у Ледовитого океана, Ясенецкий выжил, оставаясь врачом и пастырем, крестил, лечил, спасал страждущих своих соотечественников. Поразительно, но долгий обратный путь узника из ссылки вылился в настоящую христианскую миссию. Жители глухих сибирских сёл и деревень, куда не ступала нога архиерея, встречали святителя с искренней радостью. *«Тяжкий путь по Енисею был светлым путём архиерейским…»* — напишет владыка через много лет. А его палач Стильве сделает на знаменитом ссыльном хорошую карьеру, получит повышение и уедет в Красноярск.

В канун нового 1926 года и сам владыка Лука прибыл в Красноярск, устроился в доме на улице Благовещенской, 3, которая ещё не носила тогда имя Ленина, и после встречи Нового года отправился в доблестные органы ГПУ для дачи очередных показаний, ссылка подошла к концу. Любезные красноярские гэпэушники отпустили свою жертву, направив уголовное дело по месту выписки для… его продолжения. Взяв с владыки обязательство уехать из Красноярска 4 января и при богослужении 3 января не проповедовать, они расстались с ним. Временно…

Не знал тогда святитель, что через полтора десятка лет он снова не по своей воле окажется в Енисейской Сибири. Печально знаменитый своими массовыми расстрелами 1937 год не обошёл заведующего кафедрой ташкентского Института неотложной медицинской помощи, относительно недавно вернувшегося из архангельской ссылки. На Войно-Ясенецкого было заведено новое уголовное дело. Состряпано оно было глобально, с привлечением огромного числа «виновных», которым приписывались организованная контрреволюционная, диверсионная деятельность и шпионаж.

Выстоять!

Много страшного пришлось испытать видавшему виды узнику, вновь оказавшемуся в тюрьме: предательство своих же священнослужителей, уважаемых им коллег по институту и учеников, клеветнические доносы сексотов, пытки бессонницей и пытки «конвейером»… Те, кто дрогнул, оговорил себя и других, были расстреляны. От владыки Луки энкавэдэшники так и не добились признательных показаний, из всех арестованных священнослужителей он один выстоял и не сломался. Бог его хранил: особое совещание НКВД приговорило святителя к пяти годам ссылки в знакомый уже ему Красноярский край.

«В Красноярске нас недолго продержали в какой-то пересылочной тюрьме на окраине города и оттуда перевезли в село Большая Мурта», — вспоминал владыка Лука. Так в марте 1940 года в подсобке при местной больничной столовой появился новый жилец, хирург, учёный с мировым именем, который и завершит здесь, в глухомани, очередную редакцию «Очерков гнойной хирургии». Храма в селе уже не было, взорвали. Местный энкавэдэшник не без удовольствия заявил ссыльному: *«Во всей Сибири мы не оставили ни одной церкви».* Так что молился владыка в тёплое время, как древние подвижники благочестия, в рощице на лесной полянке.

Отечественная война 1941-го заставила бывшего военного хирурга, спасшего сотни солдатских жизней во время войны с Японией в 1905 году и во время Первой мировой войны, вновь апеллировать к высшим властям. В телеграмме на имя «всесоюзного старосты» товарища Калинина епископ Лука, которому было уже за шестьдесят, написал: *«Могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где мне будет доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку».* Вот он, пример христианского смирения, стоицизма и настоящей любви к Родине. «Идёт война, люди страдают, воинов спасать надо», — говорил владыка Лука своим коллегам. И никаких рассусоливаний о том, что не те-де стоят у власти,

что жизнь твою они губят по тюрьмам и лагерям, что пусть сами себя и защищают. О чём говорить, когда надо защищать родную землю?! Враг уже по ней идёт! И нет большей чести, как послужить и жизнь положить за други своя.

И снова — яркая параллель с тем, что происходит сейчас у нас в стране в связи со спецоперацией и сражениями на украинской земле. Какие удивительные люди, задвинутые ещё недавно проповедниками и исповедниками общества потребления на край жизни, встают на защиту Отечества, поражая родством с героями минувших войн! Благодаря Великой Отечественной войне в жизни гонимого архиерея произошло немыслимое: гонители откликнулись на патриотический призыв узника. И узник стал их союзником. Противостоящие стороны объединились. Через месяц, в конце сентября 1941-го, в Большую Мурту прилетел самолёт, чтобы переправить ссыльного в Красноярск.

Там, в центре города, на той же Благовещенской улице, с которой он когда-то уезжал, его ждал эвакогоспиталь № 1515, расположенный в здании школы. Улица эта уже была переименована и до сих пор так и несёт на себе бремя имени Ленина. Из записанных мною воспоминаний хирурга этого эвакогоспиталя Надежды Алексеевны Бранчевской: *«Однажды вызывает меня начальник штаба всех красноярских госпиталей и говорит: назначили ведущим хирургом в 15-й эвакогоспиталь какого-то ссыльного попа, я отродясь с попами не разговаривал, ты уж как женщина с ним поговори, устрой его там, возьми над ним шефство. Священников тогда иначе как пренебрежительно попами и не называли. Но стоило кому встретиться с Войно-Ясенецким, пренебрежение вмиг испарялось. Человека, подобного ему, я за всю жизнь не встречала».*

В своём «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын писал о том, что сам Киров уговаривал владыку во время его архангельской ссылки отречься от веры, от Христа, обещая отдать в его ведение целый институт, ведь «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого уже тогда потрясали весь медицинский мир. Но со стороны Кирова это было так нелепо, потому что даже на публикацию своих научных трудов не соглашался владыка без указания его священного сана. Он умел говорить с высшими чинами как власть имеющий. Ведь с ним был сам Господь! Знаменитый профессор и святитель отвоевал в агрессивно-атеистическом государстве право быть христианином. Смело ставил крестик йодом на теле раненых солдат, молился, призывая имя Божие, и ему уже не перечили. Человек, который посмел духовно противостоять целой властной системе, жестокой и беспощадной к собственному народу, победил её.

В интервью газете «Тихоокеанская звезда» доктор медицинских наук, профессор Хабаровского мединститута, известный в России специалист в области урологии Алексей Михайлович Войно-Ясенецкий рассказывал, как его деда пытались «распропагандировать», многажды заставляли его, чтобы он не позорил звание врача, снять рясу и отказаться от сана. Не снял и не отказался.

А как же его дети, ради которых он подумывал даже уехать за границу? Показательный факт: хлебнув сиротства с лихвой, все дети владыки Луки выжили, и все стали докторами медицинских наук! Система, беспощадно преследующая их отца, не стала отыгрываться на детях. А чтобы не сел на мель «корабль современности», стала даже возвращать на борт и представителей дворянского сословия, которому в первые годы советской власти было отказано даже в получении детьми высшего образования.

«Я полюбил страдания…»

В Красноярск из Большой Мурты хирург Войно-Ясенецкий привёз новый вариант «Очерков…», плодотворно потрудившись перед этим в знаменитой библиотеке в Томске: по милости маршала Ворошилова, откликнувшегося на просьбу узника, Ясенецкому удалось за два месяца прочитать на немецком, французском и английском всю новейшую литературу по гнойной хирургии. Кстати, долгое время владыка Лука сам иллюстрировал тома своими рисунками, ведь в юности святитель собирался стать художником и даже учился этому мастерству в Германии. Добился владыка издания книги с большим трудом; к ужасу своих надзирателей, он дошёл до самого товарища Сталина.

И уже 17 марта 1943 года Ясенецкий сообщил в одном из своих писем Н. П. Пузину (позднее ставшему хранителем музея Льва Толстого в Ясной Поляне): *«Вышло 4 печатных листа с 45 рисунками… уже печатается в краевом издательстве тиражом 5000. Это очень ценный и важный мой труд»*. Годом позже будет издан ещё один важный его труд: «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений».

Делая по четыре-пять операций в день, святитель Лука добился в марте 1943-го открытия маленькой кладбищенской Никольской церковки в Красноярске, она и стала местом его церковного служения. Благо, отношение властей к Церкви на время Отечественной войны поменялось. В этом же году Священный синод возродил в Красноярском крае святительскую кафедру, владыка Лука был официально возведён в сан архиепископа Красноярского и Енисейского и стал членом Священного синода.

Здесь, в Красноярске, состоялось, пожалуй, последнее его сражение с «волчьей стаей» обновленцев внутри Церкви, увенчавшееся победой.

И хотя в 1942 году, впервые после 1917 года, в СССР разрешили праздновать Пасху, глухая ненависть власти к церкви и духовенству никуда

не исчезла. *«В театре много архиерейских облачений, но нам не дают их, считая, что важнее одевать их актёрам и кромсать, перешивая для комедийных действий»*, — писал в одном из писем владыка. Отношения с советским театром у святителя Луки явно не сложились. В тридцатые годы известный советский драматург Борис Лавренёв пишет пьесу «Мы будем жить», где прототипом отрицательного героя послужил профессор Войно-Ясенецкий, а вслед за ним другая советская знаменитость Константин Тренёв создаёт пьесу «Опыт», где снова Ясенецкий служит прототипом отрицательного героя. Был даже такой роман «Грани» некоего писателя Н. Борисоглебского, пишет внук святителя Владимир Александрович Лисичкин, где опять же был взят в качестве прообраза этот нехороший доктор Войно-Ясенецкий. Никак не давал он покоя советским идеологам. И никак они не могли его одолеть!

Многие читали знаменитый диалог владыки Луки с чекистом Петерсом.

Чекист: «Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы видели своего Бога?»

Ясенецкий: «Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил…»

На протяжении всей жизни «отрицательный герой» советских произведений, горячо любимый паствой и ранеными солдатами, обращался к совести своих сограждан. Отметив в Красноярске две круглых даты: двадцатилетие своего епископства и двадцатилетие гонений по тюрьмам и ссылкам, падая от усталости, иногда и сам попадая в больницу в качестве пациента, святитель продолжал трудиться и молиться. Главная истина, которую выстрадал владыка Лука именно здесь, в Сибири, заключается в простой фразе, написанной им из Красноярска в 1943 году в письме сыну Михаилу: *«Я полюбил страдания, так удивительно очищающие душу»*. Это была главная его победа на пути к святости.

В 1944-м Ясенецкого переводят в военный госпиталь в Тамбове, «забыв» о том, что он не отбыл до конца свой срок ссылки в Большой Мурте. Этим завершается его сибирский период жизни.

После победы СССР в Великой Отечественной войне он возвращается на родину, в Крым, на святительскую кафедру в Симферополе. На исходе 1946 года весь партийный и советский аппарат Крыма был шокирован вестью о том, что строптивому архиепископу Крымскому и Симферопольскому Луке присуждена… Сталинская премия. В 1953 году товарищ Сталин скончался, к власти пришёл товарищ Хрущёв, заявивший во всеуслышание, что скоро в стране не будет «ни одного попа». Начались аресты духовенства. Добивались последние недобитые церкви и монастыри. За лауреатом Сталинской премии Войно-Ясенецким началась настоящая охота. Его уже преследовали без ссылок и тюрем, но изощрённо и целенаправленно. Духовное стояние владыки в Крыму было последним его сражением в жизни. Но это тема для другого рассказа.

Двадцать первый век на дворе. Новый век — новые испытания. Но стоят два памятника святому подвижнику в Красноярске. Неподалёку от разрушенной его домовой церкви встал памятник владыке Луке в Енисейске. В Красноярском крае открыты посвящённые ему музеи, написаны его иконы. Сибирь чтит своего молитвенника. И светит над мощами священноисповедника Луки в Свято-Троицком соборе Симферополя неугасимая лампада. И это ли не чудо, что Крым вернулся в родную гавань в день памяти своего молитвенника святителя Луки — 18 марта? Мощи святого подвижника теперь тоже в родной гавани. Снова собирает святитель вокруг себя тысячи и тысячи людей, ещё больше, чем при жизни. А в день десятилетия воссоединения Севастополя и Крыма с Россией, 18 марта 2024 года, закат над Севастополем поразительно окрасился в цвета российского флага. Будто само небо заговорило с крымчанами.

Святитель пресветлый Лука, моли Бога о многострадальной земле Русской!

Геннадий Малашин

(Не)забытые голоса Сибири

Эссе одиннадцатое

Шестидесятники

Красноярская поэзия конца 1950-х — начала 1970-х гг.

…И вот оно наступило, время, о котором мечтали возвращавшиеся с войны на родную землю поэты. Та самая «другая эпоха», о которой они порой в своих стихах писали.

«Оттепель» — именно так, как известно, с лёгкой руки поэта, общественного деятеля, публициста Ильи Эренбурга назовут это время.

Глоток долгожданной свободы, возможность говорить — почти вслух, почти то, что хочется произнести…

Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло.
Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея.
А гроб чуть дымился. Дыханье сквозь щели текло,
Когда выносили его из дверей Мавзолея.
Гроб медленно плыл, задевая краями штыки.
Он тоже безмолвным был — тоже! Но — грозно безмолвным.
Угрюмо сжимая набальзамированные кулаки,
В нём к щели приник человек, притворившийся мёртвым…
…Хотел он запомнить всех тех, кто его выносил, —
Рязанских и курских молоденьких новобранцев,
Чтоб как-нибудь после набраться для вылазки сил,
И встать из земли, и до них, неразумных, добраться.
…Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
Хватают инфаркты. Им, бывшим когда-то опорами,
Не нравится время, в котором пусты лагеря,
А залы, где слушают люди стихи, переполнены…

…Исторические вехи этого времени отточены, просты и понятны. Развенчавший культ личности 1956-й с его февральским, неповторимым и драматическим двадцатым партийным съездом. Международный фестиваль молодёжи и студентов в Москве 1957 года. Выставки иноземной, запрещённой ещё несколько лет назад, классической и современной западной (французской, американской, трофейной дрезденской) живописи, выставлены — подумать страшно — даже импрессионисты и абстракционисты (а уже в семидесятых, потом, ещё, апофеозом, — и «Мона Лиза»), которых вдруг выписали из-за рубежа и/или достали из тёмных музейных запасников. А рядом, случайными вроде как, обрывочными альманашными и журнальными публикациями — постепенно выходящие из тьмы забвения Гумилёв, Мандельштам, Цветаева, в Сибири — Итин, Петров, Васильев…

А ещё рядом (и без этого эту эпоху никак не представишь), бессменными звонкими темами для ежедневных новостных сообщений — на радио, на незаметно появившемся в ту пору в жизни советского человека телевидении — подъём целины, посадки кукурузы и гигантские «комсомольские стройки», а ещё — sputnik, собака Лайка и первый, советский, человек в космосе…

И наконец — незаметно осуществившееся вдруг возвращение поэтам права на то, чтобы их новая, рождающаяся среди этих противоречивых контуров новой эпохи поэзия вновь могла побыть «агитатором, горланом-главарём», голосом времени, своего рода новой столичной пифией или тихой в тиши провинций Кассандрой, выразителем мыслей, чувств, надежд и — страхов общества.

Двенадцать скоро. Пора уматывать.
Как ваши лица струятся матово.
В них проступают, как сквозь экраны,
все ваши радости, досады, раны.
Вы, третья с краю, с копной на лбу,
я вас не знаю. Я вас люблю!
Чему смеётесь? Над чем всплакнёте?
И что черкнёте, косясь, в блокнотик?
Что с вами, синий свитерок?
В глазах тревожный ветерок…
Придут другие — ещё лиричнее,
но это будут не вы — другие.
Мои ботинки черны, как гири.
Мы расстаёмся, Политехнический!
Нам жить недолго. Суть не в овациях,
Мы растворяемся в людских количествах
в твоих просторах, Политехнический.
Невыносимо нам расставаться…

Вот они и появились, ступая след в след, один за другим. Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава, Роберт Рождественский… Все те, кого Марлен Хуциев запечатлеет навечно (рядом с постаревшими Светловым и Слуцким) в своих бессмертных, наполовину вырезанных потом из «Заставы Ильича» двадцати минутах вечеров поэзии в Политехническом… И среди них, конечно же, самый уверенный и громкий, самый первый среди равных, самый голосистый и талантливый, наш с вами почти земляк, уроженец маленькой сибирской станции Зима, Евгений Евтушенко… «Поэт в России — больше, чем поэт…»

…Сумею ли? Культуры не хватает…
Нахватанность пророчеств не сулит…
Но дух России надо мной витает
и дерзновенно пробовать велит.
И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты…

И все, почитай, шестидесятые в обновившейся Стране Советов физики будут продолжать спорить с лириками, молодые сердца — разрываться между тягой к космосу, к синхрофазотронам, к теории относительности и другой тягой, мучительной и сладкой, — к поэзии, к лирическому, юному, ломающемуся ещё, не установившемуся до конца ещё, к почти мальчишескому голосу поэзии шестидесятых… «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне…» — знаменитые, запечатлевшие это кажущееся противоречие строки того времени…

Они не знали, пожалуй, но — быть может — предчувствовали, как непросто и тяжко будет ещё, подобно ленте Мёбиуса, изгибаться, меняться их время. Но то, что миссия их, поэтов — пророков, мессий, предсказателей — будет непростой, что ещё вспомнятся им и их подрастающим читателям, что ещё не раз на этой односторонней ленте эпохи встретятся им судьбы их предшественников (Гумилёва, Мандельштама, Заболоцкого, Васильева…) — об этом будут догадываться и лучше знать их более близкие к земле собратья, прозаики и публицисты.

Не об этом ли роковом призвании поэтов напишет однажды главный и самый мощный сибирский писатель, Виктор Астафьев, в уже частично цитированных нами в этом цикле строчках?..

«Никто не бывает так наивен и доверчив, как поэт. За сотни лет до нынешнего просвещённого и жестокого времени стихосочинителя карали, жгли, забивали плетьми, отсекали головы, убивали из пистолетов на дуэли, а он всё прёт и прёт навстречу ветрам, певец и мученик, надеясь, что ветры пролетят над ним, беды минуют его.

И не только в защиту себя, для спасения своей души в этой мятущейся жизни трудится стихотворец, он верит, что слово его спасёт мир от бурь и потрясений и если не заслонит человека от невзгод и бед, свалившихся на него, то хотя бы его утешит. И так было всегда — поэзией двигала вера в доброту и милосердие, поэт и музыкант всех ближе к небу и Богу».

И ещё, как бы утешая и благословляя несмышлёных своих, не защищённых в хрупкости своей собратьев-лириков:

«Поэты уходят от нас, как правило, несправедливо рано, на Руси часто трагично, но слово, сердце, озарённость жизнью, радость общения с людьми и природой, неиссякаемая доброта остаются с нами. Надо только почаще внимать поэтическому слову, впитывать его каждодневно, и тогда непременно мы станем лучше, чище, достойней и благородней…»

Вот такими были и они в большинстве своём, они, наши земляки — поэты-шестидесятники, которых помним мы поимённо, поскольку — и это чистейшей воды правда — они были когда-то властителями наших дум, а талантливые и несуразные порой, то мощные, то робкие их строки пережили и их самих, и их непростое, противоречивое, легендой ставшее время.

Они и исчезли ведь из нашей жизни незаметно для однажды позабывших их читателей, ушли внезапно, как и приходили, один вслед за другим, не успев оставить подробных своих биографий, хоть и получив в большинстве своём причитающиеся большинству из них комсомольские и лауреатские награды и небольшие звания, но при этом не удостоившись большого числа толковых и объёмных рецензий (за исключением разве что статей, писавшихся иногда немногочисленными красноярскими литературоведами и критиками той поры — Валерией Размахниной, Галиной Шлёнской, Татьяной Павской, Антониной Малютиной… да ещё, пожалуй, за исключением каких-то редакционных обзоров, набросанных их коллегами-газетчиками и редакторами наскоро и «по случаю»…

Поэтому сложно будет рассказывать о них будущим их исследователям и биографам: ведь и стихи-то их очень неровно и достаточно хаотично разбросаны по совсем не обильно сохранившимся в немногочисленных существующих ещё домашних и публичных библиотеках отдельных красноярцев сборничкам в мягких обложках, по «датским» и «тематическим» альманахам, по местным газетам — поди найди среди этого архивного хаоса самое лучшее, самое «избранное», самое обречённое пережить своё время…

Но натыкаешься порой на какие-то не самые известные, может быть, но искренние их

поэтические строки, и — всё, уже не отпустят они, эти подлинные, настоящие стихи тебя, останутся, придя к тебе из отсечённой полувековой дистанцией, из смутной дали их рождения, — и останутся, быть может, эти строки с тобой и навсегда…

Красноярский философ, долгие годы преподававший в педуниверситете эстетику (и как преподававший! его курс эстетики вспоминается теперь бывшими его студентами как один из самых основополагающих, наряду со старославянским и историей литературы девятнадцатого века!), один из образованнейших красноярских преподавателей, Анатолий Алёхин, вспоминал незадолго до смерти на страничке в дзен-журнале полюбившиеся ему самому незатейливые строки одного из поэтов шестидесятых, занимавшего в красноярском литературном мире какое-то особое, думается, место, — Зория Яхнина…

Ночь глядится в окно дебаркадера.
Ночь глядится… А мне не до сна.
На короткую мачту катера
На секунду присела луна.
И не в воду,
А будто в чернила
Зорко смотрит спасательный круг.
Как мне нынче тоскливо, милая,
Без неверных
Худеньких рук
Как мне пусто сейчас без друга…
Только медленный всплеск реки.
Жаль, что нету такого круга,
Чтобы спасал от тоски.

…Да, эти строчки, как, наверное, и многие другие у этого поэта, не претендуют на то, чтобы называться шедевром, чтобы считаться поэтическим открытием. Они намеренно просты и обыденны, как, в сущности, проста и обыденна любого из земляков этого поэта жизнь. Но вот почему-то вспомнил их перед смертью Анатолий Игнатьевич Алёхин, после ухода из жизни любимой своей Валерии Калистратовны буквально осиротевший… Вероятно, вспоминал он при их чтении заново и самого автора, встречи с ним, молодость свою общую с ним…

Иркутский поэт и публицист Марк Сергеев, тоже примерно ровесник Яхнина (их поэтические имена впервые когда-то громко прозвучали в один день, на Всесибирском совещании писателей в сентябре 1957 года в Новосибирске), так напишет о том «душевном индукционном токе», который возникал у него «и у многих других» при чтении стихов Яхнина (напечатано в предисловии к одному из последних яхнинских сборников):

…Осенний вечер в Абакане,
темно, безлюдно, тишина.
Я, продавив диван боками,
читаю книгу Яхнина.
И посреди строки порою
я вижу молодость свою,
я узнаю себя в герое —
и век свой трудный узнаю.

Может быть, как раз за это — за отражение в стихах в полной мере этого «трудного века своего», за отзывчивость поэта, за доброту, за готовность в любой миг поделиться со своим читателем самым заветным, самым искренним — и любили его, Яхнина, читатели?..

…И где-то,
Может, в чистом поле,
Придя отчаянно к нулю,
Жестокий приступ
Чьей-то боли
Своею болью
Утолю.
И человек неравнодушно
Начнёт внимать моей строке.
И человеку станет душно
В нейлоновом воротнике.
Чтобы он мог у слов погреться,
Себя на строки изведёшь.
Не руку ты кладёшь на сердце,
А сердце
На руку кладёшь.

Удивительно, но большинство их, поэтов-шестидесятников, ставших со временем неотъемлемым «кадровым резервом» и частью истории красноярской литературы, приехали в наш край («край будущего»!) — как было принято говорить тогда — по зову сердца и по комсомольской путёвке. Об этом пишут практически во всех публикациях о красноярской поэзии шестидесятых. И приводят, как правило, ещё и эти вот строчки Зория Яхнина; не будем и мы отступать от традиции:

Не спрашивая, сколько платят,
Мы сразу говорили «да».
И вот уже нас гулко катят
К туманным стройкам поезда.
И если бы вернулись леты,
Я повторил бы их опять.
Прорабы, мастера, поэты,
Позвольте мне вас всех обнять…

Обычно цитируются только эти две начальных строфы. Но ведь у них, написанных спустя годы и годы (сборник «Невечная мерзлота», 1975 год) после первых, исполненных молодого

поэтического задора и комсомольской романтики стихов, есть и продолжение, где поэт задаёт себе (и времени?) непростые вопросы («Меняли ль мы лицо Сибири?») и признаётся в ответ: «Но уж она меняла нас…»

…И вас — парторг в автомобиле,
Седая девушка — и вас.
Меняли ль мы лицо Сибири?
Но уж она меняла нас.
Я и сейчас отдам рубашку,
Но, битый вьюгами до слёз,
Хмельно, с душою нараспашку
Теперь не выйду на мороз.
Где надо, опущу забрало,
Вот так. Теперь в железо бей.
Дом возвести — нам это мало.
Каких поселим в нём людей?..

…«Вот так…» И забрало теперь «где надо» опускается, и с душою нараспашку на мороз больше не рванётся лирический герой (хотя «последнюю рубашку», малиновую ли — как у его коллеги и собрата, ослепительно ли белую или сиреневую, как сам любил, — всё ещё готов отдать…) И очень непросты (при продолжающейся внешней простоте яхнинских строк) предшествующие финалу стихотворения строки:

Нам всё дороже и дороже
Братанье Братсков, шум Шумих.
Мы стали не грустней, но строже
И в чём-то, может быть, моложе
Весёлых сверстников своих…

Можно их, эти строки, прочитать так: в повзрослевшем поколении (не зря стихи написаны от первого лица во множественном числе) всё бесценнее становятся ушедшие (потускневшие? забытые?) идеалы молодости (подчёркнутые звукописью: «Братанье Братсков, шум Шумих»); произошедшее взросление это необратимо, хоть не отказом от прежнего, исполненного романтики, взгляда на мир, но болезненной резкостью и чёткостью этого взгляда («Мы стали не грустней, но строже…»). И, конечно, дорогого стоят завершающие эту рефлексивную строфу (вот она, поэзия) слова: «И в чём-то, может быть, моложе весёлых сверстников своих…» — в них своеобразный и парадоксальный поэтический итог совершенного движения во времени, вроде бы — позитивный, на самом деле — с нескрываемой почти горечью…

А дальше — как часто у Яхнина бывает — интеллигентно-примирительный (как сам человек Зорий Яхнин), декларативно-светлый (хотя слова о «всех окраинах Сибири», по которым «гудят ветра», этот свет и оттеняют темнотой мрачных «медвежьих углов») финал:

…По всем окраинам Сибири
Гудят ветра. И потому,
Позвольте, я вас обниму,
Мои товарищи седые.

Не случайно рядом с этим, открывающим сборник 1975 года, стихотворением размещено ещё одно, пронзительно-искреннее, о бетонной «первой палатке», украшающей центральную площадь любимого Яхниным Дивногорска, города самых романтических героев Красноярья шестидесятых — гидростроителей:

…Палатка… Давно ль это было?
Она как живая была:
Под ветрами крыльями била,
Смеялась, летела, плыла.
Горела она, промокала,
Её донимала жара,
Намаявшись, замолкала
И снова гудела с утра.
И пахло махрою и пищей
Зелёное полотно.
Давно ль это было, дружище?
Давно ль это было?
Давно.
Стоит обелиск многотонный,
Увенчан геройской звездой,
Как будто под глыбой бетонной
Покоится кто-то родной.

А когда-то о Дивногорске и дивногорцах он писал патетично и «заковыристо» — как писали тогда столичные юные мэтры, ища замысловатую рифму, ломая строку ассонансами и аллитерациями, расцвечивая строки разностильем долго искавшихся для них слов… Не зря и «лесенка» двадцатых-тридцатых нашла в этих строчках себе вполне уместное применение…

…Это было начало штурма…
Это досталось ребятам
        не даром…
Было ребятам отчаянно трудно
Отвоевать у реки плацдарм.
Люди пришли глухими урочищами,
Тайгою,
        не троганною века.
Люди казались
        такими крошечными —
Такою огромной
казалась река.
И вот
        Енисей, оглушённый громами,
Притих,

подпёртый людьми в бока.
И люди кажутся мне
огромными,
Хотя и река —
непокорной пока.

Может быть, знаком происходящих не только в окружающем мире, но и в душе самого поэта перемен были строчки из более раннего сборника, «Три дороги» 1971 года:

…Мы будем с тобою в разладе
И суд над собой сотворим,
Пока не дотянемся к правде,
Хоть, может быть, в ней и сгорим…

…Примечательно, что многие красноярские старожилы до сих пор с охотой вспоминают встречи с ними, шестидесятниками.

А встреч читателей с поэтами в те поры на красноярской земле было много, время было такое. В начале шестидесятых на территории Красноярского края действовало сразу девять (!) всесоюзных ударных комсомольских строек. И ударными темпами проходили одновременно с этими «стройками века» читательские конференции, вечера поэзии — в библиотеках, в вузах, на заводах и фабриках, тогда во множестве в нашем крае ещё работавших…

Ещё один уникальный факт той уникальной эпохи: по решению крайкома комсомола в начале шестидесятых в столице края было открыто для встреч читателей с молодыми поэтами специальное «поэтическое» кафе «Мана». (Кафе закрылось вскоре после конца перестройки, пережив эпоху, когда трудились в нём почти бессонно закусочная, кондитерская и винная точки. Теперь в бывшем приюте комсомольских муз сменяют друг друга коммерческие магазины, охотно арендующие свободные площади в центре города…)

А тогда, в шестидесятых, книг катастрофически не хватало, и такие устные чтения поэтами стихов и этот книжный голод компенсировали, и давали читательскому сердцу и уму пищу для размышлений: вот писатель, вот поэт, вот они, живые, стильные и не вполне обычные, но всё равно похожие на нас, вот они, совсем рядом с нами… Вот они и на трудные вопросы о любви и дружбе ответят, и о смысле жизни тебе чётко расскажут… А ещё ведь бывало множество творческих семинаров, фестивалей, бывали бесконечные ежегодные командировки писателей и поэтов «в глубинку»…

Посмотрев один из фильмов, снятых для нашего цикла « (Не)забытые голоса Сибири», моя знакомая, тихий красноярский искусствовед, сдержанно поблагодарила нас и за фильм, и за стихи. А особенно — за то, что включили в эту ленту фрагмент из старого интервью с Зорием Яхниным (интервью времён девяностых, снятое для телепрограммы «Русские вечера»; поэт в нём со сдержанной горечью и с какой-то ожесточённой брезгливостью говорил о происходившей тогда расправе общества с прежней идеологией, о наступающем засилье в этом обществе западной лжекультуры, заполонившей просторы страны).

Моя собеседница, помолчав немного, вдруг застенчиво улыбнулась: «Вспомнила молодость, студенческие годы, как они приходили к нам в институт с Романом Солнцевым… Два пижона: брючки узкие, туфельки начищенные… А как их встречали наши!.. Как не хотели отпускать, просили: ещё, ещё стихи почитайте…»

И, через паузу, добавила: «Зорий… Он ведь таким хрупким, нежным всегда казался… А оказался — очень сильным и крепким человеком. Один из немногих, кто осмеливался после крушения прежней власти так её защищать… Хотя у той власти он и не был самым любимым… Да… Личность…»

Живший одно время по соседству с поэтом художник Андрей Деменюк рассказывает такую историю: «… Однажды у него был в гостях последний советский руководитель края. Бывший руководитель, глядя на „хоромы“ и „мебеля“ хозяина дома, сетовал, что зря, мол, они считали именно его самым идеологически ненадёжным из литературной братии и соответственно относились — в смысле распределения благ. Судьба любых властей — сначала самообман, потом сожаления. Тут сразу нужно добавить: не был, конечно, Зорий Яковлевич „непоколебимым коммунистом сталинской кладки“. Ему идеология была безразлична, он о жизни не по лозунгам судил. Человеком он был. Нормальным. Свободным. Честным. И всегда и со всеми оставался самим собой. Зорием Яхниным».

Зорий Яковлевич Яхнин (1930–1997), как мы уже упоминали в предыдущем нашем рассказе, «прибыл» для служения музам в Красноярский край едва ли не первым из когорты «сибиряков-пришельцев». Практически во всех статьях о нём, в коротеньких информационных справках-заметках в книгах и в интернет-обзорах повторяются немногочисленные факты, сформировавшие очень «правильную» по тем временам (несмотря на точно отсканированную властями его «идеологическую ненадёжность») биографию. Родился он в Симферополе в апреле 1930-го, детство и юность прошли в Москве. Отец — чекист, рано ушедший из жизни Зория (отцу поэт посвятит однажды идеологически выверенные временем оттепели, но честные строки). Школа рабочей молодёжи, потом — работа в заводской многотиражке. В итоге — окончил Московский институт культуры в 1954-м и (опять это вспомним!)

по комсомольской путёвке приехал вместе с женой в Красноярск. Для начала его сразу назначили руководить краевым методкабинетом культурно-просветительской работы. С этой неуютной для него начальственной должности будущий поэт «эмигрирует» в редакцию «Красноярского комсомольца». А потом началось вольное плавание.

В те первые свои красноярские годы Яхнин облетел, объездил, исколесил весь край, от Диксона до хакасских степей.

…Не брезент надо мной — одеяло.
Томик Пушкина на пол упал,
Ах, как всё-таки спал я бывало,
Как роскошно когда-то я спал.
Мог уснуть среди крика и брани,
И под грозный пропеллера гул.
На писательском нашем собранье,
Каюсь, тоже однажды заснул.
За столом у старинного друга,
Когда кончен возвышенный пир.
Развалясь вдоль полярного круга,
Буйну голову — на нивелир.
Вот уж солнце встаёт понемногу.
И сегодня.
Сейчас.
Поутру.
Протрубите мне, трубы, тревогу,
Протрубите, как прежде, дорогу,
Протрубите.
Иначе помру.

С тех самых пор гигантские пространства Красноярского края и Сибири накрепко прикипят к заботливо скрытому от окружающих личному пространству поэта (и Братск прикипит, и Шумиха…). И ими он будет способен в любой момент поверить свои чувства, с их помощью заглянуть в будущее, понять прошлое. Они, эти пространства, и полярные звёзды над ними, и стройки века на них рядом со всеми непременными сибирскими «ветрами и кедрами», и бесконечная череда «аэровокзалов», мимо которых (и над которыми) проносилась незаметно его жизнь,— да, все они станут постоянным «интерьером» его стихов, будут неотъемлемой и естественной частью его поэзии, вместе с сугубо камерными вроде бы, с сугубо «личными» обретениями, разочарованиями, увлечениями и потерями…

Опять зовёт Полярная звезда.
Опять прощальных слов мы не сказали.
Всхожу на белый трап.
И, как всегда,
Никто не плачет в аэровокзале.
Не всё я объяснить себе могу:
Всё в мире ясно так
И всё так сложно.
Я, может быть,
От самого себя бегу,
А может быть,
Ищу себя тревожно.
Виски припорошило сединой,
Так просто не смахнёшь её рукою.
Я, воспевая звёздный непокой,
Хочу тепла,
И крыши,
И покоя.
Но вновь,
Раскинув руки,
Мчится Ту —
Внизу грустит земля ветров и кедров.
И сердце
Разорвётся
На лету
На высоте
Двенадцать тысяч метров.

Ему посчастливилось очень рано прийти к своему читателю. Первые публикации — в журнале «Сибирские огни», в альманахе «Енисей». Первый персональный сборничек стихов (названный созвучно времени и пространству: «Восточным ветрам навстречу») вышел в Красноярском книжном издательстве в 1956 году. А уже в 1962 году его принимают в Союз писателей России по рекомендации Льва Ошанина, а доброжелательное обсуждение представленных стихов будет вести не кто-нибудь, а Михаил Светлов.

Сибирь не была для Яхнина неожиданной, невиданной экзотической территорией, не была она «землёй неизведанной». В годы войны, в 1942–1945 годах, он уже жил в Сибири — будучи с матерью в эвакуации в Омске. В Сибири часто поэтому цитируют и эти вот его строки:

Нет, не забыл я, не забыл
Ладоней матушки-Сибири,
Белёных печек буйный пыл
И уплотнённые квартиры.
Я ел твой хлеб и лебеду,
Когда гудели ветры злые.
И вот я вновь к тебе иду.
Иду долги отдать былые.

Гораздо реже цитируются другие, ранние (из первого, изданного в Москве «Совписом», 1965 года, сборника «Границы») и тоже очень искренние строки:

…И справка мне была дана
С печатью — всё как нужно,—
Что, мол, у Зори Яхнина
Вшей не обнаружено.
Нас расселили, а потом,
Голодные, посменно

Искали мы металлолом
На свалках вдохновенно.
Взвалив полрельса на хребет,
Я пёр его до склада.
Я знал, что мой металл идёт
На пушки и снаряды.
Была великая страда.
Под гул её раскатов
Мне улыбается страна
С воинственных плакатов.

…Сейчас, когда жизнь поэта уже прожита так, как она прожита, оборванная крушением советской системы, переменами в жизни России, болезнью и безвременной смертью, удивляешься, как затейливо, как причудливо биография его складывалась. И как «правильность» биографии сменялась постепенно чем-то иным, сугубо поэтическим, как бы вторгнувшимся из стихов его в его жизнь, — и мечтой о собственном поле (им стал дачный участок вблизи дома в Академгородке), и однажды властно сменившей стихи прозой, и, наконец, акварелями, которые он внезапно стал писать в последнее десятилетие своей жизни…

Неожиданно? Да. Хотя, если действительно обратиться к стихам…

Да, пожалуй — неожиданно, но ожидаемо, как неожиданно было для того, правильного и романтичного (хоть он всегда с пеной у рта утверждал, что никакой он вам не романтик!), начинающего поэта конца пятидесятых написать в середине жизни вот такое, например, стихотворение:

Зачем вы о бессмертье?
Понемногу
Нам уходить придётся всё равно.
Бессмертья нет.
И это слава Богу,
Что нет его,
Не светит,
Не дано.
Берёза, прорастая из глазницы,
Соприкоснётся с ветром и лучом.
В её ветвях затенькают синицы.
Живёт берёза.
Мы-то тут при чём?
Растаем, как и этот снег растает.
Всё, что хотел, сегодня доскажу,
Пока ещё окно запотевает,
Когда я сквозь него на свет гляжу.

Критики советской поры упорно писали о любви стихотворца к теме сибирской природы (и ещё — к теме ударно возведённых на сибирских просторах новых городов, а ещё — к теме отечественной истории, пламенной революцией прервавшей гнусную эпоху царизма, как, к примеру, в его давнем цикле о Шушенском или в стихотворении «Кладбище в Переделкино», которыми поэт отдавал, видимо, «кесарю — кесарево»).

Да, действительно, и о Норильске, и о Туре, и о других северных городах им было написано в своё время немало. И множество точных, снайперски точных пейзажных строчек-наблюдений можно в любом из сборников сыскать. Но певцом сибирской природы (или — новых городов, или — советской истории) Яхнина теперь, когда время очертило окончательно круг его поэзии, назвать сложно.

На наш взгляд, и история, и ударные стройки, и воспетая скорее его собратьями по поэтическому цеху сибирская природа — в лирике Яхнина очень важны, но (как и полагается по законам лирики) важны как фон, как интерьер, как тот перекрёсток времени и пространства, в которых живёт, рефлексирует, радуется, грустит главный в его поэзии человек, его лирический герой, внутреннюю судьбу которого можно выстроить стежок за стежком, если разложить перед собой по порядку, один за другим, его поэтические сборники. (В 1980-м, составляя сборник «Открытое письмо», который был в какой-то мере итоговым, он напишет в предисловии: «Собрать итоговую книгу непросто. Миновали большие и малые события, послужившие поводом для написания многих стихотворений, миновала горячность отношения к тем, давним теперь уже, событиям. И дело не в том, как принято считать, что из песни слова не выкинешь. Оказалось, можно выкинуть. Оказалось возможным вырубить топором то, что написано пером. Но вот из прожитого и пережитого не вычеркнешь ни одного часа, ни одной минуты, ни одной секунды…»)

Итак, лирический герой. Этот-то меняющийся со временем персонаж и ведёт, как правило, с читателем разговор о жизни, в которой они, читатель и лирический герой, время от времени сталкиваются.

Вот он, этот лирический герой, как в зеркале отразившийся в строчках:

С незащищённым глупым сердцем,
Ни грусть, ни радость не тая,
Я жил, как будто был бессмертен,
Как будто травы — это я.

(Удивителен поэтический дар. Вот от имени лирического героя с читателем говорит токующий весной глухарь, ждущий свою единственную подругу. Вот она, драматическая встреча человека, путь которого конечен, и природы, которая человеку кажется вечной…

Знаю я, раздвигая прибрежный тальник,
Человек в телогрейке идёт.
Стоит мне оборвать мою песню на миг,
Остановится он и замрёт.
Для него я отличнейшая мишень —
Чёрный слиток на белом снегу.
Но не петь в этот солнечный яростный день,
Хоть убей, я уже не могу.
Наконец я дождался земного тепла,
Хмель в надбровьях сгустился, звеня,
Поднимаются два воронёных ствола,
Не мигая, глядят на меня.
Грянет выстрел в греховную песню мою,
И она захлебнётся в крови.
Но какое мне дело,
Когда я пою
И весну, и тоску по любви?)

…Александр Астраханцев, близко знавший поэта в последние годы его жизни (они жили тоже по соседству, в одном подъезде в Академгородке), упоминая о ежегодных поездках Яхнина на родину, в Крым и в Москву, подмечает такую бытовую вроде бы и мелкую совсем деталь: «…родившись и выросши в Москве, он так и не сумел по-настоящему привыкнуть к сибирскому климату. Особенно его удручала сибирская весна, мучительно долгая и холодная».

И ещё Астраханцев в своём интересном и непростом очерке о поэте точно замечает: «…он стал сибиряком лишь наполовину, наполовину всё-таки оставшись москвичом, вежливым, обходительным, умеющим обаять собеседника (такого не дождёшься от нашего брата, простодушно-грубоватого сибиряка)».

Он действительно был очень обаятелен и обходителен в жизни, изящен, интеллигентен, подчёркнуто внимателен к людям. Общаясь с ним, ты всегда невольно ощущал некую иномирность Зория Яковлевича, его подчёркнутую дистанцированность от превратностей быта и требований дежурного протокола (но — не этикета!), ты всегда ощущал, что он живёт параллельно с этим миром в мире совсем другом, в том, что совсем рядом с нами, но не здесь, в некоем поэтическом лукоморье, что ли…

Пожелтевший
Последний листок тальника,
Словно лодку без вёсел,
Уносит река,
И у берега кромка стекла,
И вот-вот
Ломкий лёд
Непослушную воду скуёт,
А на лёд
Упадёт голубеющий снег.
И покажется —
Кончен стремительный бег.
И движение замерло…
Но и тогда
Вечный бег
Подо льдом
Продолжает вода.

«Бесконечный раннер» («Бесконечный бег») — поджанр компьютерных платформерных игр, приобретший популярность уже ближе к 2010-м годам. Зорий Яковлевич не застал его, как не застал и по-настоящему начавшуюся в России уже после его ухода из жизни цифровую, компьютерную эру. Но длившийся шестьдесят семь лет «вечный бег» поэта успел включить в себя не только самобытные акварели и исповедальную по сути прозу, о которых мы уже упоминали, но и совершенно особую страницу его творчества — переводческую деятельность. Он переводил калмыка Алексея Балакаева, украинца Ивана Драча. Не будет преувеличением сказать, что стихи уникальных северных поэтов нашего региона — эвенков Алитета Немтушкина и Ивана Удыгира, ненки Любови Ненянг — живут теперь и на русском языке во многом благодаря талантливым переводам их русскоязычных собратьев, красноярских поэтов Аиды Фёдоровой, Александра Щербакова и — Зория Яхнина. В разделе «Стихи моих друзей» сборника «Центр земли» (1978) автор признавался: «Перевожу стихи только тех поэтов, которых давно знаю или узнал на дорогах жизни. И ещё мне важно, чтобы их мироощущение и привязанности совпадали с моими, чтобы они любили мою Сибирь так же, как и я». И строки, переведённые, переложенные Яхниным, подтверждают это глубинное родство душевных устремлений эвенкийского поэта и автора перевода на русский язык его стихов:

Мой край родной! Мне не забыть о том,
Что только ты моей судьбы начало,
Я вскормлен был оленьим молоком,
И вьюга колыбель мою качала.
Слова я взял у шелеста берёз,
А музыке меня учили птицы.
Любить и ждать, не пряча горьких слёз,
У лебедя мне довелось учиться.
Как тосковать от родины вдали
По синим рекам и глазам печальным,
Меня учили строго журавли,
А рыбы преподали мне молчанье…

…И ещё. Вероятно, проза не случайно возникла в творчестве поэта Зория Яхнина. В его лирике очень сильно было повествовательное начало, которое постепенно, как бы совершенно незаметно для читателя, смыкалось, переплеталось, переплавлялось в один металл вместе с началом лирическим. Алексей Горшенин в книге «Беседы

о русской литературе Сибири» очень точно заметил: «Стихи З. Яхнина зачастую напоминают лирические репортажи с места событий, передающие стремительный темп происходящего».

Командировки, странствия автора этих «лирических репортажей» по, казалось бы, «окраинам земли», оказывающимся в итоге для живущих там людей её «центром», не только привнесли в творчество Яхнина новых героев, новые темы и новые мотивы. Они расширили диапазон тех «предлагаемых жизненных обстоятельств», в которых существовало его второе, лирическое «я», а запечатлённые поэтом люди, встреченные им на пути, — геологи и гидростроители, художники, прорабы, учителя — помогли создать неповторимый коллективный (акварельный?) портрет эпохи и её героев.

Северные поездки, наряду с переводческой практикой, «спровоцировали» появление интереснейших произведений, основанных на долганском и эвенкийском фольклоре.

Фольклорная стихия не слишком часто становилась источником яхнинских строф — сказывалась, очевидно, не-сказовая эпоха… Но среди стихов Яхнина разных лет, как редкие старинные жемчужины, оставшиеся от прабабушкиной шкатулки с украшениями, рассыпаны фольклорные образы — и северных народов, и русского: Алёша Попович, витязь на распутье, царевна-лягушка…

Одна из самых загадочных и пленительных героинь русских народных сказок, царевна-лягушка стала и героиней одного из лучших стихотворений Яхнина. Когда-то, во времена нашей студенческой молодости, читавшая нам курс советской литературы профессор Галина Максимовна Шлёнская, пытаясь пробудить у скептически относившейся к «местной словесности» студенческой аудитории интерес к красноярским поэтам, именно с этого стихотворения начала рассказ о поэте Зории Яхнине, и стихи эти действительно наш скепсис заменили возникшим вдруг интересом: а что он ещё написал, этот самый Яхнин?.. Ну-ка, ну-ка, почитаем, давайте!.. (У Романа Солнцева таким первым его для нас прочитанным Галиной Максимовной стихотворением стала, естественно, «Малиновая рубаха»). А когда листаешь составленную Виктором Астафьевым и Романом Солнцевым в 1988 году их изысканную и одновременно по-крестьянски основательную «Антологию одного стихотворения поэтов России», названную ими как отзвук колокола — «Час России», уже не удивляешься, долистывая её до конца (поэты представлены в антологии по алфавиту): конечно же, поэт Зорий Яхнин представлен в этом по гамбургскому счёту составленном сборнике именно своей «Лягушкой»…

Царевна-лягушка

Благословил отец,
И мать-старуха
Благословила.
Знать, пора пришла.
И оттянул я тетиву до уха —
И зазвенела вещая стрела.
Куда она умчалась?
Я не знаю.
Что я найду?
Отраду?
Иль беду?
Вослед стреле
Я по земле шагаю,
Сминая сапогами лебеду.
Бреду три дня,
И наконец —
Опушка
С коричневым болотцем посреди.
Стрела дрожит в трясине.
И лягушка
На кочке растревоженно сидит.
Пускай лягушка —
Я предвидел это,
Ведь в сказках быль,
А вовсе не обман.
Я из кармана вынул сигареты
И сунул ясноглазую в карман.
И снова в путь до тихого причала.
Качало надо мною облака.
Лягушка колотилась и чихала,
Нанюхавшись в кармане табака.
Но вот мой дом.
Вошёл я с прибауткой.
Я посадил лягушку на кровать.
И трепетно,
Торжественно
И чутко
Стал перемен в лягушке ожидать.
Рыдает мать,
Отец смурно смеётся.
А я страдал,
А я лишился сна,
А я всё ждал,
Когда же обернётся
Взаправдашней царевною она.
И вот однажды
Горестно и гневно
Её спросил по-честному, в упор:
«Скажи, ты кто?
Лягушка иль царевна?
Я ждать могу.
Но до каких же пор?»
Но ничего она мне не сказала.
Прозрачные таращила глаза.
И по щеке лягушечьей сползала
Холодная, горючая слеза.

Пожалуй, в этом, одном из лучших, повторимся, своих стихотворений Яхнин уже — не лирический репортёр, не автор лирической прозы (или прозаической лирики) — он, скорее, поэт-драматург, представивший нам по всем законам жанра, в развитии, с завязкой, кульминацией и развязкой, «сквозной эпизод» из сразу нескольких судеб — из судьбы несостоявшегося лирического героя, судьбы несостоявшейся сказочной героини и, пожалуй, судьбы их общей эпохи — тоже, может быть, не вполне состоявшейся?.. Вплоть до последней строфы, по мере развития действия, мы улыбаемся, смеёмся вместе с автором над незадачливым стрелком из лука, слегка сопереживая его наивным ожиданиям чуда.

И вдруг — последнее, неожиданное, истинно поэтическое переформатирование всего — и жанра, и обстоятельств, и точки зрения: сказка и жизнь как будто меняются местами, у сказки новый финал (впору вспомнить тут пьесы как бы сказочного, уникального драматурга Е. Шварца). И эта «холодная, горючая слеза», сползающая по лягушечьей щеке, — она повергает читателя в полную растерянность, в полнейший неуют, в естественную человеческую реакцию, в скорбь, в жалость. Это тот не совсем уж редкий, но и далеко не частый случай в русской литературе — когда мы, плача над судьбой любимых героев, плачем отчего-то и о собственной своей судьбе…

Профессор Г. М. Шлёнская в своей книге «Дом и мир» (1984), посвящённой творчеству избранных красноярских поэтов, приводит, конечно, это стихотворение, сопровождая его разбор немного лукавой репликой: «И неизвестно, о чём эта „холодная, горючая слеза“. И неизвестно, кому ещё из них больнее: тому ли, кто не хочет расстаться с верой в сказку, тому ли, кто, может быть, хотел бы, да не в силах сбросить лягушечью кожу…»

Как сказал бы когда-то ещё один живший неподалёку от Зория Яковлевича Яхнина в красноярском Академгородке писатель: «Нет мне ответа…»

ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Игорь Северянин

Купанье звёзд

• • •

П.М. Костанову

Выхожу я из дома, что построен на горке, — и открыты для взора
В розовеющей дымке повечерья и утром в золотой бирюзе,
Грудь свежащие бодро, в хвойных линиях леса, ключевые озёра,
Где лещихи играют и пропеллером вьётся стрекоза к стрекозе.

Никуда не иду я, лишь стою перед домом, созерцая павлиний
Хвост заката, что солнце, удаляясь на отдых, распустило в воде.
Зеленеют, синея, зеркала, остывая, и, когда уже сини,
В них звезда, окунаясь, шлёт призыв молчаливый надозёрной звезде…

И тогда осторожно, точно крадучись, звёзды, совершая купанье,
Наполняют озёра, ключевые озёра, и тогда, — и тогда
Я домой возвращаюсь, преисполнен восторга, преисполнен сознанья,
Что она звездоносна, неиссячная эта питьевая вода!

Анатолий Аврутин

На золотом крыльце

* * *

Памяти жертв теракта в подмосковном «Крокус Сити Холле»

Как беззащитен человек в России!
Пойдёт старушка на концерт Россини,
На рок-концерт сбегутся пацаны…
Откроет с газом кран старик на кухне…
И вдруг сверкнёт… А после глухо ухнет…
И в луже кровь вскипает у стены.

А кто стрелял? Тех нету и в помине…
Бессильный жест покажут Украине:
Без вас, мол, здесь опять не обошлось.
И в лживых сводках вам расскажут снова:
Взорвался дом от газа бытового…
И вновь надежда только на авось…

Всё на авось… Вошли парадным маршем,
Мгновенно становясь кровавым фаршем, —
Их ждали, зная: на авось пойдут.
И, на авось списав людскую убыль,
Послали пацанов на Мариуполь,
Что превращён в один сплошной редут.

Там Ванечка Лукин погиб… Сын Бори…[1]
Поэт он был… С реальностью в раздоре,
Он сам пошёл… И снайпером убит…
Он бы сейчас сказал, когда б спросили:
«Россию защищайте от России,
Пока своих детей не защитит!»

А людям что? Опять чужие смерти
Забудутся… Вы, главное, поверьте,
Что всех врагов мы в силах одолеть,
Что умирать своих нигде не бросим…
Пройдёт весна… Настанет скоро осень…
А там концерт… Где весело… И смерть…

* * *

На золотом крыльце сидели,
Момент не очень оценив,
Царевич в воинской шинели —
Так ослепительно красив;
Сапожник, что рукою ловкой
Мог подогнать любой каблук;
Портной… У каждого винтовка.
И под сердечный перестук
Они вдыхали с яблонь запах,
Подобный терпкому вину.
А завтра им — кому на запад,
Кому — в другую сторону…
А из окна — того, что слева,
Сомнений чувственных полна,
На них глядела королева,
Что ни в кого не влюблена.
Их провожал дорожный камень
И сад, что нехотя отцвёл…
На той войне царевич канул,
Домой сапожник не пришёл.
Портной убит шальным снарядом —
Нет похоронки на него.
А королева? С нею рядом
Враз не осталось никого…
Под вечер, глядя вдаль устало,
Уже у жизни на краю,
Она порою повторяла
Считалку детскую свою:
«На золотом крыльце сидели…»
И бормотал поникший сад
Про три пробитые шинели,
В которых не пришли назад.
И свет не гас в оконце слева,
Где ночью мучилась без сна,
Без подданных — не королева,
И не вдова… И не жена…

1 Иван Лукин, сын московского поэта Бориса Лукина.

Голос крови

Ты этот век каким ни назови,
Не станет он иных веков суровей.
Он тоже весь испачканный в крови
Настолько, что своей не чую крови.

Пусть говорят, что есть у крови зов,
Я кровью захлебнусь, не слыша зова.
И чувствую: моя живая кровь
Быть выше чьей-то крови не готова.

А потому печален мой удел —
Кровавая струя кровянит камни.
Ничьей чужой я крови не хотел,
Да и своя давно не дорога мне…

Послушайте! В багрянце всё кругом!
Но жаждется иным кровавой славы.
Не сплюнуть, не сглотнуть кровавый ком,
И мир вокруг — безумный мир кровавый!

И пусть твердят, что есть у крови цвет, —
Кто не согласен, те не обессудьте!
Я знаю — это ложь, у крови нет
Ни правоты, ни истины, ни сути!

Есть только право сильного — опять,
Чужую кровь в свои вливая вены,
Кровь восславлять… И вновь не замечать
В своей крови вселенской перемены.

● ● ●

Рудин, Чацкий, Рахметов, Базаров —
Русской классики облик и глас…
Сколько было словесных пожаров,
Сколько диспутов было о вас!

Утопилась в грозу Катерина,
И Каренина шла к полотну…
Всё в минувшем давно, всё едино,
Всё смешалось в картинку одну.

У истории столько изломов,
Столько ужасов, столько пропаж!
Покатил в экипаже Обломов…
Как хоть выглядел тот экипаж?

Вновь Печорин одёрнул тужурку,
И Онегин бредёт средь молвы.
У Ростовых танцуют мазурку…
Позабыты мазурки, увы…

Всё в минувшем давно, всё далёко,
Век железный отправил на слом
Даже чёрную музыку Блока,
Что курсистки вдыхали в альбом.

Не познавшие литературы,
Без души накуражившись всласть,
Дети века летят с верхотуры,
Не мечтая в романы попасть.

● ● ●

Сквозь бескрайний вселенский гам
Слышу голос: «Давай в тиши
Побеседуем по душам…»
Нынче нет у меня души…

Вижу — недруг колотит в грудь,
Проклинает напрасный век,
Мне твердя: «Человеком будь!..»
Я с такими — не человек…

Я — лишь голос, вмещённый в крик,
Лишь мольба воспалённых уст.
Рядом с вечностью я — лишь миг,
Рядом с бурею — слабый хруст.

Всё гляжу под вселенский вой
На сгоревшие те места,
Где спасавшихся красотой
Смерти пре́дала красота…

И гадается лишь о том,
Почему среди чёрных плит,
В том бездушии мировом,
Неживая душа болит…

● ● ●

Солнышко высокое,
Слышен птичий альт.
Дед идёт и цокает
Палкой об асфальт.

Сто путей исхожено,
Был и сыт, и наг…
Вся судьбина вложена
В каждый этот шаг.

Шаг… Война проклятая
Силы отняла.
Шаг… Письмишко смятое —
Мама умерла.

Шаг… На стройке вкалывал.
Шаг… Попутал бес —
Восемь лет без малого
Лес валил он, лес…

Шаг… Вернулся, встретила
Верная жена.
Шаг… Сынишку третьего
Родила она.

Шаг… Сыны проворные.
Выросли… Женил…
Шаг… В годину чёрную
Марью схоронил.

Шаг… И где вы, деточки?
Что же, им видней…
Шаг… На чёрной веточке
Серый воробей.

Злыдень двинул о́бушком,
Упорхнул, но хром.
Дедушке с воробышком
Хорошо вдвоём.

Постоит, поокает,
На душе светлей.
Дед идёт и цокает
Палочкой своей.

Коржик

Зое

Промозглый вечер. Всё ещё зима.
Сопливит март. Обычное начало.
Ещё в морозном инее дома,
Но под сугробом что-то зажурчало.

От ветра шапка сбилась набекрень,
И в тоненьких перчатках зябко пальцам.
И тень твоя в мою ступила тень —
Следы бегут, как ниточки по пяльцам.

И мы бредём. По сумеркам, вдвоём —
С тобой в безлюдье — нет, не одиноко.
С трудом себя в витринах узнаём —
Так неохота стариться до срока.

Ты говоришь: «Дойдём за полчаса
До магазина в доме возле парка?
Нам не нужны ни сыр, ни колбаса,
Ни пиво, ни анчоусы, ни старка.

Купи мне коржик… В школьную пору́
Он был моей живительной усладой.
Казалось, что без коржика умру…
Припомнилось… Пошли, меня порадуй…»

Заходим. До закрытья пять минут.
Как на помеху, смотрит продавщица.
Но коржик нам, конечно, продадут,
На кассе попросив поторопиться.

Ты этот коржик радостно берёшь,
И школьницу в тебе я вижу снова.
Не голодна, но вновь в ладонях дрожь,
Как там, на переменке, полвторого…

Тот магазин — как пройденный рубеж.
Теперь домой, там ряженка в пакете.
Ладони грею… Ты свой коржик ешь.
И мы с тобою — сгорбленные дети.

И вновь легко шагается с тобой,
И теплоте под горлом нет предела.
Вот и пришли, Григорьевна, домой…
Я подышал, а ты свой коржик съела.

* * *

Ты далеко, мой друг прекрасный…
А вечер серый и ненастный,
И за окошком дождь шумит.
Темнеет… Звуки затихают,
А где-то женщина играет,
И сердце музыкой болит.

Болит… Я слышу эти звуки.
Они напомнят о разлуке,
О том, что хмуро… И тоска…
Здесь ни к чему пустые речи —
Я знаю, что не будет встречи…
И время бьётся у виска.

Но время истины не знает,
Само о том напоминает,
Что так стремительно ушло.
Согнулся тополь у забора —
Он тоже мученик минора…
И в раме вздрогнуло стекло.

Стеклу ответствуя сторожко,
Чуть звякнула в стакане ложка,
А вслед за этим капнул кран.
И показалось — в самом деле
Не только годы пролетели,
Но и минувшее — обман.

И в том обмане всё пропало…
А где-то женщина играла.
И я играл… Чужую роль…
Ошибся раз — мороз по коже,
Но женщина ошиблась тоже —
Взяла диез, а не бемоль.

Петрарка и Лаура

Было лето… В июле в Италии жарко,
Бог прозрачного неба не хмурил.
И сонеты писал восхищённый Петрарка
О своей недоступной Лауре.

А она, отчего-то грустя между делом,
Не мечтала стать музой поэта.
И лицом хороша, и заманчива телом,
Хорошела в то знойное лето.

Но заботы иные её одолели,
Далека от сонетов Лаура.
Верный пёс околел… Долго дети болели.
Да и муж всё поглядывал хмуро.

Что ей нищий поэт?.. Полоумный, и точка.
Не уйти же к нему в самом деле?
Но порою стиха долетевшая строчка
Обжигала… И будто летели

Всё одна за другою греховные мысли,
Все уклады в душе разрушая.
В хитроумных сонетах не очень-то смысля,
Всё ждала, всё гляделась, нагая,

В позолоту зеркал пред молитвой вечерней,
Молодой красотой наливаясь.
Зеркала ей клялись, что Венеры венерней
Наготы острогрудая завязь.

А Петрарка строчил про душевные бури —
Этот первый поэт из поэтов.
И не ведал того, что, женясь на Лауре,
Не писал бы бессмертных сонетов.

* * *

И если я рухну у входа,
Чуток до двери́ не дойдя,
И следом наступит свобода
От света, любви и дождя,
От рук твоих, глаз твоих, взгляда,
От всех этих споров взахлёб,
От сумрака и листопада,
От капель, упавших на лоб…
Ты знай, что оставил тебе я
Несделанность сделанных дел,
Обманчивость уз Гименея,
Всё то, что сказать не успел.
Да, да, не успел… Не сказалось…
А сколько бы нужно сказать!
Как всё это быстро промчалось!
И вот роковая печать
Поставлена… Заперты двери,
И кто-то упал на порог…
Ты будешь сильнее потери,
Ты сможешь… Хоть я бы не смог…
Поэтому — здравствуй, родная!
И, если захочешь, услышь,
Что шепчет снежинка, слетая
На ржавую ветренность крыш.
О чём это — ветка о ветку! —
Морзянят в ночи тополя…
Порадуйся весточке редкой,
Прости, если вздрогнет земля.
Подумай, что просто устала…
Но кто-то же, смерти назло,
Поправил твоё одеяло,
Когда оно на пол сползло…

Татьяна Ческидова

Метель

● ● ●

Гиперболы, параболы —
Судьбы моей следы.
Зиме истечь пора была
До тоненькой слюды…
— Оттаю ли?
Да что же я? —
Пробудятся ручьи —
Калики перехожие,
Чьи речи горячи, —
И звонкой скоротечностью
Растопят глыбы сна.
И руки бесконечности
Протянет мне Весна.

● ● ●

Схвачен хмуростью день
И застиран до серости. Мысли,
Словно мюсли, густы
От разбухшей распутицы слов.
Невидимкою — тень,
И следы за спиною раскисли.
Но звенят с высоты
Провода безымянных столбов.
И вшивается дождь,
И вживается в листья и стены —
Вездесущий, как Бог, —
Я в ладонях его постою,
Пусть насквозь… Ну и что ж?
Мне услышатся строки Вселенной,
Где и Тютчев, и Блок
Вновь подштопают душу мою.

Сухоцвет

На кухне утром, на просвет
Цветеньем безупречен,
В стеклянной вазе сухоцвет
Уверовал, что вечен.
Я лишь коснулась наготы
Его тончайших линий,
И вдруг осыпались цветы
Пыльцой небесно-синей.

Так жизни иллюзорен миг —
Юнец… и вот уже старик.

● ● ●

Золотистым пёрышком —
Месяц над рекой.
Ночь — ржаное зёрнышко —
Смелется — мукой,
Утром взвесью белою
Затуманит тишь…
Сходни худотелые
И не разглядишь.
Лишь колыхнет дрёмушку
За́води чирок,
Да проклюнет солнышко
Света стебелёк.
И, бросая шуточки
В марево реки,
Станут ждать — на удочки —
Счастье рыбаки.

Караси

А небо — словно половодье:
Куда ни глянь — повсюду синь.
И серебрятся в сини вроде
Не облака, а караси.

Плывут, беспечные, как дети,
Немую вечность шевеля,
А там, внизу, в свои же сети
Попав, запуталась земля.

● ● ●

Сентябрьский вечер. Юный ясень
Кладёт поклоны у ворот.
И мне неясный этот ясен
Погоды резкий поворот,
Где тучи дружно, словно грузди,
Повылезали из небес.
И нет в груди ни капли грусти.
Есть затаённый интерес
К невыразимой этой были,
Что всколыхнула мой покой,
К дождю, что скоро запах пыли
Пригладит мокрою рукой.

Зима

Кто ты — белокурая?
Где твой дом и храм?
Ночью бедокурила
По чужим дворам:
То сорила крошевом —
Снежная чума,
То рвалась непрошено
Студою в дома.
А к утру — блаженная —
Закрепчала сном.
И бела Вселенная
За моим окном.
Солнце к небу ластится,
Зажигая даль.
И ложится нá сердце
Светлая печаль.

Метель

Не разгадывай тайны её языка:
Не ищи ни синквейны, ни стансы.
К ней неистово мчатся на шабаш снегá
И сплетаются в бешеном танце.

Сквозь бездонную пропасть студёных веков,
Заполошная, по бездорожью
Дикой пляской и ныне влечёт смельчаков,
И лукавит: «На всё воля Божья».

• • •

А дни в лихорадке корчатся —
Порой забываешь, кто ты.
И перевернуть вдруг хочется
Весь мир с головы на ноты:
Тончайшие, нежнокрылые,
Звенящие, словно вереск,
Чтоб сны ноябрёво-стылые
Тобой отогрелись — веришь?
Чтоб длани листвы, разбуженной
Ветрами в ногах у клёнов,
Ловили снегов жемчужины,
Как прежде, для нас — влюблённых.

• • •

Отпечатки весны на снегу —
Опечатками в слове «зима».
Я к полу́дню строку запрягу,
Только хлябь не объехать, эхма.
Раскиселило да потекло
Под лазурью в закатную медь,
Чтобы вешнего солнца тепло
Не давало ночи́ лубенеть,
Чтоб оттаяла звёзд немота
От биения сердца луны,
Чтобы множила лет высота
На душе отпечатки весны.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Борис Поплавский

В венке из воска

• • •

Александру Браславскому

Мы бережём свой ласковый досуг
И от надежды прячемся бесспорно.
Поют деревья голые в лесу,
И город — как огромная валторна.

Как сладостно шутить перед концом,
Об этом знает первый и последний.
Ведь исчезает человек бесследней,
Чем лицедей с божественным лицом.

Прозрачный ветер неумело вторит
Словам твоим. А вот и снег. Умри.
Кто смеет с вечером бесславным спорить,
Остерегать безмолвие зари?

Кружит октябрь, как белёсый ястреб,
На небе перья серые его.
Но высеченная из алебастра
Овца души не видит ничего.

Холодный праздник убывает вяло.
Туман идёт на гору и с горы.
Я помню, смерть мне в младости певала:
Не дожидайся роковой поры.

Татьяна Панова

Несите им память

* * *

Словно мгновенья и мысли,
Этим тянущимся днём
Падают капли и листья
Там — за холодным окном.

В мокром плену непогоды
Все одиноки в своём —
Листья, зонты, пешеходы —
Там — за холодным окном.

На опоздавших с ответом
И виноватых кругом
Маски ещё не надеты
Там — за холодным окном.

Сколько же этих похожих
Спешкой, походкой, зонтом?
Кажется мне, что я тоже
Там — за холодным окном.

* * *

В сумерки свет окрашен,
В искренность — голоса.
Ты не заметил даже
Синюю грусть в глазах.

И по листве горящей,
По недостатку слов
Ты не заметил даже —
Лето уже прошло.

В боли цветов увядших,
В горьком дыму рябин
Ты не заметил даже
Первых моих седин.

Дни убивают наши,
Словно в песок вода,
Ты не заметил даже
Долгих минут дождя.

Верится мне: однажды
В грусти усталых глаз
Ты не заметишь даже
То, что огонь погас.

* * *

Октября седые блёсны.
Ветер гладит листьев ворох.
И, собой любуясь, осень
Тонет в реках и озёрах.

Дали дальние не манят,
И не манят перемены.
За плечом усталый ангел
Молчаливо-откровенен.

Вечерами, вечерами
После медленных прогулок
Вместо чая, вместо чая —
Травы с запахом июля.

То ли скромен, то ль огромен
Целый мир, который рядом —
В этой кухне, в этом доме…
А другого и не надо.

* * *

Уходят куда-то
Все наши «не те»,
Кто верен закатам
И их красоте.

Кто с той красотою
Общался на «вы»,
Не веря пустому
Кричащей молвы.

С той самой, с той самой —
В простом пальтеце,
Где совесть чертами
На мудром лице.

Уходят «те» наши —
С высокой судьбой,
Кто в мире уставшем
Остался собой.

* * *

Что-то шепча задушевно
В уши лохматых бедняг,
Буднично и ежедневно
Кормит бродячих собак.

Не объясняя, не споря,
Горько неся и светло
Эту трагедию добрых —
Всё измерять добротой.

В чистый поношенный плащик
Прячет платок бахрому…
И не понять проходящим:
Кто тут нужнее кому?

Что ей рассветы — закаты,
Что ей мораль чьих-то слов,
Если на сердце заплаты
В форме собачьих носов?

К 80-летию снятия блокады

На Пискарёвском тишина
В седых отметинах метелей.
Лишь кровоточат имена
Из этих плит гранитно-белых.

А им теперь слова — вода.
Им слов и слёз сегодня мало.
Несите хлеба им сюда,
Несите хлеба им и сала,

Во фляжке — стылую Неву
Со вкусом противостоянья.
Несите память им свою,
Свои поклоны и молчанье.

ДиН симметрия · 1924 г.

Сергей Есенин

Шаганэ

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому что я с севера, что ли?

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне…
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Виталий Пшеничников

В дебрях Восточного Саяна

Виталий улыбался, стараясь удержаться на заднем сиденье мотоцикла «Урал», который вёз его и друзей Валентина и Юрия с неподъёмными рюкзаками по разбитой лесовозной дороге, петлявшей вдоль берега таёжной реки Мина. Сбылась мечта его детства: скоро он пройдёт с друзьями сотню километров по звериным тропам дремучей тайги Восточного Саяна, побывает и порыбачит на загадочном Манском озере, истоке реки Мана, поднимется выше вечного ледника горы Сивуха к разбившемуся пассажирскому самолёту.

Неожиданно мотоцикл остановился возле разрушенного моста через Мину, рядом с небольшим железнодорожным вагоном. Григорий Максимович, его дальний родственник, заглушил мотор:

— Это лог Аботеки, дальше дороги нет. Будьте осторожны! В саянскую тайгу из Хакасии пришли стаи красных степных волков. Они скрестились с собаками, знают повадки людей. Охотятся стаей, загоном, нападают на маралов и лосей, могут напасть на человека.

— Пусть попробуют! У нас две двустволки, быстро в шкурах дыр наделаем! — бодро ответил Юрий.

— Четыре ствола — это хорошо, но они устраивают засады и нападают неожиданно. В тайге много медведя, зверь коварный, встречаются людоеды! Будьте осторожны, вы будете одни, помощь оказать некому, сейчас до жилья тридцать километров, — ответил лесник.

— Откуда здесь взялся железнодорожный вагон с печкой? — удивился Виталий.

— С заброшенной узкоколейки, промысловики трактором его затащили зимой. Здесь по склонам хребтов богатые кедрачи стоят. Пойдёте вверх по Мине, выше развалин прииска Размановo должна быть тропа через хребты, перевалите на Ману, выйдете на заброшенный прииск Юльевский, сам не был, мужики рассказывали.

Сняв рюкзаки с мотоцикла, присели по старому доброму обычаю перед дальней дорогой. Молчание нарушил Григорий:

— Счастливого пути, ребята, мне пора возвращаться!

Завёл мотор мотоцикла, сев на сиденье, помахал рукой:

— Ни пуха ни пера!

Последовал дружный ответ:

— До встречи после возвращения!

Мотоцикл, облегчённо постукивая мотором, скрылся за поворотом, а вместе с ним оборвалась последняя связь с цивилизацией. Туристы остались один на один с тайгой, пути назад не было. До посёлка тридцать километров тайги, впереди неведомый, полный опасностей и приключений маршрут в сотню километров по таёжным дебрям, в самое сердце хребтов Восточного Саяна. Помогая друг другу, забросили на спину неподъёмные рюкзаки, попрыгали, чтобы поклажа ровнее улеглась, Виталий с Юрой зарядили ружья. Валентин достал фотоаппарат:

— Становитесь, сделаю фото на память о начале маршрута!

После щелчка затвора, пряча фотоаппарат, сказал:

— Тронулись, с Богом!

Они долго шли по заброшенной, зарастающей пихтовым подростом лесовозной дороге. Виталий шёл первым. Тропа заметно поднималась в гору, каньон начал расширяться, появились поляны, заросшие таёжной травой, кипреем с гроздьями сказочно красивых цветков бордово-красного цвета, источающими медовый запах. Солнце, необычно жаркое для второй половины августа, раскалило тайгу, воздух был густо напоен ароматами разогретой смолы кедров, лиственниц и елей. К ним подмешивался тонкий запах таёжных цветов, прелой хвои и бушующего по склонам кипрея. Над тайгой висела серая пелена марева, солнце в небе казалось огненным шаром, укутанным в серое покрывало, вокруг солнечного диска просматривались кольца.

Неожиданно совсем близко от тропы раздался вой волка, его подхватила вся стая. Вместе с жутким воем по спине туристов побежал холодок страха. Парни, не сговариваясь, переломили ружья, зарядили стволы волчьей картечью, продолжили путь, готовые к стрельбе в любую секунду. Вокруг росла буйная таёжная трава, густой подлесок, в них мог укрыться не только волк, но и медведь. Вой волков держал парней в напряжении более часа, затих, когда обогнули гору, они вздохнули с облегчением.

Солнце начало опускаться к вершинам гор, жара спала, туристы, не сговариваясь, прибавили хода. Заброшенная лесовозная дорога по обочинам заросла густым подлеском сосны, ели, пихты, шли по живому тоннелю. В тайге стояла тишина, её нарушали их шаги и слабое журчание Мины, превратившейся в большой, полноводный ручей, катившей воды по разноцветным камешкам. Таёжный гнус, комары и мошка серыми облаками висели над головой, облепляя оголённые части тела.

Совсем рядом, слева от тропы, раздался громкий треск ломаемых сучьев. У Виталия мелькнула мысль: «Только медведь так громко может к тропе ломиться!» В душу заполз холодок страха, он поднял руку, останавливая спутников, переломил ружьё, перезарядил оба ствола пулевыми патронами, без щелчка взвёл курки, Юра последовал его примеру. Вскинув ружьё к плечу, направил стволы в сторону, откуда слышался треск валежника, в мозгу неслись тревожные мысли: «Нельзя стрелять через ветви! Промажешь или подранишь, выскочит на тропу — всем конец!» Стараясь подавить страх, он удерживал себя от преждевременного выстрела.

Напряжение возрастало, треск ломаемых ветвей и валежника раздался совсем рядом, в прорезь прицела парень увидел, как в пяти метрах раздвинулись ветки и высунулся мокрый пятак головы зверя. Палец начал давить на спусковой крючок, сейчас должен был грянуть выстрел, но подсознание удержало от последнего лёгкого усилия, в голове молнией неслись мысли: «Чей это пятак? Это не медведь! Но что это за животное?»

В это время из густых ветвей просунулась голова молодого бычка. Большими тёмными глазами он посмотрел на туристов и жалобно замычал. Парни широко раскрытыми от страха глазами смотрели на мирное животное, следом тайгу огласил дружный хохот. Бычок, обиженный таким приёмом, минуту смотрел на людей, недовольно замычал, и голова его исчезла за плотной стеной сомкнувшихся ветвей.

Вдоволь насмеявшись, обмениваясь мнениями, что могли застрелить мирное животное, друзья продолжили путь. Через час картина начала меняться: лес отступил, тропа шла по большим полянам, заросшим таёжной травой и кипреем. Неожиданно послышался металлический стук подков о камни.

— К нам гости едут, — обернувшись, предупредил Виталий.

Через несколько минут из-за поворота выехал всадник в брезентовом плаще. Сбоку к седлу был приторочен топор в чехле, с другой стороны — моток верёвки. Ребята поздоровались. После приветствия всадник спросил:

— Не встречали по дороге молодняк? Ночью медведь одну голову в гурте задрал, остальных разогнал по тайге.

— Встречали — на тропе час назад, — ответил Валентин и рассказал о встрече с бычком.

В это время к ним подъехал на лошади ещё один пастух, назвавшийся Иваном. Он предложил ребятам переночевать в их избушке, туристы с радостью согласились. Солнце уже склонилось к вершинам деревьев, и ночёвка в избе была кстати. Сняв рюкзаки, разрядив и поставив в угол оружие, они отдыхали, сидя на нарах.

— Здесь быстро темнеет, помогайте готовить ужин, растапливайте печь, ставьте воду, а я свежей медвежатины принесу, — предложил Иван.

— Свежее мясо? Без холодильника, в такую жару? — удивился Валентин.

— Пойдём, покажу, как мы обходимся без холодильника! — рассмеялся пастух.

Виталий согласился, они подошли к устью ручья, зажатому отвесными склонами распадка, густо поросшими лесом. В нём стоял полумрак, солнечные лучи не проникали через кроны деревьев. На дне сохранилась большая наледь, она намёрзла зимой, когда скованный морозом ручей промёрз до дна. Протекавшая по льду вода намораживалась слой за слоем и не успевала таять за лето. Во льду была выдолблена небольшая пещерка, вход был прикрыт пихтовым лапником, придавлен тяжёлыми колодами. Внутри стояли несколько алюминиевых фляг, обложенных ледяной крошкой, наполненных медвежьим мясом. Иван открыл одну из них, достал большой кусок тёмного мяса. Перед уходом они прикрыли вход в пещерку лапником, сверху придавили колодами.

Скотники сварили медвежье мясо, наварили картошки, заварили густой чай. Туристы нарезали свежего хлеба, пастухи соскучились по нему, питаясь сухарями. В ответ на гостеприимство и богатую закуску Виталий достал армейскую фляжку, в которой булькал спирт. Это привело хозяев в неописуемый восторг, за столом завязался неспешный разговор, который изредка прерывался бульканьем напитка в кружки. Ребята узнали, что их угощают мясом девятого медведя, пойманного за лето. Гостей это повергло в шок!

— Как и чем можно поймать девять медведей? Кончайте заливать! — не выдержал Юра.

— Василий говорит правду. Медведь иногда задирает молодняк, но не может съесть сразу всю тушу. Выедает брюшину, остальное заваливает валежником, приходит через несколько дней — доедать добычу.

— Но туша протухнет на жаре на другой день! — не поверил Валентин.

Иван рассмеялся:

— Это его любимая еда, очень любит тухлятину. Не досчитавшись головы молодняка в гурте, выезжаем на лошадях на поиски, находим останки задранного животного. Разбросав бурелом, которым медведь заваливает добычу, набрасываем верёвочную петлю на шею, лошадью вытаскиваем из завала, тащим на верёвке к ловушке. Недалеко от избушки нашли четыре дерева, с двух сторон прибили костылями и скобами брёвна. Вместо крыши положили накат из брёвен, а с торцов навешиваем петли из кос расплетённых тросов, одним концом провязываем к деревьям. По следу волочения остаётся запах, по нему медведь выходит к желанной добыче, лезет в один из проходов, затягивая на себе петлю из стальной проволоки. Ловушка работает безотказно, нам остаётся утром пристрелить зверя. Девятый медведь так рычал в петле, что мы всю ночь не спали, собаки от страха скулили под дверями, пока не запустили в избу. Забились под нары, притихли. Утром пошли, а он почти освободился, петля держала только за заднюю лапу. Будьте осторожны, медведь — хитрый зверь! Если он людоед — преследует человека, устраивает засады на его пути!

Рассказ произвёл на парней сильное впечатление, ещё больше насторожило обилие медведей в саянской тайге и коварство, с которым они охотятся на людей.

— Охотники рассказывали, что летом медведь сыт и неопасен для человека, — несмело возразил Виталий.

— Правильно. Если он не людоед и не подранок, который не может добывать себе еду. Медведь может напасть при неожиданной встрече нос к носу на тропе! Держите ухо востро!

— Ребята, а для чего вы идёте на Манское озеро? Добыть мяса северного оленя, лося или наловить хариуса? А может, золота намыть на прииске Юльевский? — хитро прищурившись, спросил Василий.

Гости рассмеялись:

— Какое золото? Мы туристы, идём порыбачить, посмотреть на красоты тайги!

Пастухи долго не могли понять, почему они по звериным тропам, рискуя жизнью и здоровьем, идут за сотню километров просто так, посмотреть на природу и ничего не взять от неё.

Иван предупредил:

— Дойдёте до развилки реки — на левом берегу ищите тропу на перевал. Сам не видел, но мужики говорили, что подъём очень крутой, коню за хвост надо держаться!

— Посмотрим и на обратном пути расскажем! — рассмеялся Валентин.

Рано утром, позавтракав холодным медвежьим мясом, выпив по кружке чая, поблагодарив пастухов, парни вышли на тропу. Заглянувшее в каньон реки солнце заиграло в мириадах капель росы сказочными огоньками. Казалось, что по тайге в великом множестве разбросаны алмазы, драгоценные камни, сияющие всеми цветами радуги.

Парни прошли отвалы и разрушенные постройки прииска Размаaново, дошли до развилки реки на два ручья, внимательно вглядываясь в левый берег, но тропы на перевал видно не было. Неожиданно Виталию показалось, что от тропы к левому берегу ведёт полоска травы, отличающаяся по цвету.

Он сбросил рюкзак:

— Привал, парни! Думаю, мы подошли к тропе на перевал, надо посмотреть.

Прихватив ружьё, перешёл неширокий ручей и увидел на берегу, в зарослях травы, звериную тропу, истоптанную копытами животных и следами медвежьих лап. Но на ней не было следов обуви человека, и в душу закралось сомнение. Немного подумав, решил, что в такой глухой тайге могла годами не ступать нога человека. Вернувшись, обрадованно сообщил:

— Нашёл тропу на прииск Юльевский. Вставайте, пока нет жары, пойдём на штурм крутого подъёма к вершине хребта.

Тропа шла по распадку, рядом с шумным ручьём, вливавшимся в обмелевшую Мину. По его руслу лежали огромные камни, по берегам выше человеческого роста стояли густые заросли кипрея и таёжной травы. Ветер устойчиво тянул с вершины к подножью, а сам ручей, петляя от камня к камню, громко шумел, вместе с ним петляла тропа. Среди отпечатков копыт маралов, лосей, коз вверх и вниз тянулись цепочки отпечатков медвежьих лап разной давности. В душах туристов поселился холодок страха, они понимали, что из-за шума ручья не услышат медведя, а он не услышит их и не обнаружит по запаху, ветер дул с вершины. Встреча нос к носу могла оказаться неожиданной и непредсказуемой.

Виталий с Юрой, перезарядив ружья пулевыми патронами, несли их в руках, готовые стрелять в любую секунду. Подъём оказался затяжным, рюкзаки тяжелели с каждым шагом, сказывалось высокогорье, приходилось часто отдыхать, мучили одышка и жажда. Время перевалило за полдень, тропа ушла от ручья, стояла удушающая жара, жажда стала невыносимой, но воды утолить её не было. Виталий лихорадочно думал, где добыть воду, и не находил ответа. Во время короткой остановки, опустив взгляд на тропу, увидел

долгожданную воду в следах копыт маралов, достал котелок и кружку.

Валентин удивился:

— Это ещё зачем?

— Буду воду добывать. Пока ручей тёк рядом, не набрали, сил нет — пить хочется!

— Где ты воду искать собрался? — удивился Юрий.

— Места надо знать!

Закинув на спину рюкзак, Виталий пошёл первым. Оторвавшись от друзей, принялся вычерпывать кружкой из вдавленных в грязи копытами маралов и лосей следов драгоценную воду. Набрав половину, снял рюкзак и достал продукты. Когда подошли друзья, объявил:

— Привал, парни, пора обедать!

— Какой обед? Во рту сухо, как в Сахаре, кусок хлеба не полезет! — удивился Юра.

Виталий улыбнулся, выставляя котелок с водой на тропу:

— А мы его водичкой запьём!

Парни сбросили рюкзаки и жадно набросились на солёное сало с хлебом и луком, запивая сырой водой из копытцев.

Неожиданно Юра подозрительно спросил:

— А воду где взял?

— Под ногами её много, начерпал в котелок.

— Виталька, нас же пронесёт! От застойной воды можем заболеть!

Тот рассмеялся:

— Не бойся, Юрик, козлёночком не станешь, превратишься в марала или лося!

Утолив голод и жажду, немного отдохнув, туристы продолжили путь к перевалу. Виталий шёл быстрее друзей и метров через пятьсот вышел на родник, бивший из-под земли прямо на тропе. Не снимая рюкзака, опустился на землю, черпал ладонью и долго пил холодную ключевую воду. Он стоял, не в силах оторвать взгляд от фонтанчика, бившего в крохотном, с чайное блюдце, озерке. Жёлтые песчинки весёлым хороводом поднимались со дна, кружились в струях воды и вновь опадали, чтобы начать свой нескончаемый танец. В нём была какая-то магическая, притягивающая взор сила, рисунок их полёта не повторялся.

Увидев его на тропе у родника с ключевой водой, друзья онемели от неожиданности. Валентина прорвало:

— Смотри, как он устроился! Как султан у фонтана! Отравил нас застойной водой в полукилометре от родника и доволен!

— Кто мог знать об источнике? Чего наезжаете? Пейте ключевую воду как лекарство! Прополощите кишочки, и дальше пойдём. Страдальцы! — беззлобно отпарировал Виталий, вставая с полным котелком воды в руках и направляясь вверх по тропе, чтобы не слышать упрёки спутников.

Через два часа подъёма дремучая тайга стала редеть, вокруг тропы стояли невысокие деревья, на кедрах ветки были усыпаны небольшими шишками, появились поляны с высокогорной растительностью. Он понял, что выходит в зону высокогорных лугов. Пройдя ещё полкилометра, вышел на границу низкорослого леса, выше, среди первозданного хаоса серых каменных глыб, стояли чахлые, исхлёстанные ветрами корявые деревца, в большинстве высохшие на корню, тропа шла на подъём по высокогорной тундре, покрытой зелёным мхом, с серыми полянами ягеля — любимой пищи северного оленя, и терялась в заоблачной выси.

Обернувшись, крикнул:

— Ребята! Я на границе леса! До перевала не больше километра!

В ответ услышал недовольный голос Валентина:

— Ты что, издеваешься над нами? А где крутой подъём?

Усмехнувшись, он крикнул:

— Глаза разуйте! Мы крутой подъём прошли, лес кончился, дальше гольцы начинаются, до перевала немного осталось!

Сбросив тяжёлый рюкзак на мох, стал собирать спелую, крупную бруснику, утоляя голод и жажду. Поднявшись к нему, друзья, сбросив рюкзаки, упали на мох и последовали его примеру, горстями отправляя в рот спелую бруснику.

Посмотрев на часы, Виталий поднялся:

— Отдохнули, подкрепились, пора идти! Помогите надеть рюкзак.

Помогая друг другу, парни навьючили рюкзаки и гуськом пошли по гольцу к долгожданной вершине.

Лес остался внизу, среди каменных глыб росли чахлые кустики стелющейся по камням тундровой берёзки с узловатыми ветвями, покрытыми небольшими, уже начавшими багроветь листьями. На зелёном ковре мха выделялись серые поляны ягеля, островками среди камней зеленели глянцевыми листьями кустики бадана, густо торчали полутораметровые стебли маральего корня с шишками семян на вершине.

Наконец туристы вышли на гребень водораздельного хребта. Сбросив рюкзаки, долго молчали, зачарованные величием хребтов, зелёного моря тайги, раскинувшегося до горизонта, на границе которого едва просматривались две безлесные вершины очень высокой горы. Её подножье тонуло в сером мареве разлившейся по тайге жары, они как бы парили в воздухе.

Виталий решил пошутить над друзьями, показал на гору:

— Парни! А Манское озеро за той огромной двугорбой горой!

— Ты что, сдурел!? Чёрт знает куда завёл и болтаешь что попало! Карту дома оставил, гнилой

водой напоил и продолжаешь издеваться! До этой горы километров семьдесят! — возмутился Валентин.

— Думайте что хотите, Манское зеро там! — рассмеялся парень, показывая на вершины.

Через два часа, спустившись по тропе в тайгу, туристы увидели прислонённые к кедру самодельные нарты — небольшие деревянные сани на широких полозьях, в них впрягался охотник и тащил по снегу продукты и припасы на всё время пушной охоты, которая продолжалась до лютых морозов.

Виталий остановился:

— Надо внимательно осмотреться, здесь должна быть охотничья избушка, нарты охотник оставил после окончания охоты, далеко не стал бы их тащить, ушёл домой с пушниной.

Он оказался прав. Юра метрах в пятнадцати от нарт среди деревьев увидел почерневшую от времени небольшую охотничью избушку, над плоской крышей торчала металлическая труба.

Обсуждая находку, парни шли по тропе вдоль зарослей кустов рябины, спелые гроздья ягод свисали с веток, на них кормились непуганые рябчики. Виталий с Юрой занялись пополнением запасов, стреляли в птиц, сидевших на кустах и деревьях рядом с тропой, складывали в карманы рюкзаков, чтобы на привале выпотрошить и набить травой, дабы нежнейшее мясо не испортилось от жары. Идти вниз по склону было легко, и отряд быстро спускался к подножью хребта. Растительность менялась на глазах: среди хвойного леса стали попадаться берёзы, осины, вскоре лес кончился. Они шли по поляне, заросшей высокой густой травой. С тропы были видны ямы-шурфы, вокруг них лежали кучи камней, на протекавшем с вершины хребта ручье была насыпана плотина, перед которой блестел на солнце небольшой пруд.

Юрий удивился:

— Для чего надо было в тайге копать столько больших ям, выворачивать из земли огромные камни, строить дамбу на ручье?

Виталий улыбнулся:

— Мы вышли на полигон, здесь добывали и промывали золотой песок. Думаю, что скоро придём на прииск!

Через час они вышли на окраину большой поляны, увидели несколько почерневших от времени избушек и пару бараков, за ними блестела на солнце река. Виталий увидел на бараке прибитые под коньком крыши потемневшие доски, на которых можно было прочитать надпись масляной краской: «Законы тайги просты: работай до упада, ешь до отвала и засыпай без всяких мыслей. г. Юльев». Повернувшись к друзьям, крикнул:

— Это прииск Юльевский!

Валентин усмехнулся:

— Мы читать умеем! — и парни рассмеялись этой простой шутке.

Сказывалось нервное напряжение: второй день шли по звериным тропам неизвестно куда, а в тайге троп много, пойди разберись, какая куда ведёт и найдёшь ли ты обратный путь домой.

От развалин когда-то богатейшего прииска, где за сезон промывки намывали до пуда золотого песка, как лучи солнца в детском рисунке, расходились тропинки.

— Сусанин-герой, куда теперь нас поведёшь, по какой тропе? — с сарказмом спросил Валентин.

Виталий бодро ответил:

— Что тут раздумывать? Пойдём вверх по Мане, тропа нас выведет к Манскому озеру!

— Молчи, умник! Видишь, сколько тропинок! Покажи, какой дальше пойдём?

Но Виталий не сдавался, ещё больше распаляя недовольство друзей:

— Не грустите, отдохнём, оглядимся и найдём нужную тропу!

Их прервал голос Юрия:

— Ребята, над трубой избушки вьётся дым!

Все повернули головы, подслеповатый Валентин проворчал:

— Какой дым? До ближайшего посёлка семьдесят километров!

— Кончай глючить! Там печь разжигают! Юра прав! Нам повезло, там люди,— сказал Виталий, делая шаг в сторону избушки.

Подойдя ближе, парни увидели троих мужчин; один теребил огромного глухаря, другие растапливали печку, не видя гостей.

— Добрый день! — поздоровался Валентин.

Мужчина так был увлечён глухарём, что вздрогнул от приветствия, поднял голову. Удивление и настороженность были написаны на лице, молчали и его спутники, смотревшие на вооружённых людей.

Мужчины на несколько секунд лишились дара речи; придя в себя, поздоровались.

— Как вы здесь оказались? — удивлённо глядя на гостей, спросил один из них.

Юра, сняв с плеча ружьё, присел на корточки:

— Мы туристы из Красноярска, идём на Манское озеро, А вы кто? Какими судьбами здесь оказались?

— Только пришли, идём на стан, добывать кедровую шишку. Давайте знакомиться: меня зовут Василий, я бригадир артели,— представился теребивший глухаря.

— Зря говорят, что чудес не бывает! Не ожидали в такой глуши людей встретить! — рассмеялся Виталий, прислоняя ружьё к стене избушки.

После знакомства Василий удивлённо спросил:

— Как вы здесь оказались? Ваших следов на тропе мы не видели!

— И мы ваших не видели, поднялись по Мине выше развалин прииска Разманово, через перевал шли по звериной тропе. А что, есть другая тропа? — удивился Виталий.

— Есть, намного короче! Мы шли по ней из Аянчихи вдоль берега Маны,— ответил Сергей, один из заготовителей.

— Как вы из этой глухомани орехи вывозить будете? — удивился Валентин.

— Заключили договор с «Бурундуком» — заготовительной конторой, вывезут вертолётом. Наша задача — набить шишек, перемолоть, просеять, провеять, ссыпать орех в мешки, погрузить в вертолёт.

— А где вы собираетесь бить шишку? — спросил Виталий.

— На той стороне Маны есть лог, таёжники называют его Кулитьба. Туда вертолёт забросил нам продукты. Но мы по дороге нашли другую таёжку. Шишка крупная и спелая, пройдёт ветер — вся упадёт, только успевай собирать падалку на мху,— пояснил Василий.

— Знаю! Месяц бил колотом в Клочках напротив Ангула, добывал орешки с Николаем Ковалёвым,— сказал Виталий.

Шишкари удивлённо смотрели на него. Василий спросил:

— Ты знаком с Ковалёвым Николаем из Хабайдака?

Виталий рассмеялся:

— Не только знаком, Савельич мой крёстный отец, я родился в Хабайдаке!

Валентин спросил:

— А вы не знаете, как от Юльевского прииска идти на Манское озеро?

Удивлённые заготовители ореха долго не могли прийти в себя, смотрели на незадачливых городских туристов, без карты забравшихся в такие дебри.

— Ребята, вы серьёзно? Неужели у вас нет карты и тропу на Манское озеро не знаете? — нарушил молчание Василий.

— Виталька дома схему забыл, это выяснилось уже в поезде,— махнул рукой Валентин.

— Это самоубийству сродни! Отчаянные парни! Идти в глухую тайгу за сотню километров без карты, не зная тропы,— смертельный риск, можно заблудиться и сгинуть! Костей не найдут, зверьё растащит! — отчитал туристов Василий.

Друзья молчали, понимая, что он сто раз прав и их поход был полной авантюрой.

— Слушайте внимательно, я не первый год орехи добывал в Кулитьбе, до озера не доходил, от охотников знаю, что туда тропа одна, не заблудитесь. Сейчас спуститесь по течению Маны метров пятьсот, увидите брод, вырубите шесты, течение очень быстрое, может свалить с ног. На том берегу начинается тропа, до озера ещё двадцать пять километров.

— А рядом с Манским озером нет высокой безлесной горы с двумя вершинами? Мы её видели с перевала! — спросил Виталий.

— Это гора Сивуха. У неё на вершине ледник лежит, издалека сивой кажется. В пяти километрах от неё — конечная цель вашего маршрута, Манское озеро.

— Я вам говорил, что озеро за двугорбой горой! — рассмеялся парень, с превосходством глядя на спутников, но тут до него дошёл смысл сказанного бригадиром. Внимательно посмотрев на Василия, спросил: — А ты ничего не путаешь? У меня на синьке была обозначена тропа от прииска до озера по правому берегу Маны.

— Не путаю! Той тропы давно нет, с сорок первого года, когда мужиков забрали на фронт, по ней никто не ходил, она заросла, завалена буреломом, вы даже следа не найдёте. Идите по Кулитьбе, восемнадцать километров не будет воды. Потом перевалите несколько невысоких хребтов, подойдёте к подошве двугорбой горы, обойдёте Сивуху и через пять километров выйдете к истоку Правой Маны.

— Большое спасибо, мужики! Удачи вам, добыть много ореха и благополучно вернуться домой! — распрощались парни и, взвалив на плечи рюкзаки, подхватив оружие, пошли к броду по бывшей улице приискового посёлка Юльевский.

Вырубив шесты, раздевшись до трусов, ребята ступили в бурную воду таёжной реки. Случилось так, что Виталий отстал, шёл несколько сзади. У самого берега вода поднялась до пояса, течение было быстрым, валило с ног. Поток недовольно бурлил, стремясь унести с собой посмевших войти туристов. Приходилось соблюдать осторожность, ставить ноги только на ровное дно, помогая шестом сохранять равновесие. Чтобы сделать шаг вперёд, надо упереться шестом в дно, наклонить тело против течения. Достигнув секундного равновесия, когда тело лежит на потоке воды, коротким броском перебросить шест вперёд, упереться в дно до того, как вода смоет потерявшего опору туриста. С фанатизмом обречённых парни двигались к противоположному берегу в потоке холодной воды.

Виталий видел, как в очередной раз Юра упёр шест в дно и перенёс на него тяжесть тела, но конец шеста соскользнул, от неожиданности парень растерялся, потерял равновесие, его начало сносить бурное течение.

«Сейчас унесёт! Сам выплывет, а рюкзак с продуктами и спальником потеряем!» — пронеслась мысль в его голове. Глядя на друга, которого валил напор студёной воды, громко крикнул:

— Держись за Вальку! Хватайся за его рюкзак! Утонешь!

Валентин повернул голову на крик, мгновенно оценил обстановку, упёрся шестом в дно и крикнул:

— Хватайся за меня!

Юрий выпустил из рук ненужный шест, бросил тело в сторону и мёртвой хваткой обречённого человека схватился за рюкзак Валентина. Упираясь в дно шестом и ногами, тот каким-то чудом сумел устоять, удерживая в ледяном потоке себя и товарища.

— Стойте! Не двигайтесь! Будем вместе выходить! — крикнул Виталий и двинулся к парням. Подойдя вплотную, сказал: — Валентин, пойдёшь первым, я буду держать Юру. Ты делаешь шаг, опираешься на шест и принимаешь его, я подхожу, передаёшь мне, идёшь дальше, иначе удачи не видать!

Помогая другу, друзья вышли на берег. Юра начал оправдываться, но его перебил Валентин:

— Раззява! Тебя предупреждали, что течение бурное! Окажись я на два шага дальше, в лучшем случае распрощался бы с рюкзаком и ружьём! А может, и с жизнью! Из такого потока без переломов выбраться невозможно, протащило бы по камням с километр!

— Ребята, не ссорьтесь! Все живы, и это самое главное. Давайте сушиться! — помирил их Виталий.

На берегу устроили привал, разожгли костёр, сушили одежду; ощипав рябчиков, сварили суп, опустив в котёл по паре на брата, заварили чай, расселись вокруг парящих котелков.

В это время к костру подошли заготовители кедрового орешка. Валентин пригласил:

— Ребята садитесь с нами чай пить!

— Спасибо! Но нам надо спешить, пока погода не испортилась, — отказался Василий.

— Куда она денется? Тепло, как в июле! О чём ты говоришь? — удивился Виталий.

Бригадир усмехнулся:

— Посмотрите на небо!

— А чего на него смотреть? Второй день печёт, как в печке, дышать нечем!

— Видите перистые облака? Это верный признак, что погода испортится. Нам надо успеть вынести продукты. Да и вам надо поспешить, дойти до озера по хорошей погоде. Путь неблизкий — двадцать пять километров! Счастливого пути! — пожелал Василий и зашагал со спутниками по тропе.

— Надолго погода испортится? — вдогон спросил Виталий.

— Завтра может снег упасть и лежать на хребтах до зимы, здесь высокогорье, он здесь рано выпадает. Торопитесь, ребята! — не оборачиваясь, ответил Василий.

— Нас ничем не испугаешь, даже перистыми облаками! — сказал Юра, и парни рассмеялись над предостережениями старых таёжников.

Отдохнув и плотно пообедав наваристым супом с мясом рябчиков, выпив по кружке чая,

заваренного листом дикой чёрной смородины с листочками брусники, туристы не спеша двинулись в путь. Тропа петляла по логу Кулитьба, заросшему чистым, без валежника, кедрачом. Рядом густо росли невысокие кустики черники, сизые гроздья спелых ягод лежали на изумрудной зелени мха. Сбросив рюкзаки, парни ложились на мягкий ковёр мха, отдыхали, собирали спелую, сладкую ягоду, горстями отправляя в рот, утоляли жажду.

К вечеру погода начала портиться, небо закрыли тучи, резко похолодало. Перевалив через невысокий хребет, заросший низкими высокогорными деревьями, парни спустились в долину, зажатую крутым склоном другого хребта. Неожиданно дневной свет померк, зловещая туча, клубясь, закрыла небо. Валентин скомандовал:

— Быстро разбиваем лагерь! Сейчас будет ливень, нас может смыть!

Нашли возвышенность на склоне, вырубили и забили рогатины, положили продольную жердь, натянули кусок полиэтиленовой плёнки, привязали углы к кольям. Всё это время с тревогой поглядывали на лиловую тучу, висевшую над головой; казалось, её можно потрогать, подняв руку. Они не знали, что находятся на километровой высоте, в сердце хребтов Восточного Саяна, и туча действительно висела рядом с их головами, готовая в любой момент обрушить на тайгу ливень.

Только успели перетащить рюкзаки под ненадёжную крышу — налетел сильный порыв ветра, нестерпимо яркий свет ослепил глаза, и раздался страшный удар грома. Земля под ногами содрогнулась так, что едва устояли. Молния ударила в кедр, стоявший на склоне недалеко от лагеря. Почти ослепшие от вспышки, ошалевшие от страшного грохота, туристы видели, как необузданная сила молнии расщепила ствол посредине, от вершины до комля, дерево с зелёной кроной вспыхнуло и горит, как факел.

Через мгновение последовал оглушительный удар грома, и земля вновь содрогнулась, с неба хлынул поток дождя. Молнии чередовались с оглушительными раскатами грома, от которых сотрясалась земля. Укрывшись под крышей из полиэтиленовой плёнки, каждый в душе молил Бога, чтобы Он сжалился, подарил шанс выжить в этой страшной грозе.

Бабушка заставила внука Витальку выучить наизусть короткую молитву, «Отче наш». Он вмиг забыл, что всю жизнь его учили быть атеистом, и губы беззвучно шептали молитву, призывая Господа сохранить жизнь ему и друзьям.

Более страшной грозы парни не видели, тайга стонала от налетающих порывов ветра. Треск деревьев, ломающихся, как спички, смешивался с хряском молний, рядом врезающихся в склоны, беспрерывно содрогалась земля, создавая жуткую картину конца света. В этом диком разгуле стихий собственная жизнь казалась ничтожной, не стоящей ломаного гроша. Плёнка натянулась, просела от потоков воды, лившихся с неба, и порывов ветра, но не порвалась, надёжно защищая путников от ливня.

Увидев, что плёнка держит напор ветра и воды, они перевели дух. Главное — крыша над головой, остальное было делом привычным. Поужинали остатками супа с рябчиками, запили ужин дождевой водой; утомлённые дальней дорогой, залезли в спальные мешки и крепко заснули, убаюканные шумом дождя и непрерывными раскатами грома.

Кто спал в спальном мешке в насквозь пролитой дождём тайге, когда бушует непогода, вокруг холодно и сыро, знает ему цену: тело согревается, силы восстанавливаются, и ты погружаешься в глубокий здоровый сон.

Утро встретило путешественников непроглядным туманом и промозглым холодом, спальные мешки отсырели, одежда мгновенно оказалась пропитанной влагой, вокруг лагеря стоял непроглядный туман, насквозь пропитанный сыростью и лютым холодом. Скрюченные пальцы рук отказывались повиноваться. Чтобы как-то согреться, нужен был костёр. Но мокрые дрова отказывались гореть от спичек, нужно было искать бересту. Виталий взял топор и пошёл по склону в поисках берёзы. Вскоре он вернулся на голоса друзей, мокрый с головы до ног, но довольный, держа в руках кусок бересты и небольшую сухостойную лиственницу, срубленную по дороге. Положив на мокрый мох кусок бересты, шалашиком сложил на него тонкие ветки высохшего на корню дерева, поджёг и подсунул снизу свернувшийся в трубку кусок бересты. Огонь на бересте набирал силу, выступали и вспыхивали капли дёгтя, тянулся вверх чадный хвост дыма, но мокрые ветки парили, трещали и не хотели гореть. Ребята, как обречённые, смотрели на чадное пламя, каждый в душе упрашивал робкое пламя зажечь дрова, терпеть сырость и промозглый холод не было сил.

Словно пожалев продрогших до костей туристов, огонь робко перекинулся на сухие ветки, набирая силу, радостно заплясал над ними. Огонь — это величайшее изобретение человека: когда разгорается костёр, забываются все неприятности, он дарит тепло и уют, помогает выжить человеку в экстремальной ситуации.

Парни сгрудились, протянув озябшие руки к пламени костра. Дождавшись, когда вскипел чай, позавтракали солёным салом с хлебом, запивали заваренным брусничником кипятком, чувствуя, как горячий напиток катится по пищеводу, отогревая внутренности, а горячая кружка отогревает сведённые холодом пальцы рук.

— Вот и не верь примете с перистыми облаками! — с раскаянием посиневшими губами сказал Юрий. У друзей не было сил улыбнуться его шутке.

Собрав лагерь, в молоке тумана пошли по тропе. Нужно было смотреть под ноги, чтобы не уйти с тропы, пальцев вытянутой руки не было видно.

В мокрой одежде ходьба не грела. Не видя ничего вокруг, в сплошном тумане, потеряв счёт времени, стараясь согреться, туристы шли, ориентируясь по тропе, не видя окрестностей. С каждым часом идти становилось тяжелее, подъём становился круче, дышать становилось труднее.

Виталию показалось, что прошла целая вечность, когда до слуха донеслось журчание воды. Он вышел к небольшому ручью, вдоволь напился. Перебравшись по камням на другой берег, нашёл продолжение тропы.

Повернувшись, крикнул:

— Парни, я вышел на ручей! Тропа на противоположном берегу, не заблудитесь!

Услышав ответ, продолжил путь в молоке тумана, глядя под ноги. Неожиданно ему показалось, что тихий голос сказал: «Стой, осмотрись!»

Остановившись, повертел головой, товарищи отстали, он был один в непроглядном тумане. Мелькнула мысль: «Мерещится чертовщина!»

Но взгляд неожиданно зацепился за странное пятно, темневшее в тумане справа от тропы.

В голове роились мысли: «Что это? Неужели галлюцинации?» Рука привычно сняла ружьё, его тяжесть придала уверенности. Лихорадочно работавший мозг анализировал обстановку: «Это не галлюцинация. Но что? Небольшая скала или камень? А может быть, олень или марал? Чего гадать, надо посмотреть!» — решил он, делая шаг с тропы.

Чем дальше отходил от тропы, готовый стрелять в любой момент, тем отчётливее проступал тёмный предмет, приобретая необычную для дремучей тайги прямоугольную форму. Пройдя ещё с десяток шагов, вышел к вросшей в землю стене из почерневших брёвен. Мелькнула мысль: «Неужели охотничье зимовье?»

Не веря в удачу, прошёл за угол, заглянув в открытую дверь, и закричал:

— Парни! Я зимовье нашёл! Ночевать будем под крышей!

— Чего кричишь? Какое зимовье? Брось шутить! Откуда оно здесь? — едва донёсся из тумана голос Валентина.

Сбросив рюкзак, поставив к стене ружье, вошёл в открытую дверь. Избушка была ветхой, вместо крыши на потолке лежал слой дёрна, густо поросшего травой, было грязно и сыро, с потолка капала вода, просачиваясь через дёрн. Балка треснула от времени и угрожающе провисла, на нарах лежал слой грязи, трухи, перемешанной с остатками сгнивших веток. Слева от двери из дикого камня был сложен очаг без трубы, в стене зияли два отверстия, под потолком и чуть выше очага: зимовье топилось по-чёрному, дым выходил через отверстия в стенах.

Выйдя, крикнул:

— Парни! Нам повезло, я нашёл зимовье, идите на голос!

Через некоторое время из тумана показался Валентин, за ним шёл Юрий, оба улыбались, находка их очень обрадовала.

Осмотрев избушку, Валентин удивился:

— Как ты её разглядел? Вытянутой руки в тумане не видно!

Виталий улыбнулся:

— Видно, ангел-хранитель подсказал остановиться, пошёл посмотреть на тёмное пятно, упёрся в стену избушки! Но радоваться рано. Каменка топится по-чёрному, с потолка вода сочится, и балка треснула, того и гляди потолок на нары провалится, — рисовал он друзьям невесёлую картину.

— У нас выбора нет, стены и крыша есть, будем очаг топить весь день, прогреем камни, на ночь выгребем угли и мхом заткнём дыры в стене. Спальники просохнут, в них переночуем. Похолодало, ночью на улице во влажных спальниках и мокрой одежде замёрзнем, — сказал Валентин, отстёгивая верхний клапан рюкзака, под которым был приторочен спальный мешок.

— Где мы? Может, не дошли до озера или не туда пришли? Где гора Сивуха? Где само озеро, почему его не видно? — забеспокоился Юра, всматриваясь в молоко тумана.

Сжалившись над путешественниками, порыв ветра на миг разорвал пелену тумана, метрах в пятидесяти блестела свинцовая гладь озера.

Виталий облегчённо рассмеялся:

— Юра! Вот и озеро, конец маршрута! Мы пришли на Манское озеро! А ведь могли пройти в тумане мимо зимовья и озера. Неизвестно, чем бы всё кончилось в этой таёжной промороженной глуши! Я сдержал слово, привёл на Манское озеро!

— Молодец! Завёл нас в глухомань таёжную. Скажи спасибо заготовителям ореха, без их подсказки заблудились бы в тайге, и неизвестно, чем закончился бы наш поход! — проворчал Валентин.

— Расслабься, Валька, я искупил вину, нашёл избушку. Приведём в порядок, отдохнём, подумаем, что делать дальше! Самая трудная часть пути пройдена, и это главное! Обратно дорогу найдём! — рассмеялся парень.

Ледяной ветер окреп, разогнал туман, но принёс с собой дождь вперемежку со снежной крупой, которая дробью стучала по брезенту сырых штормовок, сыпалась на изумрудно-зелёную траву, мох и свинцовую гладь озера.

Недалеко от избы, на склоне холма, из тумана показались вершины низкорослых высокогорных деревьев. Прихватив двуручную пилу и топор, парни отправились на заготовку дров. Свалив два сухих дерева, притащили к избушке,

распилили на чурки, нарубили дров, разожгли костёр и повесили над ним котелок с озёрной водой. Утомлённые переходом, они стояли под порывами ледяного ветра в надежде высушить мокрую одежду, отогреть руки и закоченевшее тело. От одежды шёл пар, возвращалось благодатное тепло; высыхая, одежда начинала греть, парни не замечали, что сверху летит снежная крупа, а изо рта идёт пар.

Пока пили чай, Валентин озвучил план работ:

— Вытащим плахи с нар, отскоблим от грязи, составим шалашом у костра, каменку будем топить до отбоя, хорошо прогреем камни очага, избу внутри просушим. Пока надо подпереть балку и закрыть плёнкой крышу над нарами. Надо торопиться, ночью будет мороз, глядите, как пар идёт изо рта и сыплет ледяная крупа!

Свалив пихту, обрубили сучья, подставили и обухом забили подпорку под провисшую балку, сняли с нар плахи, расколотые вдоль стволы деревьев, ножами и топором отскоблили грязь, поставили сушиться над пламенем костра. Найденной на улице лопатой нарезали куски дёрна, растянули на крыше плёнку, надёжно прижали дёрном. Но в дёрне скопилось столько воды, что она продолжала капать с потолка. Растянули и привязали над нарами полиэтиленовую плёнку, по ней капли с потолка скатывались на пол, в сторону от нар.

Виталий с котелком пошёл к озеру набрать воды, в обрывках тумана увидел на берегу заиленный круглый предмет. Подойдя ближе, увидел наполовину замытый в донном иле, изъеденный ржавчиной кусок трубы. Осторожно подняв, высыпал песок, закричал:

— Ребята, трубу нашёл, у нас будет печка, каменка!

Труба была настолько древней, имела много дыр. Судя по всему, её выбросили за ненадобностью. Очистив, примерил: длины не хватало от вершины сложенного из камней очага до отверстия для дыма в стене избы.

Повернувшись к друзьям, сказал, доставая нож из чехла:

— Это не самое страшное. Собирайте пустые консервные банки, мы трубу отремонтируем и поставим на очаг.

Друзья собрали пустые консервные банки, вырезали ножом донышки, Виталий на чурке топором разрубал банки вдоль шва. Нарезав прямоугольников из жести, согнул по диаметру трубы, с помощью друзей удлинил, примотав металлические заплатки к проржавевшей трубе взятой в поход тонкой проволокой. Отремонтированную трубу установили на очаг, её конец едва доставал до отверстия в стене.

— Мы сгорим, пламя будет бить в бревно, оно воспламенится! — засомневался Юрий.

Виталий махнул рукой:

— Дело к вечеру, оставим до завтра, за ночь насквозь промокшие брёвна не загорятся, завтра решим, что делать.

Он замазал щели между трубой и камнями печки мокрым илом с берега озера. Нарубили дров, сложили шатром в очаге, Валентин скомандовал:

— Поджигай!

Юра чиркнул спичкой, друзья, с надеждой смотрели на робкие языки пламени разгоравшихся щепок, понимая, что от очага зависит их жизнь в сотне километров от человеческого жилья, на высокогорье, среди подпирающих небо хребтов, промозглого холода и падающей с неба ледяной крупы.

Дрова разгорелись, и бóльшая часть дыма улетала в трубу, меньшая поднималась к потолку, выходила из зимовья в верхнее отверстие в бревне. По избушке можно было, согнувшись, ходить и лежать на нарах. У парней поднялось настроение, они радостно переглянулись.

— Порядок, мужики, есть крыша над головой, огонь в очаге, нары! Что ещё туристу нужно? — потирая руки, сказал Юрий.

Стены избушки защищали от ледяного ветра, камни нагрелись, по избе разливалось тепло, через открытую дверь в морозное небо улетали клубы пара, сохло насквозь промокшее древнее охотничье зимовье.

Вечером погода окончательно испортилась: похолодало, с неба густо сыпалась ледяная крупа, кружились снежинки, резкими порывами дул ледяной, пронизывающий до костей ветер. Но туристов это мало беспокоило. На вбитых в стены гвоздях сушилась одежда и спальники. Пусть на улице беснуется непогода, стоит холод, им предстояла ночёвка в сухих спальниках, у очага, в прогретом зимовье.

В работе наступили сумерки, избушка подсохла, прогрелась. Приготовив ужин, путешественники закрыли дверь и сели к котелкам. В каменке плясали языки огня, даря тепло и свет. Они не спеша ели гречневую кашу с говяжьей тушёнкой, пили ароматный чай, заваренный листом дикой смородины, добавляя в кружку пару ложечек сгущёнки. Поужинав, разомлевшие от тепла, они отдыхали на нарах, обсуждая пройденный маршрут.

Перед сном Виталий вышел из зимовья, включил электрический фонарик и остолбенел. Трава, изумрудно-зелёный мох, крупные синие цветы колокольчиков были покрыты кристаллами инея. Они искрились и переливались всеми цветами радуги, создавая впечатление сказочного мира, созданного из драгоценных бриллиантов. Не чувствуя холода, долго стоял, созерцая неземную красоту.

— Ты что, заблудился? — приоткрыв дверь зимовья, спросил Валентин, но сразу смолк, поражённый сказочной игрой света на кристаллах инея.

Наконец обрёл дар речи.

— Сказка! Ради этого стоит жить, терпеть лишения, идти сотню километров по тайге!

Замёрзшие, но довольные, парни вернулись в тепло избушки, передали фонарик Юрию, отправили посмотреть сказочный подарок, приготовленной матушкой-природой.

Перед сном выгребли лопатой угли и головешки из очага, дождались, когда дым ушёл через отверстия, заткнули их мхом и растянулись на нарах, в тепле, поверх спальных мешков.

Проснувшись, туристы с удивлением увидели, что все лежат в спальниках, но не могли вспомнить, как в них оказались. Открыв дверь, увидели, что окрестности покрыты инеем, туман исчез, а с хмурого неба продолжает сыпаться снежная крупа.

Манское озеро лежало в пологой вытянутой котловине, береговые склоны местами поросли кустами карликовой берёзы, которые эффектно смотрелись на фоне травы и зелёного мха, украшая их своими мелкими, покрасневшими осенью листочками. По склонам торчали стебли маральего корня с большими шишками. В логах и защищённых от ветра местах грядами и в одиночку росли низкорослые кедры и пихты. На противоположном берегу были видны выходы скальных пород. По свинцовой глади озера ветер гнал густую рябь. Юра, возвратившись с берега, положил на стол пучок зелёной травы:

— Попробуйте, мне кажется, это лук.

Валентин отмахнулся:

— Откуда ему здесь взяться? Выброси эту траву.

Виталий разжевал зелёное перо, крикнул:

— Это дикий лук! Где ты его взял?

— На берегу озера, под обрывом, его много растёт.

— Хорошая находка, будем заправлять уху и жареную рыбу.

Выйдя из зимовья, туристы осмотрелись. Над высокогорным плато возвышались две каменные вершины, связанные седловиной, в ней лежал ледник, эту гору они видели с Манского хребта. Теперь сомнений не оставалось: они пришли на Манское озеро.

— Что скажете, умники? Будете ещё со мной спорить? Перед вами двугорбая гора Сивуха! Я оказался прав, когда говорил, что Манское озеро находится за ней! — важно сказал Виталий.

— Как мы прошли мимо, не заметив громадную гору? — удивился Юрий.

— Нечему удивляться, пальцев вытянутой руки не было видно, не то что гору с ледником на вершине! Слава Богу, что Виталий заметил зимовье, иначе никто не знает, куда бы ушли! — покачал головой Валентин.

Виталий вырубил удилище, размотал леску, нацепил обманку и пошёл рыбачить; бросая внахлёст, попытался с берега поймать хариуса. Однако клёва не было, и он пошёл вдоль берега, повторяя забросы. Обогнув небольшой мысок, у берега заливчика увидел плот, два бревна которого лежали обсохшими на берегу. В щель между брёвнами был забит кол, не дававший ему уплыть под напором ветра при большой воде.

Он вырубил шест, вырвал кол, столкнул плот на воду, прыгнул на него и сразу пожалел об этом. Плот начал медленно погружаться в ледяную воду одним краем. Ему пришлось несколько раз перемещаться, пока не отыскал точку, когда плот относительно устойчиво стоял на воде, но его ноги по щиколотку погрузились в ледяную воду, а через некоторое время она просочилась в кирзовые сапоги.

Хариус, которого приходилось ловить на речках, выпрыгивал из воды, описывая в воздухе дугу, и падал на обманку, хватая её. В отличие от него, озёрный хариус наполовину выныривал из воды, валился на бок, лениво хватая плывущую по воде искусственную муху, и эти секунды были моментом истины для рыбака! От вида поклёвки больших рыбин сердце замирало в груди, в голове пульсировала одна мысль: «Должен клюнуть!»

Чем дальше отплывал от берега, тем чаще становились поклёвки, но он не успевал сделать подсечку: почувствовав вкус железа, осторожная рыба моментально выплёвывала крючок.

Неожиданно из тёмной глубины метнулась большая тень, вынырнул огромный хариус с чёрной спиной и большим спинным плавником, падая на бок, схватил обманку.

На долю секунды рыбак растерялся, но в следующий момент сделал подсечку и по тому, как напряглась леска и изогнулось удилище, понял, что большая рыбина сидит на крючке. Не обращая внимания на опасно накренившийся плот, готовый уйти под воду при любом неосторожном движении, начал вываживать добычу. Каждый рыбак после удачной подсечки испытывает удовольствие: рыба на крючке, она сопротивляется, начинается состязание, она борется за свою жизнь, рыбак — за право добыть её. В эти минуты просыпается забытый инстинкт первобытного добытчика, когда сама жизнь зависела от умения добывать пропитание. Он забыл обо всём, выматывал рыбу, то ослабляя леску, то натягивая её до предела, за которым она порвётся. Главное в этой изматывающей схватке — не дать рыбе порвать леску, вывести на поверхность и дать глотнуть воздуха. Если большой хариус зацепился за крючок верхней губой — он твой, если нижней — как правило, под собственным весом губа обрывалась и рыба уходила.

На этот раз всё сложилось удачно: после изнурительной борьбы подвёл хариуса к плоту, взмахом удилища выхватил из воды и поймал в воздухе под жабры. Это была огромная рыба семейства лососёвых, длиной сантиметров сорок, с тёмной, почти чёрной спиной, большим спинным плавником и широким мощным хвостом. По бокам, от головы к хвосту, шли широкие полосы, отливающие медью, с крупными чёрными точками.

Гордо держа над головой пойманного красавца, закричал:

— Я поймал! Здесь крупный хариус!

Его друзья, увидев огромную рыбу, подошли к берегу, громко восхищаясь умением ловить таких больших рыб.

Рыбак в душе ликовал, наслаждаясь реакцией друзей. Опустив в сумку бьющуюся рыбу, авторитетно предупредил:

— Не кричите, рыбу распугаете! Идите в избу, поймаю ещё парочку таких красавцев, сварим уху, часть засолим, завтра будем лакомиться малосольным хариусом!

Ему удалось поймать ещё двух больших хариусов, один, самый крупный, сорвался с крючка и ушёл в тёмную воду. К досадной потере примешалась нестерпимая боль замёрзших ног, находившихся по щиколотку в ледяной воде, и рыбак погнал плот к берегу, загребая шестом, как веслом.

В избушке, сняв сапоги, вылил воду, отжал портянки и повесил на стену сушить. Пока отогревал ноги у очага, парни почистили и выпотрошили рыбу, порезали на куски. Он распорядился:

— Юра, принеси пучок лука, Валентин чистит картофель, сейчас я сварю тройную уху, всю жизнь будете помнить!

В подсоленной воде в три закладки сварил рыбу, каждый раз вытаскивая её и складывая на крышку котелка. В бульон опустил картофель, нарезанный кубиками, а когда тот наполовину сварился, высыпал нарезанную зелень дикого лука, бросил лавровый лист и перец-горошек. Под конец варки достал заветную фляжку; отвинтив пробку, вылил в уху глоток спирта.

Нахваливая умение рыбака и повара, друзья с удовольствием хлебали наваристую уху, на поверхности которой плавал слой жировых «скалок», лакомились нежным и вкусным мясом хариусов, добытых в Манском озере. Наевшись, отяжелев от сытости, парни залезли на нары, в относительно свободное от дыма пространство, и заснули, восстанавливая потраченные в походе силы.

Отдохнув, занялись делами по обустройству лагеря. Виталий, взяв удочку, пошёл рыбачить на вечернюю зорьку. Он шёл в этот поход не только посмотреть на таёжные дебри хребтов Восточного Саяна, но и страстно хотел половить хариуса на Манском озере. Хариус, рыба семейства лососёвых, восхищал совершенством своего обтекаемого тела. Крупная рыба имела чёрную, немного горбатую спину, увенчанную большим спинным плавником, с разноцветными пятнами. Бока его светились чешуёй, окрашенной краской, по цвету похожей на сплав меди и олова, от головы к хвосту шли тёмные крапинки в несколько рядов. Хвост заканчивается мощным плавником, позволявшим двигаться молниеносно, в воде его движение можно было определить только по тени, которую оставляло его тело на донном грунте.

Вскоре понял, что рыба клевала только при порывах ветра, когда по поверхности шла рябь и в ней был виден след от плывущей обманки, «усы». Он поймал трёх хариусов, но ветер к вечеру стих, клёв прекратился, и резко похолодало. Не чувствуя промёрзших ног, рыбак смотал удочку, подогнал плот к берегу, забил кол в дно, чтобы ветер не угнал. В небе вместе со снежной крупой кружились снежинки, опускаясь на зелень

мха и травы, росшие возле избы таёжные цветы, колокольчики.

За день изба просохла, камни печки раскалились, ночь ребята провели в тепле, лишь под утро перебрались в спальники. Утро порадовало путешественников. Вокруг всё сверкало в лучах встающего солнца. Произошло чудо: дождевые тучи и туман исчезли без следа. Резкое похолодание произвело революцию в природе, на небе сияло солнце. Вершины дальних хребтов, как сказочное ожерелье, охватывающие высокогорное плато, сверкали под лучами встающего солнца драгоценными бриллиантами. От вершины до подножья на них лежал искрящийся на солнце белый снег.

Парни сразу забыли о неурядицах последних дней похода, промозглом тумане, дожде и снежной крупе, вчера падавшей с неба. При солнечном свете выше ледника, на самой вершине горы Сивухи, Виталий увидел металлический блеск.

— На самой вершине алюминий отсвечивает на солнце, это останки разбившегося самолёта.

Не сговариваясь, друзья рассмеялись:

— Ты что, гонишь? Это ледник отсвечивает, — заявил Валентин.

Но ближе к вечеру солнце сменило положение на небосводе, и его друзья увидели, что блеск на вершине усилился, а ледник лежал гораздо ниже.

— А ведь он прав, так лёд не может отсвечивать, это самолёт. Будем подниматься на Сивуху, — признал ошибку Валентин.

Вечером, лёжа на нарах, в призрачном свете языков пламени горевших в очаге дров, они обсуждали план восхождения на Сивуху, к месту катастрофы. Решили подойти к горе по тропе, потом подниматься по склону до седловины, там оставить рюкзаки и налегке подняться на вершину.

Простояв один день, погода испортилась. Виталий рыбачил, варили уху, жарили хариусов на растительном масле, принесённом в бутылке, закусывали диким луком, присаливали на обратный путь. Его друзья несколько дней ходили на охоту, но не встретили крупного зверя, рябчиков, другой дичи; надежды на пополнение съестных запасов охотой не оправдывались, оставалась только рыба, которая быстро приелась.

Каждый день парни с тревогой смотрели, как на склоны далёких хребтов, которые им при возвращении придётся преодолеть, из висевших туч падал снег. Наконец Валентин не выдержал:

— Завтра уходим! Боюсь, что снег может отрезать нас от перевала. Сегодня соберём рюкзаки, рано утром завтракаем разогретой ухой, пьём чай и выйдем на тропу.

— Согласен! Пора уходить. Клёва нет, дичи нет — какой смысл стоять в ледяной воде весь день ради двух-трёх хариусов и напрасно бить ноги на охоте? Продуктов в обрез, и снег каждый день на хребты падает, — согласился Виталий.

Рано утром сняли с крыши плёнку, выполоскали в озере, разожгли очаг, подогрели остатки

вчерашней ухи, согрели чай, плотно покушали, выпили по традиционной кружке чая, заваренного листом брусники, упаковали спальники в пустые рюкзаки.

— Присядем на дорогу, — предложил Юра.

Парни сели на нары, мысленно прощаясь с древним гостеприимным зимовьем, приютившим и обогревшим их в ненастную погоду. Каждый с грустью думал, что сюда они больше не придут, а этот поход будет жить в воспоминаниях.

— Пора, ребята, дорога дальняя! — первым поднялся с нар Валентин.

Закинув за спину пустые рюкзаки, постояли молча. Каждый смотрел на озеро, окружающие его берега. Им было грустно расставаться с суровой красотой саянского высокогорья. Виталий с Юрой сняли ружья, взвели курки.

— Прощальный салют Манскому озеру и истоку реки Маны — пли! — скомандовал Валентин, и тишину высокогорья, разорвал залп из двух ружей, заглушив щелчок затвора его фотоаппарата.

На улице было холодно, на хребтах лежал снег, по долине тянул промозглый ветер. На туристах была надета вся взятая в поход одежда. Холод не донимал только во время ходьбы, но стоило ненадолго остановиться, как насквозь продувал промозглый ветер. Обойдя озеро, увидели вытекавший из него ручей, Виталий удивлённо осмотрелся:

— Парни! Это исток реки Правая Мана, ниже, после впадения в неё Левой Маны, река Мана тычет к Енисею пятьсот километров по тайге. Поздравляю вас! На плотах мы сплавлялись от Берети до устья Маны, теперь можем гордиться, что побывали на истоке — Манском озере! Не много туристов могут это сказать!

Не замочив ноги, по камням перешли небольшой ручей и быстрым шагом направились вниз, к подпирающей небо Сивухе, удивляясь красоте высокогорного плато, которое прошли, не заметив в густом тумане.

Кое-где в глубине распадков тёмной гребёнкой поднимались заросли низкорослого кедрача, пихтача и ельника. Картина высокогорного плато имела сказочный вид при солнечном свете. Среди изумрудного моря мха серым цветом выделялись огромные «блюдца» серого ягеля, везде пламенели кустики карликовой берёзы. Далеко, у самого горизонта, до неба, закрытого снежными тучами, громоздились хребты, подпирающие небо, от подножья до вершины укрытые белым искрящимся снегом. Парни понимали, что находятся в сердце Саянских гор, за сотню километров от цивилизации, в первозданных владениях матери-природы.

Они понимали: неоткуда ждать помощи, если что-то, не дай Бог, случится с каждым из них, — но каждый был уверен, что друзья не бросят в беде.

Тропа шла по крутому спуску. Пройдя несколько километров, увидели, что далеко внизу она огибает подножье горы Сивухи. Посоветовавшись, решили начать подъём на вершину горы с высокогорного плато. Поднимаясь по склону, шли по мху среди небольших редких деревьев, лакомились крупными бордовыми ягодами спелой

брусники, казавшейся особенно вкусной после скучной, однообразной походной пищи. Наконец редкий лес закончился, впереди, сколько видел глаз, были каменные осыпи. В седловине между двумя вершинами, подпирающими облака, лежал ледник из серого льда, высотой не менее пяти метров, под ним небольшое озеро, из него вытекал небольшой ручей. Озеро и ледник, преграждали путь к лежавшим у вершины останкам самолёта. Мох в седловине был вытоптан копытами маралов, лосей, оленей, спасавшихся от туч безжалостного таёжного бича — комаров и мошки: на большой высоте ветер сносил таёжный гнус. Но не только гнус гонит зверя из тайги. Самки здесь ищут спасения от медведей, которые преследуют их перед отёлом по тайге. Отяжелевшие самки не могут выдержать многодневное преследование хозяина тайги, становятся его добычей. Множество вдавленных в грязь медвежьих следов свидетельствовало, что они были здесь частыми гостями, преследуя добычу.

По каменной осыпи друзья обошли озеро, в промоине ледника топором и ножами вырубили ступени, вышли на ледник, где Валентин сфотографировал автора и Юру. За их спинами видно озеро, из которого вытекал ручей, позднее превращавшийся в полноводную таёжную реку Левая Мана.

Оставив ружья и рюкзаки, начали подъём к вершине, где были видны следы страшной трагедии, блестели алюминием фрагменты разбившегося двухмоторного самолёта.

Разорванные куски обшивки и фюзеляжа были разбросаны по камням, как клочья бумаги. Немного выше лежали изуродованные, изорванные крылья двухмоторного самолёта Ил-12. Сквозь разрывы были видны колёса шасси, резина висела на дисках лохмотьями.

Здесь же нашли непонятный клубок из кусков алюминия и лент алюминиевой обшивки, густо прострочённой заклёпками. При беглом осмотре не смогли понять, что это такое, и полезли вверх по склону, где лежала сохранившаяся хвостовая часть самолёта. На ней стоял хвостовой стабилизатор с крыльями заднего оперения. Когда Виталий поднялся ближе, услышал печальную мелодию, она звучала на одной ноте, не прерываясь, то набирая силу, то затухая.

Мелькнула мысль: «Мистика! Кто в этой таёжной глуши может исполнять печальный реквием погибшим лётчикам и пассажирам?» Он осмотрелся. Друзья отстали и находились гораздо ниже, рядом никого не было. Подойдя вплотную к тому, что осталось от хвостовой части самолёта, понял, что прощальную мелодию, похожую на горловое пение, исполняет ветер, проносящийся по останкам самолёта. Валентин сфотографировал Виталия и Юру у бортового номера на крыле хвостового оперения.

Катастрофа была ужасной, металл был разорван, сплющен, деформирован, как газетная бумага, у самой вершины лежали моторы самолёта. От страшного удара они вылетели из гондол, вращающиеся винты погибшего самолёта продолжали тянуть их в последний полёт, в бессилии рубили камни осыпи и застыли навечно на вершине горы Сивуха на высоте 1865 метров осенью 1953 года. Их трёхлопастные алюминиевые винты не сломались, лопасти были скручены в штопор, но не слетели с валов от ударов о камни. Спустя десятки лет на камнях и почве под ними сохранились тёмные пятна от вытекшего масла.

Виталий стоял рядом с моторами на самой вершине и думал о коварстве судьбы. Пролетай самолёт метров на сто-двести выше или на триста метров в стороне — разминулся бы он с вершиной горы, остался цел, были бы живы экипаж

и пассажиры. Но судьбы людей решил Его Величество Случай, они погибли, не успев подумать, что через мгновение ждёт смерть, полные жажды жизни, надежд и планов на будущее.

Закончив осмотр, парни поднялись на гребень, и увидели, что окружающие хребты по-прежнему закрыты тёмными тучами, на склоны сыпался густой снег. Валентин сказал:

— Спускаемся, надо спешить, снегопад не прекращается, может отрезать нас от перевала, а зимней одежды у нас нет!

Виталий, спускаясь по каменной осыпи, подошёл к бесформенному клубку из кусков разорванного алюминия и полос, прошитых заклёпками. Ему показалось странным, что в нём видны ручки многочисленных переключателей, тумблеров. Присмотревшись, увидел рубчатую педаль руля поворота, отлитую из алюминия, для ноги пилота. С помощью таких педалей они поворачивают самолёт в горизонтальном полёте и при рулёжке по аэродрому. Усилие от нажатия на эту педаль тросами передаётся на перо руля поворота, подвижно закреплённое на хвостовом стабилизаторе.

Когда подошли друзья, показал:

— Это пилотская кабина, точнее, всё, что от неё осталось! Пилоты погибли мгновенно, у них не было шансов выжить, как и у пассажиров!

Парни обнажили головы, отдавая дань памяти погибшим. Постояв минуту в молчании, поспешили к леднику.

Погода портилась на глазах, за вершину зацепилась тёмная туча, сильный ветер стал бросать в путешественников пригоршни ледяной крупы и снега.

— Надо скорее уходить, выпадет снег — можем не найти тропы! — скомандовал Валентин, ускоряя шаг.

Спустившись к седловине, надели рюкзаки, подобрали оружие и вышли на склон. Далеко внизу, за кромкой тайги, темневшей у подножья горы, увидели полоску ручья, истока Левой Маны, стекавшего из озера в седловине Сивухи, дальше была видна тропа.

Тучи опускались всё ниже, угрожая накрыть группу ребят, закружить их снежной круговертью, похоронить в тайге.

— Быстро уходим на тропу через тайгу у подножья, спрямим путь километров на пять! — предложил Виталий и первым зашагал к подошве горы.

Когда парни вошли под кроны вековой тайги, померкло солнце, скрытое снеговой тучей, опустившейся с Сивухи. Валентин с Юрой взбунтовались, им казалось, что Виталий их не туда ведёт, стали громко возмущаться:

— Ты куда ты нас ведёшь, Сусанин-герой? Заблудимся, тропу потеряем!

— Мы идём правильно, кончайте базар! Держитесь за мной! — пытался их урезонить Виталий, упрямо продолжая идти по намеченному маршруту.

Но друзья закусили удила, Юра сорвался на крик:

— Мы не пойдём за тобой, надо уходить левее! Заблудимся, потеряем тропу и погибнем в тайге!

— Не валяйте дурака! Идите за мной, иначе заблудитесь! — зло ответил Виталий и пошёл быстрее, отрываясь от спутников, которые, не стеснялись в выражениях, высказывали недовольство.

— Одного в тайге не бросите, идите за мной! — громко крикнул он, продолжая идти на юго-восток.

Но конца тайги не было видно. По времени он должен был выйти к ручью, но его не было видно, в душу начал заползать страх самому заблудиться в снежной круговерти. Но через несколько минут выглянуло солнце. Сориентировавшись, понял, что идёт правильно, вскоре вышел на край болота, по которому тёк ручей. Повернувшись, он крикнул:

— Кончайте бунт, идите на голос, я на тропе у ручья!

Парень прислушался, но ответа не последовало. Появился страх за судьбу друзей, начал громко кричать, поворачиваясь из стороны в сторону, но тайга хранила молчание. Продолжая кричать, подумал: «Куда занесло этих горе-туристов? Неужели заблудились? Придётся идти искать, иначе пропадут!»

Между тем мгла от падавшего с неба снега растекалась по окрестностям, на голову посыпались снежинки и крупа.

Сорвав голос, в отчаянии собрался идти на поиски, но подумал: «Пойду искать — сам заблужусь, снег засыплет все следы! Что делать? Они меня не слышат!» Неожиданно мелькнула мысль: «А ружьё у тебя для чего?» Он рассмеялся. Сняв с плеча ружьё, зарядил патронами с зарядами мелкой дроби, взвёл курок и нажал на спусковую скобу. Грохот выстрела прокатился по окрестной тайге, вернулся эхом. Долго прислушивался, но тайга хранила молчание. Подождав минут десять, сделал второй выстрел и перезарядил оба ствола. Слушая тайгу, терялся в догадках, что делать дальше для спасения друзей. Сложив руки рупором, что было силы стал кричать, пока не замолк, сорвав голос. Без всякой надежды, что друзья услышат, взвёл курки ружья. Но случилось чудо, услышал далёкий, как писк комара, голос Валентина:

— Чего затих? Куда идти, покричи нам!

— Выходите, черти! Я не только на вас покричу, но и гонки по тайге устрою! — прохрипел в сторону, где блудили друзья, а сам улыбался от мысли, что всё хорошо кончилось.

Прошло полчаса, среди столетних кедров показались измученные спутники, сделавшие большой крюк по нехоженой, заваленной буреломом тайге.

— Иваны Сусанины, мать вашу! Кричу: идите за мной, — значит, надо идти! Как овцы, разбрелись по тайге! — выговаривал парень.

— Кончай ругаться! Зашли в бурелом, начали обходить, в болоте едва не утонули. Хорошо, что услышали выстрелы, иначе бы тропу не нашли, — извиняющимся тоном сказал Валентин.

— Ты посмотри, куда вас понесло! Болото заканчивается, и тропа круто уходит вправо. Чуть дальше бы ушли — в лучшем случае к весне по нехоженой тайге до жилья бы добрались! Если бы мишка косолапый или волки вами не пообедали, здесь их много водится!— остывая, сказал Виталий.

Дав немного отдохнуть, поднялся:

— Пора идти, на тропе отдышитесь, нам ещё топать и топать, снег усиливается!

Через несколько километров туристы подошли к крутому склону, русло Левой Маны упиралось в подножье горы.

— Фантастика! Куда делась речка? — глядя на склон, удивился Виталий, его спутник были изумлены не меньше.

Им никто не мог ответить, все стояли, потрясённые сказочной картиной.

Юра предложил:

— Чего гадать? Пойдём посмотрим, не каждый день такое увидишь!

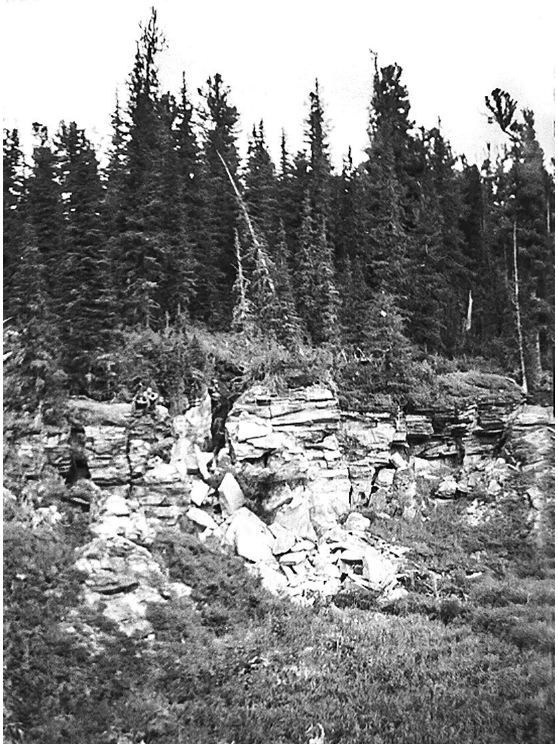
Оставив на тропе рюкзаки и ружья, подошли к тому месту, где русло ручья упиралось в обнажённый скальный обрыв склона горы, услышали громкий шум падающей с высоты воды. Заглянув в невысокую пещеру, увидели, что полноводный поток втекает под низкие своды каменных плит и через несколько метров водопадом низвергается под землю. Путешественники долго молчали, глядя на чудо природы. Валентин сделал два фото: автора на вершине утёса, в подножье которого устремляется бурный поток, и сидящего с Юрой на вершине скального обрыва.

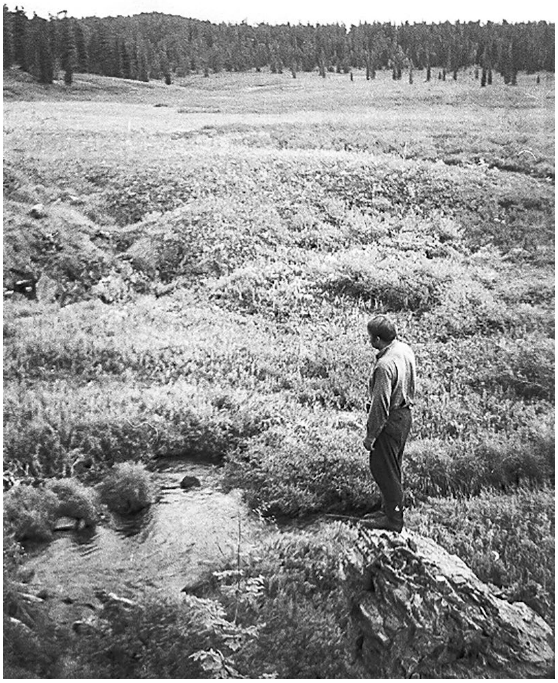
Позднее из рассказов охотника узнали, что речка Левая Мана, вытекавшая из озера на вершине Сивухи, низвергалась в пещеру, чтобы через километр вырваться из подземелья, влиться в Правую Ману и дальше в реке Мана нести свои воды к Енисею.

Погода совсем испортилась, резко похолодало, небо плотно затянули тучи, на зелёную траву, мох, ветви деревьев и одежду туристов падали густые хлопья снега. Двадцать километров по логу Кулитьба парни прошли быстро, от тепла тел брезент штормовок промок, не держал тепла, чтобы не замёрзнуть, приходилось непрерывно двигаться.

Наконец группа вышла на левый берег Маны. На противоположном берегу увидели строения прииска Юльевский. Не снимая мокрой одежды, вошли в бурную ледяную воду, опираясь на вырубленные шесты. Переправа прошла без приключений. Вскоре вошли под крышу наполовину сохранившегося барака, отжали носки и брюки, нарубив щепок, развели небольшой костёр. Остатки стен и крыши защищали от ветра, на голову не падали хлопья снега, пламя костра согревало, сушили одежду, радуясь теплу, разливавшемуся по усталому, продрогшему телу. Сгрудившись у костра, парни отдыхали, сидя на спальниках. Молчание прервал Валентин:

— Давайте решать, у нас два варианта. Первый — остаться ночевать в избушке с печкой, где





встретили заготовителей, а утром штурмовать перевал. Второй — не теряя времени, идти на перевал. Перед гольцами у тропы мы видели избу, но есть ли там печка? Решайте сами!

— Я видел трубу над крышей, — подал голос Юрий.

— Труба может быть, а печки может и не быть. Охотники и таёжники её прячут, чтобы избу не спалили лихие люди, — возразил Виталий.

— Думаю, что надо идти. Над хребтом идёт густой снег, он может нас отрезать, завтра не пробьёмся к перевалу, — высказался Валентин.

— Да, снега за ночь навалит — будь здоров! — поддержал его Виталий.

— Не зимовать же нам здесь? Надо идти вперёд! Если не будет печки, выставим окно, будем в избе всю ночь жечь костёр — не замёрзнем! Но надо заправиться, больше тридцати километров с подъёмом на Сивуху отмотали, — предложил Юра.

Его дружно поддержали голодные друзья, вскрыли банку тушёнки, открыли котёл с солёным хариусом; дружно похрустев сухарями, запили обед водой из Маны.

Когда группа вышла из-под крыши барака, Виталий остановился, ещё раз посмотрел на надпись под коньком крыши, громко сказал:

— Тысячу раз прав был господин Юльев: в тайге выживает сильнейший, кто работает до упада, ест до отвала и засыпает без всяких мыслей!

Сквозь снежные тучи солнца не было видно, от подошвы до вершины хребет был укутан плотными тучами, на его склоны падал густой снег. Парни настойчиво шли по снежной целине, карабкаясь по склону, утопая в снегу. Чем выше поднимались парни, тем глубже становился снег, он скоро стал достигать колена, укрыл тайгу белым покрывалом. Чтобы отыскать тропу, приходилось ориентироваться по просвету среди вековых деревьев. С каждым шагом к перевалу становилось холоднее и холоднее, всё труднее становилось дышать, круче становился подъём, чаще приходилось отдыхать.

Вся одежда промокла от падавшего и таявшего снега, во время отдыха леденела на ветру, зубы выбивали чечётку, колючий ветер пробирал до костей; казалось, что температура тела находится близко к точке замерзания. Вдобавок незаметно подкрались ранние сумерки, сгущавшиеся на глазах.

Парни прошли мимо огромных шурфов, обложенных валунами, из которых старатели брали золотоносный песок, мимо плотины на ручье, насыпанной дресвой, мелкими плоскими камешками голубоватого цвета, взятыми из шурфов. Холод становился нетерпимым, на тропе лежал снег выше колена, но надеть на себя было нечего, а силы на морозе быстро таяли.

Виталий, уставший и продрогший до костей, резко остановился. Валентин, на автомате шагавший следом, не поднимая головы, наткнулся на него, остановился и Юра. Они с удивлением смотрели на товарища.

— Я знаю, как спастись от холода и выжить! — едва разжимая посиневшие губы, сказал Виталий.

Прислонив ружьё к дереву, сбросил и развязал рюкзак, достал полиэтиленовую плёнку, развернул, повернулся к товарищу:

— Помоги, Валентин, складывай в три ряда!

Тот запротестовал:

— Это ещё зачем? Она нам ещё может пригодиться!

— Если мы её сейчас не разрежем и не наденем на себя, замёрзнем на этой стуже! Тогда нам уже ничего не пригодится! Быстро складывай!

Достав нож, с которым не расставался в походах, он разрезал сложенную плёнку на три полосы. Друзья с нескрываемым интересом наблюдали за его руками. Не обращая внимания, сложил полосу пополам, в середине прорезал круглое отверстие. Происходящее всё больше настораживало спутников. Валентин переглянулся с Юрой, оба подумали, что от холода у друга поехала крыша, но не спели рта открыть — Виталий усмехнулся:

— Спокойно, я не шизую, сейчас увидите, что придумал!

Он просунул голову в отверстие посередине и расправил плёнку. Она закрывала его тело ниже пояса спереди и сзади. Подпоясавшись куском шпагата, расправил края плёнки, заправил внахлёст, сверху надел рюкзак, протянул Валентину нож:

— Быстро делайте себе пончо! Это для нас единственная возможность спастись! Одежда смёрзлась, без плёнки через полчаса замёрзнем на таком собачьем холоде, не дойдём до избушки!

Друзей не надо было уговаривать, через несколько минут они были прикрыты плёнкой. Сделав несколько шагов, почувствовали, что он прав. Плёнка не пропускала к телу холод и снег, сохраняла тепло. Мёрзли мокрые ноги, месившие снег выше колена, и руки, не прикрытые плёнкой, но тепло не улетало в пространство заваленной снегом тайги, кровь разносила его к рукам и ногам. Вместе с теплом к парням вернулась надежда выжить в капкане ночной тьмы, собачьего холода и колючего снега, эта надежда прибавила сил.

Туристы стали двигаться быстрее, вошли в кедровую тайгу, где по пути на Манское озеро с тропы настреляли много рябчиков. Но тайга словно вымерла, надежда добыть вкусную еду растаяла. На ветвях рябин лежали охапки снега, с них свешивались гроздья ягод, пламенеющих на белом фоне снега. Но парням было не до красот: сгущались сумерки, а до избы надо было ещё долго в сгущающейся тьме штурмовать крутой склон водораздельного хребта.

В холодном воздухе густо кружились хлопья колючего снега, но их спасала плёнка, снег и капли талой воды скатывались по ней, не причиняя большого вреда путешественникам. Валентин пресекал любой разговор об отдыхе. Опускались ранние сумерки, ребята знали, что во время снегопада в тайге быстро стемнеет, тогда шансов отыскать избушку в заваленной снегом тайге у них не будет, а это верная смерть от холода. О ночёвке у костра без тёплой одежды не могло быть речи. Чтобы выжить в мире холода и снега, надо во что бы то ни стало найти избушку и нарубить дров на всю ночь. Их не пугало отсутствие печи в избушке, стены и крыша над головой давали шанс выжить. В охотничьих избах не было пола, они стоят прямо на земле, что позволяло, выставив раму, или приоткрыв дверь, жечь костёр.

Жажда жизни гнала вперёд, заставляла переставлять насквозь мокрые, промёрзшие до костей, ватные от усталости ноги. Подъёму, казалось, не будет конца, мучили голод, холод и валивший с неба снег. Опускавшиеся сумерки, выпавший снег изменили облик тайги, никто не мог сказать, сколько ещё предстояло пробираться по глубокому снегу до спасительной избушки. В души ребят заползла змея страха, что они уже прошли мимо, не заметив зимовье в сгущающихся сумерках и заваленной снегом тайге.

Когда все надежды угасли вместе с дневным светом, Валентин остановился, достал из рюкзака электрический фонарик и осветил окрестности.

Виталий осмотрелся и закричал, узнав участок тропы:

— Парни! Я здесь одним выстрелом убил двух рябчиков! Немного ниже мы подошли к нартам! Мы уже прошли мимо избушки! Валька, свети назад по тропе, она недалеко!

Валентин повернул луч фонаря, искрившийся от снега. Все увидели сзади, метрах в двадцати, странный сугроб, прислонившийся к дереву.

Валентин показал:

— Юра, посмотри, что у тропы под шапкой снега стоит!

Спустившись, тот подошёл к странному вертикальному сугробу, сбил снег и закричал:

— Это нарты! Избушка рядом! Мы спасены!

У Витальки из глаз брызнули слёзы: если бы фонарик включили ещё через десяток метров, пройдя мимо избушки, они были бы обречены на гибель. Губы прошептали:

— Слава Тебе, Господи, что спас меня и друзей!

Он отвернулся, чтобы они не видели слёз радости, но был уверен: и они плачут вместе с ним, радуясь, что удалось избежать жуткой смерти на лютом холоде.

Спустившись, свернули в тайгу и разглядели стоявшее метрах в пятнадцати от тропы неприметное зимовье с сугробом снега на плоской крыше. Это была небольшая охотничья избушка с жестяной печкой и небольшими нарами, на которых втроём могли спать только сидя. Но это их не пугало, парни радовались: они победили смерть и проведут ночь в тепле таёжного зимовья.

— Не расслабляться! Пошли готовить дрова на ночь. Растопим печь, будем пить чай и ужинать! — приказал Валентин.

Двуручной пилой свалили пару высохших на корню пихт, притащили к избушке, распилили их; нарубив сухих веток, разожгли огонь в печке. В кромешной тьме они свалили молодой кедр, распилили на чурки. Расколов на четыре части, заготовили сырых дров, чтобы дольше горели ночью, даря тепло.

Окончив работу, обессилевшие в борьбе со снегом и холодом, сидели друзья на нарах, глядя на полыхающие в печке дрова, в ещё холодной, сырой избе, ожидая, когда растает снег в набитом снегом котелке. Через открытую для лучшей тяги дверку печи смотрели на языки огня, плясавшие на сушняке. Огонь, набирая силу, разогнал мрак в избушке, бока железной печки стали излучать благодатное тепло. Оно разливалось по зимовью, согревая ребят, отдавших последние силы на заготовку дров, неподвижно сидевших на нарах в мокрой одежде, наслаждавшихся теплом.

Трещал в печке сушняк, изба прогревалась, за окном стоял густой мрак. Они понимали, что, включи Валентин на подъёме фонарик на полчаса позже, не смогли бы в темноте рассмотреть избу, стоявшую метрах в пятнадцати от тропы. Судьба в очередной раз подарила им жизнь!

— Чего раскисли? Давайте кашу варить, чай кипятить! — распорядился Валентин.

Услышав его голос, туристы вышли из оцепенения и почувствовали жуткий голод. В кипящую воду выложили банку говяжьей тушёнки, обухом топора на нарах, прямо в упаковке, разбили последний брикет концентрата гречневой каши и ссыпали в котёл. Виталий взял ложку, помешал, посолил.

— Ребята, каша жидкая, и мало её, утром нечем будет завтракать, продуктов больше нет!

Все развязали рюкзаки, но, кроме небольшой сумочки ржаных сухарей и малосольного хариуса в котелке, съестных припасов не нашли.

— Кидай в котёл пару горстей сухарей, сытнее будет затируха, и на завтрак останется! — предложил Валентин.

Виталий положил в котёл три горсти сухарей. Когда они размокли и разварились, попробовал, немного посолил, снял котёл с печки, поставив на нары, и поднял вверх большой палец:

— Мировая жратва! Налетай, мужики!

Парней не надо было уговаривать. Некоторое время тишину нарушал стук ложек по стенкам котелок и треск горящих дров.

— Хватит, завтра будут нужны силы для рывка через перевал, для этого нужно хорошо позавтракать, — сказал Валентин, закрывая котёл крышкой и выставляя за дверь.

Туда же отправил котелок с солёным хариусом, после того как друзья отведали по одной рыбке.

До следующей закладки по ту сторону перевала других продуктов у них не было. Запивая ужин кружками горячего чая, заваренного листом брусники, подслащённого парой ложек сгущёнки, парни думали, что вкуснее в своей жизни они ничего не ели. От сытости и усталости слипались глаза. Раскатав спальные мешки, залезли в них; сидя на узких нарах, застегнув молнии, прислонившись спиной к стене, заснули крепким сном смертельно уставших людей.

Ночью изба выстыла, Виталий проснулся от холода, вылез из спальника, подсвечивая фонариком, растопил печь, набил дровами, его товарищи спали сидя, не обращая внимания на холод. Он влез в спальник, застегнулся и провалился в глубокий сон.

Проснувшись утром, приоткрыл дверь и увидел, что за стенами избушки бушует непогода. С перевала резкими порывами дует ветер, закручивая летевший с неба снег. Закрыв дверь, Виталий разжёг прогоревшую печь, поставил греться котелки с едой и чаем, стал будить товарищей:

— Вставайте лежебоки, завтрак уже согрелся!

Но никто не пошевелился.

— Просыпайтесь, предлагаю в последний раз, иначе всю затируху один съем! — он загремел котелком.

Угроза подействовала. Умывшись снегом, друзья позавтракали, выпили по кружке обжигающего чая, выполоскали остатки сгущённого молока в банке. Они знали, что до жилья не меньше шестидесяти километров. Надежда на охоту не оправдалась, у них осталась только одна закладка продуктов, сделанная по пути на Манское озеро, надо было спешить.

Мысленно прощаясь с избушкой, сохранившей им жизнь, не стали испытывать судьбу, каждый надел пончо из полиэтиленовой плёнки, подпёрли дверь колом и вышли на тропу. Температура была минусовой, порывистый ветер дул в лицо, снег скрипел под ногами. Через два часа непрерывного подъёма, задыхаясь от встречного ветра и нехватки кислорода, выше колена утопая в снегу, ребята вышли из тайги на гольцы. Там их поджидало приятное открытие: чем выше поднимались к перевалу, тем меньше было снега, но тяжелее становилось дышать.

Это слегка озадачило путешественников, но ответ нашёл Юрий:

— Не ломайте голову, мы поднялись выше снеговых туч! Здесь они только слегка присыпали камни снегом.

В подтверждение его слов через полкилометра группа вышла из сплошной облачности, над ними светило солнце, плыли редкие тучки, сыпавшие снег. Ещё через час, измотанные борьбой со снегом, длительным подъёмом, тяжело дыша от нехватки кислорода, путешественники вышли на вершину перевала. Остановились передохнуть, с ног валил ледяной ветер, но плёнка надёжно сохраняла тепло.

С видом победителей стояли уставшие путешественники, смотрели на море сизых туч, скрывших от их глаз тайгу, хребты, клубившихся внизу до самого горизонта.

В душе каждый был горд: не имея карты, не зная маршрута, они заглянули за перевал, дошли до Манского озера, поднялись на Сивуху к разбитому самолёту, и фотографии Валентина станут подтверждением этого похода, граничившего с авантюрой. Они сумели выжить без тёплой одежды, несмотря на глубокий снег, ветер и пронизывающий до костей холод, пробиться на перевал. Каждый был горд собой и друзьями.

— Не грустите, друзья! Даст Бог, мы ещё сходим на Манское озеро, и опять без карты! — рассмеялся Виталий, направляясь по тропе к спуску в долину реки Мины.

Идти под гору было значительно легче, казалось, что ноги сами несут к дому. Они торопились в надежде до наступления темноты дойти до избушки пастухов и ночь провести в тепле. За три часа спустились с водораздельного хребта, вышли к берегу Мины, не снижая темпа, шли по тропе, змеившейся в долине реки под гору.

Приближался вечер, но надежды туристов не оправдались: избушка скотников была пустой и промёрзшей, они угнали гурт молодняка, увезли с собой печь, спрятали оконную раму.

— Что будем делать? Здесь ночевать, жечь костёр всю ночь? Или дойдём до вагончика? — спросил Виталий.

— Надо идти, тропа идёт под гору, в вагоне заночуем, там приличная печь, — предложил Юра, и все согласились.

Перекусив под крышей продуктами из закладки, запив обед водой из Мины, тронулись в путь, зная, что до спасительного вагона больше двух часов пути.

Стало заметно теплей, снег уже не хрустел, ноги месили грязь вперемешку с мокрым снегом, но силы таяли, шли, едва передвигая ноги. Тайга вымерла, надежды подстрелить рябчика или другую дичь на ужин не оправдались, но это никого не заботило, они сняли последнюю закладку продуктов, скромный ужин был у них в рюкзаке.

Наступали сумерки, тропа, петляя по берегу Мины уходила вниз. Когда подходили к логу Аботеки, где должен стоять вагон, увидели странное облако, стелившееся над вершинами деревьев.

Юра обрадовался:

— Глядите, там кто-то есть! Жгут костёр или топят печь вагона!

— Перестань, два раза чудес в одном походе не случается! Это обрывки вечернего тумана! — рассмеялся Валентин

— Валька, это дым! Там люди! — приглядевшись, поддержал друга Виталий.

В это время тропа свернула в сторону, и деревья закрыли обзор. Пройдя полкилометра, друзья увидели, что из трубы вагона валит дым, рядом стоит грузовой автомобиль ГАЗ-51, и человек крутит заводную ручку, пытаясь завести мотор. Но до вагончика было ещё больше километра, а сил ускорить шаг уже не было.

Виталий повернулся к другу:

— Мы с Юрой бежать не сможем, выручай, Валентин! Заведут мотор, уедут без нас! Придётся ещё тридцать километров на пустой желудок грязь месить. Давай рюкзак и беги, попроси подождать, у нас уже нет сил!

Случилось чудо! Измученный переходами, Валентин побежал! Из-под подошв его туристских ботинок далеко в стороны летели брызги мокрого снега и грязи.

Трагедия заключалось в том, что Виталий и Юра, видя автомобиль, суетившихся возле него людей, понимали, что он сейчас уедет без них. Но сил бежать или ускорить темп ходьбы уже не было — едва волочили ноги, как в немом кино наблюдая, как люди, стоявшие возле машины, обступили мужчину, крутившего заводную ручку, о чём-то разговаривали с ним.

«Неужели уедут? Ещё тридцать километров мокрый снег на голодный желудок месить!» — думал Валентин, пробегая очередной поворот тропы, Неожиданно лес кончился, на противоположном берегу Мины, в трёхстах метрах, увидел вагон и людей, пытавшихся завести мотор машины, но силы покинули и его, дальше бежать не мог.

Остановившись, сделав несколько глубоких вдохов, что есть мочи закричал:

— Мужики, не уезжайте! Подождите, сейчас ребята подойдут! Пожалуйста, не уезжайте!!!

К счастью, отчаянный крик был услышан, стоявшие у машины на противоположном берегу Мины повернули головы, с удивлением рассматривая парня, шагавшего к ним на негнущихся ногах. Как заводной, он прошёл по реке, не обращая внимания на ледяную воду до колен, брызги и мокрую одежду, остановился рядом с машиной, тяжело дыша, не в силах что-либо сказать.

— Откуда ты взялся? — спросил удивлённый водитель.

Валентин несколько минут тяжело дышал, как загнанная лошадь. Наконец обрёл дар речи:

— Мы туристы из Красноярска, идём с Манского озера, чуть не замёрзли в пурге на перевале! Подождите, двое парней на подходе!

— Не бойся, отдышись, совсем запалился! Мы их подождём, нельзя людей в тайге бросать! А что за нужда — жизнью рисковать поздней осенью, в снег и стужу, за сотню километров, в летней одежде по тайге бродить? Никак этого не пойму! — пожал плечами водитель.

— Это особый народ, романтики! Их трудно понять! — рассмеялся стоявший рядом мужчина.

Увидев, что Валентин добежал, разговаривает, Виталий облегчённо вздохнул:

— Могу поспорить, настоящие мужики нас в тайге не бросят, подождут! Уже сегодня будем в посёлке!

И эта уверенность придала измотанным, голодным парням силы, чаще стали переставлять ноги. В подтверждение его слов Валентин повернулся и стал махать руками, чтобы не торопились. Увидев его сигналы, парни резко сбавили темп ходьбы, спало нервное напряжение, заставлявшее смертельно усталых путников бороться за жизнь.

Мокрые до нитки от пота, уставшие до потери сознания, измученные холодом и голодом, в полном отупении, друзья подошли к вагончику, поздоровались. Водитель покачал головой:

— Под счастливой звездой родились! В такой одежде поздней осенью в тайгу не ходят! Она шуток не любит, могли замёрзнуть, звери бы растащили, и костей никто не нашёл! Быстро лезьте в кузов, романтики, мать вашу! Попытаемся засветло доехать до посёлка!

Помогая друг другу, друзья залезли в кузов, раскатав спальные мешки, влезли в них, застегнув молнии, прислонились спинами к переднему борту.

Самый крепкий мужчина крутанул ручку, мотор чихнул два раза и завёлся, а ещё через два часа езды по камням и колдобинам разбитой старой лесовозной дороги машина въехала в посёлок Мина, с которого начиналось их путешествие.

Они поблагодарили водителя. Виталий весело сказал:

— Древний мудрец был прав: лучше плохо ехать, чем хорошо идти!

Ещё через полчаса они были в доме гостеприимного Григория Максимовича, вечером парились в его бане, смывая грязь и усталость дальнего похода, кряхтя и постанывая от удовольствия, истязали себя берёзовыми вениками.

Оказавшись за накрытым столом, с аппетитом ели хлеб, испечённый в минской пекарне, отварной картофель, макая в растопленные шкварки, угощаясь квашеной капустой и солёными огурцами, закусывая рюмки водки солёным салом.

— Что собираетесь делать дальше? — спросил хозяин.

— Завтра уедем на станцию Мана и на поезде двинем домой, хватит романтики! — рассмеялся Валентин.

Григорий пожал плечами:

— В этом году богатый урожай на кедровую шишку, завтра собираюсь в тайгу на пару дней, могу вас прихватить. Не с пустыми рюкзаками — с кедровым орешком вернётесь!

Виталий, увидев нерешительность друзей, поддержал его:

— Последнее дело — домой возвращаться с пустым рюкзаком. Останемся на пару дней, добудем по ведру кедрового орешка на щелканку!

Друзей не надо было долго уговаривать. Утром перегруженный мотоцикл Григория, постукивая мотором, вёз друзей в ближайшую тайгу.

Оставив мотоцикл у подножия Кутурчинского Белогорья, поднялись к маленькому зимовью, крытому расщеплёнными половинками деревьев и корой.

Насадив полутораметровую чурку ствола берёзы на шест, Виталий сделал колот и оббивал кедры, сбивая шишки с вершин, друзья собирали и носили на стан. Григорий сделал возле избушки насечки на стволе упавшего дерева и деревянный валёк, которым они по очереди растирали каждую шишку, просеивали жванину через два сита, копытное и чистовое, подвешенные к перекладине. Валентин сделал снимки избушки, гостеприимного Григория, Виталия с Юрой, перетирающих вальком шишку.

За два дня добыли полтора мешка кедрового орешка. Парни взяли себе по ведру, остальной орех оставили Григорию — в благодарность за помощь в походе и поездке в тайгу. Тётушка Валентина, после парной бани, накормила парней сытным ужином, поставив на стол припрятанную для торжественного случая бутылку водки, Ночью Григорий довёз друзей до остановки автобуса, тепло попрощался.

Утром следующего дня друзья расстались, выйдя из вагона в Красноярске. Благодаря фотографиям Валентина Морозова этот поход навсегда остался в памяти автора.

Андрей Пучков

«Взвейтесь кострами…»

За окном, во дворе школы, посреди спортивного городка дрались мальчишки-первоклашки. Они с азартом, достойным лучшего применения, валтузили друг друга руками и ногами. Я с сожалением поморщился: жалко, что не слышно воплей, из-за этого упускается значительная часть зрелища!

Однако битве не суждено было перерасти в побоище. На ристалище заявилась группа прекрасных дам в пионерских галстуках, и одна из них, понаблюдав за безобразной дуэлью, одним ударом портфеля эффектно повергла дуэлянтов на землю. Всё! Приплыли!

Но оказалось, что не всё. Девчонка, одолевшая вояк, вдруг заботливо отряхнула их от пыли и вытащила из портфеля два свёртка, отдав мальчишкам. Те с аппетитом что-то начали жевать. Вот теперь всё! Вражда забыта, желудок победил!

Я понимаю пацанов, сам к еде очень даже неравнодушен. Да что там скромничать! Любил её нежно и страстно, в любое время дня и ночи готов уделять ей пристальное внимание.

Мне порой кажется, что когда родители в первый раз меня привели в детский сад, то на вопрос воспитателя: «Можно ли его бить, чтобы заставить есть?» — дали своё убедительное согласие, подкрепив его подзатыльником. Как результат, в меня вбили любовь к всевозможным кашам, супам и котлетам. О чём я, кстати, ни капельки не жалею.

Не переставая жевать, мальчишки покинули поле боя и потопали в сторону школы, активно размахивая портфелями. Я с досадой вздохнул: почему-то всегда всё хорошее заканчивается быстро! Обидно. А до конца урока ещё…

Додумать грустную мысль не успел, так как получил в бочину от сидевшего со мной за одной партой приятеля и чуть не свалился со стула.

Возмущаться не стал, поскольку услышал насмешливый голос исторички:

— Ну, Андрей, а что ты думаешь по этому поводу?

Я вообще ни о чём не думал, я даже не слышал, о чём речь-то шла. Поэтому, покосившись на начавшего сосредоточенно рыться в учебнике друга, поднялся, привычно прислушался к его шёпоту и приготовился излагать следом за ним мудрость учебника истории.

Наш с Санькой совместный и осознанный жизненный путь начался ещё в детском саду, откуда мы и попали в один класс, что неудивительно. Так было принято: группа из детского сада в полном составе образовывала первый класс. И вот уже десятый год мы тянем лямку за одной партой. Срок вполне солидный, что позволило нам поднатореть в таком хитром деле, как подсказывание.

Ну что же, поехали! Я коротко выдохнул и, состроив серьёзную физиономию, начал слово в слово повторять за приятелем, полагаясь на его профессионализм.

Класс хохотал! Дружно, с удовольствием, растягивая это приятное действо как можно дольше, исходя из золотого правила: чем бы ты на уроке ни занимался, время продолжает идти в твою пользу.

— Я тебе это припомню! — прошипел я и потихоньку, чтобы не увидела Катя (наша «класска», она же учитель истории), показал приятелю кулак.

Он по-хамски подставил меня, подсказав неправильно. Вернее, поначалу подсказывал-то правильно, но в конце добавил свои мысли о революционной ситуации, которые я, не задумываясь, озвучил на весь класс.

— Оригинально! — улыбнулась Катя и, посмотрев на меня поверх очков, спросила: — Ты это что, сам придумал? Идея разума не лишена, но, насколько я помню, в учебнике этого нет.

— Сам,— пробормотал я и покосился на приятеля, бившегося в истерике от смеха.

— Садись, Андрей! — махнула мне учительница и, повысив голос, потребовала тишины в классе.

Ещё бы это не было оригинальным! Если мятежные революционные души захватывали бы не оружейные арсеналы, узлы связи и другие стратегические объекты, а ликёро-водочные заводы, трактиры, кабаки и прочие питейные заведения, то я сомневаюсь, что у них что-то путное бы получилось. Уже к вечеру жёсткие революционеры стали бы мягкими и пушистыми обаяшками, любящими не только буржуазный мир, но и царя-батюшку в придачу!

Я сел и, пообещав обрушить на голову приятеля кару небесную, начал собирать папку, благо что звонок прозвенел.

— Ты вообще, что ли, рехнулся?! — набросился я на него, когда Катя вышла из класса. — На фига так подставлять-то?

— Да ладно ты!.. Успокойся!.. — хихикнул Санька. — Ничего ведь страшного не случилось, пятак она тебе всё равно поставила, да и время классно провели.

Это правда. Несмотря на явный прокол, «отлично» я заработал, что, в общем-то, меня не удивило. Мы были у Кати любимчиками. А как же, у меня рост под сто девяносто, Саня чуть пониже, но всё равно та ещё верста. Благодаря этому мы играли за школьную команду в волейбол и ручной мяч и ещё ни разу не проиграли на регулярных районных соревнованиях среди школ. Но особо примечательна наша художественная самодеятельность: мы выступали в составе школьного ВИА на творческих конкурсах, чем зарабатывали не только славу школе, но и себе популярность у девчонок.

— Ладно, пошли в буфет, — проворчал я и подтолкнул приятеля к выходу из класса, — пирожками грех свой замаливать будешь! Я, знаешь ли, люблю повеселиться, особенно пожрать.

— Чё после уроков делать будем? — спросил я и, откусив сразу полпирожка, энергично зажевал, поглядывая из окна на улицу, где по школьному двору неторопливо шла молодая девушка.

— О! Маринка идёт! — обрадовался Санька и, открыв окно, несмотря на категорический приказ завуча этого не делать, заорал во всё горло: — Привет, Марин! Как жизнь?!

Девушка в ответ кричать не стала. Заметив нас, помахала в ответ ладошкой и, улыбнувшись, продолжила неспешную прогулку.

— Классная девчонка! — сказал Санька, закрывая окно. — Даже жалко, что школу уже окончила.

— Это точно, — поддакнул я и, вздохнув, добавил: — Классная!.. И в волейбол шикарно играла…

К слову сказать, она не только в волейбол хорошо играла, но и стала первой девушкой, с которой я поцеловался! Вернее, я целоваться тогда не умел, не довелось к тому времени. Она и научила.

Я только-только перешёл в девятый класс, когда мы встретились возле Дома культуры, куда я в первый раз пришёл на танцы. За лето я вырос на добрый десяток сантиметров, был высокий, нескладный, но поглядывал на всех свысока — в прямом смысле этого слова. Маринка школу окончила в прошлом году.

В танцевальном зале было душно, и я вышел на улицу отдышаться после энергичных телодвижений.

— Андрей, иди сюда! — вдруг услышал я знакомый голос и увидел, как на аллейке, прилегающей к входу в Дом культуры, стоит Маринка и машет мне рукой.

— Привет, Марин! Ты чего одна? — удивлённо спросил я и осмотрелся. — А где твой…

— Да ну его! Поругались… — перебила девушка и, задумчиво осмотрев меня с ног до головы, спросила: — Подруга есть?

— Не-е-ет!.. — удивлённо протянул я и поспешно добавил: — За мной тут бегают некоторые…

— А-а-а-а… Ну-ну!.. Бегают за ним!.. — улыбнулась Маринка и, подойдя почти вплотную, вдруг попросила: — Ты… можешь меня поцеловать?

— В смысле — поцеловать?.. Как это — поцеловать?.. За-зачем целовать… тебя?.. Это что?..

— Ничего. Просто поцелуй, — сказала Маринка и, подняв голову, заглянула мне в глаза.

Она была очень даже ничего! Хорошенькая. Мне она нравилась, хоть и была старше на два года, что по нашим меркам много.

— Ну? Чего же ты ждёшь? Боишься, что ли?

Пацана на слабó легко купить.

Вот и я судорожно втянул воздух, как перед прыжком в воду, и, нагнувшись к лицу девушки, прижался к её губам своими, чувствуя, как вспыхнула моя физиономия. Я понял, что надо как-то иначе, по-другому надо бы!.. Но по-другому я не умел…

— Подожди! — улыбнулась Маринка и, отстранившись, сказала: — Это делается не так!..

Она взяла в ладони моё лицо и, приподнявшись на цыпочки, сама прижалась к моим губам.

«Господи!.. Это ведь так просто! Как я сам-то не додумался, что надо делать именно так?! А как приятно-то!..»

Теперь я знал, как это всё происходит, и впился в губы девушки, прижавшись к ней всем телом.

— Тихо, тихо!.. Не торопись!.. Разогнался… — вывернулась из моих рук Маринка и, отойдя на пару шагов, улыбнулась, добавив: — Не надо так усердствовать! Губы могут опухнуть! И тогда девочке станет неловко оттого, что по её губам могут заметить, чем она занималась. А сейчас сядь вон на лавочку, посиди и успокойся. Поверь, тебе это надо… — и она, послав воздушный поцелуй, пошла в танцевальный зал.

Я вдохнул полной грудью прохладный воздух и сел на одну из скамеек, расставленных вдоль аллейки. Прошло уже минут пять, а я всё сидел и, улыбаясь как дурачок, вспоминал Маринкины губы. Улыбался, пока не понял, почему она предложила сесть на скамейку и успокоиться.

«Ё-моё!.. Обалдеть!.. Точно же!.. Она же стояла ко мне вплотную, прижималась всем телом. А значит, не могла не почувствовать, как у меня!.. как я!.. Она почувствовала!.. Всё поняла! Поэтому и сказала, чтобы я сел и успокоился. Вот чёрт! Стыдно-то как, а! Как же я ей в глаза-то смотреть буду?!»

Воровато оглядевшись, я встал и потёр ладонями лицо, словно пытаясь стереть с него краску. Постоял немного, а потом, опять вспомнив губы и упругое тело девушки, сел. Стоять, а тем более

ходить в таком состоянии было неудобно. В этот день я больше не танцевал.

Через пару дней встретил Маринку в парке. Она как ни в чём не бывало шла под ручку со своим парнем.

Я долго не мог забыть первый поцелуй. Через пару месяцев не выдержал и, несмотря на неловкость, всё же спросил у Маринки, зачем она тогда меня поцеловала. И нет ли у неё желания повторить?

Маринка, помню, засмеялась и сказала, что я хороший парень и нравлюсь ей, но целовалась она со мной назло своему парню, с которым тогда рассорилась. Честно говоря, я ей не поверил. Целоваться назло — это, по-моему, глупость какая-то!

— Так чем займёмся после уроков-то? — опять спросил я у Саньки, когда Маринка скрылась за углом школы.

— К Любке пойдём. Сегодня день свободный — ни тренировок, ни репетиции. Делать всё равно нечего! Кстати! — вдруг спохватился приятель. — Угадай с трёх раз: кто у неё в гостях будет?

— А чего тут гадать-то? — хмыкнул я, — Ольга к ней придёт…

— Точно, придёт, — не удивившись моей сообразительности, подтвердил приятель и опять спросил: — А знаешь, кем Ольга недавно интересовалась?

— Сань! Не нервируй ты меня глупыми вопросами! — возмутился я. — Всё-таки я с ней уже целый месяц встречаюсь! Как, по-твоему, про кого она могла ещё спрашивать? Про завхоза дядю Колю?

— Да ну тебя! — отмахнулся приятель. — Скучный ты человек, мог бы и удивиться ради приличия, порадоваться такому событию, другу, понимаешь ли, подыграть, доставить ему радость.

— Во сколько? — не дал я ему растечься дурными мыслями.

— Как обычно, в шесть, — пожал Санька плечами и, встав с подоконника, добавил: — Приходи сначала ко мне, вместе к девчонкам рванём.

Любкина мама работала учительницей младших классов в нашей школе. Она здраво рассудила, что лучше подрастающие детки будут под её присмотром, чем начнут болтаться где-то, и разрешила нам пользоваться не только придомовой территорией, но и самим домом. Наша банда с радостью согласилась и, как говорится, с молодых ногтей начала обживать предложенную территорию. Со временем мы разобрались в коварстве Любкиной мамы, но оставили всё по-прежнему, собираясь в насиженном месте. Привычка, знаете ли, сильная штука.

Саня дружил с Любкой. Любка и Ольга тоже учились в одном классе в нашей школе. Нам повезло, далеко к девчонкам бегать не надо, да и жили они рядом. А то был уже опыт сайгака.

Познакомился как-то возле кинотеатра с одной… Неделю провожал её домой за пять километров. Посёлок большой, а она, как назло, жила на самом краю. Пять туда, пять обратно — десятка получается! Сомнительное удовольствие. И когда мы из-за какого-то пустяка поругались, я откровенно порадовался этому вроде бы грустному событию.

Девчонки были уже на месте. Сидели на лавочке, которая удобно пристроилась рядом с палисадником возле Любкиного дома, и увлечённо разговаривали с Райкой, нашей общей знакомой. Я чертыхнулся и, затянув Саньку за угол дома, чтобы нас не заметили, пробормотал:

— Вот чёрт! Она-то что тут делает?

— Что, — ехидно осведомился приятель, — со своей бывшей подружкой встречаться не хочешь? Чего это вдруг?

— Заткнись! — рыкнул я и под прикрытием разросшейся в палисаднике черёмухи трусливо перебрался на соседнюю улицу.

Санька пошёл к девчонкам, пообещав, что как только Райка смотается, он даст мне знать.

Райка училась в другой школе, и мне она не нравилась. Вроде бы обычная девчонка, невысокая, плотно сбитая, про таких говорят — широкая кость. Но дело даже не в этом. Из-за опущенных уголков губ она казалась всё время недовольной. И ещё голос, нудный и плаксивый. Но, услышав от пацанов, что она якобы даёт всем подряд, я попросил нас познакомить. Надо же попробовать, в конце концов, что это такое!.. Эти балбесы заверили, что вариант стопроцентный и они с ней не по одному разу кувыркались.

Представили нас друг другу на танцах, и я весь вечер не отходил от неё ни на шаг, а когда понял, что она не против прогуляться по парку, обрадовался. Дурак!

Сначала всё было как обычно, мы сидели на лавочке в парке и целовались; к слову, целуется она неплохо, чего я не ожидал. Набравшись смелости, я положил ей руку на грудь и погладил. Возражений не последовало, и тогда, решившись, я расстегнул несколько пуговиц на кофточке и запустил под неё руку.

Но не тут-то было. Возникло ещё препятствие. Лифчик. Я не умел его снимать, поэтому просто зацепил пальцами и сдвинул к шее. Продолжая целоваться, провёл пальцами по груди девушки и вдруг почувствовал, как она затряслась, а потом фыркнула мне в рот. Я резко отстранился и удивлённо посмотрел на неё. Она смеялась. И не просто смеялась, а хихикала, как будто застукала меня за непотребством. Стало обидно.

— Ты чего? — удивился я и осмотрелся.

Не просто же так она смеётся в такой момент. Может, знает, что за нами подсматривают? Мы с пацанами в грязнопузом детстве частенько за парочками подглядывали.

— Ничего, — снова прыснула Райка, — просто щекотно!

Несколько секунд я ошарашенно пялился на неё, но потом решил, что ничего страшного, так тоже, наверное, бывает, вновь прижался к её губам. Потом, засунув руку под кофточку, сжал в ладони её грудь. Она затряслась и, снова фыркнув мне в рот, засмеялась в голос, не пытаясь сдержаться.

Сказать, что я был взбешён,— значит, ничего не сказать! Я смотрел на ставшее неприятным Райкино лицо и с ужасом поймал себя на мысли, что хочу её ударить. Чтобы не доводить до греха, молча поднялся и пошёл к выходу из парка, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от девушки.

Не знаю, что на меня нашло. Может, надо было перетерпеть и сдержаться? Тогда у нас что-нибудь и получилось бы? Пацаны же рассказывали, что тоже с ней на лавочке… Но перешагнуть через себя не мог.

Я уже не хотел быть с Райкой. После этих смешков не хотел даже прикасаться к ней, не говоря о большем. В голове засело, что она смеялась надо мной, над моей неуклюжестью, нерешительностью и незнанием, что и как делать в таких ситуациях.

Почему это произошло, понятно. Что бы ни говорили, я относился к ней как к человеку, который должен стать для меня неким открытием. Я ожидал другого. Представлял это как некое таинство, пусть и на простой скамейке, но таинство. А она посмеялась. Может и не надо мной, скорее всего, я что-то делал не так, и ей действительно было щекотно. Не знаю. Но тогда меня это зацепило.

И я хорош: наслушался этих идиотов, распустил слюни и полез с желаниями, не интересуясь, хочет ли она быть со мной. Она-то хочет этого? Но, несмотря ни на что, я благодарен ей. Она стала первой девушкой, к груди которой я прикоснулся.

Через пару дней я встретился с этими чёртовыми свахами и, проклиная себя за малодушие, делано-равнодушно рассказал, как развлекался с Райкой на лавочке, всем видом показывая: мол, не она первая, не она последняя, таких девах у меня пруд пруди. Я уже понял, что они насочиняли про неё, потому и слушали мою брехню, открыв рот.

Саньке рассказал правду. Всю. До мельчайших подробностей. Даже о том, как мне стало неприятно от Райкиного хихиканья. Он слушал молча, ни разу не перебил, а когда я закончил своё грустное повествование, еле сдерживаясь от хохота, спросил:

— Ну ладно, с этим всё понятно! Всё, знаешь ли, можно понять. Мне не ясно только одно! Ты на фига её щекотать начал, вместо того чтобы…

— Да это ты иди на фиг! — вызверился я.— Посмотрел бы я на тебя, когда ты щупаешь девчонку, а она вдруг начинает ржать, как конь!

— Не-не-не!..— еле выговорил от рвущегося наружу смеха Санька.— Не как конь! Скорее уж как лошадь! К твоему сведению, если ты не заметил, она девочка.

И он, махнув на меня рукой и согнувшись в три погибели, захохотал в полную силу, время от времени вытирая глаза рукой. Ну вот что можно с друга взять? Ничего. Разве что пинка дать.

Когда Райка ушла, я пришёл сам, не дожидаясь сигнала. Потихоньку пробрался назад и подсматривал из-за палисадника, а когда она скрылась в переулке, с радостной улыбкой вышел на дорогу, представ перед всей честной компанией.

Друг не был бы другом, если бы не захотел подгадить.

— А здесь, к твоему сведению, Раиса побывала,— как бы между делом сказал Санька и, выразительно на меня посмотрев, добавил: — И она, между прочим, о тебе спрашивала.

Я в ужасе уставился на Ольгу и, как рыба, открывал и закрывал рот, не зная, что сказать.

— Да не слушай ты его! — фыркнула Любка и треснула его по затылку.— Врёт он всё, ни про кого она не спрашивала! Она документы принесла. Её попросили в нашу школу через маму передать.

Я облегчённо вздохнул и, усевшись рядом с подругой, по-хозяйски положил ей руку на плечи.

Ольга красивая, очень красивая: большие серые глаза, маленький носик, выразительные губы. Всё это складывалось в приятную картинку, а короткая, почти мальчишеская стрижка, вопреки ожиданиям, делала старше и добавляла женственности.

Я знал её уже давно, всё-таки в одной школе учились, но внимания не обращал: подумаешь, какая-то девчонка, таких много.

Заметил её, когда малышню в пионеры принимали. Нас согнали в коридор второго этажа, где стоял бюст Ленина, и началось волнительное для будущих пионеров действо. Другими словами, перед молодым поколением выступили по очереди ветераны войны, гости из роно и другие уважаемые люди.

Наконец грянула пионерская нетленка: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы — пионеры, дети рабочих…» — и я, глядя на взволнованных третьеклашек, которые гордо держали перед собой согнутую в локте руку с висящим на ней красным галстуком, улыбнулся. Вспомнилось, как октябрёнком переживал, что мои родители — врачи. Боялся, что меня не примут в пионеры, которые, согласно песне, должны быть детьми рабочих.

От детских воспоминаний меня отвлекла стоящая впереди девчонка, которая постоянно приподнималась на цыпочки, стараясь разглядеть, как повязывают галстуки будущим строителям коммунизма. Когда мне надоели её постоянные подпрыгивания, я взял стоящую возле окна скамейку и подтащил к строю учеников. Встал на неё, а потом взял за руку мельтешившую девчонку и затащил на лавку.

И только тут понял, кто это! Понял и обалдел! Это Ольга! Но уже не та Ольга, которую я знал и видел почти каждый день, а другая, красивая и незнакомая. Я молча смотрел на неё, с досадой осознавая, что не могу подобрать подходящих слов. Ольга же, мило улыбнувшись, негромко сказала:

— Спасибо!.. Там моего брата в пионеры принимают, а я в классе задержалась и ничего из-за спин уже не вижу.

Я в ответ и сказать ничего не мог, только тупо кивал головой, не в силах отвести взгляда от её лица.

Два дня ходил как пришибленный, недоумевая: как я до этого её не замечал?! Где были мои глаза? На третий день понял, что больше так не могу, встретил её после уроков и, ни слова не говоря, пошёл рядом, предварительно шуганув какого-то парня, который увивался возле неё. Она была не против.

— Чего это ты вдруг? — удивился Санька, когда я рассказал, что встречаюсь с Ольгой. — Раньше-то чем думал? Мог сказать, давно бы вас свели, она как-никак Любкина подруга.

Я только развёл руками. Как это объяснить? Мне и самому-то непонятно, почему я вдруг со страшной силой упёрся в неё! Как будто обухом по головушке приложили. Бац — и готов!

С Ольгой всё было иначе. Если к другим девчонкам я лез целоваться на первой встрече, не расстраиваясь при отказе в этом приятном процессе, то Ольгу за руку осмелился взять только дня через четыре — и то воспользовавшись тем, что она захотела пройти по бревну, лежащему вдоль тротуара. Я подал руку, чтобы ей легче было удерживать равновесие. Когда бревно закончилось, её ладошку из руки я уже не выпустил.

Наш первый поцелуй с Ольгой не совсем получился. Поначалу она отворачивалась, не давая себя поцеловать, а потом, когда решилась и подставила губы, я понял, что она целоваться не умела! Совсем не умела, как и я когда-то. Но когда её губы неумело шевельнулись в ответ на моё прикосновение к ним, мне это так понравилось, что аж дыхание перехватило от нахлынувшей нежности. Её мягкие губы, закрытые глаза, тёплое дыхание — всё это стало откровением, моим личным откровением. Ни с одной девчонкой такого не было! Стоит ли говорить, что мне понравилось быть наставником в этом нехитром деле? Думаю, что нет!

В моей недолгой жизни было множество счастливых моментов, начиная с первой поездки в детском саду на большой педальной машине и заканчивая мотоциклом «Минск», который достался мне в наследство от старшего брата.

Но это всё было не то! Моё счастье, настоящее счастье — вот оно, спрятало пальчики в моей ладони и сидит на скамейке рядом, смущённо улыбаясь. Вы знаете, что такое счастье с привкусом гордости? Я знаю!

Это когда ты, одетый в расклешённые брюки из модной «восточки», приталенную рубашку в крупный цветок и с большим отложным воротником, идёшь по центральной улице. Идёшь не один! Рядом ОНА, и ты, приобняв подругу за талию, чувствуешь, как взрослость выплёскивается из тебя во все стороны. Изо всех сил стараешься выглядеть спокойным и расслабленным, но получается плохо, потому что физиономия сама собой расплывается в глупой улыбке. Тебе кажется, что все смотрят и обсуждают. Не тебя, нет, а её, её красоту и то, что идёт она именно с тобой.

Нас не спасло то, что мы сидели на последней парте.

— И чем же это у нас занимаются два великовозрастных господина? — раздался ехидный голос математички, и я, увидев направляющуюся к нам скорым шагом учительницу, чертыхнулся.

— Вот ведь зараза! Засекла!.. — прошипел Санька, поспешно прикрыв тетрадкой две маленькие самодельные клюшки и вырезанную из резинки шайбу.

Вместо того чтобы постигать мудрость математической науки, мы азартно играли на столешнице в хоккей.

— Ну! Так чем же вы занимаетесь? — никак не могла уняться учительница и, подойдя к нашему столу, выразительно на меня уставилась.

— В хоккей играли, — честно ответил я, поднимаясь, — и, между прочим, я мог бы выиграть, но вы помешали моему триумфу!

В классе послышались смешки. У математички лицо пошло красными пятнами, но она сдержалась и срывающимся голосом спросила:

— В смысле — в хоккей?! В какой ещё хоккей?

— А вот в этот, — влез приятель и, отложив в сторонку тетрадь, взял клюшку и показал, как бить по шайбе. — А можно ещё вот так, — добавил он и, высунув от усердия язык, снова взмахнул клюшкой.

— Оба вон из класса!.. — проскрипела математичка и указала рукой на дверь.

— Как скажете, — развёл я руками, — мы правда этого не хотели, — и, обойдя учителя сторонкой, направился к двери, но, уже взявшись за дверную ручку, добавил: — Не хотели, чтобы вы нас выгоняли. Доиграть-то мы не успели…

— Так, давай-ка это сюда! — услышал я за спиной требовательный голос математички и, обернувшись, увидел, как приятель прячет наш спортинвентарь в карман.

— К сожалению, не могу, — уставился он преданными глазами на учительницу, — это не моё!

— Вот как? А чьё же это?

— А вон его, — кивнул он головой в мою сторону и, тоже стороной обойдя математичку, быстро пошёл на выход из класса.

— Сань, а ты-то чего за мной подался? Тебя-то кто просил клюшкой у неё перед носом размахивать? — спросил я, когда мы, празднуя изгнание, сидели в столовой и ели свежеиспечённые булочки.

— Как это чего? — удивился он. — Ты будешь сидеть и хомячить пироженки в одну пасть, а я, значит, сиди там и слушай её противный голос?..

— Ну да! — засмеялся я. — Это аргумент железобетонный! Преимущество пирожных в этом случае неоспоримо!..

В отличие от Кати, математичка меня недолюбливала. Всё дело в том, что одевался я не так, как все. Вместо тёмно-синей школьной формы с нашитым на рукаве изображением стилизованной книги я надевал в школу светлый, расцвеченный мелкой коричнево-зелёной клеткой пиджак. Его дополняли рубашка в коричневую полоску, того же цвета галстук и длинные волосы до плеч. Смесь получалась убойная! Я себе жутко нравился, и не только себе! Уж в чём в чём, а в этом я был уверен! Санька, кстати, тоже одевался не в форму, но, в отличие от меня, у него не было старшего брата, передающего по наследству модные вещи. Друг ходил в простом тёмно-сером костюме.

Я хоть и расплевался с математикой ещё в младших классах, но были ребятки, которые не знали её вообще. Однако к ним математичка относилась лояльно. Меня же постоянно поднимала и с необъяснимым удовольствием тыкала в нос моими невеликими познаниями, даже если я отвечал правильно.

В конце концов мне это надоело, и когда математичка пыталась заставить меня отвечать, я говорил, что не знаю. Она успокаивалась и, поставив мне двойку, продолжала урок. Но иногда на неё «накатывало»: вызвав меня к доске, она предлагала записать условие какой-нибудь задачи, а потом с маниакальным упорством заставляла её решать. Принуждения она сопровождала язвительными комментариями, на которые я, впрочем, не реагировал, как бы она ни старалась. Стоял, смотрел на неё, моргал и, повторив пару раз, что не знаю способа решения, умолкал, пока не получал разрешения вернуться на место.

К слову сказать, лёгкий кураж со стороны недорослей вроде нас допускался и не нёс катастрофических последствий — всё-таки в демократической стране живём. Максимум, что за это полагалось, — громогласное выдворение из класса. Не более того! Но эта мера наказания давно перестала нас пугать.

По-другому никак, с малых лет нам внушали, что пререкаться со взрослыми, тем более с учителями, нельзя, а уж перечить им — запредельное кощунство. Нам вбивали в голову, что учителя, как бы мы к ним ни относились, умнее. Учитель передаёт знания, поэтому прав в любом случае, нравится нам это или нет. Я согласен с тем, что преподаватели умнее меня, против этого не попрёшь! Будь математичка дурнее или наравне со мной, то сама бы резалась в хоккей на задней парте! На победителя, конечно. Но вот с тем, что учитель всегда прав, я бы поспорил при возможности.

Взять ту же форму! Когда я первого сентября заявился в своём наряде в девятый класс, администрация школы мужественно вытерпела до конца линейки, а потом завуч объявила, что в таком виде меня больше в школу не пустят. Нет так нет, я человек покладистый и исполнительный. На следующий день пришёл в спортивной форме. И начались разборки! Визг стоял до тех пор, пока в школу не пришла мама и не предложила директору найти школьную форму на рост сто девяносто сантиметров. Это пиджачное дело дошло до ушей первого секретаря райкома партии. Который, по слухам, безапелляционно заявил, что если нет возможности обеспечить детей формой, то пускай хотя бы не мешают ходить в том, что есть. Сане повезло, у него родственники жили в Прибалтике, где можно было купить костюмы любой расцветки и на любой рост.

— Ладно, хорош жрать! — довольно проговорил Саня и, слизнув с пальцев повидло, поднялся из-за стола.

— В инструменталку подадимся? — спросил я и тоже встал.

— В неё, родимую, а куда же ещё? Если мы здесь задержимся, детишкам жрать нечего будет!.. — хмыкнул приятель и потопал на выход из столовой.

Далеко не ушли. Как только вышли в коридор, послышался приглушённый голос директора школы.

— О-о-о-о!.. Слышишь?.. Кажись, САМ урок ведёт! — встрепенулся Санька и поднял указательный палец, призывая прислушаться.

— А то ты не знал! — делано удивился я. — Он, между прочим, историк, а кабинет истории в той стороне, куда мы направляемся.

Дверь в кабинет истории была приоткрыта, и пройти мимо, не заглянув в щёлку хотя бы глазком, было выше наших сил. Моих уж точно! К двери я успел первый. Пристроился сбоку и осторожненько заглянул в класс.

В классе стояла тишина, что меня не очень-то и удивило — директор всё-таки, особо не забалуешь! Ученики усердно что-то записывали в тетрадки, время от времени поглядывая на доску. Сам же директор стоял возле учительского стола и сосредоточенно протирал тряпочкой очки, с головой погрузившись в это незатейливое занятие.

— Дай и мне глянуть… чё ты всё место занял? Меня пусти!.. Я тоже хочу посмотреть, — зашипел Санька и стал оттеснять меня от двери.

Я поупирался для вида, а потом отошёл в сторонку. Ну а что? Пускай посмотрит, для друга ничего не жалко. За ним ещё должок за «ликёро-водочный завод» висит.

Санька устроился с удобствами: согнулся, упёрся в колени руками и, прищурив один глаз, уставился в щель. Не знаю, что он хотел там рассмотреть, но я, оглядевшись и не обнаружив возможных свидетелей, рывком распахнул дверь и сорвался бежать.

Когда я на ходу обернулся, Санька так и стоял, согнувшись в три погибели перед открытыми дверями класса. Я притормозил, но, увидев, что он вышел из ступора и уже несётся ко мне, злобно ощерившись и выпучив глаза, добавил ходу. На этот раз благоразумие не подвело, посоветовав держаться от друга подальше. По крайней мере, временно.

— Да ладно ты, успокойся! — утешал я приятеля, когда он немного остыл и уже не жаждал моей крови.

— Ага!.. Успокойся!.. Он же меня видел!.. Я раскоряченный прямо перед ним торчал!

— Конечно, видел, — охотно согласился я, — он тебя не мог не увидеть с такого-то расстояния!

Но, заметив, что от ужаса у него опять глаза на лоб полезли, поспешно добавил:

— На этот счёт можешь не переживать. Сам же знаешь, что он без очков слепой, как крот.

— А если он… — попытался сделать ещё одно мазохистское предположение Санька.

— Никаких «если» быть не может! — перебил я. — Сам же сказал, что свалил до того, как он успел напялить очки. Значит, он увидел только то, что кто-то стоял в дверях, а кто именно — железно не рассмотрел.

— Ну-у-у!.. Похоже, что так, — наконец-то согласился Санька и, подозрительно уставившись на меня, добавил: — Если, конечно, кое-кто не сдаст меня потом с потрохами.

— Не переживай! — самодовольно заявил я. — Я теперь отмщён по полной программе! Твой «ликёро-водочный» с моим «директором» и рядом не стоял! Если, конечно, ты сам, как говорится, не наберёшься мужества и…

— Ну уж нет! — хохотнул Санька, видимо вспомнив, как учителя в своё время воодушевлённо призывали нас быть честными, мужественными людьми и признаться, кто разбил окно в классе. Мы же, шмыгая сопливыми носами, искренне считали, что это не мужество, а чистейшей воды идиотизм.

— Так, ладно, конец урока скоро, — спохватился я, взглянув на часы, и встал из-за ударных, добавив: — Пошли девчонок встретим, что ли?

Я стоял возле окна и терпеливо ждал, физически чувствуя, как мучительно медленно тащатся оставшиеся до конца урока минуты. Наконец дурниной взревел звонок, и я, вздрогнув от неожиданности, уставился на двери класса, за которыми волной поднимался гул голосов. Достигнув апогея, звуковая волна врезалась в двери и, распахнув их настежь, вынесла в коридор довольно орущую толпу учеников.

Ольги видно не было, но я не переживал, знаю уже, что она не ломится на выход в первых рядах. Она выходит последней, неторопливо и степенно, словно несёт себя: мол, смотрите, какая я. И все смотрят. И я смотрю… Она идёт ко мне! И все об этом знают! И учителя, собравшиеся важной кучкой в коридоре, и её одноклассники, и визгливая малышня, и весь мир об этом знает. Ей не приходится проталкиваться через толпу, нет, перед ней расступаются. И мне это чертовски нравится!..

По огромной стране, всем видом демонстрируя торжество развитого социализма, лениво и сыто катился 1979 год. Он, окутав население мягкой рутиной, нашёптывал беззаботным людям о том, что всё будет хорошо. Всё и всегда будет хорошо! И мы с радостью верили ему, верили и были довольны удачно сложившейся жизнью. И мне казалось, что так будет вечно! По-другому не может быть, так как само время любило нашу жизнь.

В следующем году я оканчивал школу, но пока это меня не волновало. До этого ещё так далеко! В данный момент меня волнует только вот эта девчонка, что стоит рядом и молча смотрит в окно…

Владимир Зангиев

Откровения статуи

Корочка хлеба

На улицах чилийской столицы Сантьяго встречается много попрошаек и нищих. Один такой бездомный старик жил и возле моего дома. Убежищем ему служила картонная коробка. А если шёл дождь, старик просто набрасывал поверх своего ложа драный кусок полиэтилена и под этой крышей спасался от низвергающихся с неба осадков. Бездомный был грязен и вонюч, но всегда со всеми доброжелательно здоровался. Жители давно привыкли к бомжу. Сколько лет старик обитал в этом месте — не знаю, ибо когда я поселился здесь, нищий уже присутствовал на улице. Казалось, он никогда не покидал своего места, потому что, когда я уходил на работу, бродяга из своего угла с располагающей улыбкой желал доброго утра. Вечером, по возвращении домой, я слышал вслед доносящееся: «Добрый вечер, сеньор!»

Иногда, если у меня оказывалась мелочь в кармане, бросал её в жестяную банку, которая всегда находилась подле картонного «жилища» нищего. И тогда он долго благодарил вдогонку: «Спасибо, сеньор!.. Вы так добры!.. Пусть Господь ниспошлёт вам благодать!.. Да будут счастливы ваши дети!..»

Район, где я проживал, не был богатым, и простые чилийцы, обременённые традиционно большими семьями, не всегда могли оторвать кусок от своих детей. Поэтому нищему старику подавали негусто. Ему бы устроиться в каком-нибудь богатом районе Сантьяго, но там карабинеры не позволяли размещаться нищим и прогоняли их прочь. Хотя простые бедные люди всегда сердобольнее и душевнее богатеев. Так, если у них не было монет, люди подавали нищему кусок хлеба, банан либо какой-то другой плод. Тем и существовал бедняга. Случались дни, когда совсем ничего не подавали, тогда он рылся в ближайшей помойке в поисках пропитания.

Мне с моей веранды хорошо была видна вся улица. И я заметил: укладываясь на ночлег в своей коробке, старик рядом на земле обязательно оставлял корочку хлеба. Из любопытства как-то я спросил:

— Зачем же ты оставляешь всегда корочку хлеба, ведь сам нуждаешься в ней?

Бездомный ответил:

— Христос нас учил, что надо делиться со страждущими. Вот я и оставляю корочку хлеба тем, кому она более необходима, чем мне. Когда птицы её склюют, а то бродячая собака подберёт или крыса утащит. Они живые существа и братья наши меньшие. И им гораздо труднее, поскольку не могут попросить, как я…

А однажды утром я увидел, как над тем местом, где обитал в коробке нищий, заполошно, будто её кто-то вспугнул, кружится голубиная стая и никуда не улетает. Самого старика не было видно, не было и его коробки. И только дворник заметал последний мусор, оставшийся после пребывания здесь бича.

«Наверное, бедолаге надоела такая убогая, впроголодь, жизнь, и он покинул неуютное место»,— подумал я. Но, проходя мимо дворника, поинтересовался, куда делся старик.

— Он умер нынешней ночью! — был ответ.

После этого улица будто осиротела. Никто больше не улыбался навстречу и не желал доброго утра или вечера. Улица теперь казалась неуютной, угрюмой и покинутой. А через некоторое время я сменил работу и съехал со снимаемой мною квартиры и перебрался в более благополучный район города. Тем и закончилась вся эта поучительная история, после которой я по-другому стал воспринимать окружающий мир и милосерднее относиться к его обитателям. На балконе своей новой квартиры я приладил кормушку для птиц и всегда держал её наполненной зёрнышками или хлебными крошками.

Кремнёвый нож

Рок преследует человечество на протяжении всего его существования. Люди страшатся фатальности его распространения. Мистический ужас неотвратимо гнетёт затравленные души мыслящих существ. Спиритические сеансы, астрологические прогнозы, пророчества ясновидцев рождают лишь суеверный страх в сознании. Страсти сокрушают дух, порождая жуткие фантомы в воображении и придавая им видимое обличье. Так было всегда. А развитие и достижения науки ни в коей мере не вторгались в непознанную бесконечность

оккультного мира и отнюдь не способствовали развеиванию тумана в данной области знаний. И в наше время бесконечные споры сторонников идеи материализма с приверженцами астральной природы вещей не привели к консенсусу. Я же, как выбракованный продукт своего времени, окончательно не примкнул ни к одной из противостоящих сторон и занял в данном вопросе нейтральную позицию стороннего наблюдателя: я, сам по себе, не так чтобы окончательно уверовал в материализм, однако не совсем отвергаю и астрал. А посему расскажу одну историю… Очевидцем её стал один мой близкий приятель, назовём его Павлом, и косвенное подтверждение происшедшему он мне однажды представил…

Случилось всё на охоте в горах Памира. Павел и четверо его друзей отправились к вершинам горного Ховалинга поохотиться на памирских архаров. У этих животных необычайно развито обоняние, и они за несколько километров чувствуют подстерегающих их охотников, поэтому преследование горных козлов требует большой сноровки, крайней осторожности и неутомимой настойчивости. А ещё надо обладать марафонской выносливостью, и тогда, быть может, измученному преследователю судьба реализует его шанс в погоне за удачей.

В тот день охотники скоро вышли на козье семейство, и началось преследование. Животные никак не позволяли приблизиться к ним на ружейный выстрел. Да и показывались они лишь издали, промелькнув на мгновение какой-нибудь частью тела среди каменных глыб и скал. Азарт преследования захватил охотников, и они разбрелись, каждый в надежде единолично обойти животных и отхватить себе добычу. Так Павел не заметил, что оказался разлучён с друзьями, и он в одиночестве продолжал преследовать стадо. Уже много километров было пройдено в пылу азарта, и день стал клониться к закату, но расстояние до пугливых животных никак не сокращалось. Неудачливый зверобой стал подумывать о прекращении бесполезной гонки и возвращении назад, к месту стоянки, где на окраине Ховалинга был оставлен автомобиль и развёрнута палатка. И в это самое время неожиданно налетел порыв ветра, сорвал с головы шляпу и понёс её вниз под гору. Павел кинулся за своим головным убором. Когда он почти нагнал теряемый предмет охотничьей экипировки, ему по темени ударили первые крупные капли дождя. Через мгновение уже тугие струи воды захлестали по ссутуленной спине застигнутого в горах бурей заблудившегося одиночки. А ливень в Памирских горах — это всегда опасно: под ногами становится необычайно скользко, горная твердь способна низвергнуться коварным селевым потоком, каменная громада может внезапно обрушиться гибельным камнепадом. В такой ситуации есть только одно спасение: забиться в какую-нибудь щель и терпеливо дожидаться окончания разгула стихии.

Тучи, принёсшие дождь, плотно завесили небо, и мгновенно стало темно, так темно, как бывает только в горах; кромешный мрак не позволял ничего разглядеть далее чем на расстоянии вытянутой руки. Насквозь промокший бедолага на ощупь пробирался вдоль склона горы, не надеясь уже ни на какое убежище — просто инстинктивно продолжал двигаться вперёд. Но тут руки его нащупали в каменном теле исполина какой-то разлом. Учащённо забилось сердце в надежде, что, может быть, удастся уместиться как-нибудь в обнаруженной щели. Павел рванулся к спасительной расщелине, протиснулся в узкий разлом, который оказался лазом, ведущим внутрь горы. Обнадёженный находкой, следопыт ринулся дальше, благо проход стал расширяться и превратился в просторную пещеру. Счастливец нащупал в рюкзаке фонарик и включил его. Каменный коридор вёл в глубь подземелья, своды нависали сталактитовыми наслоениями, не было никаких следов пребывания здесь человека — пещера явно не была посещаема. Да и разве можно в такой дремучей памирской непроходимости отыскать следы человеческого пребывания?

«Но это ничего! — подумал Павел. — Главное, теперь у меня есть убежище, где можно переждать непогоду».

Повсюду валялись обломки камней, и он двинулся дальше, чтобы отыскать себе подходящее удобное место, где можно расположиться для отдыха, ведь придётся теперь всю ночь провести здесь. Наконец пещера значительно раздвинулась, расширившись до размеров просторного зала. Пол зала сплошь был устлан чем-то чёрным и мягким: то ли слежавшимся перегноем, то ли непотревоженным чернозёмом. Теперь было где удобно расположиться, и заплутавший принялся обустраивать себе место на ночлег: расстелил куртку, бросил рюкзак в изголовье. Но, озабоченный впечатлениями прошедшего дня, он никак не мог заснуть. Картины дневной охоты бередили, волновали взбудораженное сознание. Павел ворочался на своём ложе, а снизу под курткой из пола выпирал какой-то предмет и неловко упирался в бок. Тогда охотник приподнялся, посветил фонариком под курткой, нащупал мешавший ему отдыхать узкий длинный каменный обломок и потянул его. Камень так просто не поддавался, и пришлось изрядно приложить усилий, чтобы высвободить его из земли. Вместе с камнем вывернулся и кусок грунта интенсивно чёрного цвета — явно похож на слежавшиеся остатки золы и древесных углей. При свете фонаря Павел пристально рассмотрел место своего пристанища. Это оказалось, несомненно, местом, где некогда разводилось кострище, да и, порывшись ещё в образовавшейся ямке, он

нашёл тому подтверждение в виде превратившихся почти в труху костей каких-то животных. Извлечённым из земли каменным обломком удобно было орудовать, и приятель мой в разных местах зала разрыл несколько ямок, изучая обнаруженную пещеру, и везде он находил следы кострищ и давно истлевшие кости животных. А при более пристальном рассмотрении каменного обломка, с помощью которого Павел осуществлял свою исследовательскую деятельность, выяснилось, что в руки ему попался древний каменный нож. При его изучении стало понятно, что этот предмет явно рукотворного происхождения: было отчётливо видно, что его тщательно мастерил какой-то древний пращур нынешнего рода человеческого. По всей вероятности, здесь находилась стоянка древнего человека.

Сделанные открытия возбудили естественный интерес, несколько приоткрыв таинственный покров затерянной в горах пещеры, и с возросшим интересом заплутавший охотник погрузился в дальнейшее изучение объекта. Электрический луч стал методично обшаривать стены и свод каменного грота. И тут на стене, прямо над своим ложем, Павел разглядел вдруг наскальный рисунок — фрагмент доисторической сцены охоты. Здесь древний живописец изобразил в широком разнообразии животный мир, присущий тому времени. Олени с развесистыми рогами, быстроногие газели, свирепые вепри и ужасные саблезубые хищники предстали взору вместе с мелкой дичью, видимо, некогда в изобилии здесь обитавшие. А в самом центре наскального произведения запечатлена была яростная схватка человека в шкуре, вооружённого каменным ножом, с исполинским медведем…

Фрагмент жестокой доисторической реальности разбудил воображение современного охотника, волею обстоятельств оказавшегося невольным очевидцем минувшей эпохи; наскальное изображение не позволяло заснуть. Павел снова включил фонарик и направил луч света на стену и… о Боже! — сюжет доисторической картины имел живое продолжение, ибо схватка медведя с человеком была завершена в пользу последнего. Громадная туша хищника теперь была безжизненно распростёрта навзничь у ног ликующего победителя, а в лохматой груди зверя торчал вонзённый каменный нож…

И тут до обострившегося слуха заблудившегося во времени гомо сапиенса вдруг донёсся отчётливо звук кого-то приближающегося от входа пещеры в её недра. Всё отчётливей доносились грузные шаги таинственного пришельца. В сознании промелькнула запоздалая мысль: надо было бы защититься на всякий случай ружьём. Но разобранное оружие в этот момент лежало сложенным у противоположной стены и просушивалось, дабы предостеречь его металлические части от пагубного воздействия влаги, попавшей во время ливня. Таким образом, под рукой оказался лишь кремнёвый нож. А из жерла каменного туннеля уже совсем близко доносились приближающиеся шорох и тяжкое пыхтение нежданного гостя.

Павел осторожно скользнул в глубь зала и затаился там, укрывшись за каким-то каменным выступом. В кромешной темноте ничего нельзя было разобрать, только слух различал громкую возню живого существа, по всей видимости, обитавшего давно здесь. Вот послышалось чирканье камня о камень, искорки огня засверкали в отдалении, и вскоре замерцала слабая струйка пламени, вспыхнувшая затем более ярко и через некоторое время трансформировавшаяся в полноценный костёр. Пламя бросило оранжевые отблески на стены пещеры и высветило картину текущего быта. Наш современник вблизи увидел своего далёкого дикого предка, густо заросшего свалявшейся косматой гривой запущенных волос и облачённого в звериную шкуру. Пращур поднял притащенную с собой огромную медвежью заднюю лапу и принялся обжаривать её над костром. Удушливый дым и едкий запах опалённой шерсти наполнили пространство подземелья — древний человек готовил себе трапезу: сегодня он победил, а значит, ему и праздновать…

А забившийся в дальней нише гомо сапиенс с ужасом наблюдал за действиями своего далёкого пращура и клял тот день и час, когда угораздило его отправиться на эту злополучную охоту. Теперь неизвестно было, как выбраться из такого опасного положения, ведь полюбовно договориться с дремучим дикарём, вероятнее всего, никак не удастся — вон как этот примат хищно рыкает наподобие окружающих его зверей и запросто может посчитать добычей подобное себе существо и насытить им собственный желудок, а посему остаётся лишь уповать на счастливый случай.

Тем временем ночной гость стал насыщаться жареным мясом: он жадно рвал его зубами, громко чавкал и удовлетворённо обсасывал кость. Затем небрежно отшвырнул к стене недоеденный остаток медвежьего окорока и развалился на полу под наскальным рисунком, блаженно отходя ко сну. Ещё некоторое время современник эпохи каменного палеолита сытно отрыгивал, и из его желудка разносилось глухое урчание усваиваемой организмом пищи, а затем раздался громкий храп…

Павел понял, что для него наступил благоприятный момент, чтобы улизнуть незамеченным отсюда. Где — плотно прижавшись к земле, ползком, где — на карачках, зажав в руке захваченный в зале кремнёвый нож, беглец осторожно выбрался наружу. В глаза ему брызнул наступающий день алой краской рассвета. Сломя голову, обдирая ладони и колени, охотник лихорадочно карабкался

наверх по крутому склону. Он стремился скорее покинуть время минувших эпох и догнать современность…

Только глубокой ночью следующих суток приятель мой вышел к людям — своим сородичам, от которых так неудачно отбился и кого так жаждал теперь встретить. Они приняли его в свою стаю… Правда, на посыпавшиеся расспросы по поводу долгого отсутствия Павел ничего внятного не мог объяснить своим товарищам и толком не ответил, где утерял своё ружьё и другие предметы охотничьей экипировки.

И только по прошествии нескольких лет он однажды разоткровенничался со мной и поведал о той загадочной истории. Конечно, в моём закоснелом материалистичном сознании никакого убедительного объяснения не находилось услышанному, и я про себя решил, что приятель мой просто сбрендил или, приняв, как это обычно случается с настоящими мужчинами на охоте, изрядную дозу алкоголя, подвергся пагубному влиянию пресловутого зелёного змия. Но Павел понял моё состояние обоснованного недоверия и попросил подождать его некоторое время. А сидели мы за пивом во дворе его усадьбы. Я остался в одиночестве дожидаться хозяина дома и нехотя вдавался в неправдоподобность доверительно рассказанной мистической истории. Мой компаньон отсутствовал недолго; видимо, он отправился поискать что-то в доме. Вон он уже несёт какой-то предмет, завёрнутый в пыльную тряпицу. Загадочность выражения на его лице ещё больше меня заинтриговала, и я с любопытством приник взглядом к замотанному в материю предмету. Павел положил на стол передо мной принесённое нечто и развернул тряпку… И тогда перед моим изумлённым взором предстал в натуральном виде древний кремнёвый нож.

Откровения статуи

Ну что я могу сказать о себе, кроме того, что и так всем известно? Оказывается, если порыться во внутреннем содержании любого субъекта, то всегда найдётся что-нибудь этакое любопытное для посторонних. Это может быть нечто комичное или скандальное, а то и вообще ужасное. Обыватель просто обожает поковыряться в чужом нутре. Я не боюсь щекотки, поэтому даю вам такую возможность. А речь пойдёт вот о чём. Дело в том, что у меня есть одна такая странность: когда наступает полнолуние, после полуночи аж до самого рассвета я впадаю в состояние элементарной окаменелости. То есть реально ощущаю себя статуей.

Только не подумайте, будто, возомнив о себе невесть что, пытаюсь монументально увековечить свой образ перед потомками. Вовсе нет. Наоборот, это моя личная проблема, которая болезненно воздействует на психику. Посудите сами: вот открываю я глаза, а кругом простирается ночь, и аккуратно подстриженные кусты, и заботливо рассаженные клумбы с цветами, и ухоженные гаревые дорожки, и садовые скамейки с влюблёнными парочками на них. А я стою в позе, скажем, метателя копья на каменном постаменте в совершенно обнажённом виде, без всякой возможности прикрыть срамоту от любопытных взоров. Скульптор, олух, даже не удосужился защитить своему детищу причинное место хотя бы пресловутым фиговым листиком. Теперь вот так красуйся у всех на виду во всей прелести природной первозданности. Вы представляете моё состояние, когда знакомые в чертах окаменевшего лика вдруг узнают меня самого — натурально существующего!

Для убедительности своего довода приведу одну подлинную историю, случившуюся прошлой осенью в городском сквере. Положим, я тогда совершенно не ведал о том, что в состоянии монументальности моё изваяние способно испытывать какие-либо эмоции, проявлять душевные чувства или, тем более, физически реагировать на ситуацию снаружи. Надо сказать, я бы не придал всему этому значения, счёл бы плодом воспалённого воображения либо обычным сном. Но как тогда воспринимать тот факт, что когда один нетрезвый посетитель сквера в буйном порыве однажды запустил в моё изваяние порожней бутылкой, разбившейся вдребезги о моё плечо, то оно после этого неделю реально саднило, а на месте пореза выступило кровавое пятно? Или объясните внятно и по существу, отчего результат севшей мне на темя ночной птицы и неэстетично пометившей лоб пришлось затем, с наступлением рассвета, брезгливо отмывать в ванной комнате под струёй воды.

Нет. Всё, что здесь излагаю, сущая правда! Я ведь проверял себя не единожды, чтоб убедиться в сути происходящего. Например, однажды заметил, как молодая особа выронила нечаянно губную помаду и тюбик закатился под скамейку. Днём, обретя снова плотскую сущность, я отправился к месту потери и действительно там, под скамейкой, обнаружил тот самый предмет косметической принадлежности. Были и другие осуществлённые мною подобные проверки, которые успешно подтвердили предположение наяву.

В общем, больше я ни в коей мере не сомневаюсь в собственной адекватности восприятия загадочных перевоплощений своей натуры.

Чтобы не навлечь к своей персоне нежелательное постороннее внимание, я бы никогда не стал никому рассказывать о такой особенности своего организма, поскольку все необъяснимые явления у нас принято относить в разряд шизофрении. Однако как тут смолчишь, когда тебя обвиняют в неспровоцированной расправе над посторонним человеком? Видите ли, там, на месте преступления, нашли вещдоки, подтверждающие мою

причастность к убийству. Кроме того, оказалась масса свидетелей, опознавших в преступнике меня. Они-то и описали детали произошедшего.

● ● ●

Это была ночь голубой Луны. Собаки особенно протяжно воют в небо в такой период. Небесное тело предельно близко придвинулось к Земле. На спутнике нашей планеты отчётливей проступил рельеф поверхности. Там можно было разглядеть все выпуклости и впадины. Как на лице злоумышленника, освещённом фонарным светом во мраке закоулка. И выглядело это зловеще. Не покидало ощущение, будто Луна — живое существо и оно пристально наблюдает за нами сверху.

Окаменевший, я стоял под лунным свечением в позе копьеметателя на пьедестале посреди городского сквера и созерцал окружающий вид. Рядом буднично и тихо протекала ночная жизнь. Прохлада студила тело, осенний ветерок с шорохом гонял по дорожкам пожухлую листву, веяло прелью и сыростью. Доносился приглушённый шёпот обнимающихся на скамейках влюблённых. Временами в сложившуюся идиллию врывался резкий крик ночной птицы или железный грохот трамвайных колёс. Всё как обычно. Даже повредивший когда-то мне плечо алкоголик в компании нетрезвых приятелей неотъемлемо здесь присутствовал. Я их опасливо ощущал за ближайшей порослью тростника, где компания бурно проявляла себя. Что таким взбредёт в разогретую алкогольными возлияниями голову, никому не известно.

Ну ладно об этих. Кругом ночь простиралась нежно и томно. Россыпь звёзд торжественно искрилась бриллиантовым блеском. Лунная громада двигалась в соответствии с фазами лунного графика. И тут появилась ОНА!

Прямо на парковую дорожку, пролегающую мимо места моих неусыпных бдений, невесомой походкой сказочной феи выпорхнуло небесное создание. В лёгкой джинсовой курточке, с развевающимся шлейфом шёлковым шарфом, кокетливо повязанным вокруг лебединой шейки, в коротеньком ситцевом платьице в синенький горошек, тайная властительница моих вдохновенных грёз наяву приближалась ко мне. В руке у неё виднелся футляр, ну конечно… со скрипкой! Девушка тихонько напевала себе прелестный мотив из партии искромётной Кармен.

Здесь я должен сделать одно важное признание. Дело в том, что фея является объектом давних моих воздыханий. Проживает она в соседнем от меня подъезде, и зовут её — Любочка! Учится моя ненаглядная в консерватории и нередко домой возвращается после затянувшихся концертов именно через этот сквер и по этой самой дорожке. Я дико смущаюсь с её появлением и безнадёжно пасую перед такой немыслимой красой, потому и каменею, обращаясь в монументальное состояние. И ничего с собой не могу поделать. Хотя, по правде сказать, и не пытаюсь с этим бороться. Свыкся со своим необычным образом.

Однако вернусь к трагической развязке событий той ночи. Изъясняясь сухим протокольным языком, из показаний свидетелей следует, что девушка шла по аллее сквера одна. В зарослях поблизости компания хулиганов распивала спиртные напитки. Когда нарушители общественного порядка заметили проходящую мимо гражданку, они стали привязываться к ней, преградили дорогу, не пускали уйти. Видя её беззащитность, самый отъявленный из них набросился на прохожую и разорвал платье у неё на груди…

В следующий момент, по мнению очевидцев, случилось весьма загадочное и необъяснимое явление. Каменный копьеметатель на постаменте сдвинулся в своей зафиксированной позе, положил рядом копьё и ловко спустился с возвышения на землю. Потом, грозно скрежеща каменными своими суставами, приблизился к насильнику и схватил его за горло руками. Ожившее изваяние не отпускало жертву до тех пор, пока злоумышленник дёргался в конвульсиях. И только после этого скульптура на глазах онемевших зевак снова взобралась на прежнее своё место, подобрала копьё и приняла обычный вид монумента…

● ● ●

Расправившись таким образом с тем мерзавцем, я снова взгромоздился на постамент и продолжил нести бремя своей монументальной перевоплощённости.

Проводили следственный эксперимент, который ничего определённого не дал. Сила сжатия при асфиксии шеи оказалась такой, что человек не способен достичь подобных показателей.

Вердикт детективы вынесли вот какой: мол, погибший испустил дух при весьма загадочных обстоятельствах. Тем и делу конец. А между тем для изучения необъяснимого феномена отправили меня в институт психиатрии, где три профессора долго ломали головы, пытаясь докопаться до истины. Но в данном случае наука оказалась бессильна, и все трое учёных мужей плохо закончили. То есть двое из них впоследствии сами оказались пациентами клиники для душевнобольных, а третий наложил на себя руки.

С тех пор меня оставили в покое. Статую же навсегда забрали с постамента и увезли на завод железобетонных конструкций, где тщательно искрошили в камнедробилке. Долго после этого в период наступления полнолуния меня ужасно ломало и корёжило. Я не находил себе места. Прямо хотелось выть волком!

И всё же нашёлся выход из положения.

Я присмотрел тут днём на центральной городской площади одно подходящее для себя местечко. У нас там внушительная монументальная композиция расположена. Участникам Гражданской войны посвящена. Там тебе и идущие в атаку красноармейцы, и комиссар с шашкой наголо… лихая пулемётная тачанка… матрос с маузером… лошади.

Так вот, чтобы не очень бросаться в глаза, я избрал перевоплощаться теперь в комиссарского жеребца. Оно и безопаснее — рук у копытного животного нет, значит, и задушить никого невозможно. Только о новом своём образе я особо не распространяюсь, ибо известно, как это воспримут окружающие.

Если же спросите о моих угрызениях совести по поводу задушенного хулигана, вам отвечу, не таясь: сожаление — удел слабовольных, колеблющихся личностей. Хоть меня неодолимо тянет на место совершённого убийства, но не раскаиваюсь в содеянном. Главное, что фея не пострадала от надругательств распутных земных существ.

Элвис

Он уже проснулся. Я слышу его возню за спиной: бумажное шуршание, стеклянное побрякивание, приглушённое покашливание. Солнце давно в зените, а он только поднимается с постели… нет, скорее с лежанки, ибо постелью это не назовёшь. Я продолжаю поливать клумбу и делаю вид, будто его не вижу. Почему я не замечаю его? А потому что я — иностранец, белый, европеец. А он — местный абориген, индеец. И к тому же выходец из побласьона, с самой низшей ступени общественной пирамиды. И он это чётко усвоил, впитал с молоком матери. Он должен первым поздороваться, и только после этого я могу себе позволить снизойти до его уровня и пренебрежительно проронить несколько любезных фраз. Иначе нельзя, я в этой стране гость, и не мне рушить её вековые устои. И руки ему подать я не могу — этого уже не поймёт патрон, тот, который даёт мне работу и кров. Для хозяина я хоть и обреро (работник), но белый иностранец, а значит, загадка. Здесь на какой бы ступени общественной лестницы человек ни находился, всегда завидует европейскому происхождению иностранца. И я уже привык к постоянному повышенному вниманию к собственной персоне. Привык к тому, что должен держаться обособленно в местном обществе, ориентироваться на богатых, поддерживать с ними подобие дружбы — правда, с некоторыми меркантильными умыслами с обеих сторон: с моей — как бы побольше сорвать суэльдо (оплата) и при этом поменьше трудиться, с их — загрузить меня по полной работами, не входящими в контракт, и при этом ухитриться возможно больше недоплатить мне. Что поделаешь, таковы здешние нравы.

— Буэнос диас, сеньор! — наконец раздаётся у меня за спиной весёлый хриплый голос.

— Оля́, Элвис! — равнодушно отвечаю я на приветствие, продолжая внимательно изучать водяную струю из шланга.

— Не правда ли, сеньор, сегодня прекрасное утро?!

— Несколько жарковатое. Впрочем, уже и не утро вовсе, а день. Ты утро проспал, бэсино (сосед).

Индеец глупо улыбается и согласно кивает своей курчавой немытой шевелюрой:

— Это верно. Я вернулся домой только под утро.

Я ухмыляюсь про себя: и это он называет домом! Жалкий полиэтиленовый полог, натянутый под деревом в углу между столбом и сараем. Натаскал какого-то хлама с ближайшей помойки, соорудил себе лежанку и радуется жизни, как ребёнок. У него там даже телевизор есть. Я-то это знаю наверняка. Вон и провод-времянку кое-как приладил к столбу и протянул к своему логову. Даже не удосужился замаскировать как следует. Я не подаю вида, но мне жалко Элвиса. Поэтому вроде как не замечаю, что он, по сути дела, крадёт у меня электричество, ведь я здесь приставлен надзирать за порядком и должен докладывать хозяину о замеченных нарушениях. Ладно, в случае чего оправдаюсь: мол, не ведал, не знал, не видел. Опять скажу, что в Европе не воруют и всё такое прочее. Хозяин поверит, для них тут эта сказка представляется действительностью.

— Дон Владимир, могу ли я вас попросить об одном одолжении? — доносится до меня из угла.

Я неторопливо скольжу взглядом в сторону вопрошающего. Элвис уже полностью выбрался из-под покрывавших его грязных лохмотьев и почти голый сидит на поломанном пластиковом ящике из-под пива. Его смуглое коротконогое тело прикрывают лишь широкие выцветшие шорты.

— Говори, я слушаю.

— Не могли бы вы полить на меня из шланга?

— Нет. Ты ведь знаешь, хозяин будет недоволен, если увидит. Иди искупайся в бассейне, ты знаешь, где он находится.

Небольшой бассейн, где воды — пониже колена, находится здесь же, в тридцати метрах выше по улице. Элвис ленив, как и все латиносы, ему лень подниматься и идти умываться. Он колеблется некоторое время и всё же, сделав над собой усилие, нехотя поднимается и вразвалочку плетётся к водоёму. Откровенно говоря, я брезгую в этом мутном отстойнике даже руку намочить. Вечно там болтаются какие-то потрёпанные типы, шелудивые уличные псы утоляют жажду, грязные индейские ребятишки в летний зной весело плескаются здесь, справляя большую и малую нужду прямо в воду.

Но у Элвиса, видимо, стойкий иммунитет против подобной заразы. Он не боится инфекции. С четверть часа латинос блаженствует среди зловония: плещется, хрюкает, полощет во рту…

Освежившись таким образом, возвращается к своему пристанищу. Скоро он проголодается, а еды, как всегда, нет про запас, её ещё предстоит заработать. Поэтому бездомный индеец отправляется на ближайшую помойку, привычно роется там, тщательно выискивая старые жестяные крышки, прохудившиеся вёдра, тазики, сковородки, кастрюли… обрезки шпагата либо тонкого электрического кабеля, какие-то деревянные бруски. Тяжело нагрузившись, всё это он притаскивает в свой вонючий угол и начинает ладить импровизированное подобие эстрадных ударных инструментов: делает каркас из брусков и на него навешивает найденные крышки, кастрюли, тазики… Здесь же настраивает свой инструмент и репетирует.

В это время он так увлечён, что ничего не замечает вокруг, весь погрузившись в звуки. И такие джазовые импровизации выделывает на ржавых тазах и мятых кастрюлях! Заслушаешься. А голос!.. это уже вовсе не тот пропитый и каркающий хрип, которым он пользуется в быту. Теперь звучит полноценный сценический баритон.

Элвис — музыкант. Профессиональный уличный музыкант. Тем он живёт и кормится. Иногда в летние месяцы отправляется в турне на побережье — веселит отпускников на пляжах и бульварах Ла Серены, Вальпараисо, Вальдивии… Никого не интересует — кто он такой, как его настоящее имя. Элвис, и всё тут. Прозвище напрочь сжилось с ним. В центральных районах Сантьяго многие слушатели так и знают его под этим именем.

А теперь тихо! Идёт настройка инструмента. Звуки сплетаются в комбинации, рождая мелодичные аккорды. Сейчас Элвис — бог, нищий индейский уличный бог. На улицах чилийской столицы много уличных музыкантов, играющих на гитарах, на барабанах, на флейтах и трубах, даже встречал я играющего на арфе. Но Элвис — один. Только он может извлечь божественные звуки из помятых тазов и прогоревших сковородок.

Но вот репетиция закончена, в пустом желудке у «бога» начинает урчать — организм требует своё, и надо подумать о хлебе насущном. И Элвис, взгромоздив на спину свою незамысловатую конструкцию, отправляется добывать пропитание. Он подмигивает мне на прощание и весело кричит:

— Аста пронто! (До скорого!)

Я небрежно киваю в ответ. Сам продолжаю возиться в клумбе с цветами и думаю о нём. Слухи разные ходят. Говорят, у него на юге Чили большая семья, есть дом и хозяйство… а раньше он работал на телевидении — вёл какую-то музыкальную программу…

• • •

А вечером Элвис еле притащился в свою лачугу. С какой-то измызганной подружкой. Без инструмента (значит, завтра будет сооружать новый, у него это быстро получается — уже привык, поднаторел). То ли он её тащил, то ли она его — не разберёшь. Оба в стельку пьяные либо обкуренные марихуаной. Тяжело опираются друг о дружку и так продвигаются. Физиономии расцарапаны в кровь, одежда измазана в свежей грязи. Ничего особенного — это их жизнь. Нам не понять их, они не понимают нас. Вроде как сосуществуют разные параллельные миры, слегка контактируя друг с другом.

Утром, как всегда, я занят зелёными насаждениями: поливаю, выщипываю травку, рыхлю землю и прочее. Ближе к полудню Элвис с трудом выползает из-под полога, здоровается со мной и, взгромоздившись на свой ящик, принимается в осколке зеркала изучать ссадины на своей физиономии. Он нежно трогает засохшие царапины грязными потрескавшимися пальцами и сокрушённо прищёлкивает языком. Я сочувственно спрашиваю:

— Что, досталось тебе вчера?

— Да я совершенно не помню, откуда у меня это взялось, — усмехается Элвис. — Помню, купили с друзьями пиво, выпили его. Потом пришли ещё двое. Мы угостили их. У них не было денег. Один говорит: «Я сейчас приведу женщин…» — и ушёл. Мы пили ещё что-то — кажется, «Токорналь». Женщин привели двух… или трёх. Иностранки… из Перу… я выбрал самую красивую. А тот, который привёл их, всё время указывал мне на другую. Надоел, каямпа (поганый гриб). Затем… кажется, я ушёл с ней… Карамба, точно не помню. Ладно, это не важно. Но откуда у меня эти царапины?

— А где твоя иностранка? — интересуюсь я. — Хоть бы познакомил с ней.

Элвис самодовольно улыбается и показывает большим пальцем за спину в свой закуток:

— Там, спит ещё.

Но затем спохватывается и, посерьёзнев, продолжает:

— Сеньор шутить изволит? Разве вам интересно знакомство с глупой индейской женщиной? Ваши белые женщины вон какие красивые: блондинки, голубоглазые. На меня такие и не смотрят.

— Не расстраивайся. Тебе хватает своих женщин, — успокаиваю я бродягу.

В это время под пологом зашевелился ворох тряпья, и из-под него выползло нечто человекоподобное. Но такое потасканное, грязное и вонючее, что человека признать в нём можно лишь с большим трудом. Да, предпочтения в амурных делах моего чилийского знакомого были весьма специфичны. Красота перуанки выходила за рамки моего понимания о прекрасном. Но, как известно, о вкусах не спорят…

— Вот, Каролина, познакомься, этот сеньор русский, он мой друг, его зовут дон Владимир, — с гордостью показал на меня Элвис.

Каролина, раскрыв неопрятный щербатый рот, дебильно уставилась на меня. Некоторое время она бесцеремонно разглядывала представшее её взору создание, словно перед ней возникло какое-то диковинное экзотическое животное, а затем, вытянув заскорузлый указательный палец, спросила, обращаясь к Элвису:

— Это далеко отсюда… Русия?

— Да-да. Дальше, чем Перу. И даже дальше, чем Бразилия, — тоном знатока стал объяснять индеец.

— Как ваши дела, сеньор? — наконец решилась она задать мне традиционный у латиносов вопрос.

— Более или менее, — тоже традиционно ответил я.

Но до неё, кажется, не дошёл смысл моего ответа, она просто трудно вникала в разгадку того, что какое-то непонятное ей существо из другого мира издаёт звуки на её языке. Это для бедняги было событием жизни. Я же понял, что на сегодня достаточно впечатлений для моей новой знакомой и на том беседа закончена. А посему, любезно кивнув на прощанье влюблённым, я спешно ретировался со своим садовым инвентарём в глубь территории.

• • •

Вчера патрон был очень недоволен, раздражён, темпераментно жестикулировал, разговаривая с проверяющим инспектором из муниципалитета. А сегодня выяснилось, что инспектор подал рекламацию на то, что наша улица захламлена мусором, не соблюдаются санитарные нормы. Теперь дону Мигелю придётся платить мульту (штраф). Утром шеф вызвал меня к себе в офисину и уже обычным успокоившимся тоном прояснил ситуацию. Я заметил: в рядах его свиты царило непривычное оживление. Это уникальное событие для меня здесь — видеть, как напускающие на себя при мне важный, напыщенный вид служащие-латиносы, кроме обычных пустых разговоров в рабочее время, заняты, наконец, хоть каким-то делом.

Одним из шагов по восстановлению санитарного порядка дон Мигель наметил: выдворение с подведомственной территории бездомного Элвиса. Моя задача — очистить угол от всего, что туда натаскал уличный музыкант. Мне жаль Элвиса, но я ничего не значу в этом мире, а ему уже объявили решение дона Мигеля. Бездомный заметно расстроен, беспорядочно суетлив, но хочет показать, будто ему всё нипочём. И тут я вполне понимаю его. Трудно покидать привычное, обжитое место. Говорят, прожил он здесь года три или четыре. Теперь нужно искать новое пристанище. А это не так просто, ведь здесь не Россия. Каждый клочок земли имеет хозяина, который зорко следит за тем, чтобы никто не покусился на принадлежащую ему частную собственность. Что поделаешь — мир развитого капитализма!

Мы перебрасываемся с Элвисом ничего не значащими фразами. Да и чем я могу его сейчас утешить? Чилийцы, сами по себе, — народ, не поддающийся унынию. Живут настоящим моментом. Радуются тому, что имеют. Если же что-нибудь усложняет их жизнь — то просто надеются, что завтра будет лучше. И всегда готовы к веселью, шутке. Не зря здесь бытует такая поговорка. Когда чилийца в разговоре спрашивают в первый раз: как дела? — он радостно сообщает: всё хорошо! Дальше, во второй раз, он отвечает уже без улыбки: более или менее. В третий раз на этот же самый вопрос он срывающимся голосом признаётся, что дела дрянь, работу потерял, жена болеет, детей не во что одеть и так далее.

Таков их национальный менталитет. Народ малочисленный, но гордый. И когда чилийца спрашивают: «Вы местный?» — он с достоинством отвечает: «Soy chileno como porotos!» («Я чилиец словно поротос (чилийская фасоль, из которой готовят национальные блюда)!» Поэтому я не успокаиваю Элвиса, а непринуждённо интересуюсь:

— Куда теперь пойдёшь?

Он беззаботно оскаливается желтозубой улыбкой и делает неопределённый жест рукой:

— Сантьяго — город большой, места хватит.

Дальше он деловито укладывает какое-то своё тряпье в огромный матерчатый узел, ещё что-то собирает в пару драных полиэтиленовых пакетов, и на этом, видимо, сборы завершаются. Я не могу со спокойствием взирать на всё это, а посему углубляюсь в свои клумбы, но не выпускаю из поля зрения беднягу. Вот он напоследок тоскливым взглядом окидывает место, некоторое время служившее ему надёжным пристанищем, и решительно отворачивается. До меня только доносится удаляющееся:

— Чао, русо. Кэ те вайа бьен! (Пока, русский. Желаю тебе всего хорошего!)

Амир Макоев

Буйволиная тропа

Остров гнома

В сарае Тимур стругал отцовским ножом деревянную саблю. Услышав шум подъехавшей машины, он спрятал нож в выдвижной ящик стола, повесил пилу на гвоздь и прильнул к щели между досками.

Несколько человек в скорбном молчании понесли в дом двое носилок, и Тимур, наблюдая за ними, к удивлению своему обнаружил, что ноги их вязнут в жарких волнах, дрожащих над асфальтом. У входа люди с носилками в нерешительности остановились, и в этот момент тишина взорвалась оглушительным криком его тёти, выбежавшей из дома. Её причитания отдались во всех закоулках большого двора, и Тимур подумал: теперь ему ни за что не закончить свою работу. Он спрятал саблю и убрал стружку, чтобы никто не заметил, что он прикасался к отцовским инструментам.

Двое мужчин прошли рядом, пересекая узкие пыльные лучи света, проникающие в сарай, и направились к колодцу. Один из них, поднимая ведро, спросил:

— А что, остались за ними дети?

— Говорят, двое, — ответил второй. — Мальчику вроде семь, девочке пять, что ли.

— Надо же, — сочувственно протянул первый. — Жалко-то как.

Они выпили воды, намочили шеи и, вытершись платками, ушли под тень огромного орешника, стоящего у дома, закурили. Подъехали ещё две машины.

Тщательно стряхнув стружку с джинсовых шортиков и голубенькой майки с двумя забавными сказочными бурундучками, Тимур вышел из сарая. Соседские женщины с встревоженными лицами замелькали во дворе, из дома доносился плач. Во дворе собирались люди, отовсюду слышались чужие голоса, спрашивали, как же это произошло.

— Да говорят, — отвечали им, — что столкнулись они на своей легковушке лоб в лоб с грузовиком. С тем-то ничего серьёзного, а они…

— Дети без родителей остались — вот что больно!

— Вот именно.

— Беда-то какая!..

Тимур побежал по двору, обжигая босые ноги о горячий асфальт, и встал под окнами дома на зелёную травку цветника. Согнав с ярко-красной розы пчелу, он достал за кустом свои сандалии и надел. В это время через окно его увидела соседская женщина и вышла к нему. Глядя на него мокрыми от слёз глазами, сказала:

— Тимочка, как же вы теперь будете? — и потёрла ему щёки шершавыми, пахнущими сладким кремом и ванилью руками. — Идём к нам, — сказала она, беря его за руку. — Побудешь с Рустамом, здесь пока нельзя. А где Люся? На улице? И её сейчас найдём.

Она привела Тимура в свой двор, посадила под навесом и вынесла ему из летней кухни кусок тёплого ещё яблочного пирога, горстку конфет в золотистых обёртках и бутылку холодного грушевого лимонада. Затем она позвала сына Рустама, который неохотно отозвался с чердака. Ему было велено немедленно отыскать и привести к ним Люсю и находиться с ними до её возвращения. Рустам лениво отозвался:

— Ладно, сейчас, — но с чердака спускаться не спешил.

К пирогу Тимур не притронулся, выпил лимонад, взял в обе руки конфеты и, рассовывая их по карманам, вышел на улицу. Солнце заиграло на его веснушках. Тимур сморщился от яркого света, и теперь он был похож на улыбающихся маленьких бурундуков, изображённых на его майке. Когда он пошёл по улице вниз, налетела откуда-то тень, на минуту стало свежо и приятно. Он вспомнил рассказанную отцом историю про огромную загадочную птицу, которая могла одним крылом закрыть солнце так, что на земле воцарялся холод и мрак. Но сейчас это было всего лишь серое облако, закрывшее солнце ненадолго.

Через несколько дворов он встретил игравшую с детьми Люсю. Она увязалась за ним.

— Ты куда идёшь? — спросила она.

— Никуда, — ответил Тимур. — Не ходи за мной.

— Если на речку, я с тобой.

— Не иду я на речку. Ты иди к тёте Нине, она сказала, чтобы ты шла к ним.

— Ага, я знаю: на речку ты идёшь! — закричала Люся. — Если не возьмёшь меня, я расскажу маме, как ты без разрешения туда ходишь.

— Дура ты, мама умерла!

— Почему?

— И папа тоже умер!

— Почему умерли? Они к бабушке поехали.

— Поехали, поехали!.. Они в аварию попали! Ты знаешь, что такое авария?

— Это яма такая большая?

— Сама ты яма. Вот не знаешь — и молчи!

Тимур остановился, достал две конфетки и протянул Люсе. Арбузные соки намыли следы на её личике и засохли. Носик, видимо, тоже принимавший участие в поглощении арбуза, потом запылился, и теперь на нём красовалось липко-грязное пятно. Волосы, собранные в две рожки разноцветными резинками, колыхали верхушками при малейшем движении головы. Глаза, как два живых цветочка, смотрели доверчиво и наивно. Она тут же развернула одну конфетку и положила в рот, а другую опустила в единственный нагрудный карман своего платьица, украшенного рисунками полевых цветов.

— Ладно,— сказал Тимур,— я возьму тебя. Только ты потом никому не говори, куда мы ходили. И никому не показывай это место. Поняла?

— Поняла,— легко согласилась Люся.— Никому не скажу. Честное слово!

Улица, на которой они жили, находилась на окраине города и выходила на конечную остановку маршрутных автобусов. Свернув в том месте влево, они прошли бетонный мостик и через минуту оказались в поле. Здесь начинались земляные угодья верхнего села, расположенного за холмом. За ним, пройдя по тропинке негустое лесонасаждение, можно выйти к озеру с островком, на котором растёт одно-единственное кривое дерево. Туда и намеревался попасть Тимур.

Они пошли вдоль сенокосных лугов вверх.

— Мы идём на озеро,— объяснил Тимур.— Здесь два озера. Одно вон там, видишь? — он указал пальцем вправо. Люся кивнула.— Но нам не туда. Мы пойдём на верхнее озеро, за селом. Я с папой туда ходил рыбу ловить. Аж два раза. Мы уходили рано утром, ты всегда в это время спишь. Папа рассказывал, что на острове этого озера живёт гном. У него есть волшебная палочка, и он умеет делать всякие чудеса. Все чудеса, какие пожелаешь.

— А он сможет мне подарить много мороженого, много пирожного и много разных конфет?

— Конечно, сможет. Я же сказал, он всё может. Только папа говорил, что если детки непослушные, то он ничего им не подарит, не исполнит никакого желания. А я сегодня брал папин нож, он мне не разрешал его брать. Он очень острый. Теперь гном может не исполнить мои желания. А тебе исполнит, если ты не баловалась и была послушной.

— А этот гномик разве видел, как ты брал папин нож?

— Не видел, но он всё про всех знает. Он же волшебный.

— А я дома у Мадины разбила блюдце с клубничным вареньем. Про это он тоже знает?

— Зачем разбила?

— Её мама поставила блюдце на мой журнал для раскраски. Я хотела его оттуда вынуть, а блюдце само слетело вниз и разбилось. Она ругалась и говорила, что мы с Мадиной вечно балуемся. А блюдце само разбилось, я не виновата. Теперь что, этот твой гном и мои желания не исполнит?

— Нет, не исполнит. Теперь уже всё.

— Вот жадина. Тогда зачем мы идём? Я не хочу туда идти. А то и он начнёт ругаться.

— Мы идём не за подарками. Не понимаешь, что ли? Я буду просить, чтобы он оживил папу и маму. Мы ведь не для себя просить идём, он должен исполнить. Знаешь, гном исполняет не все желания. А только те, в которых ты просишь за другого человека. За себя ты ничего не можешь просить. Папа так говорил.

— А я не хочу за другого просить. Тогда я вообще к нему не пойду.

— А папа, а мама? Мы должны их спасти.

— ...Тогда ладно. А ты видел этого гнома?

— Нет, не видел. Мы бывали там всегда днём, а он в это время спит.

— А когда же он выходит на улицу?

— Какая тебе улица на острове? Там нет никакой улицы. На острове есть дерево, под ним, в норе, он и живёт.

— А как мы его увидим?

— Наклонимся к норе и позовём. Папа говорил: его зовут Оки-Фиоки.

— А этот Оки-Фиоки большой?

— Он маленький, он же гном. Он меньше даже тебя.

— Мы позовём, и Оки-Фиоки к нам выйдет?

— Надо, чтобы солнце зашло. При солнце он не покажется. Я сколько раз просил папу сводить меня туда вечером. Он всё говорил: пойдём как-нибудь. И ни разу не сводил. Обещал только.

— А почему ты сам не пошёл?

— Ага, это знаешь как далеко! А сейчас другое дело, сейчас папа ходить не может.

— А почему папа ходить не может?

— Вот ты дырявая голова, я же тебе говорил, что папа умер. И мама умерла. Они в аварию попали. Авария — это когда две машины стукаются друг с другом и люди в них умирают. Я, как только про это услышал, сразу решил пойти на озеро и найти Оки-Фиоки. Надо спешить, пока папу и маму не закопали в землю. Им трудно будет откапываться, когда Оки-Фиоки оживит их своей волшебной палочкой.

— А давай мы у него попросим подарить нам свою волшебную палочку.

— Ага, даст он. Не надо было мне сегодня папин нож брать. Тогда, может, и дал бы. Хотя бы на время.

— Вот ты сам теперь виноват.

— А ты? Кто блюдце с вареньем разбил?

— Не твоё дело. Оно само упало.

— Тогда и то, что я нож брал, не твоё дело…

Они одновременно заметили дикую грушу, оказавшуюся на их пути. Она стояла, бессильно опустив свои тяжёлые старые ветви почти до земли, но на этих ветках груш уже не было. Груши были только наверху. Не договариваясь, оба решили, что надо сорвать аппетитные плоды.

— Внизу всё слопали. Вон там висят большие груши и спелые,— сказала Люся, указывая на самую вершину.

— Сам вижу,— отозвался Тимур.

Он освободил карманы от оставшихся конфет, бросив их перед собой на траву, туда же полетели игральные биты и увеличительное стекло. Из заднего кармана он достал стянутую резинкой пачку наклеек с гоночными автомобилями, но, подумав, положил их обратно.

— Только ты туда не долезешь,— сказала Люся,— и палки у тебя нет.

— Где я палку здесь возьму? — возразил Тимур.— Здесь даже камней нет. Я лучше полезу.

Тимур разулся, заправил майку в шортики надёжнее, чтобы туда можно было положить сорванные груши, и, уцепившись за обломанную корявую ветку в нижней части ствола, не без трудностей на неё ступил. Он ухватился выше и, обняв ногами морщинистую кору, пыхтя и постанывая, взобрался до развода трёх средних стволов. На конце каждого из них его ожидали обласканные солнцем спелые груши.

— Вот эти, эти мне сорви! — командовала Люся.

Тимур пополз по одной из веток, больно царапая себе руки и ноги о торчавшие на ней сучья. В какой-то момент он сильно качнулся и в страхе замер. До цели оставалось немного, но он боялся разжать руки — иссохшая ветка угрожающе треснула и в любой момент могла обломиться.

— Ты ползи, ползи,— настаивала Люся,— осталось совсем чуть-чуть.

Тимур сдал назад и попытался потрясти ветку, но она не собиралась расставаться с грушами и лишь слабо качнулась в ответ. Треска больше не было. Тогда он, осмелев, тряхнул её сильнее и, не успев опомниться, свалился вместе с веткой на землю. Он упал, смяв руками две перезрелые груши. Небольшая царапина на лбу не давала о себе знать, он её поначалу совсем даже не чувствовал, зато на щиколотке он ощутил неприятное жжение. Он увидел, как в этом месте змейкой содрана кожа и образовавшаяся шершавая канавка наполняется кровью. Тимур тихо и жалобно заплакал.

Люся взяла себе грушу, жадно надкусила её бугристую кожуру, обнажив сочную мякоть, и липко-медовая влага потекла между пальчиков. Только потом она сказала:

— Не плачь, вот они. Здесь один, шесть, четыре груши — вот сколько. Нам с тобой хватит.

Люся доедала грушу, когда Тимур, всхлипывая, наконец встал. Даже не глянув на добычу, он надел сандалии, сунул в карманы свои вещи и, прихрамывая, молча пошёл дальше.

Через несколько шагов Люся заявила, что пальцы её слипаются и ей нужно их помыть.

— Где я тебе возьму воду? — возмутился Тимур.— Здесь нет воды. Вот так — не надо было за мной увязываться. Теперь я не виноват.

Но она захныкала и готова была расплакаться.

— Ладно, подожди,— сказал он.

Тимур сорвал большой лист лопуха и вытер ей руки.

— И ничего совсем не помогает,— снова заскулила она.— Я воду хочу, я хочу пить.

— Тогда терпи,— равнодушно ответил он,— до озера или хотя бы до фермы.

— Не пойду я ни на какое озеро, я хочу домой.

— Ага, иди. Я тебя держу, что ли? Ты что, забыла, куда мы должны спешить?

Люся тихо заплакала, но продолжила идти за братом.

К тому времени солнце куда-то спряталось. Несколько темнеющих облаков пугливо неслись по небу. С вершины холма подул ветерок. На пути им попадались бабочки, в другой раз Тимур погнался бы за ними непременно, но сейчас ему было совсем не до них. Только Люся, перестав плакать, с любопытством следила за тем, как они неожиданно откуда-то возникают и так же исчезают в зарослях высокой травы. Когда они подошли к подножию холма, Люся сказала, что устала и хочет писать.

— Ладно,— согласился Тимур,— отдохнём. Мы тоже с папой здесь всегда останавливаемся. Он мне говорит: отдохни маленько. Как будто я устаю. А я совсем не устаю.

Он присел и стал разглядывать свою рану. Кровь уже присохла, образовав буро-смолянистую корку. Он осторожно дотронулся до неё пальцем, морщась от предстоящей неприятной процедуры, когда вечером мама станет промывать рану тёплой водой и накладывать на неё какие-то обжигающие холодом мази.

Люся захныкала снова. Теперь она жаловалась, что трава высокая и колет её попку — она не может нигде присесть. Тимур подошёл и стал вырывать под ней траву с корнем. Люся, спустив трусики и подтянув до груди платье, молча за ним наблюдала.

— Всё,— сказал он, закончив.— Теперь можешь садиться.

Отойдя, он прилёг на траву и посмотрел на небо. Там по-прежнему куда-то спешили облака, словно их подгонял неведомый небесный пастух. Смешиваясь и снова разрываясь, они образовывали

причудливые силуэты. Вот темнеющая голова собаки влилась в бесформенную серую тучку с дымчатыми краями, к ним примкнули ещё две, и образовалась гигантская фигура неведомого чудовища. И этот рисунок вскоре распался на воздушного змея, похожего на тот, который они запускали недавно с отцом, только без длинного извивающегося хвоста. Со стороны холма донеслись звуки музыки.

— Я хочу спать,— сказала Люся.— Сегодня я ещё не спала.

— Ага, ты будешь спать. Почему-то ты никогда не хочешь спать, когда мама укладывает тебя днём,— отозвался Тимур.

— А сейчас хочу.

— Вот ты вредина. Тогда я пойду один, а ты оставайся. Поняла?

— Тим, давай пойдём домой, мне страшно дальше идти. Мама нас поругает.

— Я пошёл один, а ты — как хочешь. Иди себе домой.

С этими словами Тимур встал и решительно пошёл вперёд. Но через несколько шагов остановился. Невдалеке за густой высокой травой он заметил шляпу, похожую на огромный белый гриб. Но шляпа эта почему-то поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Подав знак немедленно ложиться идущей за ним Люсе, он прилёг и на животе дополз до неё.

— Там растёт пребольшущий гриб,— сообщил он ей, едва переводя дыхание.— Но он живой, он шевелится. Может, он волшебный и умеет разговаривать.

Он хотел поведать ей ещё о кое-каких своих соображениях, но тут заметил, как сквозь траву на них надвигается та самая шляпа гриба. Он пригнул свою голову к земле и рукой накрыл Люсю, надеясь, что они останутся незамеченными. В какой-то момент показалось, что гриб идёт прямо на них, трава под ним шелестела всё сильнее в их направлении. Наконец шелест исчез. Тимур приподнял голову.

— А-а, сорванцы, так это вы тут щебечете? А я-то думаю… Неосторожно, неосторожно вы тут легли. А если бы я махнул косой по траве? А? Что тогда? Трава высокая, я же вас мог и не заметить.

Перед ними стоял древний старичок в потной рубахе, в штанах, заправленных в сапоги, и в белой войлочной шляпе. Его маленькие серые глазки смотрели на них ласково и, по всему, не таили в себе ничего злого. Дети встали.

— Что ж вы так далеко забрели? — продолжал старик.— Вы, наверное, с этими приехали,— добавил он, указывая в сторону, откуда доносилась музыка.— Гляньте, что ваши папы и мамы сделали с моим лугом — проехались на машине… туда-сюда, туда-сюда… Да, раньше здесь проходила дорога, но теперь-то её нет, вспахана она и засеяна травой. Дорога теперь во-о-он где проходит, но вашим лень, стало быть, объезжать… А они зря вас так далеко отпустили — потеряетесь ещё. Ну, пойдёмте ко мне. В самый раз обеденное время. А мне скучно одному есть. Главное, раньше не бывало скучно. А как привезли ко мне внука, повозил его с собой на сенокос и привык к нему. А теперь просто не могу без него в поле. Сердце рвёт воспоминание о его каникулах у меня.

Он повёл детей к телеге. В тени её, под полотенцем, прямо на скошенной траве находился весь его обед: несколько свежих огурцов и помидоров, три варёных яйца, краюха домашнего хлеба, сыр и бутыль кислого молока.

— Не знаю, чем угощают там у вас, наверное, мясо жарят, а у меня вот что,— сказал он, усаживая их.

— А у меня пальцы слипаются,— сказала Люся, протягивая ему руки.

— Ну что ж,— отозвался старик,— сейчас приведём их порядок. Я воду не пью, когда работаю,— потею много. А вот в телеге держу на всякий случай. Вот и случай подвернулся. Арбуз ела, да? А ну, давай-ка сюда свои ручонки, сейчас мы их отмоем.

Он помыл их и тщательно вытер вылинявшим полотенцем.

— Ну, ешьте, ешьте. Еда — она вкусная, когда с кем-то делишь.

Он налил в керамическую кружку кислого молока и протянул Тимуру, который тут же его опорожнил и сказал, что Люсе такого не надо, кефир она не пьёт.

— А вот и буду,— сердито ответила та.— Я пить хочу, а вода у дедушки горячая.

Она пила долго, морщась и, по всей видимости, не понимая вкуса этого напитка. Затем взяла очищенное для неё яичко и сыр с хлебом.

Недалеко от них проскакал всадник, и ослик старика, пасущийся поодаль в низине, неожиданно заревел. Дети вскочили посмотреть на чудище, которое напугало их своим страшным голосом. Они только теперь его заметили.

— А это кто? — спросила Люся.

— Это мой осёл,— ответил старик.— Я кошу травку на сено, а он отвозит её домой.

— А у нашего дедушки осёл больше вашего,— похвасталась Люся. И уточнила: — У него лошадиный осёл.

Старик ласково улыбнулся и сказал:

— У вас счастливый дедушка, дай Бог ему долгих лет жизни. И вы растите ему на радость,— он уселся удобнее, явно решив им что-то рассказать.— Вот у меня сын гостил, четыре года не виделись, он всегда у нас занятой человек. Привёз мне, наконец, своего мальчика, такой же сорванец, как и ты,— он погладил голову Тимура.— Брал его на сенокос, ему нравилось, хотя поначалу и боялся ездить на ослике.

Но они уехали, а я снова остался один. Спрашиваю себя: для чего и для кого я живу? Сегодня понял, что им всё равно: есть я или нет на этом свете. Мой сын долго прожил от меня вдалеке — отвык от меня. Я всё понимаю. У меня нет таких, как вы, рядом. Я одинок. Поэтому у вас счастливый дедушка, у него есть вы. Дай Бог ему здоровья. А я один. Сын-то потому и приехал — с матерью, со старухой моей попрощаться: два месяца как её не стало…

— Это твоя бабушка? — спросила Люся.

— Да, это моя бабушка, — грустно улыбнувшись, ответил старик.

— А наши папа и мама упали в аварию, — сказала Люся.

— Это плохо — попадать в аварию. Но по всему видно, что живы и здоровы, раз сюда вас привезли.

— А мы хотим найти волшебного гнома, — не унималась Люся. — Он всё-всё на свете может. Он вылечит папу с мамой и мне подарков даст.

Тимур промолчал.

Старик встал, взял косу и стал её точить. Потом сказал:

— Это и мне было бы хорошо встретить волшебного гнома. Думаете, старику не о чем его попросить? Ох, как много о чём. Ну, вы идите к своим, не то они беспокоиться будут. Бранить меня станут. Идите.

Тимур и Люся молча пошли навстречу мелодичной музыке и дымку, струящемуся к ним с холма. Они уже подходили к ним, когда Люся заныла от усталости и сказала, что больше не может идти. Тогда Тимур предложил понести её, как делали это они, играя в лошадей и всадников. Взобравшись на своего брата, Люся, довольная, улыбнулась, очевидно, вспоминая весёлые крики и смех, неизменно сопровождавшие эту игру.

Дым разгоравшегося костра всё густел, мелодичная музыка поменялась на ритмичную, стали слышны обрывки громких фраз. Тимур стал терять силы, вот-вот он свалится, надо остановиться и передохнуть. Он выпрямился, намереваясь спустить Люсю на землю, но она, не понимая его действий и видя, что начинает сползать со спины, ещё крепче уцепилась за шею.

— Да слезай же скорее, ты меня душишь! — вскричал Тимур и разорвал её ручонки.

Она плюхнулась на траву с глухим звуком, точно Тимур уронил мешок, набитый чем-то мягким.

— Ты что, на ноги не можешь встать? — закричал он.

Люся от усталости и обиды заплакала.

Тимур снова улёгся на траву и посмотрел на небо. Там он увидел сплошное месиво огромных грязных туч без занятной путаницы знакомых силуэтов. Кое-где — в местах их разрывов — внезапно пробивался поток солнечного света, и он на какое-то мгновение неестественно ярко освещал часть луга. Вокруг суетливо заметались ласточки, они так низко подлетали к земле, что Тимур подумал: будь у него сачок, каким ловят бабочек, он мог бы, наверное, поймать и ласточку.

— Надо идти, — сказал он вдруг. — Солнца нет, мы должны быть уже там.

Он встал, машинально отряхнулся и, взяв Люсю за руку, двинулся вперёд.

— А как мы по воде пойдём? — спросила Люся.

— Там у берега всегда лодка стоит, я сам видел. Только нужна специальная палка, она шест называется.

— Шесть?..

— Да не шесть, а шест. Но если этого шеста в лодке нет, то можно взять какую-нибудь простую палку. Им отталкиваешься от дна, и лодка плывёт.

— А там глубоко?

— Нет, не совсем. Папа говорит: ему по грудь будет.

— Ого.

— И остров недалеко стоит, как два раза от крыльца нашего дома до колодца тёти Нины.

— Ого.

Они шли прямо на автомобиль и решили обойти его. За ним находились две женщины и двое мужчин. Один из мужчин сидел у костра и жарил мясо.

— Эй, малыши, — крикнул им тот, что у костра, — ну-ка рулите сюда.

Дети в нерешительности остановились.

— Давайте, давайте, сворачивайте, не стесняйтесь. Зина, ну-ка принеси деткам бананы и виноград.

Рослая девушка в штанах вскочила, порылась в одном из пакетов и вынула оттуда что было ей велено.

— Ой, какие прелестные детишки, — сказала она, направляясь к ним.

— А там дедушка, который косит, подумал, что вы наши папа и мама, — сказала Люся, принимая угощения.

— Да, хотела бы я сразу заиметь таких больших детишек, — ответила она. — Садитесь вон на то одеяло, к нам.

— Нам надо идти, — сказал сразу Тимур, чтобы не тратить время.

— Мы идём к Оки-Фиоки, — добавила Люся.

— А кто это? — поинтересовались взрослые.

— Это волшебный гном, у него есть такая красивая палочка, и живёт он на озере, в норе, — уточнила Люся. — Он может всё.

— Ну да, раз у него есть волшебная палочка, тогда конечно, — согласились с нею.

— Дети, минуточку, не уходите, — сказал мужчина у костра, — сейчас я вам шашлычка дам горячего. Зина, ну-ка быстренько мне тарелку, — он снял мясо в пластиковую тарелку и протянул им: — Нате, поедите по дороге. И лаваш сверху.

— Они с фермы, наверное, — сказал второй мужчина. — Здесь неподалёку есть ферма, там

семья живёт постоянно. Ну что, налетайте, у меня всё готово.

Тимур и Люся двинулись дальше, на ходу жуя горячее сочное мясо. Затем без всякой ссоры — хорошо, когда всё поровну, — заели бананами и виноградом.

— У них на одеяле сладкая вода лежала, — заметила между прочим Люся, — нам не дали.

— А у нас нет столько рук, чтобы всё унести, — заступился за них Тимур. — Они добрые, просто забыли нам дать. Там, перед лесом, есть родничок. Там и попьём воды. Знаешь, какая в нём вода холодная — бр-р.

Перед фермой им попались две стреноженные лошади и жеребёнок, резво бегавший возле них. Откуда-то взялась огромная лохматая собака с отрезанными наполовину ушами и, виляя укороченным тоже хвостом, подбежала к ним и стала обнюхивать. Почему-то она больше всего хотела обнюхать Люсю, прятавшуюся за спиной Тимура, который от испуга сам был готов укрыться за чьей-нибудь спиной. Собака пыталась зайти Тимуру за спину, никак не умея дотянуться до Люси, ловко ускользавшей от неё. Она кричала:

— Уйди, уйди, дурак!.. Я сейчас папу позову…

Ей вторил Тимур, вдруг от страха обретя в голосе командно-повелительный тон:

— А ну пошёл отсюда! Пошёл вон — кому я сказал?! Прочь! Как дам сейчас!.. — голос его дрожал и захлёбывался от страха.

Так же внезапно появился мальчик с длинным кнутом и крикнул:

— Зидан, фу! Ко мне!

По-видимому, мальчик был года на два-три старше Тимура.

— Испугались, да? — сказал он, смеясь, когда собака подбежала к нему. — Не бойтесь, малышей она не трогает, — наверное, он чувствовал себя перед ними очень взрослым. — Дуйте скорее домой — дождь будет, — предупредил он и, достав ключ из кармана брюк, подсел к лошадям расстреноживать их.

— Сам ты малыш, — сказал Тимур, уходя.

И в самом деле, вокруг разом стемнело. Ветер угрожающе прошелестел по кукурузному полю и стих. Надо было торопиться. За фермой дорога расходилась: одна вела в село, другая — через подлесок к озеру. Много пройти они не успели, дождь пошёл редкими крупными каплями и стал понемногу нарастать.

— Давай в тот длинный дом зайдём, — предложила Люся.

— Это не дом, а кошара, — ответил Тимур, сворачивая с дороги и ускоряя шаги. — Туда овец загоняют, и они там спят. Мне папа говорил.

Кошара была пуста. Промокли они не сильно. Сев на тракторную шину, лежавшую внутри недалеко от входа, стали смотреть на дождь. То стихая, то снова усиливаясь, он держался около получаса, затем резко прекратился, тучи сместились вниз, на город.

Тимур понёс на спине Люсю, отказавшуюся идти до дороги по мокрой траве. Но она не захотела с него слезать и на дороге — её основательно размыла дождевая вода, в небольших углублениях стояли лужи. И Тимур понёс её дальше, останавливаясь у какого-нибудь булыжника, куда ставил Люсю, чтобы передохнуть. Но, к радости своей, он вдруг увидел, что дальше дорога идёт совсем сухая.

— Смотри, здесь не было дождя, — сказал он, ставя Люсю на землю. — Интересно, да?

Но Люся молчала. Эта новость её совсем не обрадовала. Она неохотно пошла за Тимуром, её клонило ко сну.

Тропинка вела под тёмные своды высоких деревьев.

— Отсюда уже совсем недалеко, — сказал Тимур обрадованно.

— А волки здесь есть? — спросила Люся.

— Нет, здесь нет. Я тоже об этом спрашивал папу. Но здесь кабаны водятся.

— А кабаны — они кто?

— Это свиньи, которые живут в лесу. У них ещё есть клыки.

— А почему они живут в лесу?

— Потому что в лесу они родились. Там их дом.

— Они едят детей?

— Нет, они жёлуди едят, орешки там разные. Иногда они заходят в кукурузные поля, и тогда в них стреляют охотники.

— Зачем?

— Чтобы не воровали чужую кукурузу.

Повсюду начали укладываться густые тени. На лесной тропинке им встретились трое ребятишек на велосипедах, возвращавшиеся с рыбной ловли. У каждого из них в руке был ивовый прутик, на который было насаждено по несколько рыбёшек средних размеров.

— Видишь, они все с озера едут. Это здесь, совсем уже близко, — сказал Тимур, успокаивая и Люсю, и себя.

И в самом деле, вскоре показалась рябистая от ветра водная поверхность. У берега, привязанная к ближнему дереву, стояла лодка, в ней находилась длинная палка.

— Вот видишь, всё как я говорил! — радостно воскликнул Тимур. — На этой лодке выплывают на середину озера и ловят рыбу. Большие рыбы живут в середине озера, где глубоко, а близко к берегу — так, одна мелочь. А вот и остров, где живёт Оки-Фиоки.

Тимур разулся, отвязал лодку и зашёл в воду, чтобы развернуть её носом к острову. Холодная озёрная вода больно обожгла рану на его ноге. Он перенёс Люсю в лодку и, оттолкнув от берега, ловко в неё взобрался. Покачиваясь из стороны в сторону, она

медленно стала удаляться от берега. Тимур взял шест и встал. В этот момент он оглянулся, и ему впервые стало страшно. Кругом ни души, тёмная вода недружелюбно хлюпала под лодкой, стало быстро темнеть. Ко всему добавлялось непривычное ощущение чужой, враждебной среды под ногами, в которой он почувствовал себя беззащитным. И всё же он концом шеста нащупал дно озера и, борясь с встречным ветром, толкнул лодку вперёд. Люся сидела перед ним, оцепенев от одолевающего её сна.

Лодка глухо хрястнула об илистый берег острова и застыла. Тимур зачем-то выбросил оттуда шест на землю и высадил Люсю, которая, отойдя немного от кромки воды, присела на прибрежную травку. Оставив её, Тимур побежал к одинокому дереву. Его могучие ветви, сопротивляясь напору ветра, ныли и скрипели. Когда Тимур подошёл ближе, дерево зашипело на него листвой. Словно не желая выдавать свою тайну, оно будто бы говорило ему: «Прочь отсюда, мальчишка, я сотни лет берегу волшебную тайну и тебе её не выдам». Тимур невольно представил себе это дерево в образе сердитого старика. Нет, ни этот остров, ни это дерево не похожи на себя того времени, когда он увидел их впервые с берега. Тогда было раннее летнее утро, поднимающееся солнце ласково высвечивало из спокойной водной глади этот сказочный остров и приветливое дерево с зелёными раскидистыми ветвями, а под ним, без всякого для него сомнения, жил волшебный гном, с которым он непременно подружится. Теперь же это совершенно другое место. Куда подевалось приветливо манящее объятие этого острова? Где сказочный голубой дымок, который его окутывал? Где его любимый гном, о котором он так много думал, любил его и ждал с ним встречи? Как могло всё так быстро измениться? Ему стало страшно.

— Папа, папа, — отчаянно закричал он, не узнавая своего голоса. Потом, вспомнив, что ему надо звать не папу, а гнома, заорал со всей силой: — Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Но никто не отзывался. Обозлённый ветер хватал его слова и уносил куда-то далеко в лесные дали.

Тимур бросился к подножию дерева и стал искать нору. Но никакой норы под ним не было — хитрый гном закрыл все проходы к себе и спустился в глубокие подземные лабиринты. Но он же волшебный, он должен знать, что Тимур зовёт его и надеется на его помощь.

— Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Может, нора в другом месте? Он стал искать её по всему острову, бросаясь то к одному углублению, то к другому, но все они оказывались не норами. Быстро темнело.

— Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Глаза застилали слёзы. Не в силах себя сдерживать, он сел под деревом и заплакал. Он чувствовал себя обманутым и обкраденным. Папа обманул его: здесь не живёт волшебный гном. И некому теперь оживить его папу и маму. Как страшно вдруг стало от этой мысли. Неодолимое сиротское чувство стало в нём нарастать.

— Папа! Папа!

Как сладко раньше было жить с мыслью, что этот гном есть где-то рядом и он скоро его увидит. Как быстро он преодолевал страх, вспомнив, что это маленькое существо есть на свете. Как покойно и уверенно он чувствовал себя, зная, что когда-нибудь они встретятся. Теперь всё пропало. Папа обманул Тимура и лишил его сказочной мечты. Теперь у него не будет ни папы, ни мамы, ни волшебного гнома.

— Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Тимур вернулся к берегу. Люся крепко спала, свернувшись клубочком и обхватив животик руками. Лодки не было. Он, конечно же, не догадался её привязать, и злой ветер её утащил. Где-то там, над чёрной водой, одиноко покачивался её силуэт. Обильно накатывающиеся слёзы застилали глаза. Он утирал их, они неудержимо прибывали снова.

— Оки-Фиоки! Оки-Фиоки!

Но остров хранил свою тайну.

Буйволиная тропа

Буйволица пила воду из ручья. Я лежал на противоположном берегу, но даже в ночи мог разглядеть её отчётливо, как будто она стояла передо мной. Способность ориентироваться в полной темноте появилась у меня, вероятно, из-за агонии моего распадающегося тела. Мне чудилось, что она касалась меня ноздрями. Я видел, как буйволица звучно втягивала прохладную воду, как она вкусно клокотала в её глотке, перетекала по пищеводу в горячий желудок, а оттуда благостно расходилась по могучему телу. Она изучала меня по-человечески: кто я, почему нахожусь на её территории, не опасен ли ей? Впрочем, едва ли она опасалась умирающего человека, в котором едва теплилась жизнь.

Я лежал в траве, взмокшей от ночной прохлады. Правая рука покачивалась в подтёкшей воде, левая в момент падения застряла где-то подо мной, и я её совсем не чувствовал. Ног — тоже, ровно их и не было. Я не помнил, сколько времени здесь лежал, что было со мной до этого, не представлял состояния своего организма. Я воображал, что душа моя опустошена и сейчас обречённо летает во мне рваным облачком, готовясь рассеяться во мраке ночи, а тело послушно следует её самоубийственному акту. Похоже, так оно и было, потому что в сражениях я не участвовал, никто меня не преследовал, я не ранен, не убит, не помню, чтобы подвергался насилию за какие-то прегрешения, — моё положение, вероятнее всего, было следствием всей моей беспорядочной и бессмысленной жизни.

Что вообще со мной происходит, где я, как и почему здесь оказался, сколько будет светиться во мне это убывающее сознание? Я не знал точного ответа, потому что ничего подобного со мной никогда не случалось. Как бы то ни было, я умирал.

Откуда-то я знал, что за мною поле, и поле это усеяно такими же несчастными, как и я. Каждую ночь их терзали дикие звери, я слышал крики людей и вой свирепых хищников. Недавно они подошли и ко мне: обнюхали, потыкали носами и ушли. Должно быть, положение моё совсем худо, если даже они не употребили меня в пищу. Наверное, часть меня, соприкасавшаяся с землёй, начала разлагаться: я чувствовал, как подо мной уже орудуют черви, поглощая некогда холёное тело. Я был настолько равнодушен к своей участи, что не боролся за свою жизнь, не сожалел о несбывшихся мечтах, а хотел одного — скорого конца. С этим я, вероятно, и впал в забытьё, как это бывало со мной не раз в последнее время.

Я слышал журчание ручья, время от времени переходящее в девичье воркование. Девушка то ли говорила со мной, то ли пела о чём-то своём, но не было сомнения — она реальный человек. Я подумал: до чего прекрасен женский голос, до чего прекрасны все женские голоса, как был я расточителен, что не вслушивался в них всем сердцем, когда жил среди людей. И как ужасно моё положение, если я вынужден жадно ловить эти сладкие звуки, не имея возможности прикоснуться к обладателю этого голоса или хотя бы увидеть. Из глаз моих выступили слёзы. Неожиданно мне отчаянно захотелось любви и женской ласки.

В этот момент я услышал:

— Эй! — и почувствовал лёгкий толчок в бок.

Я не сразу открыл глаза, и тогда меня толкнули ещё и ещё — уже настойчивее, с более решительным окриком:

— Эй, ты!

Выступившие слёзы размочили присохшие веки, и я смог их разомкнуть. Надо мной стояла девушка и пыталась поймать мой рассеянный взгляд. Какое-то время я равнодушно разглядывал её расшитый золотом кафтан, богатый серебряный пояс, красные сафьяновые чувяки. Это была черкешенка лет четырнадцати-пятнадцати. Волосы заплетены в одну косу, овальное личико с острым подбородком, на щёчках ямочки, над пристально смотрящими глазами — густые брови. «По костюму — молодая княжна», — подумал я.

— Пойдём со мной, — сказала она. — Слышишь? Вставай!

— Красавица… я… мог бы… если… думаешь… идти… не лежал… тут, — произнёс я слова, с болью размыкая потрескавшиеся губы.

— Что? Говори громче, я тебя плохо слышу! Вставай! И ступай за мной!

Теперь она приказывала, и её простодушие меня тронуло. Мне хотелось улыбнуться, но онемевшее лицо не послушалось.

Несколько минут девушка помолчала, прислушиваясь к шуму деревьев. Мне даже показалось, что она принюхивается к налетающему ветру. Всё это время я оценивал свои силы, чтобы с ней поговорить. Похоже, она единственное моё спасение.

— И куда пойдём? — тихо спросил я.

— Эх ты, разве черкес спрашивает: куда? — подтрунивая надо мной, игриво возмутилась она и, наклонившись, вонзила в мою правую руку и обе ноги острый конец палки, деловито проверяя, есть ли ещё в них жизнь.

Остатки моих сил живо отозвались на призыв княжны: напряглись мышцы и задвигались суставы в попытке подняться. Сначала я подтянул к груди правую руку, сделал её опорной и, упёршись лбом в землю, с трудом сел на колени. Потом появилась уверенность, что смогу встать. Оказывается, ноги не отмерли совершенно, нашлась и левая рука, правда, затёкшая до бесчувствия. Я медленно вытянулся во весь рост, держась действующей рукой за колючую ветку куста, возле которого лежал. Так я простоял с минуту, пока головокружение не прекратилось. Всё это время моя спасительница с любопытством за мной наблюдала.

Я огляделся и с удивлением спросил:

— А где вода? Здесь же только что протекал ручей.

— А я его выпила, — ответила она и звонко засмеялась. — На твоих глазах! Так-то! Иначе это русло никому не перейти. Пожалела тебя. Идём.

Как только она это сказала, во рту у меня мгновенно пересохло, я ещё мучительнее захотел пить.

Не говоря больше ни слова, она пошла через сухое русло, а я последовал за ней, удивляясь тому, откуда у меня, умирающего человека, нашлись силы.

— Скажи: а ты почему там лежал? — спросила она.

— Что мне было делать, если я сражён?

— Ты воин? Был ранен?

— Нет. Какой я воин? И ранен не был. Я просто всё проиграл.

— Проиграл?

— Не в смысле — проигрался… Оступился я, по жизни оступился. Долго рассказывать.

— А ты расскажи. Времени у нас о-го-го сколько! Идти далеко.

— Прошу: не быстро. Я с трудом переставляю ноги. Глоток воды бы.

— О-о! Мужчина ты?! Я и так еле тащусь. Жалею тебя. Рассказывай!

— Не приставала бы ты ко мне с расспросами.

— А я не из любопытства! Я должна знать. Иначе здесь останешься.

— Хорошо, давай говорить. В общем, так: я перестал понимать, что со мной происходит. Затворился в себе и никого не замечал, не хотел замечать. Правильнее сказать — захлопнулся. Это как оказаться в заточении. В подземелье. За огромной железной дверью. А дверь захлопнулась по моей же вине. И я отчаялся… Понимаешь?

— Не понимаю. Но рассказываешь интересно. Как в сказках. Дальше!

— Ничего интересного. А дальше я очнулся здесь. Вот в таком виде.

— Выходит, я угадала. И правильно сделала, что разбудила тебя.

— Кто ты? Узнать можно? И куда мы идём? Я невольник? Может, я не хочу туда, куда ты меня ведёшь. Никуда не хочу. Оставь меня! Трудно мне.

— Опять заныл. Ты же сказал: отчаялся! Разве тебе не о чем попросить?

— Попросить?.. Кого? О чём?

— Идём. Знаю, куда тебе нужно. Но наперёд не скажу. Нельзя.

Мы подошли к густо заросшему лесу. Она раздвинула ближние ветви и нырнула под них, приглашая идти за ней.

— Где это мы? — спросил я, оказавшись в непроглядном лесу.

Освещением нам был только костюм девушки: светились вышитые узоры на её рукавах, блестели нагрудные застёжки, вдетые в литые серебряные петли, светился пояс.

— Это священный лес. Иди строго за мной, след в след. Мы называем это буйволиной тропой.

— Не знал, что буйволы ходят тропами. Да и не живут буйволы в лесах. Что буйволу — здесь козе тесновато станет.

— Всё наше село ходит по этой тропке к воде. Наверху воды нет.

— Ходите вы, значит. А тропа-то совсем не протоптана. Что-то ты темнишь, девочка.

— Ничего я не темню. Здесь всё быстро зарастает. Каждый день нужно начинать сначала. Всю жизнь так. А ты упал. Упал и отчаялся! Эх ты!

— Грешно смеяться. Ладно — веди. Вы мне и там, у реки, не давали покоя. Топот ваш слышал, фырканье. Понял: спокойно умереть не дадите.

— Умереть, умереть — только и знаешь. Не говори так больше!

Вдруг неподалёку от нас прозвучал леденящий душу вой неизвестного мне зверя.

— Тебе не страшно ночью в лесу? — спросил я, с трудом сохраняя мужество. Я только что хотел умереть, а теперь опасаюсь зверя. И эту девушку, что завела меня в лесную чащу, тоже боюсь.

— Нисколько не страшно, — ответила она. — Я счастливая, потому и не боюсь никого. В селе меня так и называют. У нас говорят: только счастливый может сделать другого счастливым. Отец наставляет: не водись с теми, кто не пропускает в себя счастье.

— Можно подумать, счастье за нами гонится, а мы, бестолковые, ему не даёмся. Прав твой отец: не водись с несчастными! Их едят черви ещё живых, только сами они этого не замечают.

— Ты же заметил? Может, тебя ещё не поздно спасти.

— Ты, девочка, отца слушайся. Не того ты решила осчастливить. Оставила бы меня в покое. Вот куда ты меня ведёшь?

— Хватит уже. Лучше подумай, о чём будешь просить… Осторожно — ветка. Надо заранее подготовиться. Там всё очень быстро происходит.

— Где — там? Всё загадками говоришь. Не жалко тебе меня мучить?

— Придём на место — увидишь. Скажу — не поверишь. Только подумай хорошо, чего тебе не хватает для счастья больше всего. Важно ничего не забыть. Другого раза не будет.

— Могу хоть сейчас озвучить весь список.

— Э, такое нельзя никому говорить! Всё там. Скоро наше село. Уговор: когда пойдём через него, ты ни с кем не заговаривай, не тревожь никого. Полное молчание — понял? А то испортишь всё. И себя погубишь.

— Как в сказке говоришь ты. Нужно мне твоё село — меня бы не трогали.

— Мы должны пройти к священному месту. Оно находится выше, за селом. Мне несдобровать, если узнают, что провела туда чужака.

— Не переживай, я буду нем, как покойник.

— Подумал, о чём будешь просить?

— Зачем? Всё давно известно! Уж я-то знаю, за что меня будут уважать, возносить, благоговеть передо мною. Это ли не счастье?

— Ты называешь это счастьем, уверен? Значит, ты — как все?

— Я там сам разберусь! Осторожнее с ветками — всё лицо мне исхлестала. Ты-то откуда знаешь, о чём я буду просить? Читаешь мысли?

— Догадываюсь. Как знаешь, — сказала она с разочарованием.

Выйдя из леса, мы попали в зиму: на полях лежал снег. А я — в изорванных рубашке и брюках, ноги босы. Но иду, не чувствуя холода. Впереди, на заснеженном холме, и в самом деле показались огни какого-то селения.

— Не забудь, о чём я предупредила, — напомнила она.

— Не переживай, мне теперь не до разговоров.

Мы пошли по единственной улице селения, не приближаясь к низким турлучным домам с кровлей из крупного камыша. По обеим сторонам стояли люди, образуя небольшие группы, вероятно, из близких соседей. Несмотря на поздний час, вокруг бегали дети. В котлах мужчины варили мясо, женщины под открытым беззвёздным небом

накрывали столы. За столами восседали люди в белых светящихся саванах. Во дворах можно было видеть стволы боярышника, каждый из которых был с семью ветками, на каждой по одной восковой свече. Люди всё делали в полном молчании — я не услышал ни единого звука, точно смотрел немой фильм. Мне не терпелось спросить свою спутницу: почему их дыхание не образует пар, не слышно ни их голосов, ни какого-либо звука, не видно дыма от костров, и что это за люди в белых саванах — не предки ли хозяев домов? Но держал данное обещание, понимая, что молчать — в моих же интересах. Когда мы равнялись с людьми, они кивком головы приветствовали молодую княжну, сохраняя на лицах спокойно-печальное, я бы даже сказал — задумчивое выражение. На меня никто не обращал внимания, будто я был совершенно для них невидим. Как только мы проходили очередной двор, он вместе с людьми уносился за наши спины и исчезал во тьме. Вскоре мы покинули селение.

«Призраки,— подумал я.— Их, видимо, давно нет в живых. А за столами они, наверное, угощают своих мертвецов». Но спутнице своей ничего про это не сказал: кто знает, чем для меня это может обернуться? С каждым шагом моё тело крепло, изъеденный червями левый бок заживал, и у меня пропало желание умирать. Не очень-то мне хотелось в чём-то провиниться и разрушить план моего спасения, если он и в самом деле существовал в красивой головке моей спутницы.

— Нам туда,— сказала она, указывая на небольшую скалистую возвышенность.— Видишь вход в пещеру?

Я увидел в массиве горы, у самого её подножья, узкий чёрный вход. По мере приближения к месту всё более отчётливо прояснялся серебристый луч, спускающийся с неба прямо на вершину горы.

— Пришли мы,— сказала она.— Тебе заходить. Мне туда нельзя. Там увидишь наклонную стену, под ним стоит каменный стол. Сверху на камень спускается тонкий луч света, ты его видел. Он проходит через отверстие на вершине горы. Надо устроиться между наклонной стеной и камнем — понял? На стол нужно лечь грудью, а руки развести в стороны. Там нащупаешь для них ложбинки. Есть выемка и для головы — увидишь. Между стеной и камнем пространство узкое, но ты пролезай без страха. Этот каменный стол — живой, он двигается и поможет тебе правильно расположиться. Когда почувствуешь, что лёг удобно, думай о своих желаниях, мысленно их произнеси. Подожди немного — и всё сбудется. Не сомневайся. Но предупреждаю: исполнится только то, в чём ты больше всего нуждаешься, а не всякая там прихоть. Папа говорит: в головах людей бывает много дури. В чём нуждаешься — понял?

Я засомневался: как только дошли до места, так сразу изменились правила выдачи мне даров. Не доверяют выбрать самому. Я сам знаю, в чём нуждаюсь. Какие-то косые стены, каменный стол. И что за странное положение, которое я должен принять на этом столе? Может, он разделочный? А не придавят они меня в решающий момент? Что, если у них это изощрённый способ уничтожать чужаков? И окажусь я в белом саване в одном из тех дворов? Не попал ли я в западню? Знал же, что не дадут мне легко умереть. Но будь что будет — другого выхода у меня всё равно нет, я даже не знаю, как отсюда выбраться. Но стали бы они меня спасать, если намеревались придавить, как лягушонка? Что это я, в конце концов? По всему видно, молодая княжна не хочет мне зла, и я напрасно ей не доверяю. Что, если здесь и в самом деле сбываются желания? Ведь я уже ею спасён чудесным образом, так почему не может оказаться правдой и то, что на этой горе можно подправить свою судьбу?

Эти рассуждения прибавили мне смелости.

Не говоря ни слова, я вхожу в расщелину и оказываюсь в полутёмной пещерной зале со сводчатыми стенами и потолком. Освещение только от тонкого лучика сверху. Нужно встать между каменным столом вроде постамента и наклонённой над ним стеной. Как княжна и говорила, проём между ними тесен: грудь проходит с трудом, а голова совсем не помещается. Видимо, грудь и голову нужно протиснуть одновременно, пустив подбородок вперёд. Да, получилось! Голова сразу же находит своё место — подбородок, скулы, лоб укладываются в предназначенные для них ложбинки, а глазам странным образом открывается звёздное небо. В каком это положении я нахожусь, если подо мной небо? Осталось пристроить руки. Развожу их в стороны и кладу на выемки для ладоней и пальцев. Вроде я исправно выдержал все условия и доволен собой, хотя и чувствую нарастающее беспокойство. Теперь мне следует приступить к главному: сосредоточиться на том, в чём нуждаюсь больше всего, и да свершится воля провидения.

Итак, чего мне просить? Я судорожно перебираю те блага, которые обеспечат мне счастливую жизнь. И разве я не заслужил их своими страданиями? Как же мне позавидуют: у меня будет всё, чем дорожат люди! Милая княжна, девочка моя, не знаешь ты жизни! Я — обыкновенный человек. Что ж, я готов просить без смущения, пусть только мне всего выдадут сполна! Я настрадался и хочу утешительных даров!.. Но что это? Ничего не вспоминается, напрасно я хвалился княжне, что могу перечесть все свои желания с ходу — я их забыл! Собственно, чего тут сочинять: я хочу безграничной власти, славы и денег без счёта! Ещё женщин! Без женского внимания я не хотел бы жить. А без первых трёх едва ли они окажут мне должное внимание. Эти мысли я держу

на переднем плане, чтобы их можно было легко считать для сиюминутного исполнения.

В этот момент камень сдвинулся с места, доказывая, что он и в самом деле живой. Он так сильно придавил меня к стене, что я на мгновение вернулся к мысли: нет, спокойно умереть они не дадут, и конец мой будет мучительным. Я вдруг подумал о случайности всей моей жизни, об отсутствии в ней достойных ценностей, об абсурдности всего, в чём я участвую. Буйволица у ручья, молодая сказочная княжна, нехоженые тропы, древнее призрачное село и якобы приносящий счастье камень — всё это возможно только в голове больного человека. Стоило мне, умирающему, плестись в такую даль, чтобы перед смертью испытать злую насмешку? И снова я захотел скорого конца.

Но вдруг объятие камней ослабело, и я впервые за всю мою жизнь ощутил необъяснимую лёгкость. Откуда-то пришёл яркий свет — то ли сверху, пронзая мне затылок, то ли снизу, из глубин звёздного неба, то ли отовсюду сразу — и ослепил меня до головокружения. Передо мной появились диковинные картины, не чередуясь друг с другом, но одновременно. И увидел я недра земные со всеми богатствами, огнями и водами, живыми пульсирующими источниками энергий, тайнами погребённых миров, разглядел подводные царства морей и океанов, мне открылись недоступные человеческому глазу неосвоенные просторы. Я узнал неисчислимое количество неизвестных мне цветов и запахов, прикоснулся светом своего сердца к жившим и ныне живущим народам мира и почувствовал ко всем любовь. Я унёсся в космические глубины и вернулся, едва удерживая рвущееся наружу сердце, и узнал, что только я есть мера окружающего мира и я за всё в ответе. Я обозрел всю величину своего рода от его зарождения на земле до себя и поразился, обнаружив, что именно я есть венец его и надежда, тогда как позволил себе расслабиться и упасть. Я удивился минувшим эпохам и восхитился грядущим временам: земля и небо, прошлое и будущее, миры — видимые и невидимые — соединились в моём сознании без времени и границ, и понял я, что сущее во Вселенной едино: всё из одной утробы выходит и в одну утробу возвращается. Я возликовал, почувствовав в мгновение этой вспышки, что жизнь свою — какая бы она ни была, что бы меня ни ожидало,— принимаю всем сердцем. И, не в силах сдержать в себе это открытие, оглушая себя самого, я крикнул в бездонный звёздный мир, разрывая цепкие объятия этого пленительного и мучительно-сладостного сна.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Саша Чёрный

Эпиграммы

Игорь Северянин

Весь напомаженный, пустой поэзофат
Бесстыдно рявкнул, лёгких не жалея:
«Поэт, как Дант, мыслитель, как Сократ,
Не я ль достиг в искусстве апогея?!»
Достиг, увы… Никто из писарей
Не сочинил подобного «изыска»…
Поверьте мне, галантный брадобрей, —
Теперь не миновать вам обелиска.

Горький

Пролетарский буревестник,
Укатив от людоеда,
Издает в Берлине вестник
С кроткой вывеской «Беседа».
Анекдотцы, бормотанье, —
(Буревестник, знать, зачах!) —
И лояльное молчанье
О советских палачах…

Анастасия Астафьева

Богатыри! А вы?!

Год назад, 25 мая 2023 года, в Москве, в Доме Ростовых, группой инициативных лиц был провозглашён манифест «Новой волны деревенской прозы». Его авторы — писатели-прозаики Артём Попов (Северодвинск), Максим Васюнов (Москва), Наталья Мелёхина (Вологда) и ваша покорная слуга Анастасия Астафьева, проживающая в настоящий момент в Костромской области. Все мы активно работаем в прозе и публицистике, лауреаты и финалисты престижных литературных премий, члены союзов писателей, знающие жизнь в российской провинции двадцать первого века не понаслышке.

Выступая на творческих встречах в библиотеках, школах, клубах и иных площадках в сельской местности, мы встречаем огромный интерес людей к литературе, отражающей жизнь простого, «маленького» человека, человека природы, земли и крестьянского труда, чей голос давно не слышен. Поэтому создаётся впечатление, особенно у городского населения, что этой части русского народа словно бы и не существует. Как не существует его культуры, традиций, нужд, чаяний, проблем, наряду с его мудростью, терпением, выносливостью, приспособленностью к жизни в любых условиях и многовековой способностью больше отдавать, чем брать.

Мы, новые писатели-деревенщики, объявляем себя глашатаями этой части русского, российского народа и готовы взять на себя миссию его защитника, пропагандиста, «ходока» и, одновременно, духовного наставника и пастыря. Ибо даже в современном техногенном мире по-прежнему кто-то должен растить хлеб и сохранять историческую память — а этим испокон веков занимался простой народ-работяга. И сейчас он особенно нуждается в том, чтобы его увидели и услышали.

Послушать манифест со всей столицы в Дом Ростовых собралось не более десятка человек. Означает ли это, что интерес читателей к этому направлению литературы окончательно угас? Как показывает опыт авторов манифеста — нет, наоборот, он очень высок, но произведения современных писателей, болеющих темой русской деревни ничуть не меньше их великих предшественников В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Шукшина, Б. Можаева и других «деревенщиков», до читателей не доходят. А если и доходят, то крохотными тиражами, в редких журнальных публикациях, в самиздатовских книжицах, передаваемых из рук в руки… И получается, что интереса к этому направлению в первую очередь не питают немногочисленные современные критики, которым по должности пристало привлекать внимание к отдельным литературным явлениям, и издательства, которые могли бы заниматься печатью и продвижением «новых деревенщиков» в народ. Происходит это по причине падения, уплощения вкусов потребителя, коммерциализации и либерализации издательств. А также из-за отсутствия «логистики» (то есть рекламы и продвижения — без этого сейчас никуда!) между авторами и их потенциальными читателями, поскольку одни не знают, как, кроме самоиздания и самораспространения, донести свои произведения до благодарного потребителя, а тот, со своей стороны, не может найти интересующую его литературу ни на полках книжных магазинов, ни на стеллажах библиотек.

Наша задача как инициаторов «новой волны» на первом этапе состояла в том, чтобы обозреть круг авторов, пишущих на тему современной русской деревни, села и провинции вообще, разрозненных, живущих в разных концах нашей необъятной родины, не знающих порой даже друг о друге. А затем уже, собрав круг единомышленников, — а он, к нашей общей радости, оказался немал — начать продвижение произведений «новых деревенщиков» к читателю и постепенное внедрение стойкой мысли о том, что такие произведения существуют и востребованы, в умы тех, кто ведает изданием литературы в нашей стране. В проектах и планах — проведение семинаров, издание альманаха, работа с издательствами и прочее.

Вкратце наша позиция, выраженная скупым языком манифеста, выглядит так:

1) Будучи не в силах отменить бытование неуклюжих и некогда оскорбительных терминов «деревенская проза» и «писатель-деревенщик», мы тем не менее хотим вернуть им истинное смысловое наполнение: мы считаем себя продолжателями

классического русского реализма, но при этом не отказываемся от новаторства и творческих экспериментов.

2) Мы не приемлем агрессивного дидактизма, оставляем за нашими читателями, критиками и филологами право на собственное мнение и на свои идейно-художественные взгляды, даже если они будут отличаться от наших, но это не значит, что мы откажемся от своего мнения и своих воззрений в угоду модной «повестке дня».

3) Герои произведений «новой волны деревенской прозы» — сельчане и просто жители глубинки самого разного возраста и социального статуса: дети, молодёжь, взрослые люди и пенсионеры.

4) Уходит в прошлое «Беловский лад» с его мудрым крестьянским мироустройством, но деревня и крестьянин живут, приспосабливаясь к новым реалиям. Мы будем стремиться живописать современный мир сельского жителя таким, каков он есть, объективно, без идеализации, но и не одной чёрной краской.

5) Одной из важнейших тем наших произведений будет экологическая проблематика во всем её многообразии.

6) Мы будем стремиться отразить в своём творчестве конфликт капиталистического (урбанистического) мира, где всё делается ради экономической выгоды, с традиционным крестьянским бытием, ищущим единения и гармонии с родной землёй.

7) Мы актуализируем проблематику войны и мира, так как в ближайшее время она будет только обостряться в обществе и неизбежно напрямую коснётся жителей русской провинции, среди которых большой процент добровольцев и мобилизованных на СВО.

8) Мы представим разнообразные вариации в социальной тематике, включая одну из самых ужасающих тем — высокую смертность молодых людей до тридцати пяти лет в деревне, а также низкий уровень жизни, отсутствие «социальных лифтов», в том числе в виде миграции людей в город и обратно.

9) Неотъемлемой частью так называемой деревенской прозы и в наши дни останутся философско-бытийные размышления о смысле и ценности жизни, о природе добра и зла, о вере и безверии и возможных исторических путях развития нашей страны.

Но заявить свою позицию на бумаге — это одно, а сделать что-то конкретное для внедрения наших идей и устремлений в жизнь — другое…

Артём Попов, автор четырёх сборников прозы — все на деревенскую тему, лауреат премии «Справедливая Россия», создал и ведёт страничку во «ВКонтакте» «Новые деревенщики» (https://vk.com/novderev). За прошедший год он проделал большую работу по поиску и представлению читателям авторов «новой волны», ему слово:

— Сегодня в нашем сообществе тысяча шестьсот подписчиков, авторов — более восьмидесяти, и их количество, уверены, будет только возрастать. Несмотря на то, что наш манифест делает акцент на прозе, мы ни в коем случае не отрицаем поэзию, а наоборот, приветствуем её. Поэтому на страничке сообщества публикуем не только прозаиков, но и поэтов без ограничения по возрасту. География авторов — от Калининграда до Краснодарского края. Главное — качество текстов, соответствие их нашей тематике. Многие произведения получают до пяти тысяч просмотров и более, что говорит об их востребованности у читателей. Наша цель — издать печатный сборник лучших работ. Эта книга должна быть доступной для сельских библиотек, как, например, в своё время издавалась серия «Сельская библиотека Нечерноземья» по решению коллегии Госкомиздата РСФСР для тружеников села Нечернозёмной зоны СССР.

Максим Васюнов, журналист «Российской газеты», режиссёр-документалист, лауреат премий Фонда Виктора Астафьева, имени В. Белова, имени В. Распутина, имени А. Куприна и других; самый молодой из четырёх манифестантов и, соответственно возрасту, самый дерзкий и смелый:

— С уходом из жизни Абрамова, Астафьева, Белова, Распутина, Шукшина — этих богатырей русской литературы, которым под силу было отменять проекты по повороту рек, — журналисты и критики поторопились написать: всё, теперь деревенской прозе крышка. Но не тут-то было, десятки писателей, сравнительно молодых, все эти годы шли на маяк по имени Матёра, и когда дошли, то спокойно и деловито, со знанием дела стали возводить мосты. И надо же, эти мосты оказались востребованы. Кто-то, может быть, удивится, но книги «новых деревенщиков» читатели в районных и сельских библиотеках отрывают с руками, некоторые произведения ходят в самиздате, по многим рассказам и повестям ставятся спектакли. Почему же о нас, таких, не знают в столицах? Почему наши книги не издают большие издательства? И почему нас не показывают телеканалы? Это не к нам вопрос, а к издателям и телеканалам. Возможно, дело в стереотипах, ведь до сих пор многие думают, что мы пишем о старухах в платочках, которые доживают свой век в заброшенных деревнях. Но мы не нарост на русской культуре, не заноза и не чей-то выкидыш, мы и есть русская литература — её важнейший, природный, земной пласт. Может быть, страстности не хватает «деревенщикам» современным. Или всеобъемлющего взора. Или смелости. Или тех самых тиражей в сотни тысяч книг, чтобы их мог себе позволить купить любой житель страны, как было в СССР. А может, времена пришли

другие: душные, пустозвонные, но столь вызывающе громкие, что и колокольный звон уже никто не услышит. Да, современным «деревенщикам» пока не удаётся прозвучать в том масштабе, в каком звучали богатыри русской литературы, упомянутые выше. И наша задача, объединившись в общий голос, с опорой на заложенные до нас основы, прозвучать набатом о спасении России и русского человека. Как видим — цель всё та же. Вопрос в новых богатырях!

Наталья Мелёхина, журналист газеты «Вологда.РФ», критик, лауреат Международного Волошинского конкурса, премий имени Д. М. Балашова, имени Б. М. Пидемского и «Чистая книга» имени Ф. А. Абрамова:

— Задаю себе вопрос: что изменилось после оглашения манифеста? На мой взгляд, главный итог этой акции — литературное явление получило название, определение, у него появились сторонники, поклонники, не обошлось и без противников, но борьба — это нормально для литературного процесса. В течение минувшего года ко мне не раз обращались критики и рецензенты, в том числе молодые, с просьбами порекомендовать «новых деревенщиков», о которых можно написать. Меня не раз приглашали на дискуссионные встречи о том, что же такое «новая деревенская проза». То есть создан прецедент: о явлении не просто заговорили (говорили и раньше), его начали с охотой изучать, а наши книги стали читать ещё чаще, ещё внимательнее, иногда придирчивее. Наши противники — это та часть литературной среды, которая заражена столь ненавидимым Василием Беловым «столично-интеллигентским снобизмом», а также агрессивной русофобией, явной или скрытой. Тем не менее с «новыми деревенщиками» придётся считаться не только здесь и сейчас, но, что самое страшное для снобов и русофобов, в исторической перспективе, как когда-то пришлось им считаться с классиками деревенской прозы. Эта среда сделает всё, что от неё зависит, чтоб у нас и дальше было как можно меньше ресурсов для продвижения творчества в плане пиара, получения премий, издания и иной финансово-организационной поддержки. Зато, вопреки всем трудностям и дефициту ресурсов, мы не испытываем недостатка в живом человеческом интересе, в обратной связи с нашими читателями, которые с нетерпением ждут новых книг «о себе» и о простой жизни «на земле». Для них мы безоговорочно, кровно «свои», мы родные для своего народа, плоть от плоти и дух от духа его: в нас не сомневаются, в нас верят, нас любят. При этом мы ломаем стереотипы о «деревенщиках» и не боимся экспериментов и сотрудничества. А в последнее время всё явственнее ощущаем и поддержку коллег: нас приглашают проводить семинары по деревенской прозе, отдельные литературные журналы с охотой предоставляют свои страницы для наших произведений, круг единомышленников неуклонно растёт.

Наталья Мелёхина всё чаще говорит о необходимости создания «великого романа» о современной деревне. Мол, рассказы, повести пишутся, и уже многие из этих произведений становятся известными, но чтобы волна деревенской прозы превратилась в девятый вал, необходим роман: честный, искренний, природный, человечный и вековечный. Время покажет, способны ли «новые деревенщики» на создание столь мощного, в чём-то даже сокрушительного произведения. А пока я, как член редколлегии журнала «День и ночь», предлагаю создать на его страницах постоянную рубрику «Новые деревенщики» и публиковать рассказы и повести писателей, неравнодушных к теме современной русской глубинки. Уверена, читателям эта рубрика полюбится, и они смогут открывать для себя новые имена, которые в недалёком будущем смогут составить гордость российской литературы.

Может быть, кто-то посетует, что маловато сделано за год, по-прежнему вас почти не видно, не слышно. Да, мы в самом начале пути, мы пока идём мелкими и трудными шажками. Литература о русской деревне, о человеке, оставшемся верным своей малой родине, своей земле, уничтожалась на протяжении сорока лет вместе с самой деревней: дескать, нет уже той деревни, и писать о ней нечего, а если писать, то только чернуху. Всякое возрождение, восстановление происходит очень медленно и тяжело, это разрушить, как мы все знаем, легко. Главное — не сдаваться на этом пути и верить в человека и его исконную природу, проросшую от общего крестьянского корня.

Денис Макурин

Где память живёт

Обменялся

После проливных дождей солнце пекло нещадно. Августовская мошкара кусала босые ноги. Софья Николаевна собирала скошенную сухую траву граблями.

— Батюшки, хде и рыбы-то столь добыл? — удивилась Софья, когда Дорофей зашёл во двор и притворил за собой калитку. — Ты ж по гу́бки ушёл?

— Верно, по гу́бки…

— Ну и хде они? — недоумевала Софья. — Да ты ставь, ставь лукошко-то, тово и гляди ручка отпадёт. И сказывай по-человечьи!

— Ну-к, о чём рассказывать-то? Тут сказать-то нечево! Да и как обскажешь, ежели не я её добывал, а она меня? Хорошо, ешшо утрем догадалсе рыбацки сапоги обуть — дорога-то нонче разгрязла в край! До бора трахтор не проползёт, не то што пеший. А воды сколь в речушке прибыло — все мостки посмывало! Пришлосе вброд через Кривую пёхатсе. Да так-то бы и ладно. Фсё кабыть, как обычно. Иду, под ноги поглядываю, штоб на камне каком не оступитсе да в воду не свалитсе, — тут щука навстречу! Я было притопнул, шугануть хотел, а она в сапог вцепиласе и ну ево рвать: мол, я тут хозяйка, а тебе, стало быть, дорогу уступать! Чуть наскрозь ногу не прогрызла. Я терпел, покуда мочи было, а потом решил: «Пусь и зла зубатка, да на столе сладка!» — схватил за хвост, перекинул через плечо — и айда! Вышел на бережок, щуку в траву бросил, пусчай полежит, покумекает о своём поведении, а мне ешшо в лес гу́бки успеть пособрать нать. Развернулся и снова побрёл. А там посреди реки — налим. Енти робята, по сему видать, и чай друг без дружки пить не садятсе! И тоже тяпает меня за голенище, тяпает. Хватка-то у налима, должон тебе сказать, мертвецка, хорошо ешшо — зубы небольши, а то пришлось бы сёдне не уху в котле варить, а вместо ноги столяру Семёну деревяшку заказывать. Ну, налима я тож к щуке снёс. Только в воду — опеть зубаста, да вдвое больше первой! И уж за другой сапог — цап! «Ну какова нахальства!» — кричу. После пятой на берег ходить перестал, прямо в лукошко окладывать начал. От так и привелось обрыбице! Да и хорошо! А то мы с тобой с полгода рыбы не едали и даже совсем не видали!

— Ох, до чево и вирун ты у мене, и болтунишше-то! Сколь раз за день соврал, дак уж пальцев на руках не хватат — хоть разувайсе!

— Я ешшо чаво сказать-то хотел: покуда улов до дому нёс, кулебяк зажелалось. Сто лет, кабыть, не едали. Испеки, што ль?

— От не кулебяк бы тебе, а синяков да шишек надавать!

— Так пошкерить, што ль?

— Фсю и шкерь! Налима в латке на вужин, остальные завтра на пироги уйдут, — распорядилась Софья. — Сытно нонче живём: хошш — жаркое, хошш — рыбники стряпай! А бывало, кашу-воденяшу едали, хде крупинка за крупинкой бегала с дубинкой!

— Грех на судьбину-то сетовать! Разве што здоровье токма пошаливат малось!

— Твоя правда! Да и у ково оно, здоровье-то? Нонче всю овощь химикалиями прыскают, штоб черви не ели!

— Так они и не едят! Што они, глупые, што ли? — улыбнулся Дорофей. — Оттово жуки нас и здоровее!

— По́лно те, жук, тоже мне! Понесло опеть! Шкерь давай улов-то свой!

Дорофей Яковлевич высыпал рыбу возле бочки с водой, выудил нож из лукошка, присел и принялся чистить. Тут же по всему двору полетели прозрачные чешуйки.

В это же время сосед Клим Саныч, развесив рыбацкие сети на вешала, принялся чистить целую гору белых и боровиков.

Гуси

— Гли-ко, Софушка, курицы на юг полетели!

— Ну какие ешшо курицы? — проворчала жена, взглянув на небо. — Гуси енто!

— А я баю — курицы!

— Совсем сбрендил, што ль? Али не видашь ничево?!

— Очень даже ясно вижу! — улыбнулся Дорофей. — Одна мне ещё и подмигиват!

— Ну сам-то посуди…

— Хорошо. Посудю…

— Ну откудава курицам в небе взятьсе? Курица ж, поди, не летат! Так только в сказках быват!

— То-то и оно-то…

— Што оно-то?! — закипятилась Софья. — Што оно-то? И кто тебе, лешему, такой язык привесил?! Мелешь сам не знашь што!

— Осень, говорю, пришла! Разлетелись все! Тоска… Только и осталосе нам, што разговоры вести да сказки плести!

Подлодна лодка

— Да што ты как маленькой?! — не выдержала Софья Николаевна. — Ешь по-человечьи! Хватит её кулькать!

— Тут у меня всплытие и потонутие! — улыбнулся Дорофей Яковлевич, притапливая в стакане сушку чайной ложечкой. — Никак не могу остановитьсе…

— В голове у тебя то всплытие, то потонутие! Совсем, видать, ум за разум зашёлссе! Развёл кашку-муро каку-то. Ну ей-богу, што робёнок малый! Те и то себя так не ведут!

— Пусчай и робёнок! — согласился Дорофей. — Мне всё детство мати с тятей твердили: придёт время, придёт время… А время-то, оно только уходит! Так што можно маленько и побаловать! Чево стесняться-то?!

Неожиданно скрипнула входная дверь, и через высокий порог перешагнула соседка.

— Что делаете? — поправляя платок, спросила Надежда.

— А кто чай пьёт, кто подлодну лодку на дно морско опускат! — вздохнула Софья.

— Ну, Бог вам в помощь! — поддержала соседка. — А я тут мимо бежала, дай, думаю, загляну! Нет ли у тебя камфорного спирту, Николаевна? Моему компресс сделать надо.

— Было, кажись, на исходе. Счас гляну! — она встала и пошла в соседнюю комнату; проходя мимо Надежды, предложила: — Проходи в избу-то, чайку с нами попьёшь!

— Да не! Пойду — времени нет!

— Во, вишь! — в подтверждение своих слов указал Дорофей на соседку. — Нету времени-то! Ни у кого нету! Потому што оно бежит! Да так быстро и споро, што оглянуться не успешь!

— Чёй-то он у тебя? — спросила соседка у Николаевны. — Философствует?

— Осень… — отмахнулась Софья и подала соседке бутылёк.

А та ещё раз поправила платок и со словами:

— Ну, Господи благослови! — скрылась за дверью.

Крыша поехала

— А помнишь ли, Софушка, как избу-то строили? — вздохнул Дорофей Яковлевич.

— Как не помнить? Тут захошь, да не забудешь! Экие лесины ронили!

— Да не шибко и больши-то, по семь саженей фсево, — улыбнулся Дорофей.

— Как небольши, коли лошадке невмочь было? — возмутилась Софья Николаевна. — Её берегли, себя не жалели! Ну-ка вспомни-ка, как в дровни впрягались да бурлаками по сумётам пёхалиссе!

— Разве што ковды по два хлыста нагружали.

— Ну-у-у, батюшко, эт у тебе, видать, память-то пропаща! — отмахнулась Софья Николаевна. — Денно и нощно ведь вожгалиссе! Ты и сам-то у меня то с топориком, то с лопатой ходил, ковды и спал-то?

— Так ковды шёл куды, на ходу и спал, сяду — тоже сплю, ну а коли работа есть — не до сна уж. Фсё думал, што в старости отосплюсе.

— Теперича какой уж сон! Давеча опеть полуночничала, под утро лишь сон обуял, да соседский петух поднял, глянула на улку — и опеть прикорнула, да токмо и пяти минут не вздремнула — сон буде рукой сняло, — Софья Николаевна с трудом привстала с лавки и подошла к мужу. — Дай-ко примну маленько, а то ведь у тебя на голове не пойми што! Сплошно растрёпство!

Дорофей Яковлевич дождался, когда жена расчешет его, и сказал:

— Я чево про дом-то заговорил — крыша ремонту требует, не ровён час — и вовсе поедет! Вот думаю: сдюжим ли?

— Отступись, Христа ради! Я бадейки поставила — пусчай льёт! А летом робёнки приедут, исправят как нать.

— Фсё ж не мешало б на бор сходить, лесину каку присмотреть…

— В магáзин лучше сходи, баушка канфетов хочет. Купи, милой, маленькой куль «лимончиков в сахару» да литру молока, на вужин каши сварю.

Надежда

— Морозно сёдня, ажно зуб на зуб не попадат! — натягивая валенки на озябшие ноги, прокряхтела Софья Николаевна. — Фсё! Решила я, батюшко, шубу себе прикупить!

— Шубу — енто хорошо… — вздохнул Дорофей Яковлевич и взглянул в окно. — Куды только в ей ходить-то? У нас в деревне ни тиятров, ни каких других культурных местов нету!

— А я по воду! Или в магáзин! Пусчай соседи смотрют и радуются! Смотрют и радуются! Пока не остолбенеют от радости-то и не попáдают!

— Вот ешшо прихоть-то кака! Лучше пилу нову купим. Заводну. Бензинову!

— И по кой леший тебе, старому, пила?! Чевой ты тако пилить собралси?

— Сараюшку, может, подновлю! Али баенку нову срублю!

— Каку таку баенку, ежели сам по дому чуть ходишь, еле ногам шаркашь?! А фсё молодиссе! Ты вспомни-ка, ковды последний раз топор-то в руки брал?

— Нужды не было — вот и не брал!

— Енто как не было, ежели которой год прошу тебя, окоянного, мостки подлатать да крылечко подправить?! Брехун старой!

— Много ты знашь! Захочу — и сделаю!

— Ну, захоти, захоти!

— Пока не хочу захотеть. Попозже захочу.

— К тому времени и пила-то заржавет! Пока ты там сподобиссе хотеть!

— А-а-ай! — отмахнулся Дорофей от своей старухи. — Мелешь-мелешь — и сама не знаш што! Ей-богу, как замолоха какая-то!

— Да што с тобой сёдня и есть-то?

— Человеку-то што нать?

— Шубу!

— Человеки должны чувствовать, што они нужны. Человеку нать, штоб его любили. Иначе пропадат человек-от. Без ентово и жить незачем!

— Эко тебя, дедко, повело! — опешила Софья. — Да и шут с ней! С шубой-то! Купим вон козу! Будешь ей траву косить, гулять с ей будешь… Будешь ли?

— От за ето спасибо, лапушка! — оживился вдруг Дорофей, придвинулся по скамье к Софье и приобнял её. — Ты вернула мне то, што я давно потерял!

— Рассудок, што ль?

— Надежду!

«Ой, мороз, мороз!..»

— А ты чаво там, собстнно, расхохатывашь? — заглядывая в комнату, спросила Софья Николаевна.

— Телевизер смотрю!

— Выдь-ка!

— Ну чаво ешшо?

— Поди-поди!

— Больно надо! Мне и тут добро!

— Выдь, я не шучу!

Дорофей нехотя встал с кресла, нырнул ногами в тапки, выключил телевизор и, шаркая, вышел на кухню.

— Ну?

— Сходи-ко, батюшко, в мага́зин, коли уж встал!

— Мороз-то сёдни какой! Хороший хозяин собаку не выгонит! — поёжился Дорофей.

— Поди-поди! А то кашу нынче с полу исть будешь! — заметая веником крупу, поторапливала Софья Николаевна. — От напась-то! Зараза кака-то куль прогрызла, фсё просыпала!

Мельком глянула в окно и продолжила:

— Гли-ко, до чего баско на улке-то! Фсе дерева куржой взелисе.

— Баско, баско… — проворчал Дорофей, сел на лавку, скинул тапки и начал натягивать валенки. — Не околеть бы, покуда взад-вперёд брожу.

— Ничево, батюшко, наздеваешь лопотья-то на себя, дак и мороз не страшон.

— А коли фсё ж застужуся?

— От, травка у меня есь: от зубов, от ревматизма, от простуды, от головушки! От всех болезней! — показывая на подвешенные холщовые мешочки, приободряла мужа Софья Николаевна. — На всякую хворобушку своё лекарствие.

— А помнишь ли, петушок-от у нас жил? Маслена головушка? — вдруг спросил Дорофей.

— Кака ешшо головушка? — удивилась Софья Николаевна. — Енто ж дьявол был! Сущий чёрт!

— Певун, чисто Фёдор Шаляпин! — поддразнивал Дорофей Яковлевич. — А здоровущий — ростом мне по пояс! Хвост огнём, плечи широки, брови — што у грузина на торгу! Помнишь ли?

— Поди забудь ентово анчихриста! Ты по кой леший ево вспоминашь-то?

— Да вот думу думаю: кабыть был бы петушок-то али курочка, они и пшено склевали бы, што ни зёрнышка не пропало бы, и поговорить было б с кем!

— Ты у меня сама простота! Ну о чём бы ты с птицей говорил? Скажи мне на милость.

— О том бы и говорил: мол, погляди, кака у меня жена справна! Андель-хранитель, а не жена! От хворей мужа свово убережёт! Большое сердце у неё, а потому и веселитсе умет, любому празднику вместе со мной радуетсе: футбол ли по телевизеру али банный день! Любы мои желанья фсе сполнятссе. Хлеба поутру с печи достанет — и те с душой. Ржаной каравай — крепкой, работяшшой; пшеничный — белой, статной, будто невеста. Калитки — вёрткие, словно мальчонки. Шаньги — нежные, как девчушки.

— От болтунишше-то! Ох и наплёл-то! Щти можно варить, — нахмурилась Софья Николаевна. — Балаболка и ёрник! В ентом ты весь и есь!

— И я тебя люблю, голубушка! — согласился Дорофей.

— Ладно уж! — забирая ушанку из рук мужа, согласилась Софья Николаевна. — Не ходи никуда! Муки ешшо есть пока, поскребу маленько, колоб испеку, да молоко топлёное в горшке; чай, пару деньков проживём, а там и мороз присмиреет.

Счастливый Дорофей вернулся в комнату, достал со шкафа гармонь, сел в любимое кресло и запел:

Ой, мороз, мороз, не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня…

Ёлка

— Дедко, ты по кой леший лесину-то приволок?

— Как это? — удивился Дорофей. — Новый год на носу! Праздник!

— Енто я и без тебя, быват, знаю, што праздник! Хлопот-то с ей! — разворчалась Софья Николаевна. — Обряди, потом убери! Сору насыпетсе опеть! А кому иголки-то мести, спрашиваетсе? Да и робёнков малых у нас давно уж нету.

— А вдруг внук нагрянет?

— От ковды приехали б гостенёчки, товды и ёлку бы ташшыл! А так заздря токма валенки да ватники уделал! Закидывай фсё на печь, да и сам к самовару садись — не хватало ешшо с твоима бранхитами возитсе! И што тебе кажный раз половодьем несёт, што ль? Што тебе дома-то не сидится?

На столе шипел самовар, стояла вазочка с печеньем, топырился серый бумажный кулёк с конфетами. По избе расплывался свежий хвойный аромат. Ёлка отогрелась и тут же расправила, раскинула свои лапы.

— Дух-то, дух-то еловой да смолистой какой по избе пошёл! — обрадовалась Софья. — В воздухе-то мёрзлость да нарядность рождественска — не надышишсе теперя!

— Ну вот! Совсем друго дело! А то заладила: зачем да зачем?! Жисть-то ныне така, што токо держисе, а тут хоть какой-никакой, но праздник!

— Што ж сделашь, што у меня такой шальковатой характер: выругаю, а потом и сама не рада ентому стану!

— Верно-верно! — согласился муж, снимая телогрейку, валенки и ватники. — Эт фсё ваше бабье нутро! Оно как погода: то дошш, то вёдро! Да токмо што ни бай, на што ни греши, а и без жены никак. С тобой-то мне фсё красивше, легчее, угревней!

Когда с верхней одеждой было покончено и Дорофей остался лишь в стареньком свитере, подштанниках да шерстяных носках, он вдруг залихватски прокричал:

Э-эх! Разрешите поплясать, разрешите топнуть!
Неужели в этом доме половицы лопнут?!..

После чего раскинул руки и, чуть приседая, затопотал, дробью застучал пятками по избе.

Тепло души

За окном стоял январский трескучий мороз, весело потрескивали берёзовые дрова в печи, от всего этого на душе становилось тепло и уютно.

Дорофей достал из шкафчика для жены чашку с блюдцем и стакан в подстаканнике для себя, снял с самовара заварочный чайник с облепиховым чаем, разлил каждому по четверти, водрузил чайник на прежнее место, остальное дополнил уже кипятком, открыв краник.

Пока чай приостывал, Дорофей поднял свой парящий напиток и глянул сквозь него.

— Што ты там лупишь? — удивилась Софья Николаевна.

— Баское стекольце вышло! — разглядывая округу сквозь стакан с чаем, ответил Дорофей. — Куды ни гляну — фсё золотое. Фсё! И дом наш, и стол, и печь, и лавки! И ты у меня золото! Счастье, да и только!

— От ешшо выдумщик-то! — отмахнулась Софья и улыбнулась.

— Гли-ко, и окна золотые, и крестики на их!

— Крестик, тоже мне! — спохватилась вдруг Софья Николаевна. — Ты коле послободней стал, дак сходи до Клим Саныча — впору ердань рубить.

— А на улицу гляжу — небо золото! — придвинувшись к окну, продолжал Дорофей. — И соседни избы, и церкви, и вся земля!

— Ты мне зубы не заговаривай. Об искуплении грехов думай-то!

— Не тужи, Софушка, купель мы споро сработам! Пирогов состряпать не успешь, а у нас уж всё сполнено будет. Присядь-ка лучше со мной, глянь через чай. Я тебе так скажу: он, душа моя, не хуже крещенской проруби врачует. Смотришь — и душевны, и телесны хвори исцеляютсе! И печали, и дурны мысли смываютсе!

— От всех хворей и недугов лекарствие — чаёк да медок! Енто испокон веков ведомо. А вот душу только исповедь и покаяние в церкви исцелит!

— Твоя правда, Софушка, только уж коли живёшь по-хорошему, по-доброму, то и грехов за тобой не водитсе.

— Даже думать об ентом грешно! А посему помолись и ступай-ка уже на реку, готовь ердань — батюшке водицы в церкву много нать, в вечеру причастие Святых Христовых Тайн. Ну а как всема причастимсе, так и на душе потеплеет от счастья-то. Это чистое тепло в крещенски морозы Боженька увидат, товды и грехи прощёны будут!

После бани

— Што енто ты такой, взмоклый? — удивилась Софья Николаевна. — На улке-то морозец, кабыть.

— Снежок до колодца распахал — порато привалило! Походя дровец колонул, воды наносил да баньку затопил. — снимая шапку и разглаживая мокрые волосы, отчитался Дорофей Яковлевич.

— Баенка — мать наша: костоцки распарит да фсё тело поправит!

— Во-во! Попаримся сёдне, нашоркаемсе от души! Я уж и мыльца в таз настрогал. Мыльце хозяйственно, душисто. Осталосе лишь кипятка долить да веником вспенить.

После бани Дорофей подсел к столу, а Софья зажгла лучину и наставила самовар.

— Душа-то как возвысиласе после баньки-то! Поёт будто! — ломая в кулаке сушку, с наслаждением выдохнул Дорофей.

— Занялосе сердце радостью и добро! Банька — енто завсегда само верно средствие от любой хворотьбы!

— Кажный-то день бы этак!

— Во всём меру знай. А так-то, конешно, быть здраву с банново пару!

— Для полново счастью чекушку бы ешшо да яишенку с жареной колбаской на закуску!

— Буде тебе колбаска по Малой Спасской! Ишь, чеквушку ему! — осерчала Софья Николаевна.

— Тятя, так учил: год не пей, два не пей, а после бани выпей! — поднимая указательный палец, припомнил поговорку Дорофей.

— Ты мне счас нагородишь, лапши навешашь! Тебе токмо волю дай! — доставая из холодильника запотевшую, проворчала Софья Николаевна.

Тихо-тихо было в избе. Только ходики тикали с болтающимся маятником и гирьками на цепях.

— Быват, сам Христос вошёл к нам? — удивилась тишине Софья Николаевна.

— Што можно добавить в ентом вопросе? Ничаво! Но я добавлю! — убирая пустую бутылку под лавку, заключил Дорофей. — Кабыть, и мало одной-то…

— Хватит, вдругорядь как найдено будет!

— Вот и поди ты…

— На-ко, пофуськай лучше крепково чайку! — пододвигая кружку с блюдцем, велела Софья. — Плеснуть ли?

— Чай без вина пей без меня! — демонстративно отвернулся Дорофей и подпёр ладонью подбородок.

— Экак завыговаривал-то! В последний раз спрашиваю: налить ли чаю?

— Лей! Што уж там. И мёжку лода брось!

— Поглядите-ка на ентово красавца, уж и язык-то не ворочат, а фсё чеквушку ему!

— Русский наших понимает!

— Понимат — куды уж деватьсе! — зачерпывая чайную ложечку янтарного медку, ответила Софья.

Дорофей нагнулся к чашке, сделал глоток, но тут же отпрянул:

— Ох и крут! Крепше вина, поди!

— Так пусь поостынет! Што ш ты на ево ки́даешься, будто век не пивал?

Дорофей отодвинул чашку, неспешно выбрался из-за стола и пошёл в комнату. Через минуту запиликала гармонь, полилась песня:

Полюбя тебя, смущаюсь,
И не знаю, как сказать,
Што тобою я прельщаюсь
И боюся винным стать.
Пред тобой ковды бываю,
Весь в смятении сижу,
Што сказать товды, не знаю,
Только на тебя гляжу…

Короткая радость

К полудню апрельское солнце прилично разогрело лужи. Тут и там, вычищая взъерошенные пёрышки и пища от удовольствия, порхались весёлые воробьи. На крышах кое-где блестели сосульки, будто кто-то развесил хрустальные расчёски. С целой охапкой вербы шумный Дорофей Яковлевич ввалился в дом.

— Софья, принимай! — крикнул он с порога, но, не дождавшись хозяйки, прошёл в избу и выгрузил охапку на стол.

— Дак куды ты лезешь грязными-то ногамы, ирод окаянный?! — выругалась Софья.

— На носочках я! Гли-ко лучше, сколь вербы-то в сей год!

— Вижу — хорошо потрудилссе. Вербы ныне и приход украсить, и общине хватит.

— Я к реке-то спустился, а тама! От покуда глаз хватит — всё верба стоит! И сила у ёй нетусветна, аж шапка валитсе!

Дорофей снял шапку с головы, залихватски хлопнул о колено и тут же забросил её на гвоздь.

— Токмо я ешшо вот чево подобрал, — и Дорофей выудил из кармана ватника полуживого, бурого цвета, зверька.

— Енто што за чучундра? И по кой ты её приволок?

— Оголодала кроха, так ослабла, што еле ходит! Я её на руки-то взял, а у ей и дыханья нету, чуть-чуть пар изо рту идёт!

— И што теперя с ёй делать?

— Приютим, как водитсе.

— Батюшки-светы, што же енто деется? Давеча мурлык заводили, тепереча ондатр?

— Сама ты ондатра! Выдра енто…

— Хрен редьки не слаще! Возверни свово питомца на прежне место — мать-природа её вы́ходит!

И всё же выдру решили оставить. Дорофей уложил её в лукошко возле печки, рядом поставил бадейку с водой и миску с мелкой рыбёшкой. Правда, утром всё это было перевёрнуто вверх дном.

— Порато крепко спала, Софушка! — поприветствовал жену Дорофей, когда та вышла из комнаты.

— Маленько, кажись, прикорнула, — согласилась жена. — Слышу, буде кто-то гукат, верещит да тявкат — стало быть, и мне пора вставать!

Окинув взором избу, Софья Николаевна нахмурилась.

— Не-не, я к сему безобразию не причинен! — поспешил оправдаться Дорофей и, не смея шелохнуться, чтобы не вспугнуть, добавил: — Ишь-ко, прытка кака…

Понаблюдав за тем, как выдра гоняется за своим хвостом, то заныривая под половик, то ошарашенно выскакивая, Софья Николаевна оттаяла.

— Хоть и мала зверушка, да радось велику на душе распалят! — согласилась она, любуясь постоялицей. — Имя-то хоть придумал для её?

— Ей варежки мои приглянулись — стащила с лавки и всё утро на них нежилась. Вот Варежкой и назовём.

— Варя, стало быть! — подытожила Софья.

А выдра тем временем прикрыла глаза и навострила прижатые было ушки. За печкой скреблись. Она тут же встала, потянулась, вздыбив спину, и, всклокоченная, словно охапка сена, поскакала проверять новые владения. Повозившись за печкой, Варежка выскочила с мышью в зубах.

Через пару дней у Выдры проснулся зверский аппетит, и она то и дело тявкала.

— Ты не тяпай меня, ешь што дадено! — отгоняла от себя назойливую постоялицу Софья.

Выдра послушно юркала к миске, вылавливала там ерша или плотвичку и, причмокивая от удовольствия, начинала уплетать угощение.

— Вы, деушка, форменная облизьяна, — посмеивалась над ней Софья Николаевна.

Выдра, как будто в подтверждение слов хозяйки, тут же чихала.

— А чихаете, как кошка! — продолжала беседу Софья.

К концу недели выдра окончательно окрепла и начала проситься на волю. Она вставала на задние лапки возле дверей и, принюхиваясь, жалобно скулила.

— Ну, в ентом доме никово не неволим! — не выдержав, выпустил её наконец Дорофей.

— Ничаво с ей там не содеется! — угадав волнение мужа, подбодрила Софья. — Выдра — животная живая, умная. И характер у ёй задиристый, ершистый — стало быть, не пропадёт!

— Угу! — только и молвил Дорофей.

— Раздухарь-ко лучше самовар! Отвлеклись от своёй худой думы.

— Жись — радось коротка! — согласился дед, затворяя дверь. — А посему надо быть счастливым не токмо в праздниках, но и в разлучении!

Ремесло

— Бурной апрель-то нонче… — упавшим голосом заметил Дорофей Яковлевич. — Снежок-от тает и тает день ото дню, весь уж посерел да похужал. На припёке и вовсе перва травка да жёлтики показалиссе. Воробушки он неугомонны с утра раннево пищат, в лужицах купаются, а на душе маетно…

— Чёй-то ты у мене который день посиживашь, вздыхашь да бородёнку почёсывашь? Не хворый ли, часом? — обеспокоилась Софья Николаевна.

— А то как же! Прихворнул малось! Да токмо болезь моя внеопасна — весной завётсее! За окном-то фсё цветёт и пахнет, а жись будто мимо бежит. Тоска одолела. Утром погляжу на календарь-то, оторву вчерашний листок — дня как и не бывало. Огленутссе не успешь, а уж месяца нет.

— От ведь как человек устроен: чево ни коснись — всё худо. А надо бы так: ничево не болит, да к самовару подоспел — ужо и счастье!

— Твоя правда! Да токмо пресно, хоть убей! Ране-то ремесло спасало, а теперя што? Э-э-эх… — отмахнулся Дорофей.

— Ты мне енту политику брось! Я тут от чево удумала: надоть нам стервант в комнату! А то нову посуду красиво некуды составить.

— Коли надо — сделам! — оживился Дорофей Яковлевич.

— От и славно! За дело-то примешсее, тут душой и отпрянешь! У суседей-то видел ли какой?

— У Клим Саныча-то? Видел давеча!

— От и нам бы таково фасону!

— Так у их фабрична штучка!

— И нам не хуже нать! Штоб нижни дверки резны, а верхни — стёклами! Штоб ручки, полки, штоб лаком покрыт и фсё такое протчее!

— Дак ежели согласно ихной номенклатуре мастерить, тут фсё лето с им провошкаессе. С однеми стёклами да резьбой сколь работы будет!

— От и я о том: хошь не хошь, а сробить надоть! Ведь ежели от земной красоты душа изумлеваетсе, то от своеделанной и подавно! — подбадривала Софья. — Ты у мене рукомеслённой — фсё-то у тебе в руках кипит да вертитсее. А потому и в жизни ты вполне себе драгоценный человек.

— А без стерванту, стало быть, не такой уж и драгоценный? — с подковыркой спросил Дорофей и прищурился.

— Ты с мысли-то не сворачивай! Тебе што ни скажи — фсё не так, фсё не ладно! — закипела Софья. — Между протчим, скоро гостенёчки приедут, их-то с новой посуды и потчивать будем, под енту посуду и стервант!

— Упориста ты, мать, как соседский барашек! — продолжал посмеиваться Дорофей. — Токмо я ведь не спорю! Просто мысли вслух.

После этих слов он встал, зачерпнул ковшом воды из ведра, сделал пару громких глотков и пошёл в сарайку выбирать строганые доски для будущего серванта.

По белу свету

Софья сидела возле печки. С дрожащими руками она вслушивалась в каждый шорох и всё ждала, что вот-вот откроется дверь. Дверь и правда открылась — через порог шагнул Дорофей. От напряжения и переполнявших её чувств Софья Николаевна вскрикнула:

— Ой! — и ткнула в мужа ухватом.

— Ты чёй-то творишь, фулиганка?! — шарахнулся от неё Дорофей.

— Драсьте-пожалуста! Енто хде тебя носило?! — накинулась она на мужа уже словесно. — Меня чуть было у колодца не растерзали, а он ходит бог знает хде!

— Дак мне суседи-то и сказали, што твоя, мол, сломя голову по деревне пробёгла — видно, стреслоссе што-то. От я и здеся! Да ты тресёшссе-то пошто? Толком сказывай!

— А пото! Серый по деревне рыщет! Видано ле, слыхано ле хде тако, штоб средь бела дня волки по деревне хаживали?

— Время-то ноне — животине в лесах исть нечево! Да и деревни обезлюдели, от они и ходют! Шибко поиспужалась-то?

— От ковды волк навстречу вышел — порато струхнула. Я ево кышкаю — фсё одно на меня бегит да порыкиват.

— Поди-ко, мало шумела!

— Мало, видно! Токмо ковды ведёрком о дерево ему шарахнула, товды и убёг сутулый, — начала наконец отходить от испуга Софья Николаевна.

— Выкашиват нонче народ-то из деревни почище войны: хто помёр, хто в город дезертировал! Теперече комфорту да слободы всем подавай! От и поредело наше Уткино. Ну а раз людёв нет, животина место заполнят! — вздохнул с сожалением Дорофей. — Да што говорить — епоха ноне така, по всей Рассее деревни закрывают да забывают! Все в города рвутсе! Вспомни-ка, в ранешни времена ребёнков водилось што галок да воробьёв!

— Так ешшо пару летов назад в кажном домишке столь детворы в каникулы насбираетсе — местов для ночёвки нет. Кто на полу, кто на повети в пологе спал. В городах-от душно, а у нас воля — мальчишкам да девчушкам на радось!

— А теперича, почитай, все окна позабиваны, токмо ветер шальной рёвом ревит да волки тропы торят…

— А ране-то, помнишь ли? Димитрий-то наш как заведёт свой гусеничный трахтор, как зарычит ни свет ни заря. Как загудит на ём да по деревне-то поедет, так не то што стёкла дребезжали — дом ходуном! Ентот ево трелёвочник — ужасти подобно! И лесины возить надобно — не спорю! Но и жить с ентим чудо-юдом никаких нервов не хватало! А ныне-то, да, батюшко, токо ветер и свищет! — во всём соглашалась Софья.

— Да, быват, ешшо оживеет деревня-то…

Присели оба на лавку. Посидели, помолчали каждый о своём да всё о деревне.

Первая спохватилась Софья:

— Ты вот што, дедко, сходи-ко в мага́зин! Я там на бумажонке всё рассортовала, што почём да зачем! А то мне из дому не с руки носа казать, — распорядилась она, ставя ухват к печке. — А я пока самовар сготовлю.

Когда Дорофей вернулся из магазина, за пазухой у него поскуливал щенок.

— Ты што за хвост-то опеть притянул?

— Пёс сторожевой породы! Телесный охранитель тебе будет!

— Хорош, видать, охранник-то! Не выкуркиват. Боитссе…

— Дак погодь малёхо-то! Ему ж тож кака-никака оклематизация нужна! От пообуркаетсе малось и задаст шороху! Так ведь, Полкан?

С этими словами Дорофей Яковлевич выудил из-за пазухи щенка и поставил его на пол. Полкан затрясся, жалобно заскулил и сделал лужу.

— А извозгался-то да упечкался весь! — разглядывая мужа, охала Софья. — Вчерась токмо баня была!

— Грязь не болезь — отмоется. Налей-ко лучше чаю погуще! — велел Дорофей, скидывая с себя ватник.

— И хде ты ево раздобыл только? — почёсывая щенку за ушком скрюченным пальцем, расспрашивала Софья Николаевна.

— У Зиминых в конуре нашёл! — брякая умывальником, отфыркивался муж. — Слышу, пищит хто-то. Ихня Найда, видно, ощенилась, а самой и нету нигде. Нутряной-то голос говорит: ну-ко те, глянь-ко, кто тама? Залез в конуру, а там енто чудо труситссе. Подумал, хозяева давно не живут, Найда сама по себе, и чевой товды он один-одинёшенек по белу свету скитатьсе будет? От и забрал!

В доме было тепло, пахло пирогами. Щенок успокоился. Пока Дорофей восседал за столом, словно генерал, и, разглаживая бороду, распивал свой чай, Полкан неуклюже прилёг к его ногам и, прижавшись бочком, крепко заснул.

Родственные души

Рано утром Дорофей Яковлевич вышел на крыльцо. Подтянув кальсоны, осмотрелся. Полупрозрачный туман чуть приобнял деревню, поэтому было немного зябко.

Дорофей покосился прищуренным глазом на пробивающееся сквозь дымку солнце, поёжился, крякнул, но всё-таки побежал — послышался топоток босых ног.

Ширкая по мягкому клеверу и обжигая стопы ледяной росой, Дорофей подвернул к поленнице. Без лишней канители набрал он охапку звонких дровец и рысцой поскакал растапливать баню.

Тем временем Софья Николаевна разливала жидкое тесто по сковородам и отправляла их лопатой прямо в раскалённое чрево печи. Шаньги-наливашки поднимались на глазах.

Все в доме хлопотали и готовились к приезду дорогих гостей, кроме невозмутимого Полкана. Только он в это утро подрёмывал, развалившись под столом.

— Гостенёчки-то вот-вот прибудут, дак ты уваж, батюшко, не облай! — уговаривала его Софья Николаевна.

Как будто соглашаясь с хозяйкой, Полкан сквозь сон отвечал: «Уава-ва-ва…»

— Уж ты будь добр, мой хороший, держи себя в руках: не бузи да не скачи сломяголовно-то!

Полкан лукаво приоткрыл глаза и повилял хвостом.

— А тебе што толкуй, не толкуй — всё по уху! — отмахнулась наконец Софья от собаки. — Изба-от ребёнками весела! Стало быть, праздник у нас с дедком-то намечаетссе!

Полкан ползком подкрался к хозяйке и рявкнул: «Уав!»

— Тишкина жись! — вздрогнула Софья. — Опоплоумел ты, што ле? Не-е-ет, видно, худа на тебя

надея! Ты ж беспутный у нас — лайка-балалайка! Обязательно робёнка напугашь али ешшо какой номер отчебучишь!

И с этими словами Софья выволокла Полкана за ошейник во двор да пристегнула к цепи.

— Посиди покамест! — велела она. — А там поглядим на твоё поведенье!

Гости приехали, как и обещали, в срок.

— Вы откулешны будете-то — здешны али приезжи каки? — улыбаясь, встретила их Софья Николаевна во дворе.

Сын Дмитрий с десятилетним внуком Васей бросились к ней и с криками:

— Свои, бабушка! Свои! — стиснули её в объятиях.

Полкан тоже был несказанно рад, он скакал на задних лапах, юлил хвостом, скулил и лаял во всю ивановскую, громыхая цепью.

— Во рубит! — удивился Дмитрий.

— Не обращай вниманья! Ни слова от нево не допытаисее толком годного. Всё «ав» да «ав»! В ранешние-то времена собаки сознательнее были, а теперече язычищем ляпает почём здря! Всево обслюнявит токмо! — отмахнулась Софья.

— Енто у тебя с ним заимопониманья нету! — отцепляя с цепи собаку, заступился подоспевший Дорофей. — А мы с Полканом завсегда вместе. Футбол-от иной раз смотрим. Я кричу: «Го-о-ол!» — и он: «Ава-ау!» Иль сключить на другую программу нать, отсюда, от кресла-то, да дотуль не верста быват, а фсё одно идти. Я ему и командую: «Полкаша, на втору, у меня там леторея началасе!» Он пойдёт и сключит. Ну чем не жисть?

После того, как Полкан обежал весь двор и обнюхал гостей, он тут же завалился на траву и начал перекатываться с боку на бок.

— А ешшо погоду предсказыват. От, скажем, ежели в пыли купаетсе — значит, к дожжу! — продолжал расхваливать своего любимца Дорофей.

Все разом глянули на небо, там и правда запохаживали серые тучки.

— Спелись! — не выпуская из объятий внука, констатировала Софья.

— Родственные души… — улыбнулся сын Дмитрий.

Чистому всё чисто

Не успели гости переступить порог отчего дома и отдохнуть с дороги, как первый черпак воды отправился на раскалённую каменку.

Дорофей Яковлевич натянул на уши видавшую виды будёновку, доставшуюся ещё от деда, надел суконные верхонки, взял в обе руки по венику и принялся обхаживать сына.

— Как-то посерьёзнели вы за зиму, отец! — выкрикнул Дмитрий.

— Ишь хитрец какой! Посурьёзнели! Руби уж прямо: постарел! — рассмеялся Дорофей и приложил вениками посильнее. — Ну да сказывай: как ваши рыбацки дела, чем нонче траловый флот живёт?

— У кого штиль и вёдро, а у помора вся жизнь борьба. С ветром ли воюем, со штормом, с морозом ли, со снегом, с рыбьей ли хитростью! Но в сей год ничего — хорошо половили…

Дорофей окатил сына холодянкой и отправил в предбанник отдышаться, а сам остался строгать хозяйственное мыло. Один веник он оставил сыну под голову, вторым взболтал пену в тазу.

Когда Дмитрий вернулся и улёгся на скамью, уткнувшись лицом в распаренные и духовитые берёзовые листья, Дорофей продолжил действо.

— Банный веник душу тешит да тело нежит! — приговаривал хозяин, намыливая веником спину гостя.

Дмитрий разомлел от блаженства и чуть было даже не задремал. Но тут Дорофей натянул резиновые перчатки рыбообработчика и начал растирать ими спину.

— Ого! — напрягся Дмитрий и, прикусив нижнюю губу, сильнее уткнулся в веник.

— В бане мыться — заново родиться! — щедро сыпал народными мудростями Дорофей.

— Полегче, батя, шкуру сдерёшь! Я ж тебе не для этих целей перчатки-то с города привёз, чтобы ты мне пыточную устроил!

— За грехи, за грехи наши! За то, что Бога забывать стали!

— Конешно, ежели такое дело…

— С гуся вода, с тебя худоба! — приговаривал Дорофей, окачивая двумя шайками холодной воды.

Дмитрий хотел встать, но отец снова начал намыливать спину веником. После жёстких перчаток было особенно приятно — чуть-чуть пощипывало кожу.

— Баенка-то на радось мужику дадена! — намыливая деревянную щётку для чистки половиков, повторял, словно мантру, Дорофей.

Но после этих слов щётка лишь пару раз коснулась тела. Острая щетина так больно впилась в спину, что дыхание перехватило, Дмитрий взвыл и, отстраняясь от отца, будто от огня, выбежал в предбанник.

— Следушой! — крикнул Дорофей ожидавшему своей очереди внуку.

После помывки все расселись за обеденным столом. Там уже давненько поджидали самовар и прикрытое полотенцем блюдо с шаньгами.

— Помылся в бане — как сто пудов с себя снял, — наслаждаясь крепким чаем, блаженствовал Дорофей.

— Не пудов, а слоёв! — усмехнулся Дмитрий и, показывая на татуировку на плече, добавил: — Мам, отец-то нынче так разошёлся, что чуть якорь с плеча не стёр!

— Ну, мы-то, вишь ли, к ентому делу привышные! — наливая второй стакан чая, заметил

хозяин. — Сусед Клим Саныч дык, наоборот, всякий раз припрашиват! Мне, говорит, Дорофей Яковлич, твоя мыльня и душу, и тело исцелят!

— Дедко, мать чесна, совсем сбрендил, што ли? Чай, не коня мыл-то! — вступилась Софья.

— Дак я щётку-то только приладил, чуть касаясь, без нажиму, а ён пырх — и нет ево! — оправдывался Дорофей. — Ну, енто по первости так, с необвычки. После пойдёт. Нельзя иначе-то! Надоть малёхо пострадать! Страданьём-то грехи избывают… Медведко от не моется, дак потому ево люди-то и боятся. Ну а чистому-то всё чисто.

Родительский дом

Софья Николаевна сидела на завалинке и наблюдала за суетой букашек. Прямо подле её ног трудяги-муравьи выстроились в длинную шеренгу и по цепочке передавали всякий сор за какой-то известной только им надобностью. Жук-дровосек, оседлавший листок подорожника, грозно размахивал своими усищами, словно надсмотрщик кнутами. А стройная гусеница, грациозно изгибаясь, карабкалась по стеблю клевера в надежде схорониться от происходящего в сиреневом помпоне.

— Ты куды енто с лукошком-то у мене? — окликнула Софья спрыгнувшего с крыльца внука.

— Бабушка, ты говорила: приезжайте, дам траву вокруг дома косить да гу́бки носить! А мы ни траву не косили, ни в лесу не бывали! Вот, папа сказал, что крышу доделает и пойдём.

— Ну и шустёр ты у меня, сорванец! — приобняла его Софья. — Вы уж фсё и доделали, што ль? А то я сглянула на верхотуру-то да ничево и не увидела. Сонце светит — спасу нету. Враз ослепла как есь!

— Доделали, мам! Баста! — спускаясь с крыши и убирая лестницу, подтвердил Дмитрий. — Где рубероид постелил, где дранку обновил — ещё сто лет прослужит. А мы пойдём, прогуляемся по лесу, глядишь, что-нибудь да принесём.

— Рубрироид — енто хорошо! А в лес-то подите — чево уж дома сидеть! Да токмо голо в сей год в лесу-то — здря ноги истопчете! Дошш-то ноне редкий гость — фсё летось вёдро. Ране-то, бывало, за час короб наломашь, а нынче сушина в лесу. Гу́бки-то, они завсехда так ходют: то гурьбой нахлынут, то тишина — и нет никово. Мало, мало ныне их! Да и те, што есть, порато червливы! Вы бы лучше на болото по морошку сходили! — предложила им Софья. — Да рохлую не берите — спелой чуть поотдаль хватат. Ну а я вам калиток с ей испеку. Можно бы и с малиной, конечно, — за баней её допроха! И крупна, и сочна к тому ж! Да лучше так, с куста поедите! А морошки вволю несите! Не стесняйтесь!

— Мам, а отец-то где? — обеспокоился Дмитрий. — Я ведь думал с ним сходить.

— Так не стойте стоймя-то! Бежите, быват, успеете ешшо! Тольки-тольки до вас в переулке скрылссе! Да на прямой версте окликните, штоб дождалссе, если ужо не учёсал! А то уж я круто хожу, а он и тово быстрее: убегит с Полкашей на болото — в жизь не догнати!

Вечером того же дня на столе шумел самовар, пари́ли ароматные калитки с морошкой, шипела желтоглазая яичница с сыроежками в чугунной сковороде.

— Кабыть чево-то и не хватат? — искоса поглядывая на хозяйку, заметил Дорофей.

— Чево ешшо?

— Обогрей людей-то, заслужили!

Софья Николаевна нехотя выставила запотевшую поллитровку.

— Ковды самовар на столе пофуркиват, буде солнышко в избе! — оглаживая бороду, расплылся в улыбке Дорофей. — А с пол-литрым и вовсе — сады цветут на душе!

— Ты-то сиди уж! Фсе дела Димитрий переделал.

— Так ведь мы ево, кабыть, не в дровах нашли-то! Каков отец, стало быть, таков и сын!

— Да неужто? Понесло опеть!

Довольный собой, сбором ягод и обновлённой крышей, Дорофей поднял рюмку и произнёс тост:

— Пусчай служит в благие дни и в грозовые!

— Прослужит, отец! — поддержал Дмитрий. — Хорошо бы шифером перекрыть, но и так век простоит!

— Век бы нам и не к чему! Ежели токмо вы сами не думаете в родительской дом возвернутьссе?

— Не, деревня — это не моё! В городе вся жизнь!

— Э-э-эх! — вздохнул Дорофей Яковлевич. — Нонь никому ничаво не нать — ни хлебов не сеют, ни картоху не садют! Фсе в города рвутссе, фсе учёны, анжанеры! А у самих за душой ни кола, ни двора, ни куриного пера!

— Ну-у-у, пап, тут ты не прав! У нас и квартира благоустроенная, и машина, и должность у меня капитанская! А здесь что? С утра до ночи в поле на тракторе? Руки чернее чёрного, да такие, что не отмыть до самого Страшного суда!

— Там на енто не смотрят! — расстроился Дорофей, перевернул рюмку вверх дном и добавил: — Там перво-наперво душу покажи!

Кому шишки еловы, кому пряники медовы

— От же ж чёрт бородатый! — выругалась Софья Николаевна. — Боднул-таки своими рожищами! Никогда такого не было. И што вдрух взбеленилси?!

— Я ему отомщу! — нахмурился внук Вася.

— Отступись! — испугалась бабушка. — Ешшо чево не хватало!

— Он у меня за всё заплатит!

— Не вяжись, говорю! — потирая бок, велела Софья Николаевна. — Покалечит ешшо, а мне перед родителям отвечай!

Внук сделала вид, что не слышал, приоткрыл дверь и скользнул в передызье.

Стоял конец июля. Было жарко. Душно. Парило.

«Кака-то тягось навалилась на меня, наверно, дошш будет»,— подумала Софья Николаевна, выглядывая в окно.

Набегавшись и намаявшись с раннего утра, она зевнула и прилегла на скрипучую железную кровать. Не прошло и десяти минут, как Софья Николаевна заснула.

А тем временем Василий забрался на чердак, отыскал там старую дедову каску, спустился и выбежал в заулок, где важно и благородно расхаживал молодой соседский козёл Яшка.

— Ну шо, готов наполучать по рогам? — спросила его Васька, затягивая потуже ремешок на подбородке.

Яшка согласно кивнул и склонил голову.

Первый удар приземлил обоих на траву.

Услышав треск, из сарая вышел Дорофей Яковлевич. Помешивая в кружке чайной ложечкой, он подошёл к ограде и начал наблюдать за схваткой.

— Что за шум, а драки нет? — поинтересовался он.— Аж в мастерской слыхать!

— А мне что?! А по мне — пущай все слышут! — огрызнулся Васька.

Он не отступал от задуманного ни на шаг и всё никак не унимался.

— Мстя моя будет страшна! — кричал Васятка и снова, и снова сшибался лоб в лоб со столь же упрямым Яшкой.

— За што хоть мстишь-то? — отхлёбывая горячий чай, спросил наконец-то дедушка.

— Он бабулю боднул! — буркнул Вася.— Вот такой синяк ей набил!

И мальчишка показала столь огромный синяк, какой вовек не мог бы случиться.

— Лихо! — подивился Дорофей Яковлевич.— Токмо ты, пожалуй, слишком мал, штобы мстить-то! Дай-ка мне ентот шлем!

Василий и правда после очередного удара головой еле стоял на ногах, поэтому он охотно согласился отдать каску деду.

Дорофей Яковлевич допил свой чай, поставил кружку в траву и обогнул ограду. Нахлобучив каску на голову и подвязав её ремешком, он с оханьем и скрипом встал на четвереньки. Яшка не заставил себя долго ждать и вдарил по каске что было мочи.

«С дедом бодаться сплошное удовольствие! — думал Яшка.— Всё-таки бараний вес!»

— Экий леший ентот Яшка! — кряхтел Дорофей, отступая.— Но ничево! И не таких обламывали!

И в самом деле, после шестой сшибки Яшка начал сдавать позиции, он вдруг стал припадать на задние лапы и жалобно блеять.

К тому моменту, когда Софья Николаевна проснулась, протёрла глаза и разглядела за огородом всю эту возню, Дорофей Яковлевич шёл на завершающий таран.

«Бамс!» — раздалось в ту же секунду.

— Ну и крутило же ты старый, штоб у тебя рассохлось! — вырвалось у Софьи.

— Всё! Спёкся, душный! — восторжествовал Дорофей Яковлевич, осматривая поверженного врага.

— Агась! Получил фашист гранату! — поддакнул Васька и погрозил рогатому кулаком.

Яшка казался потерянным и больше не реагировал на слова: запрокинув голову, он разглядывал облака и мечтал Бог его знает о чём.

Дед с внуком, махнув на Яшку рукой, начали договариваться о вечерней рыбалке. Яшка, в отличие от них, ни о чём таком не думал, рыбалка для него не представляла никакого интереса.

И вот, когда Софья выбежала на крыльцо, она застала такую картину: пробежав весь заулок, Яшка сперва боднул деда, да так, что тот перелетел через ограду, а потом наподдал Ваське.

Дорофей, увидев жену, тут же ретировался в сарай от греха подальше, забыв про кружку в траве и каску на голове. А Васька начал было оправдываться, но Софья Николаевна быстро его осадила.

— Сто раз говорено: не лазь к Яшке! Нет, неймётся! — кричала она.

— Я его проучить хотел, чтоб не бодался боле…

— Не рассосуливай здря! Устроил тары-бары-растабары! — отвесив подзатыльник, бабушка стала загонять внука домой.— Ишь што устраиват, пока дозору нету!

— А почему деда не ругаешь?

— Идея-то, поди, твоя, не деда?

— Моя…

— Ну, милой, стало быть, всем по заслугам раздаю — кому шишки еловы, а кому пряники медовы!

Дедова уловка

— Ты пошто, ковды Васятка с козлом бодалссе, ево не осадил?! — распекала на следующий день Софья Николаевна мужа.— Ты ж должон уму-разуму поучать, а не потакать и уж тем боле не быть соучастником преступленья! Енто ж надо додуматссе: горшок напелить, встать на коленки и лететь на животно! В головёшке-то у тебе вихорь, што ль? Мать честна, да ты у мене не сбрендил ли, часом?

— Уж, Софушка… — начал было Дорофей виновато.— Он же ж такой выдумщик да шалун…

Софья Николаевна остановила:

— Мне твоих объяснёньёв не нать! Сама он скольких вырастила! А токмо построже будь!

— Бабушка, прости нас! — умоляюще залепетал Василий с печки.— Мы же с дедом за тебя бодались…

— А, проснулся, защитник! Выторкай нос-то, умойссе да исть садись — баушка блинков испекла!

На столе возвышалась целая стопка блинов. Вокруг были расставлены плошки с растопленным маслом, сметаной, яйцом всмятку, мёдом и смородиновым вареньем.

Вася подсел поближе к варенью и мёду. Взял в левую руку блин, в правую — ложечку и застыл в нерешительности.

— Чево ворон-то считашь? Бери фсё, на што глаз положил, да держи блинок крепчее! — пододвинув обе плошки, угощала Софья Николаевна.

Василий, недолго думая, закинул ложку мёда в рот, а блин макнул в варенье.

— Быват, и я так попробую! — потянулся было за блином Дорофей. — Я ешшо никовды так не ел, ни разу в жизни!

— Я от тебе чичас по ручищам-то! — замахнулась полотенцем Софья Николаевна. — Пробольщик нашёлссе!

Дорофей Яковлевич закатил глаза под лоб, да так лихо, что те аж провернулись, театрально воздел руки и гаркнул:

— Господи!

Софья Николаевна даже вздрогнула от неожиданности.

— Ниспошли мне хоть один блинок на верхосытку! — пробасил Дорофей и перекрестился.

— Да ты што блажишь-то с утра пораньше?! Совсем очумел?! Я чуть сознания из-за тебе не решилассе!

— Пока ел, употел да ужарел, мать! Да так сильно стералссе, што по-новому проголодалссе!

— От ведь ешшо беда-то кака! И пошто ты мне такой досталссе? Фсе люди как люди, оден ты с придурью!

— Первый парень на деревне был! — вспоминая прошлое, похвалился Дорофей и подмигнул Ваське.

— А то как же! — согласилась Софья. — Первый парень на деревне, да в деревне оден я! Забыл добавить.

— Я, можно так сказать, прежде блины-то ел в бессознательном виде! А сейчас хочу с чувством, толком, расстановкой!

И Дорофей ловким движением ухватил румяный блинок.

— От прикусишь язык-то когда-нить свой длинношшой, так я погляжу!

— Ты от фсё утро то воспитывашь, то ворчишь на мене, то бочку катишь, а тово не знашь, што я тебе обновки вчера прикупил!

— Да неужто?! Чуешь вину-то, стало быть, за вчерашне? От и прикупил? Ну, показывай, што ли! Што там у тебе?

— Погляди за печкой, поди!

— Чево там глядеть? Фсё выгляжено.

— Гляди, гляди! — настаивал Дорофей, кусая очередной блин.

Софья Николаевна подошла к печи и выудила оттуда свёрток.

— Запаршивела твоя манухактура, с орбиты сошла! Шаль-завязуха изремкалась, телогрейка на свету просвечиват. От оренбургский плат да безрукаву душегрею из овчины и взял.

Софья Николаевна тут же оттаяла, забыла и про вчерашнюю выходку внука, и про утреннее препирательство с мужем, она взяла безрукавку, платок и пошла примерять их в комнату.

— От, Васька, учись дедовой уловке! Ежели баушкину душу не будить да не торкать, она усохнет и отвалитссе — за ненадобностью. И будет баушка сухарь сухарём, ни в каком стакане не размочишь!

— Поимей совесть-то, не говори не дело! — услышав из комнаты Дорофея, возразила Софья Николаевна, но уже не так строго, как прежде, заметно мягче уже.

Душа в душу

Дождливая осень нагрянула без предупреждения.

Где-то в переулке надрывался лаем Полкан. Дорофей Яковлевич не находил себе места — всё валилось из рук.

— Опять сломалси! Не телевизер, а расстройства одне! — сокрушался он.

Заметив неловкую возню мужа, который пытался починить старенький чёрно-белый «Огонёк», Софья Николаевна не выдержала, принялась показывать, как сделать дело половчее.

— Ты не так умеешь. От как нужно! — подсказывала она.

— Сам с усам!

— Да по́лно сопожищами-то своимя топотить — фсе полы ужо ухайдакал! Сиди и починяй, а не бегай туды-сюды!

— Полкан штой-то учуял. Не слышь разве?

— Трень-звень твой Полкан!

— Больно-то понимашь! Просто он у нас общительный да добродушный! И человек-то не всегда знат, што неправильно, а он и подавно! Уж больно доверчива животная, ко всякому ластитсе! Растешили мы ево, от и думай теперя, кабы чево не вышло!

— Заворот мозгов у тебе на старости лет вышел — тут у меня сумненья нету! А у твово балбеса завсегда фсё в поряде! Белку, поди, на дереве удозорил, от и заливаетссе. Ему ведь каку погань ни дай — фсё сожрёт! Дров помельше наруби — и те за милу душу оприходует! Фсё летось то крыжовник на кусту обглодат, то огурец из теплицы украдёт. А давеча грядку возле дому копала, чую, вроде в сенях што-т шумнуло, буде хропоток стоит. Нет, думаю, надо глянуть! Захожу — батюшки святы! Енто чудо в лукошко с семенной картошкой залез! Саму лучшу, саму чисту ведь выбрал и жрёт её цельмя, без какова-либо угрызенья совести — токмо пена из пасти-то! Енто ж не собака, думаю, а лось какой-то!

Ему ешшо пачку соли брось — от таки рожищи вырастут! — с этими словами Софья Николаевна растопырила пальцы и приставила ладони к голове.

— Молодой растущший организм — понимать надо! — рассмеялся Дорофей.

— По́лно те зубаскалить-то! Издеватель ентот твой организм… Али анчихрист внутрях завёлсе?

— Сама же давече пела, што собака — хороше дело! Што покуда я в лесу али на реке — фсё буде не одна, есь с кем заговорить.

— Понапраслины одне! Сороки порато болтливый народ, да не шибко-то с имя побалакашь!

— А ну-ка в сельмаг надумашь, в соседню деревню? Куды енто годитссе — жену одну отпущать? А ежели волк опеть навстречу выголит?

— Так твой рекитёр первый же уши прижмёт и тягу задаст! Ему токмо сосиски да колбасу подавай, от товды он рядом, товды герой! Ну а ежели пуста овоська — дунет так, што и ветру не угнатьссе.

С улицы снова донёсся лай собаки.

— Да по́лно, говорю, егозить-то!

— Нет, будё! Пойду погляжу…

— Ну, поди-поди! Да и я с тобой…

Супруги довольно быстро отыскали питомца. Сначала Дорофею чудилось, будто Полкан где-то на краю деревни. Но оказалась, что он у брошенного дома Зиминых, в той самой конуре, где Дорофей подобрал его ещё щенком.

Выбраться ему не давала старая знакомая — выдра. Она сидела на крыше верхом и караулила. Стоило Полкану лишь на мгновение высунуть нос, как Варежка, словно разъярённая кошка, начинала шипеть и бить его лапой. Полкан тут же отступал в глубь своего укрытия и неистово ругался.

Эта тирания продолжалась бы ещё очень долго, но на счастье подоспели Дорофей с Софьей.

— Так его, Варюша, так! — обрадовалась неожиданной встрече Софья Николаевна. — Пробери покрепче, а то он и впрямь от рук отбилссе.

— Тпру-у-у, Варюха! — крикнул Дорофей, подхватил выдру и спрятал её за пазуху ватника. — Ты чевой-то тут учудила? Штой-то за деспот устроила?

Услышав хозяйский голос, Полкан выбежал из конуры и залаял громче прежнего, показывая свою отвагу.

— Об сосну вы все ударились, што ле? — отпихивая ногой Полкана, продолжал урезонивать Дорофей Яковлевич. — Я-то, грешным делом, подумал, што беда! А тут родственны души междоусобицу устроили. Да разве так можно? Впредь по-бывалошному житие воспрещаю! Тепереча штоб в мире и согласии у мене, штоб как мы с Софушкой — душа в душу!

Полкан не возражал, он тут же заглянул в карман телогрейки Софьи Николаевны: мол, нет ли там чего-нибудь вкусненького? — и когда хозяйка сунула ему кусок сахара, довольно захрумтел и признательно завилял хвостом. Варя тоже не протестовала, она юркнула под рубаху, улеглась калачиком и заурчала от удовольствия.

Бессонница

Звёздная ночь заглядывала в избу сквозь цветастые шторки.

Дорофей Яковлевич едва-едва укочкался на печи, мало-помалу пригрелся и даже одним глазком задремал, как Софья протяжно позвала его из комнаты:

— Дорофеюшко! Душа моя!

— Ну! — буркнул дед.

— Кабыть, в передызье кто-то шалит, сходил бы глянул!

— От не спится-то тебе… Езумрудны стрекозы енто… — не то во сне, не то наяву бормотал Дорофей. — Спи ужо…

— Да каки ешшо стрекозы в октябре? Двуноги, што ль? Поди глянь, тебе говорят!

— Не, не пойду! Зябко из-под окутки вылазить! Филин енто! Спи давай!

— На фсё у тебе отговорки: то филин шумит, то налим сопит! Мати-то в детстве, небось, говаривала, што ничево путнево из тебе не выйдёт, коли уж с малых лет врать научилссе! — завелась Софья. — Токмо ты разве ково слушал? Ни товды, ни чичас не слушашь! Так неслухом и помрёшь!

Дорофей нехотя слез с печи, накинул ватник и открыл дверь. Переступив через порог и оказавшись на холоде да впотьмах, он тут же забыл, зачем ему понадобилось выходить из избы. Старик чертыхнулся, круто повернул назад, но тут его качнуло, и он наступил на приставленную к стене тяпку. Звоном в ушах и вспышкой яркого света в глазах откликнулось ему это его неловкое шатание.

От удара по голове Дорофей рухнул на пол, сгребая попутно всё, что стояло вдоль стены. На грохот в доме лаем отозвался дремавший на крыльце Полкан.

Софья Николаевна забралась под одеяло с головой.

— Гроза, што ль, дедко? — несмело спросила она, когда скрипнула дверь и Дорофей, кряхтя, полез обратно на печь.

— Угу! — согласился муж. — Она, родимая. Сперва-то затемненье случилосе. Опосля будто огонь с неба пал. И за ним грохоту, што ноги затряслисе и мороз по коже! И пошло, и пошло — молоньи да раздряды бьют!

— Не было молоний-то! Омманывашь опеть!

— Да уж, не было… — потирая шишку на седой голове, проворчал Дорофей.

— Штой ты там урчишь? Не пойму ничево!

— Я говорю, пугать не хотел! Да разве ж от тебя утаишь?! Снежной человек енто был! Оне, видно, не токмо зимой ходют. Накатилсе на мене, туману

каково-то напустил — и ну об стену, да потом ешшо об пол, да напоследок наподдал мне по лбу лапищом. Хорошо ешшо Полкан подоспел, вцепилсе в ево, цельный клок из заду выдрал. От он и удрал. А я после ентой взбучки хоть и не ослеп, но маленько, кабыть, окривел!

— Ну вралина! Ну!.. И как токмо земля-то тебе терпит?

— Ничево не соврано! Фсё как есь обсказал!

— Уймись уже! Я ведь тебя вдоль и поперёк знаю! Сказывай, как дело было, а то я тепереча до утра не усну!

— А не спится, дак поди и сама проверь! Там после нашей драки сам чёрт ногу сломит — в аккурат фсю ночь прибиратсе будешь! — широко зевая, закончил Дорофей.

Где память живёт

В передызье сгромыхало оцинкованное ведро, послышался плеск воды и ругань. Софья Николаевна с криком распахнула дверь в избу:

— Ты стречать-то бушь ли сёдне?! Али нет?! Душа твоя окаянна!

— Тебя не стреть — всю плешь проешь! — переполошился Дорофей Яковлевич. — Што тама и стреслосе-то?

— Да глаза со свету не видают ничаво, вот чаво!

— Старось не радось! — посочувствовал Дорофей.

— Енто всё твои проделки! Шланхбаунх составил, штоб я убиласе средь бела дня!

— Ну, ешшо чаво выдумашь?

— И што енто у тебе за чад коромыслом? Хоть святых выноси! — разошлась Софья Николаевна.

— По́лно те бухтеть-то! Лук жарил — подгорел малось. Да ты не стой столбмя-то, давай свои авоськи и разболокайся, а то расщеперилась, будто кикимора болотна.

— Как ешшо жену-то не назовёт — кикимора болотна! — снимая мокрое пальто, ворчала Софья Николаевна. — И язык-то у тебе не отсыхат! От попадёшь на тот свет, тама тебя горячие чугунки лизать заставют! И пошто я с тобой столь летов маюсь — ума не приложу.

— Угу… — сник вдруг Дорофей.

— Вот свезут в больницу с переломами-то, узнашь тохда, как по дому хозяйство вести! Тебя ж не научи да в мир пусти, так будет шиш, а не куски.

— Шут с им, барахло фсё енто! Я других разлук боюсь! — осадил Дорофей. — Как от в ином мире али здеся без тебя? Енто хорошо, ежели как в сказке: «… и умерли оне в оден день!» А коли поочерёдно? Не хочу тебя одну оставлять…

— Што-т не пойму: угорел ты с лука-то, што ль?

— Вот как хошь, а ежели вдрух помрёшь, то и меня с собой бери! А то я без тебя весь изведусе, иль ты там истоскуешсе.

— Ишшо чево удумал!

— Сколь мы с тобой прожили — теперь уж порознь никак нельзя! От как подумаю об ентом, так душа круги и выводит…

— За енто не переживай: помру — перво-наперво за тобой и явлюсе. Разбужу посреди ночи-то, тут ты со страху и околешь!

— Ну, ежели так, то и добро.

— Ковды венчались, Христос мне препоручил за тобой пригляд вести! Там же, небось, вспросют: мол, хде муж-размуж? А я им: вот он, получите, распишитесь! — всхлипнув, ответила Софья.

— А ты чёй-то мокреть-то развела? — испугался Дорофей. — Спрячь-ка слёзы-то!

— Дубина стоеросова! — вытирая глаза уголком платка, обиделась Софья Николаевна. — С радости я!

— С какой такой радости? Што околею?

— Представила, што в раю, тихий свет вокруг, святой. От и всплакнулось!

— Ну, ежели с ентой стороны, тохды давай. Право, я-то фсё думал, што радось по-другому возмеряют.

Софья Николаевна не удержалась и тюкнула мужу кулаком под ребро.

— Я чаво тут вспомнил, — сменил тему разговора Дорофей. — Покуда маленький был, быстрее и ловчее лягушек по кочкам скакал! А ешшо мне пошто-то рихметика особо люба была! Одне пятёрки по ей приносил. Бывало, уж фся хитрадка цифрами измарана, дык я на обложке шпарю, с тойма и с этоймя стороны, позадь и сперёд!

— Разные детства у нас были, я токмо тяпки да грядки помню! А уж замуж вышла: рано-ранёхонько выголишь, у иконовки помолиссе, с Божьей милостью печь истопишь, обед изготовишь, всех напоишь-накормишь… Весь-то день ни остановиссе, ни присядешь!

— А сколь мы песен спели, помнишь ли? — предался воспоминаниям Дорофей. — А бровей нахмурили?

— Всяко было. Слава Те, Господи! — перекрестилась Софья. — Всё по-разному в етом мире, и всё кончается — токмо добро людей и связыват.

— Кончается — твоя правда. Нас не станет, лишь дом-от наш и задержитссе ещё на ентой земле, хде память живёт, — погладив тёплую бревенчатую стену, вздохнул Дорофей.

Даниил Лихачёв

Ветки

Ночью в дежурке мы вдвоём со Степанычем. Скоро рассвет. За окном трепещет листьями выросшая вопреки всем запретам осина. Она изогнулась стволом, чтобы оказаться чуть в сторонке от стены дежурки, но сильные верхние ветви дотянулись до рамы и скребутся в неё при порывах ветра, помогают не заснуть под утро.

— …да, и представляешь — мы хоть двое, а он один, еле живой! Мы его тогда… Эй, Степаныч! Степа-аныч, — хлопаю я его по плечу. — Степа-аныч, Ю-юра-а!

— Что? А? — хрипло отзывается тот и испуганно, по-мальчишечьи озирается. — Задремал я?.. А сколько там?.. Четвёртый час? О-о-о…

— Юрий Степаныч, а как вот ты не засыпаешь, когда вагонами вперёд идёте?

Напарник не отвечает, продолжая клевать носом.

Стараюсь не думать о плохом, но не получается. Профессия его — составитель поездов — самая травмоопасная, особенно в ночи, в недосыпе. От этого и тревога моя заунывная. Как многие из его поколения, Степаныч — человек крепких предрассудков. У него всё только по инструкции, по регламенту — никаких снисхождений и поблажек в трудовом процессе. Лишь указания вышестоящих руководителей могут повлиять на его рабочее мировоззрение. Но и тогда не обойдётся без едких комментариев Степаныча.

Однако дело не ждёт. Поправив засаленный сигнальный жилет, по-нашему — «желтуху», он медленно поднимается со стула в дежурке.

— Виталич, ну что, как и говорил, с пятого на шестой путь через М-7?

— Да-да, — отвечаю, — всё верно, только чётный пропустим.

На помятых от сна щеках коллеги я успеваю разглядеть капельки пота, сползшие с продольных морщин его лба. Лицо Степаныча выражает глубокое презрение ко всем составам, проходящим мимо, потому что они мешают плану работы, который он выстроил, заступив ещё в восемь вечера в ночную смену.

— Виталич, ну сколько можно, скажи, а? Поездов всё больше и больше, а работу между ними успевай делать как знаешь! Модернизация у них, понимаешь, оптимизация… Эх!

Махнув рукой, он вальяжной походкой идёт в сторону тепловоза.

— Юрий Степаныч, рацию включи! — кричу вслед.

— Уже! — с улыбкой оглядывается он, и становятся видны два его едва живых зуба, исполняющих роль всего жевательного аппарата. — Готовы, дежурный, с пятого на шестой через М-7?

— Понятно — готовы. Тысяча девятьсот восьмой, машинист Смирнов, составитель Терехов. С пятого пути за М-7 маршрут готов? Далее от М-7 на шестой свободный. Повторите!..

— Верно. Выполняйте!

Со Степанычем работать комфортно, спокойно, хотя тревога за его жизнь не отпускает постоянно. Человек он не молодой, шестьдесят лет от роду. Ещё немного — и на заслуженный отдых, будет спать сколько надо. И быстро забудет, как звучат в ночи переговоры на станции, которые мне ещё слушать и слушать…

— Дежурный, готовы от М-7 на шестой?

— Понятно — готовы! — следует ответ. — Составитель Терехов, как на шестой в пределы встанете, зайдите.

— Понятно, дежурный.

Мотовоз энергетиков контактной сети рапортует:

— Дежурный, шестьсот сорок шестой мотовоз ЭЧК в транспортном положении, готовы от М-30 на восемнадцатый путь.

— Понятно, шестьсот сорок шестой в транспортном, М-30 белый на восемнадцатый свободный заезжаем, — отвечает дежурный.

— Понятно, М-30 белый разрешили выезжать.

Напряжённая, непонятная спящему городу ночная жизнь железнодорожников…

Стук в дверь.

— Дежурный, разрешите?

— Да, — отвечаю мастеру пути, — входите, Виктор Андреевич.

— Виталич, сегодня пятнадцатую стрелку будем менять!

— Да-да, я знаю, ознакомлен. Делайте запись в журнал контроля работы.

Входит Степаныч, с которым мы только недавно расстались:

— Просил зайти, Виталич…

— Да, по двенадцатому пути не проехать, стрелку будут менять. Так что нам надо поскорее вагоны оттуда забрать.

— Привет, Митя,— тянет Степаныч руку мастеру пути.— Во сколько у вас смена стрелки? — не дождавшись ответа, бурчит себе под нос: — Всё нововведения какие-то!

Я молча улыбаюсь, слушая его беззлобные, в пустоту обращённые слова.

— Всё поменялось, всё! У Виталича вон компьютер, сиди себе и жми кнопки на пульте. А раньше дежурные пыхтели, графики вручную чертили! В шестьдесят третьем, как я работать пришёл, всё вручную было. И стрелки вручную переводили. И светофоров не было…

— В шесть утра начнём, Юра-а,— с улыбкой заглядывает составителю в лицо мастер Виктор Андреевич.

— Вот сдам смену, тогда и меняйте ваши стрелки! — не перестаёт бурчать Степаныч.— Не дают спокойно работать! То одно, то другое, то грузовые летят, то пассажирский прибыл, жди… А если ещё и пенсионный возраст поднимут… я вообще тут с ума сойду! — в непритворном отчаянье он ударяет кулаком по столу и задумывается, глядя на меня.— Вот уйду я — кто сюда придёт? Молодёжь нынче ветреная, грязную работу не любит, в большие города уезжает…

— Да не переживайте вы так, Юрий Степанович,— пытаюсь исправить его настрой.— Вам пара смен осталась, уж как-нибудь… А насчёт молодых не соглашусь. У нас сейчас два стажёра есть, штат полный. И на ваше место уже обучают.

— Это Саню, что ли?! — замирает от возмущения составитель.— Ты его видел?! Он регламент-то выучить не может!.. Э-эх! — махнув рукой, Степаныч понуро разворачивается к двери.— Подскажешь, Виталич, как выезжать.

— Я запись в журнале сделал, ко времени подойду,— отчитывается и мастер пути, направляясь следом.

— Хорошо.

Поднимаю глаза к окну. На улице светает. Слышу — работа идёт своим чередом. А на сочной зелени осины виднеются капельки росы. Они из последних сил держатся на трепещущих от лёгкого ветра листьях и нет-нет да срываются вниз. Это почему-то вдруг напоминает мне смену поколений, смену состава работников нашего железнодорожного транспорта… Капля держится-держится, цепляясь за невидимое, и вдруг ныряет вниз, исчезает из виду. Как и наш Степаныч теперь, который над самым обрывом балансирует. И всё предрешено: уйдёт он на пенсию, а на его место, как капелька скатится, придёт Саня, новый составитель, заставляя тем самым всю железную дорогу, словно дерево, расти и расти, сменяя ветки-поколения. От железнодорожных узлов, как от крепких сосновых мутовок, распустятся ветви рельсов на многие и многие километры, охватывая своей могучей сетью всю нашу необъятную страну. И чем больше молодых веток прорастёт на этом железном дереве, тем надёжней и величественней будет оно. Тем уверенней сможем мы смотреть в завтра. Да, именно так…

— Эй, дежу-урный! Мы так и будем на шестом стоять?

— Виноват! — отзываюсь поспешно.— Задумался… С шестого пути…

И всё же, как ни трудны ночные смены, а лучше нашей работы нет, определённо. Это вам даже Степаныч подтвердит, спросите!

Сергей Кузичкин

Откос

Главы из романа

Продолжение. Начало в «ДиН» № 2/2024

Путевой обходчик

Пройти и увидеть

Прошлое — призрак, будущее — мечта,
и всё, что у нас есть, — это настоящее.
Билл Косби, американский актёр,
режиссёр, сценарист

1.

Пассажирский поезд промчался по встречному пути, когда обходчик подошёл к первой избушке.

Он проводил взглядом уходящий на восток состав и спустился с откоса. Подойдя к избушке, проверил, закрыта ли на замок дверь. Убедившись, что закрыта, открыл калитку палисадника и, обойдя избушку, заглянул в единственное её окно, смотревшее в сторону леса. Молотки для забивки костылей, именуемые костыльными, но в разговоре называемые кувалдами, стояли и лежали в углу слева от двери; путевые гаечные ключи для завинчивания и отвинчивания гаек стыковых болтов были сложены в открытом деревянном ящике недалеко от окна; лапчатые костыльные ломы, предназначенные для выдёргивания костылей, рельсовые клещи и так называемые дексели — топоры для зачистки шпал — тоже, где лёжа, где стоя, располагались вдоль правой глухой стены. Из окна, с левой стороны, был виден угол небольшой печки, на которой стоял железный чайник, а из-под стола, располагавшегося посередине комнаты, словно спрятанные от кого-то, выглядывали колёса двух небольших однорельсовых тележек для перевозки грузов.

Сложенная из выбракованных шпал и оббитая сверху вагонной доской избушка появилась на месте стоявшей здесь много лет железнодорожной будки не так давно. Когда на его участке расширяли земляное полотно и прокладывали вторые железнодорожные пути, из четырёх расположенных по участку будочек две — вторую и третью — разобрали сразу. Вместо них на седьмой от Тайшета версте сложили из брёвен добротное (длиною восемь и шириною пять метров) здание — настоящий дом, с пристроенными сенями. В этом доме с кирпичной печкой дневали и ночевали строители вторых путей, а потом его закрепили за путевыми рабочими — путейцами, как их стали называть. Летом, когда на участке проводились работы по замене выбракованных шпал, там жили бригады путейцев. Да и зимой дом пустовал редко: приезжающие из Тайшета на борьбу со снегопадом и снежными заносами люди хозяйничали в нём по нескольку дней. Тогда к хранившемуся в сенях дома путевому инструменту добавлялись ломы, мётлы и широкие деревянные лопаты.

При расширении земляного полотна и постройке бревенчатого дома на седьмой версте решили было сломать «за ненадобностью», как говорило начальство, и первую от станции, а заодно и четвёртую, у Бирюсинского моста, будочки. Но сразу их не сломали, а потом, когда второй путь на участке был готов и строители ушли дальше, про будки забыли. А они пригодились: и обходчику и путевым рабочим служили укрытием в непогоду. Там тоже оставляли и путевой инструмент, и лопаты, и косы, которыми по нескольку раз за лето скашивали подрастающую на откосах траву. Будочки простояли ещё почти три десятка лет, пока совсем не обветшали и пока в Тайшете не появился свой шпалопропиточный завод. С появлением завода по пропитке шпал креозотом стали чаще менять на путях изношенные шпалы. Отслужившие (или, как говорили мастера-путейцы, «отработанные») сначала бросали в низинах откоса, а потом собирали и увозили на станцию. Но не все. Бывало, что их складировали у дома на седьмой версте и возле будочек. И чаще всего случалось так, что вагон-платформа, привозившая на участок новые пропитанные креозотом шпалы, после разгрузки увозила только что вырванные из полотна, а до сложенных возле дома и будок дело не доходило. Шпалы же там копились, и их уже складывали в два ряда, подпирая глухие стены. Это не нравилось обходчику, и он однажды, проходя со старшим мастером по околотку, предложил сложить из этих шпал вместо обветшалых уже будочек небольшие избушки:

— Всё равно они лежат — пропадают, а так в дело пойдут…

Мастер предложение обходчика поддержал и высказал его на общей планёрке железнодорожников. Обсуждение этого предложения вызвало на планёрке неожиданное оживление. Несколько инженеров высказались против, считая, что «долгое нахождение в постройках из пропитанных креозотом отработанных шпал может повредить здоровью работников». Но большинство мастеров пути предложение поддержали и настояли на строительстве для путейцев таких избушек («временных домиков»), утверждая, что «жить там постоянно никто не собирается, а если оббить их досками, из которых делают крытые вагоны, то и запах креозота сойдёт на нет; собранные же из пропитанных креозотом шпал домики могут простоять не одно десятилетие». Примеры тому были: избушки из шпал — времянки — уже давно строили у себя на огородах железнодорожники. Кто-то оббивал их снаружи вагонной доской, а кто и не утруждал себя этим.

Руководство станции приняло решение в пользу построек, и весною 1937 года на месте первой и четвёртой будок появились небольшие, размером три на четыре метра, избушки-домики, оббитые как внутри, так и снаружи вагонной доской. Плотницкая бригада, что строила на станции жилые дома для железнодорожников, разобрала старые будки и поставила новые избушки за три дня. Сделали строители работу умело: залили фундамент, а чтобы не было щелей (как они говорили, «зазоров»), шпалы укладывали на мох. Сложили из кирпича небольшие печки. Правда, окна в обеих избушках почему-то смотрели на лес, зато дверь прорубили со стороны железной дороги.

— А зачем тебе из окна на откос глядеть? Поезд пойдёт — ты и так услышишь. Выйдешь на крыльцо, поприветствуешь,— сказал обходчику бригадир строителей, когда тот задал ему вопрос про окна.

— Ну ладно, что ж теперь-то… Пусть будет так…— согласился обходчик и попросил бригадира из оставшейся вагонной доски сделать палисадники: отгородить с двух сторон избушки метра на полтора.

— Я грядки сделаю,— объяснил он бригадиру свою просьбу.— Лучок, редиску, репку посажу. Картошки немного… Кустов десять-пятнадцать взойдёт — и то хорошо будет. Капусты кочана три-четыре.

— Да ты, братец, я гляжу, в жизни-то не пропадёшь! Хват! Хозяйственный мужик: тут редисочкой закусишь, у моста репку съешь — и продукты с собой носить не надо. Молодец! Скоро и поросят тут выращивать начнёшь, чтобы и сальцом, и пельмешками-котлетками себя во время обхода побаловать! — засмеялся бригадир и просьбу обходчика исполнил.

2.

Обходчик перелез через небольшой, с полметра высотой, палисадник, обошёл избушку с правой стороны, ещё раз проверил замок на двери. Заходить в дом не стал.

Карманные часы его показывали девять часов утра, когда он снова поднялся к железной дороге.

Наступал новый погожий, солнечный день начала осени — восемнадцатое сентября 1939 года.

День восемнадцатого сентября был днём его рождения, и тридцать пятый раз обходчик встречал его на участке. Со слов матери он знал, что появился на свет утром, около девяти часов. За эти тридцать пять лет, что работал обходчиком железнодорожного пути, ни одного разу дождь не заставал его в день рождения на участке. Удивительное дело: даже если накануне, семнадцатого сентября, погода была ненастной и ночью лил дождь, к утру восемнадцатого тучи рассеивались, и солнце, даже не по-осеннему, а вполне по-летнему пригревая, сопровождало его до Бирюсинского моста и обратно. Эту особенность заметил отец обходчика, и в начале сентября полушутя-полусерьёзно он обычно говорил матери:

— С картошкой нынче торопиться не надо. Будем держать в уме восемнадцатое… Если с начала месяца не успеем выкопать, то восемнадцатого закончим.

3.

Много вёрст-километров прошагал обходчик за эти тридцать пять лет. Немало воды утекло по ручью, протекающему возле высокого откоса, за это время. Тысячи облаков и туч проплыли по небу над ним, то закрывая, то открывая солнце. Много хорошего и плохого произошло за эти годы в жизни обходчика. Не все дни, прожитые им, были ласковыми и тёплыми, как день восемнадцатого сентября. Бывало, сыпали, как шрапнелью, с неба мелкие осенние дожди, водопадами заливали полотно летние ливни, пугали раскатами грозы, заметали пути зимние метели, жалили лютые морозы. Время от времени менялись его начальники, приходили новые мастера, уходили старые путевые рабочие, а он, не пропуская ни одного дня, ходил и ходил по отведённому ему участку: одиннадцать вёрст до моста и одиннадцать обратно, до станции. Вместе с начальством, бывало, менялась и власть. Особенно много перемен произошло в 1918–1920 годах. Это время назвали потом Гражданской войной, а до её начала, ещё в девятьсот четырнадцатом, пошли один за другим по станции на запад военные эшелоны. Пошли и разговоры, что Петербургу поменяли название и теперь он стал Петроградом, а Москва так и осталась Москвою. Время от времени на собраниях железнодорожников зачитывали сводки с боевых действий, что проходили в Европе, и некоторые

рабочие задавали начальству вопрос: а не пойдёт ли немец на Россию?

— Да не допустит этого батюшка-царь,— отвечали мастера, читавшие сводки.

И все верили, что батюшка-царь не пустит ни немцев, ни кого другого в Россию. А через год или два по железной дороге повезли в товарных вагонах на восток, в сторону Иркутска, военнопленных: австрийцев, венгров, румын, чехов, словаков…

— Будут знать австрияки и мадьяры, как с Россией воевать,— говорили, провожая поезда, железнодорожники, и вера в царя-батюшку становилась ещё сильнее.

И было удивительно и неожиданно для многих, когда в конце зимы 1918 года пришло сообщение, что царь Николай Второй отрёкся от престола и в России теперь Временное правительство.

— Да как же так-то? — спрашивал дома скорее сам себя, но обращаясь к своему семейству, ничего не понимающий отец.— Как без царя жить-то теперь?

Без царя-батюшки жизнь у всех его бывших подданных переменилась. На станцию зачастили приезжающие из Красноярска и Иркутска комиссары и эмиссары новой власти. Железнодорожников то и дело стали созывать на митинги, зазывать в различные образовавшиеся советы. Начались бесконечные выборы депутатов и представителей в какие-то органы и собрания. Всего было не упомнить, во всё не вникнуть. Жизнь вокруг становилась другой, но его работа, его обязанность — следить за состоянием железнодорожного пути — осталась той же.

— Без тебя никак нельзя,— говорили обходчику инженеры и мастера.— Без тебя вся безопасность движения под откос уйдёт. Что бы ни случилось, ты, братец, знай своё дело…

И обходчик своё дело знал. И при Временном правительстве, и когда оно сменилось на правительство большевиков, и потом, при Колчаке, и снова при большевиках выходил он с рассветом на свой участок.

Опасно было ходить, когда станцию и ближние к ней деревни заполонили возвращающиеся домой по Транссибирскому железнодорожному пути расконвоированные революцией пленники германской войны. Их всех скопом называли тогда белочехами, но видел и знал обходчик, что были на станции отряды белорумынов и сборные роты солдат разных национальностей. Были и русские — белогвардейцы-колчаковцы, встречал он и красных партизан — жителей Тайшета, Окульшета и даже Баеры, поддерживающих советскую власть и прятавшихся в лесу от пришедших белогвардейцев, чехов и румын.

В начале весны 1919 года, когда в округе установилась власть белых, возле Бирюсинского моста сторонники советской власти попытались разобрать железнодорожные пути. Их отпугнула, обстреляв из винтовок, мостовая охрана, но после этого вместе с обходчиком стали проходить весь участок туда и обратно вооружённые винтовками солдаты — по два, а то и по три. На его участке чрезвычайных происшествий не случилось, а вот западнее, за Бирюсой, возле станции Ключи, в апреле сошли с рельсов несколько вагонов. Сход вагонов застопорил движение поездов по всей магистрали, и обходчику вместе с солдатами дали команду: выходить на проверку пути дважды в день: с рассветом и около шести часов вечера. По всей станции усилили охрану путей, у каждого стрелочного перевода поставили часовых. Почти каждую ночь на улицах Тайшета слышались стрельба, лай собак, крики. Ходили слухи, что ниже по Бирюсе, у села Шиткино, в лесах собралось несколько отрядов партизан — недовольных властью Колчака людей из числа местных жителей — и что к ним примкнула одна рота из колчаковцев, перестрелявшая своих командиров.

В первый день октября 1919 года десятка три железнодорожников согнали к угольной эстакаде, где на их глазах повесили взятого в плен партизанского комиссара Ивана Таёжного. Ивана обходчик знал. Видел несколько раз и даже здоровался с ним, когда тот работал сцепщиком вагонов на станции. Был он из переселенцев, белорус по национальности. Человек толковый, грамотный. Говорили, что до того, как пошёл работать на железную дорогу, служил Иван Таёжный писарем в управе и даже одно время учительствовал.

В сентябре-октябре колчаковцы стали проводить расстрелы не только пойманных ими партизан, но и их родственников, которых называли пособниками бандитов. Жителей ближних к вокзалу домов, включая малолетних детей, насильно сгоняли к местам расстрелов. Показательные расстрелы чаще всего проходили возле высокой кирпичной водонапорной башни, построенной ещё в 1906 году недалеко от вокзала, и на Базарной площади, где шла торговля и всегда толпился народ. Как-то к водонапорной башне привели сразу пятнадцать человек и, поставив к кирпичной стенке, расстреляли.

С началом зимы, в декабре, пошли слухи, что власть Колчака кончилась и что отряды красноармейцев захватили Омск, Томск, Новониколаевск и подходят к Красноярску. Белочехи и колчаковцы ещё больше усилили охрану железной дороги, и солдаты по нескольку дней жили в железнодорожных будочках. С утра до вечера в будках топились печки, стучали по округе топоры. Рубили деревья. На дрова шли складированные у будок шпалы и даже деревянные ограды будочек.

Весь месяц на вокзале и перроне днём и ночью толпились солдаты, большинство поездов

проходили мимо Тайшета, не останавливаясь, на запасных путях стояли вагоны, готовые к отправке, а по главному ходу несколько раз проходил то на запад, то обратно на восток, пугая гудками, диковинный бронепоезд.

В последние дни декабря через Тайшет в Нижнеудинск прошёл эшелон с Верховным правителем России адмиралом Колчаком. Говорили, что в вагонах, вместе с брошенным уже бывшим правителем союзниками, везли к океану много золота и драгоценностей. По слухам, поезд остановили в Нижнеудинске, адмирала арестовали, отправили в Иркутск, где посадили в тюрьму, а потом расстреляли…

Жестокое было время. И хотя позже жизнь не очень баловала калачами и пряниками обходчика, но те годы ему не хотелось потом вспоминать.

4.

Солнце стало пригревать сильнее, когда обходчик вышел на самый крутой на его участке откос. Здесь ручей, убегающий к речке Тайшетке, делал полукруг, огибая автомобильную дорогу, проходящую возле самого откоса. За ручьём виднелись кусты ивы, несколько одиноких деревьев — берёзок, а дальше, метров через триста, начинался лес. Году, наверное, в 1927-м, а может, в 1928-м, напросился с ним по лету в обход новый начальник линейного отделения милиции. Отделение на станции тогда было небольшое. Железнодорожная милиция смотрела за порядком на вокзале и перроне, милиционеры выходили к останавливающимся пассажирским поездам, помогали охранникам следить за сохранностью перевозимых грузов.

Когда они с майором подошли к откосу, начальник милиции остановился и стал смотреть на дорогу, на ручей, на лес.

— Я это место на всю жизнь запомнил… — сказал он. — Здесь мы с товарищем, было дело, лет двадцать назад сиганули из арестантского вагона. Я удачно, а вот он…

— А я помню! — оживился обходчик. — Я уже тогда здесь работал. Говорили, убежал какой-то политический арестант Петров, а друг его спрыгнул из вагона и ногу подвернул. Его забрали охранники.

— Я вот тот Петров и есть, — грустно улыбнулся начальник линейного отдела милиции, — Петров Константин Васильевич… Мне иногда снится, как я прыгаю из вагона, как бегу, как товарищ падает… Просыпаюсь и чувствую свою вину, что бросил его тогда… Но если бы я стал помогать товарищу, то и меня бы схватили… Ведь правда? — спрашивал майор у обходчика, словно искал оправдания. — Да это, наверное, было бы глупо — самому сдаться… Зачем тогда бежать? Знаю, что правильно поступил, но вот совесть всё равно не даёт покоя… Я тогда к своим товарищам, до Иркутска, добрался. На подпольной работе был, воевал за народную власть, а после в милицию направили, когда война закончилась. А как сложилась судьба товарища, не знаю. Помню, что его Коростелёв фамилия была, Анатолий по имени.

— Да не корите вы себя, — сказал ему тогда обходчик. — Правильно тогда сделали. Теперь вот вы начальник отдела милиции, а если бы тогда вас поймали, в тюрьму снова посадили, судьба по-другому бы сложилась…

«И правда, интересно судьба у людей складывается, — думал обходчик. — Бывает, такое в жизни происходит, что и в книжках не додумаются сочинить».

А года через три, уже в начале тридцатых, когда майора Петрова повысили в должности и перевели в Иркутск, ехал через Тайшет по назначению инженер-строитель. Обходчик перед выходом на участок зашёл утром на станцию и увидел человека в шляпе и длинном пальто.

— Вот знакомьтесь — товарищ Коростелёв, — представил его мастер обходчику. — Хочет с тобой до откоса прогуляться. Посмотреть на места своей революционной молодости.

И водил на откос обходчик и Коростелёва. И долго тот стоял и смотрел вдаль на кусты ивы, на ручей, на лес. Туда, куда ему убежать не удалось.

Стоял он, вспоминал и, улыбаясь, слушал рассказ обходчика про Петрова. Про то, что и он был здесь и что теперь они обязательно встретятся.

— Вот так, товарищ дорогой! — сказал, обняв его за плечи и смеясь, инженер-строитель Анатолий Иванович Коростелёв. — Тянет преступников на место преступления! Ой, и вправду тянет! Мне же этот побег тоже снится и снится. Вижу, как Петров убегает, а за ним охранники… А я лежу и подняться не могу… Думаю, встретимся теперь с Константином Васильевичем. Спасибо тебе: знаю, где его искать!

Как рассказал Коростелёв, его, с подвёрнутой ногой, привезли тогда в Красноярск, поместили в тюремный лазарет. Потом он был на каторге, на севере Енисейской губернии. Там его и застала революция. Воевал в Гражданскую, после войны выучился на инженера.

— С детства мечтал дома строить. Вот еду теперь на строительство комбината. Специально поехал пораньше, чтобы здесь остановиться. Теперь и в Иркутске остановку сделаю. С Константином встретимся! — говорил весело, с огоньком в глазах, Анатолий.

«Конечно же, они встретились и сейчас, наверное, переписываются, дружбу поддерживают», — думал, когда вспоминал о Петрове и Коростелёве, обходчик.

5.

Немало разных событий произошло в жизни семьи обходчика и в жизни его соседей за годы Гражданской войны и после.

В 1919 году разорили в Баере белочехи и колчаковцы не одно хозяйство и не один дом. На село, расположенное возле железной дороги, солдаты регулярно делали «продовольственные набеги». Со смехом тащили со дворов курей и поросят, уводили быков, уносили молоко. По осени отбирали зерно, а кто сопротивлялся — поджигали дома. Видя такое дело, отец с обходчиком перегнали корову в Тайшет. Забрали курей, поросёнка и с кой-каким барахлишком перевезли мать с братом. В Тайшете было спокойнее: семьи железнодорожников не грабили. Оставшийся в Бавере дом отец ездил проведывать раз в неделю. В сентябре, когда копали там в огороде картошку, нагрянули во двор солдаты с офицером. Все знали, что у колчаковцев был приказ: забирать с каждого огорода по три-пять мешков картошки, — но он не касался семей железнодорожников. Машинистам паровозов, их помощникам, кочегарам, путевым рабочим и работникам ремонтных мастерских выдавали специальную «охранную грамоту», и их не трогали. Не тронули и семью обходчика. Офицер только посмотрел на бумагу, которую показал отец, напился из колодца и увёл солдат.

Когда в 1919 году отец перевёз из Баеры в Тайшет мать и младшего брата обходчика, старшая сестра его была уже замужем за мастером-инженером вагонных мастерских. Зять — человек учёный и интеллигентный, но добрый и простой, — был из мещан Тверской губернии. На инженера учился в самом Петербурге и добровольно вызвался поехать, как он говорил новой родне, «служить на Транссибирскую магистраль». То, что он был родом из Тверской губернии, откуда приехал в Сибирь и дед обходчика, сыграло немаловажную, а скорее даже главную роль в замужестве сестры. Инженер пришёл сватать сестру неожиданно. До этого никто и не догадывался в семье обходчика, что сестра знакома с инженером. Но, оказалось, они встречались уже с полгода и инженер угощал её леденцами монпансье и дарил дорогие одеколоны. Когда и как они познакомились, сестра из скромности своей умалчивала, да и родители сильно её и не пытали. Инженер пришёл к ним в воскресенье, после обеда, к тому времени, когда в церкви, выстроенной недалеко от Базарной площади, закончилась служба. Видимо, не без совета с сестрой, подгадал, когда дома будут и мать, и отец, и старший брат-обходчик. Жених пришёл в дом невесты с подарками для всей семьи: отцу принёс дорогих папирос, матери — большой, с узорной вышивкой, платок, младшей сестре — одеколон в красивой коробочке, обходчику подарил новую сумку на ремне, а младшему брату — игрушечный паровоз. На стол он выставил красивую коробку конфет. Сватовство продолжалось недолго. За чаем инженер рассказал, что в далёком городке на Волге живут его мать и старшая сестра. Обе учительствуют: мать в гимназии, сестра в приходской школе. Сказал и про отца, что он тоже был учителем и даже дослужился до директора гимназии, но умер рано.

— Я получил письменное благословление от матушки моей на женитьбу, — сказал он, заканчивая рассказ о себе и обращаясь к отцу невесты. — Они с сестрой приехать сейчас не могут — Сибирь не близко. Но мы с вашей дочерью, как я только получу отпуск у начальства, обязательно поедем к ним, и я представлю матери и сестре свою жену.

Инженер всем им понравился. Он даже не намекал на приданое, а наоборот, предложил все расходы по венчанию и свадьбе взять на себя. Но родители невесты всё же, придерживаясь обычая, пошили дочери свадебный наряд и дали за ней перину, тёлочку и несколько курей. Молодые поселились в доме инженера на Юго-Вокзальной улице, и вскоре сестра перешла на работу в вагонные мастерские. Как и младшая сестра её и брат-обходчик, она окончила в Баере приходскую школу, умела хорошо читать и писать. Муж устроил её вести учёт поступивших в ремонт и отремонтированных вагонов, и она хорошо с этим справлялась. А в лето, наверное, 1910-го или 1911 года сестра с мужем совершили далёкое путешествие на родину своих предков.

«В одиннадцатом году, точно, — вспомнил обходчик. — Отец ещё в тот год перешёл из кочегарки на станцию: стал станционным рабочим. Летом они поехали, а мы с отцом их провожали…»

Давно это было, а вроде как вчера. Теперь у инженера и сестры уже дети взрослые. Не успели оглянуться — выросли. Сын закончил школу, потом танковое училище. Теперь он лейтенант — служит на Дальнем Востоке. А дочь — невеста на выданье, хочет на врача выучиться. Отец и дед её поддерживают.

Обходчик улыбнулся, вспомнив, как отец его работал на станции: следил за чистотой на перроне, ремонтировал скамейки, вставлял стёкла в окна. Во многом он тоже был на своей работе сам себе хозяином. И хотя ему приходилось работать каждый день, без выходных, перрон он подметал с утра и, сделав свою работу, если не было других указаний начальства, уходил домой. Зимой работы у него прибавлялось, но расчищать перрон от снега ему в подмогу отправляли двух-трёх человек. Тяжело, как и всем им, пришлось отцу в годы Гражданской войны, когда меняли начальников и на перронах было не протолкнуться. Но пережили и отец, и все они и это время. А вот мать так и не смогла прижиться в Тайшете и, когда тревожное время отступило,

упросила отца отвезти её обратно в Баеру. Отец каждый день бывал у неё. Получалось, что он больше жил в деревне, чем на станции. Бывало, приезжал на вокзал утром, а сделав свою работу, не заходя в дом обходчика, уезжал снова в Баеру — на подводе или договорившись с машинистами паровозов, отправляющихся в сторону Нижнеудинска. Во второй половине двадцатых годов, выйдя на пенсию по старости, отец окончательно перебрался в деревню; когда в Баере стали организовывать коллективное хозяйство, вступил там в колхоз. Работал на заготовке сена, раздавал корма на ферме. Вот и сейчас — отцу под восемьдесят, но он не оставляет работы: трудится в колхозе и дома по хозяйству хлопочет. Живы ещё старики-родители! Обходчик гостит у них, в родной своей деревне, часто. От Тайшета до Нижнеудинска теперь ходит два раза в день, туда и обратно, паровоз с двумя вагонами — хлебным и пассажирским. Хлеб и другие продукты развозят по станционным магазинам, а заодно везут и пассажиров. С недавнего времени такой вот пригородный поезд останавливается и в Баере.

Связал свою судьбу с железной дорогой и младший брат обходчика. Семнадцатилетним пареньком поехал он в ремесленное железнодорожное училище на станцию Зима, а когда закончил учиться, остался работать в Зиминском депо осмотрщиком вагонов. Женился там и теперь каждое лето и осень приезжает с женой и ребятишками в Баеру — помогать матери с отцом заготовить сено, выкопать картошку.

А вот младшая сестра из-за своей скромности так и не вышла замуж. Правда, глядя на неё, не скажешь, что она несчастлива: улыбается всё время, шутит, любит своих племянников. Она так и работает в прачечной железнодорожной бани и живёт в доме обходчика, в большой комнате. Обходчик в ту комнату, в её царство, не заходит. Ему вполне хватает места возле печки и у стола. Сестра встаёт рано готовит на двоих, стирает, топит баню.

Вот так и живут они сейчас.

6.

Обходчик спустился к дому на седьмой версте. Это место так и звали железнодорожники: «На седьмой версте». После того как вёрсты заменили на километры, для обходчика мало что изменилось. Дом строился между шестой и седьмой вёрстами, а когда на железной дороге расстояние стали мерить километрами, как раз возле дома установили столбик, означающий, что от него до станции ровно семь километров. Весь участок путей от западного переезда станции до моста через Бирюсу получался теперь чуть более двенадцати километров.

— Раньше ходил ты от версты к версте, а сейчас будешь от километра к километру, — сказал ему, смеясь, старший мастер, когда на участке расставили столбы, указывающие, сколько от какого в километрах до Москвы.

С появлением столбиков на каждом километре обходчик, шагая теперь в сторону Бирюсинского моста, с удовлетворением для себя отмечал, что приблизился к столице на три, на пять, на семь, на десять километров. Осознание того, что Москва становится ближе, веселило его. Иногда в голову ему приходила мысль: а что, если посчитать, сколько всего километров прошёл он за годы своей работы? Наверняка получится больше 4517 километров. Столько было, согласно разметке, от станции до Москвы.

«Да, наверное, уже бы и до Ярославского вокзала столицы раза два-три сходил и обратно вернулся, к нашему вокзалу, — думал обходчик. — Да что Москва? До Парижа уже бы дошёл и дальше — до Атлантического океана, наверное…»

Иногда, размышляя в пути, он намеревался, придя домой, попросить у соседки-барыньки глобус или карту мира и посмотреть-посчитать, прошёл ли он расстояние, равное Атлантическому океану от Европы до Америки, но как-то всё не находил на это времени.

7.

Соседка-барынька Нюра — Анна Георгиевна — жила теперь одна. Но не было в году, наверное, ни одного дня, чтобы к ней не заходили её дети и не прибегали внуки. Летом внучата жили у неё неделями.

Муж её, инженер Григорий Васильевич, несколько лет из Тайшета ездил на работу то в Тулун, то в Иркутск и жил там месяцами. А перед германской войной 1914 года отправили его в другую сторону: на станцию Мариинск. Обходчик помнил, что несколько раз он приезжал из Мариинска с подарками для жены и угощал леденцами и пряниками младшую сестру обходчика. Раза два ходили они с инженером на рыбалку на уже помелевшее озеро. Один раз он брал с собой барыньку Нюру и уже повзрослевшего сына Николая. А во второй, когда наловили много карасей, они ходили вдвоём — инженер и обходчик. Осенью 1916 года, уже в конце октября, застудился инженер на холодном ветру, заболел и умер в Мариинске, в железнодорожной больнице. Его привезли в Тайшет в отдельном пассажирском вагоне, выгрузили гроб на перроне станции, и отец обходчика привёз его на подводе домой. Григория Васильевича похоронили на старом кладбище, которое потом, в двадцатых годах, закрыли и недалеко от него сделали городской парк. Захоронения частично разровняли, а кое-где они, неухоженные, заросли травой. Парк со временем расширили до границ

бывшего кладбища, и отдыхающие, прогуливающиеся там люди, иногда натыкались на памятные плиты и дощечки, выглядывающие из земли. Нашёл место захоронения своего отца и сын Николай и даже как-то показывал обходчику чуть видимую из земли надпись на гранитной плите. Слово «Григорий» там можно было прочесть.

Николай, сын обходчика, ещё при жизни отца поступил в Иркутске в юнкерское училище, где его и застали революционные потрясения 1917 года. В 1918 году он оказался сначала в армии Колчака, но в 1919-м добровольно, с несколькими офицерами и солдатами двух армейских рот, перешёл к партизанам. После войны его отправляли на курсы работников культуры в Иркутск, а потом поставили заведующим железнодорожным клубом. Николай женился на красавице Анне — дочери одного из бывших офицеров колчаковской армии, перешедших с ним к красным. Николай Григорьевич построил собственный дом на перекрёстке улиц Рабочая и Партизанская и в 1925 году перешёл жить туда. Анна родила ему трёх сыновей: Николая, Евгения и Игоря. Младший, Игорь, родился совсем недавно — в августе 1939 года.

Ещё раньше Николая покинула дом матери дочь Анны Георгиевны Полина. Она вышла замуж за сына ссыльного поляка по имени Александр. Бойкий паренёк-гармонист работал в путейской бригаде и, сосватав Полину, увёл её в дом своих родителей, что был построен на улице Харинская, возле трёх растущих рядом тополей. За два года до женитьбы брата Николая у Полины родился сын, которого назвали Сашей.

Получалось довольно интересно и даже забавно: одного внука Анны Георгиевны — сына дочери — звали Александром Александровичем, а другого — сына её сына — Николаем Николаевичем.

8.

Подходя к молодому ельничку с левой стороны, направляясь на запад, обходчик всегда улыбался. Когда он смотрел на эти молодые стройные зелёные ёлочки, настроение его улучшалась. После вырубок, прошедших здесь лет двадцать назад, этот участок почему-то начал зарастать ёлками. Несколько раз перед Новым годом обходчик выбирал среди них себе и, по заказу мастеров путейской службы, инженерам красивые ёлочки и приносил на станцию. Жалко было ему рубить каждый год по четыре-пять ёлочек, но, как считал и видел он, большого урона от этого не было. На поляне всходили новые ели. Зато сколько радости доставляли под Новый год ребятне (да и взрослым) украшенные игрушками лесные красавицы!

В конце ельника, но по другую сторону железной дороги, обходчика ждал последний на его участке железнодорожный домик. Обходчик решил спуститься к нему на обратном пути и последовал дальше. За ельником железная дорога делала изгиб и шла между высокими соснами. В сосняке всегда было много грибов, и каждый год в начале июля обходчик приносил домой по полной фуражке склизких, с блестящими шляпками, маслят. Да и сейчас, в сентябре, можно было найти среди сосен и боровички, и моховички. Бор тянулся километра на полтора и оканчивался на берегу Бирюсы. Вернее будет сказать, река разделяла бор, и он продолжался по другую её сторону.

Сразу за соснами, по ту же левую сторону, если идти к Бирюсе, начиналась станция Бирюсинка. Когда-то на этом месте, на левом берегу Бирюсы, сплошняком стояли сосны, но с постройкой моста и железной дороги решили поставить здесь сначала станцию, а затем и сплавную контору. Недалеко от берега сплавщики леса соорудили небольшой склад-навес, где хранились срубленные и освобождённые от веток и сучьев стволы сосен — брёвна. Выше склада срубили несколько домов. Новое поселение назвали Бирюсинкой — по имени небольшой речушки, втекающей здесь в Бирюсу. Очень быстро Бирюсинка стала наполняться жителями. В течение трёх-пяти лет появились на станции магазин, начальная школа, фельдшерско-акушерский пункт, контора и клуб сплавщиков. Точно как грибы, образовывая новые улицы, выросли одно- и двухквартирные дома. Дикое когда-то место оживилось, и теперь издалека, ещё из-за сосен, на подходе к Бирюсинке обходчик слышал крики петухов и мычание коров. Станция и посёлок строились по одной стороне от железной дороги. Дома стояли с двух сторон Бирюсинки и подходили близко к берегам Бирюсы. Самые крайние расположились метрах в ста от железнодорожной насыпи, ведущей к мосту. Эта насыпь, высотой метров в пять-семь, тоже появилась при строительстве железной дороги. Она тянулась от моста до самой станции, постепенно уменьшаясь, и сравнивалась с землёй недалеко от перрона.

А по другую сторону железной дороги было кладбище. Погост, как называл его отец обходчика. Тихое место в бору. Проезжающие через Бирюсинку в пассажирских поездах люди не всегда обращали внимание на видневшиеся из-за деревьев кресты и памятники, обычно глядя в другую сторону — на дома и название станции. Но кладбище, если идти по откосу от перрона к мосту или обратно, было заметно. Обходчик, проходя по этому отрезку своего пути, когда крестясь, когда просто тяжело вздыхая, глядел на оградки и снимал фуражку.

Бывало, он заходил на станцию. Чаще — просто поздороваться и передохнуть, попить водички. Но случалось — по необходимости, когда обнаруживал неполадки на железнодорожном пути: связаться со станцией по телефону и сообщить начальству о том, что увидел. Общался он по службе

с охранниками и рабочими железнодорожного моста. Его маршрут заканчивался у столбика с названием реки. За мостом работал другой обходчик, из Суетки. А мост считался особенной территорией. Он охранялся круглосуточно, и обслуживала его целая бригада, следившая за его состоянием. Всех этих ребят обходчик знал и, часто здороваясь с ними у моста, заводил разговоры. С обходчиками из Суетки (а за его бытность их сменилось уже трое) он тоже был знаком. Приходилось встречаться на собраниях, летучках и на праздновании Дня железнодорожника, когда собирали всех в конторе станции Тайшет. Бывал раза два обходчик и в Суетке. Она тоже разрослась, после того как проложили железную дорогу и построили мост. Правда, переходить реку по железнодорожному мосту жителям Суетки и Бирюсинки не разрешалось. Можно было проехать через мост по железной дороге, но для этого нужно было покупать билет на проходящий пассажирский поезд, причём только на тот, что делал остановку в Бирюсинке. Так продолжалось несколько лет, пока не пустили пригородно-хлебные поезда от станции Тайшет до станции Иланская, проходящие через Бирюсинку и Суетку дважды в день — утром и вечером.

Но нужен был и автомобильный мост. Его долго не строили — всё откладывали по разным причинам. И пока его не построили, с раннего утра и до позднего вечера через Бирюсу летом ходил небольшой паром. Зимой для машин прокладывались ледяные переправы, а жители соседних станций протаптывали свои тропки по замёрзшей Бирюсе. Обходчик один раз, как и все, добирался до Суетки паромом, а в другой раз ему разрешили пройти через железнодорожный мост. Было выездное совещание путевых рабочих в Суетке, посвящённое паводку, и он был там, пройдя туда и обратно по мосту.

В Суетке за годы советской власти построили деревообрабатывающий комбинат и гидролизный завод. В отличие от Тайшета, сохранилась там церквушка, и верующие люди стремились туда из Тайшета в церковные праздники. Как-то, с отцом, матерью и младшей сестрой, ездил и плыл на пароме в Суетку и обходчик.

9.

Обходчик улыбнулся тому, что сравнил Тайшет и Суетку. Суетка-то так и осталась Суеткой, хотя была уже станцией и называлась теперь селом, а вот Тайшет с весны прошлого, 1938 года, получив статус города, стал Тайшетградом.

Пятьдесят лет назад и на месте Бирюсинки, и там, где теперь стоял Тайшетград, сплошной стеной стояла тайга. Отец его даже как-то заблудился в этих местах. По молодости пошёл пешком из Суетки в Баеру и плутал двое суток. А вот сорок лет назад железная дорога здесь уже была, но никто не мог даже подумать, что небольшая станция так быстро разрастётся и станет пусть небольшим, но городом. Ещё тридцать лет назад и даже двадцать Тайшет даже селом не был. Но появились новые улицы — Рабочая, Партизанская, имени Кирова, имени Чапаева, расширилось паровозное депо, построили новые вагонно-ремонтные мастерские, стало больше подъездных путей, переездов, железнодорожную линию подвели к молокозаводу, к мясокомбинату, к нефтебазе, к шпалопропиточному заводу.

Новое предприятие по пропитке шпал креозотом, появившееся на окраине станции, за озером и ручьём Крутеньким, вдохнуло в село, а затем в город новую жизнь. Недалеко от него стали строить длинные многоквартирные дома, куда заселяли приезжающих на завод специалистов и рабочих. Вдоль железной дороги, огороженные заборами, возвысились на несколько метров штабеля белых, ожидающих пропитки, и уже пропитанных чёрных шпал. Днём и ночью пропитанные шпалы грузили в нескончаемые вагоны и увозили на восток и запад, а на их место привозили новые — не пропитанные. На горке, сразу за озером, над ручьём Крутеньким, построили очистные сооружения, призванные очищать отработанную жидкость от креозота. Но очистные сооружения делали это не очень хорошо. Мутная, с оранжевыми пятнышками, плохо очищенная вода стекала из лотка в ручей и попадала в озеро. Озеро быстро затянулось густым чёрным илом и обмелело. Рыба в нём больше не жила, и теперь обходчик, если позволяли время и погода, ездил рыбачить на Бирюсу. За шесть, восемь, а то и десять километров.

Население нового города и района возрастало ещё и за счёт прибывающих сюда крестьян. Большая часть из них была из раскулаченных и принудительно переселённых. Обходчик плохо понимал, глядя на них, кто из них кто. Некоторых везли в закрытых вагонах под охраной, другие ехали целыми семьями сами, в обыкновенных пассажирских вагонах, и везли с собой чемоданы и узлы с вещами. На станции по прибытии пассажирского поезда, бывало, выгружалось на перрон до ста и более человек. Одних выстраивали и увозили на подводах, другие на несколько дней занимали зал ожидания вокзала, а кому не доставалось там места, располагались на открытой площадке с правой стороны вокзала и в железнодорожном саду. Большинство, узнав про образовывающиеся в районе колхозы, стремились в деревни: Бирюсу, Окульшет, Семикрыловку, Кочергинскую (переименованную теперь в Нижнюю) заимку. Были и такие, кто обосновывался в Тайшетграде, становился горожанином.

Прирост населению города и района добавил и образованный на восточной окраине города

исправительный лагерь, куда привозили в специальных вагонах политических заключённых. Недалеко от лагеря, обтянутого колючей проволокой, появились воинские казармы солдат-охранников, дома для офицеров и большое двухэтажное бревенчатое здание — контора нового исправительного учреждения.

«Да, много-много перемен произошло за последние годы, и, наверное, будут ещё»,— думал обходчик, отходя вниз по откосу недалеко от Бирюсинского моста и пропуская новый грузовой состав, следующий в сторону Тайшетграда.

Его путь теперь тоже лежал туда.

Сегодня, в день его рождения, его младшая сестра с соседкой-барынькой Анной Георгиевной готовили праздничный ужин, на который соберутся и отец, и мать, и старшая сестра с мужем, и приехавший со станции Зима младший брат с семьёй.

Евгений-Володя

Вспомнить и спастись

Как много счастья может заключаться
в простой возможности идти куда хочешь.
Александр Куприн,
русский писатель

1.

Снизу послышался рокот мотора и стал нарастать.

«Машина? Или машины? Вот они, голубчики, приехали! Сейчас рыскать начнут, прочешут всё и найдут меня здесь… беспомощного…»

Евгений с трудом повернул голову и посмотрел вниз.

На мокром асфальте запрыгали полоски света. Звук мотора становился громче. И вот уже огоньки заплясали внизу, прямо под ним.

В нескольких метрах от него, как будто неровно дыша и покашливая, унося с собою огоньки в сторону Тайшетграда, проехал легковой автомобиль.

«Не они… — выдохнул Евгений, замерев на несколько минут.— Они со стороны города должны ехать, а это одиночка припозднившийся на чуть живой машинёшке. „Москвичонок“, наверное, старенький, а может, „уазик“. Но где же менты? Почему не едут? Сколько времени я уже здесь? Прополз же, наверное, хоть метров пять? Высокий откосище… Ещё ползти и ползти…»

Евгений медленно, насколько смог, приподнял голову. Над самым откосом висела тьма. Тьма ночи медленно двигалась тяжёлыми тучами, пугая лежавшего внизу человека.

«Хорошо хоть мелким дождиком обошлось, а ливня не было… Но может начаться в любое время. Надо торопиться…»

Он подтянул сначала правую, потом левую ногу, перебрал руками проволоку. Боль отдалась в пояснице, но уже не так резко. Щебёнка снова поползла вниз, но он почувствовал, что продвинулся вперёд.

«Вот так, уже лучше… Есть движение вверх…»

2.

Две недели, что провёл Володя дома, вернувшись из армии, показались ему одним днём. Долгим, но всё же не очень длинным.

Так получилось, что из всех его приятелей и одноклассников, призванных осенью 1976 года, он вернулся домой первым. В течение недели приехали ещё несколько парней, с которыми Володя давал зарок: первого декабря 1978 года отметить возвращение из армии в лучшем ресторане города. И вот теперь получалось, что он не сдержал данного обещания и уезжает в Иркутск, где будет проходить собеседование в университете, и если пройдёт, то как раз первого декабря начнёт учёбу.

Володя чувствовал себя неловко перед парнями. Ещё более неловко он почувствовал себя, когда встретился с Катей. За три дня до отъезда в Иркутск он поехал в таёжный посёлок, где жил его армейский друг Юрка Матзагиров и где его двоюродная сестра Катя работала в леспромхозовском магазине смешанных товаров.

Что ждал он от этой встречи, Володя не знал сам. Да, ему понравилась девушка на фотографии, ему было приятно получать от неё письма. Он часто перед отбоем в армии смотрел на фото Кати и представлял себе их встречу. Но что будет потом, когда они встретятся? Он не знал и старался об этом не думать.

И вот поехал…

Магазин оказался просторным, с большими окнами. «Целый гастроном»,— подумал Володя, когда увидел его размеры, трёх продавщиц, обслуживающих покупателей, и большую, круглую, оббитую железными листами печь у входа, за которой следил истопник.

Володя с Юркой отправились в магазин, выпив за встречу, для разогрева и храбрости, по две рюмашки самогона.

Катя уже ждала их. И не она одна. Едва приятели зашли в магазин, как продавцы и покупатели притихли и стали с нескрываемым интересом разглядывать приезжего жениха молодой продавщицы.

Жених был одет в новую, купленную только что ему матерью чёрную шубу-дублёнку, и лохматая тёмно-серая шапка, подаренная ему по случаю возвращения из армии дядькой, называвшим её волчьей, красовалась на его голове.

О том, что на нём волчья шапка и овечья шуба, а сам он небольшого роста и смотрится несолидно, Володя даже не подумал, а ощутил это всем своим нутром, стоя под десятком прошивающих

его взглядов. Лёгкий хмель и восторг, с которым он шёл на свидание, слетели с него с хлопком закрывающейся за ним магазинной двери. Хлоп! — и он оказался под светом ярких ламп дневного освещения, дышащей рядом теплом печкой и блеском любопытных глаз. Пот выступил на его лбу, а рубашка прилипла к спине, когда Юрка подвёл к нему смущённую, видимо, не меньше его Катю. Первым делом Володе захотелось снять с себя шапку и шубу и бросить их себе под ноги.

«А на фотографии она всё-таки лучше…» — подумал он, глядя на идущую к нему скромную девушку с зачёсанными назад волосами, в синем халате и серых валенках.

Володе показалось, что они с Катей очень долго стояли друг против друга, боясь поднять глаза. Юрка размахивал руками — видимо, представлял её ему, его — ей, но Володя не слышал, что говорил товарищ. Он понимал, что нужно что-то делать: взять Катю за руку, поздороваться или сказать что-то. Но слова не шли, застряли где-то внутри него, словно засохли, а мысли роились в голове и — было слышно — жужжали, как пчёлы.

Всеобщее напряжение неожиданно сбила одна из продавщиц.

— Товарищи покупатели, вы не в кино пришли, а в магазин! — сказала она громко. — Будьте добры, переключите внимание на прилавок! Он у нас богат продуктовыми и промышленными товарами! Дайте возможность людям спокойно поговорить.

С десяток загипнотизированных немой сценой покупателей вмиг встрепенулись, повернулись к продавцам и враз заговорили.

— Катя, а вы с Володей пройдите в подсобку, там наедине побеседуете, — сказала подошедшая к ним продавщица, звали которую Зина.

— Пойдём? — спросила тихо Катя Володю.

— Пойдём, — ответил он.

— Вы идите, а я пока посмотрю, чем здесь торгуют, может, куплю что, — сказал им Юрка.

В подсобном помещении они сели на пустые поддоны возле мешков с крупой, и тут Володя осмелился посмотреть Кате в глаза.

— Боевая эта продавщица, Зина, — сказал Володя.

— Да, она самая боевая из нас всех, — подтвердила Катя. — Она тоже ждала парня из армии, а он пришёл и не женился на ней. Взял замуж другую, хотя с Зиной два года переписывался.

— Это она, Зина, тебе об этом рассказала?

— Да, Зина… — кивнула Катя. — Но об этом все в посёлке знают. И вообще много случаев, когда вот так переписываются девчонки с парнями, а те приходят из армии и других замуж берут, а то и вовсе уже с жёнами приезжают.

— А ещё больше случаев, когда переписываются, а потом встречаются и женятся. И долго и счастливо после этого живут, — сказал Володя.

— Да, и такие случаи есть, — согласилась Катя. — Моя мать отца из армии дождалась. Они больше двадцати лет вместе.

— Вот видишь…

— Но у нас с тобой другой случай, ты же на учёбу уезжаешь…

— Да, уезжаю. Но это не значит…

— Что это не значит? — перебила его вдруг Катя. — Ты сколько лет учиться там будешь?

— Пять… Пять с половиной, если с подготовительным.

— Через пять с половиной лет мне будет двадцать четыре года…

Они помолчали, подумав каждый о своём.

— И что ты предлагаешь? — спросил Володя, прерывая паузу.

— А что тут предлагать? Езжай учись, а там видно будет…

Их нескладную беседу прервал появившийся в подсобке Юрка.

— Сестрёнка, тебя там уже подруги по прилавку потеряли, — сказал он Кате. — Ждут. Вечером договорите, ладно?

Володя пожал плечами, а Катя молча поднялась и, не взглянув на него, пошла.

— Ну, что у вас? — спросил Юрка. — Договорились о чём?

Володя снова пожал плечами.

Он уехал домой четырёхчасовым автобусом, не дождавшись, когда Катя придёт с работы, и не попрощавшись с ней. А через три дня, когда поехал на собеседование, он сделал вывод, что город детства и юности — Тайшетград — пройденный этап его жизни, и все отношения его с его обитателями — с друзьями, знакомыми, родными и даже с матерью и с сестрой, которая теперь училась в медицинском училище, исчерпали себя, и восстанавливать их, а тем более заводить новые не стоит. В том числе и с Катей.

«А что Катя? Переписка, ожидание встречи — это одно, а построение постоянных отношений — другое. Лучше один раз увидеть и поговорить, чем полгода переписываться и строить какие-то планы. Вот увиделись и поговорили. И что дальше? Жениться и поехать жить в таёжный посёлок, стать лесорубом? Или привезти Катю в Тайшетград, а самому снова пойти на завод фрезеровщиком, где работал до армии? А как же археология? Раскопки? Могила Чингисхана? Нет, видимо, я ещё не дозрел до семейной жизни… Видимо, у нас разные с Катей судьбы, разные дороги…»

Об этом он говорил с дядькой Виктором — братом отца — накануне отъезда в Иркутск.

— А может, это и правильно, Володька, что не зацепила тебя эта Катя? Значит, любовь твоя где-то ждёт тебя ещё. Может, в Иркутске, а может, ещё дальше, — сказал на прощание дядька племяннику.

3.

Мечта стать историком, а точнее — археологом, у него появилась, когда он учился в восьмом классе. Как-то взял в библиотеке книгу Семёна Скляренко «Святослав», прочёл за один день и загорелся: начал искать литературу, связанную с историей Древней Руси, потом материалы, связанные с прошлым его родной Иркутской области. Узнал, что история родного края, которую в школе не проходили (ну, может, упоминали вскользь, но он этого не запомнил), не менее интересна, чем история новгородская или киевская.

До службы в армии поступить в вуз он даже не пытался, хотя учился в школе хорошо. Отец умер рано, когда Володе было четырнадцать, а его сестрёнке Ане — девять. Мать работала на стройке маляром и тянула, как могла, двоих детей. Заметив, что сын не на шутку увлёкся историей, она предлагала ему попробовать поступить в университет сразу после школы, но Володя решил твёрдо: до службы в армии будет стараться помогать матери. И он пошёл на завод. Сначала был учеником фрезеровщика, потом сдал на разряд. Семнадцатилетний паренёк размышлял по-взрослому, думая о том, что ему надо сначала укрепиться в своей мечте, а заодно пройти школу жизни — армию. Это была одна из причин, основная. А вторая — не в каждом городе и не в каждом университете учили на археологов. Об этом он тоже думал.

О подготовительном отделении университета Володя узнал, когда написал письмо в вуз, ещё будучи солдатом, месяцев за восемь до увольнения в запас.

Написал не сразу. За два года службы у него лишь однажды появилось сомнение: а действительно ли ему нужно быть именно археологом? Быстрое сомнение вспыхнуло в душе вдруг и заставило его призадуматься, когда под новый 1978 год замполит танкового батальона капитан Теребов неожиданно поручил ему, рядовому Владимиру Сапрунову, разработать сценарий встречи Нового года.

— Надо как-то разнообразить времяпровождение солдат и сержантов в казарме. Особенно в праздник, — сказал замполит, вызвав его к себе в кабинет. — Давай-ка, Сапрунов, подумаем вместе. Я как раз буду дежурным по полку в новогоднюю ночь, приду поздравить батальон. У меня есть кинокамера, в Германии купил, когда служил там. Хорошая, импортная. Можно на плёнку заснять мероприятие, а потом посмотреть его всем батальоном. Подумай давай, Владимир, собери активистов — бойких, шустрых бойцов.

И Володя подумал и собрал.

Он предложил замполиту в новогоднюю ночь переодеть дежурного по роте и дневальных в снеговиков, а старшину Колесника — в Деда Мороза. Замполит идею его одобрил и убедил пойти им навстречу командира батальона.

Небольшая группа посвящённых в новогоднее переодевание внесла и свои идеи. Так, Юрка Матзагир вызвался сыграть Бабу Ягу, а Мазур — Бармалея. Разбойниками в команду Бармалею назначили Жунусова и Тагаева. На роль Снегурочки никто не согласился, принуждать не стали. Карнавал удался и без внучки Деда Мороза. Колесник сделал себе шубу, вывернув тулуп и украсив шапку красным материалом. Бармалею и разбойникам вывернули наизнанку шинели и шапки. Впрочем, потом Володя посоветовал Мазуру надеть обыкновенную фуражку, сняв с неё кокарду. Бармалей сразу стал отличаться от рядовых разбойников, и было видно с первого взгляда, что он старший среди них. Главным персонажем, конечно, на празднике был Дед Мороз — Колесник. Он приготовил подарки в виде белого материала для подшивки подворотничков и белой байки для портянок. В вещмешке у него также было несколько пачек печенья и две банки сгущённого молока. Уже в процессе первой репетиции Володе идея с вывороченными наизнанку тулупами приглянулась, и он попросил Колесника достать ещё три и выдать противогазы. Противогазы надели на молодых рослых солдат из первой роты и накинули на них сверху вывернутые тулупы. Спрятанные в тулупы с головы до пят и в противогазах, молодые бойцы напоминали мамонтов. А чтобы «мамонты» не бродили сами по себе, Володя предложил Травкину стать их погонщиком. Тот разделся до пояса, разрисовал себе грудь и лицо акварельными красками и накрутил на голову полотенце — чалму.

Для большего поля действия в расположении второй роты сдвинули кровати, и получилась довольно широкая площадка.

И замполит, и даже командир батальона, специально пришедший на праздник, остались довольны. Неожиданно для себя и для всех Володя оказался центральной фигурой карнавала. Нет, он не был в костюме, не читал стихов и не совершал «дикие пляски разбойников», но именно через него и под его командованием происходило всё действо. Он решал, кому, куда и в какое время двигаться, указывал, где должны располагаться зрители и что должен делать кинооператор.

— Товарищ капитан, возьмите общую картинку в кадр! А теперь крупным планом Деда Мороза! Теперь Бармалея! Сейчас мамонты пойдут, надо, чтобы они все сразу в кадр вошли!

И капитан Теребов послушно выполнял команды рядового Сапрунова, включаясь в сценарий праздника.

— А сейчас зрителей! Лица зрителей! Теперь снимите комбата!

И Теребов наводил камеру на зрителей и на улыбающегося в объектив командира батальона.

— Здорово всё получилось! — похвалил комбат участников карнавала, когда они неделю спустя всем батальоном смотрели фильм в полковом клубе. — Всех поощрить надо, а особенно режиссёра.

— Сапрунов, а у тебя задатки кинорежиссёра. Сам не замечал? — спросил замполит Володю уже в расположении батальона. — Подумай, может, тебе во ВГИК попробовать?

— Да не знаю даже… — ответил ему тогда Володя. — Я вообще-то археологом хочу стать.

— У тебя явно способности, товарищ наводчик орудия средних танков, смотри не промахнись с выбором, — улыбнулся замполит батальона.

Вот тогда и засомневался было Володя в своём выборе. Ему самому понравилось то, что он делал на карнавале, и он задумался, вспомнив, что иногда, когда он смотрит кино и замечает, что актёр не совсем хорошо исполняет свою роль, то невольно начинает искать ему замену среди других известных ему артистов. И, как он сам полагает, находит. Может, действительно в нём заложен талант режиссёра и ему нужно в институт кинематографии, а не на исторический факультет университета?

Мысли эти подогревались ещё и тем, что вначале некоторые старослужащие танкового батальона, а за ним и солдаты более младшего призыва стали звать его режиссёром, и это прозвище приклеилось к нему до конца службы.

Но всё-таки размышлять и колебаться Володе долго не пришлось. В ленинской комнате, после политзанятий, в одной из подшивок центральных газет он наткнулся на заметку об археологических раскопках в Читинской области. В заметке автор, кандидат исторических наук, рассказывал о найденных захоронениях монгольских воинов времён Чингисхана и высказывал гипотезу, что, возможно, одна из могил принадлежит самому великому полководцу. В конце он сообщил, что в раскопках принимали участие студенты исторических факультетов сибирских вузов.

И эта газетная заметка, как некогда книга Скляренко «Святослав», всколыхнула в Володе уходящую было мечту об археологии. «А почему я не там? Почему не я ищу могилу Чингисхана?»

И он написал письмо и отправил на адрес Иркутского государственного университета, вписав в разделе «Кому» слово «секретариат».

Володя написал о своём желании стать археологом и примерно через месяц получил ответ. В письме сообщалось, что в Иркутском университете археологического отделения нет, но он может поступить на исторический факультет, поучиться там года два, и если желание стать археологом у него не пропадёт, то после второго примерно курса сможет перевестись на отделение археологии в тот университет, в котором такое отделение есть.

На письмо Володи ответила женщина из секретариата университета. Она и посоветовала увольняющемуся из армии осенью солдату не терять времени и поступать в конце ноября на подготовительное отделение. К письму были приложены проспекты и приглашение на собеседование. Прошедшие собеседование практически зачислялись в вуз: учились с декабря по июнь на подготовительном отделении, обеспечивались общежитием и стипендией, а после успешной сдачи экзаменов переводились на первый курс.

Володя думал всего одну минуту и в тот же день отправил обратное письмо, где выразил готовность быть на собеседовании в указанное время.

4.

Собеседование проходило в новом корпусе университета на улице Карла Маркса.

Володя от вокзала доехал до центрального рынка, а потом, прогулявшись по городу, без труда нашёл нужное ему здание.

Претенденты на зачисление собрались на четвёртом этаже. Здесь были, как узнал Володя, не только поступающие на исторический факультет, но и те, кто собирался заниматься изучением русского языка и литературы, бурятского языка и бурятской литературы, стать юристом или журналистом.

Вдоль стен и возле окон по всему коридору стояли стайками и в одиночку молодые люди. В основном парни, но Володя заметил и нескольких девушек.

Увидев свободное пространство недалеко от окна, он тоже приткнулся к стене и встал рядом с двумя ожидающими собеседования парнями. Один из них был рыжий и худой, в простеньком, уже не новом пиджачке, второй — русый, с зачёсанными назад волосами, в хорошем, из дорогого материала, костюме и при галстуке. Володя, оценив себя, сделал вывод, что он в своём новом костюме, который мать ему, вместе с дублёнкой, выбрала лично перед поездкой в Иркутск, выглядит получше, чем рыжий, но русый по одежде его превосходит. Русый превосходил по своему наряду и всех других лиц мужского пола, желающих в перспективе стать студентами. И выделяли его от остальных не только дорогой костюм и галстук, но и манера поведения, и чувство собственного достоинства. Он, словно экзаменующий преподаватель, спрашивал рыжего: в каком году происходила битва при Калке, когда была основана Казань и с кем воевал Александр Невский на Ладожском озере? Рыжий, как плохо выучивший урок школьник, пробовал отвечать, мялся, пожимал плечами. А русый не без удовольствия сыпал и сыпал датами, тут же давая ответ и просвещая тем самым собеседника, а заодно и Володю.

Возле них остановился смуглый парень-бурят в белом свитере с глухим воротником, с портфелем-дипломатом в руках.

— Извините, вы тут так интересно разговариваете. Можно, я тоже поприсутствую, послушаю? — спросил он, выждав, когда русый эрудит ответит на очередной свой вопрос.

— Ну, поприсутствуй, послушай,— разрешил эрудит.— Тоже на исторический поступаешь?

— Нет, я на журналистику. Но, думаю, мне исторические даты освежить в памяти тоже полезно.

— Хорошо, освежай,— ещё раз разрешил русый.— Тебя как звать?

— Исаак,— сказал подошедший, немного смутившись.

— Ньютон, что ли? — улыбнулся русый, а за ним и рыжий с Володей.

— Нет. Торноев.

— Я что-то такое имя у бурят первый раз слышу,— удивился русый.— Хотя со многими знаком, и в армии со мной ребята-буряты служили, но ни одного Исаака среди них не было. Это что-то новое…

— Да меня отец так назвал…— снова смущённо сказал Исаак.

Было видно, что он не впервые уже объясняется по поводу своего имени.

— А что, отец у тебя физик? — продолжал допрос русый эрудит.

— Да нет, чабан…

— Оригинал твой папа,— улыбнулся русый.— Хорошо, Исаак, скажи мне: когда и где состоялась Полтавская битва?

— Подожди, подожди! — попросил Исаак и, раскрыв свой портфель-дипломат, достал оттуда блокнот и авторучку.— Я записывать буду.

— Вот вам пример настоящего журналиста,— широко улыбаясь, сказал эрудит, глядя на рыжего и Володю.— Всегда при блокноте и авторучке. Ни дня без строчки…

Пока рыжий и невольно Володя слушали вопросы и ответы русого эрудита, а Исаак записывал в блокнот, в коридоре появилась дама средних лет.

— Кто ещё не записался на собеседование, подходите, записывайтесь! — громко сказала она.

Разговоры в коридоре притихли, женщину тут же окружили. Подошёл и Володя, назвал свою фамилию.

— Через десять минут всем собраться возле четыреста семнадцатой аудитории,— закончив записывать фамилии в общую тетрадь, объявила дама.— Я буду выходить и вызывать. Те, кого назову, должны быть готовы к собеседованию. Всем понятно?

— Понятно,— ответил громко хор окруживших.

На беседу с приёмной комиссией вызывали сразу по нескольку человек. По три-четыре. Группы претендентов на зачисление в вуз заводила и выводила знакомая уже Володе дама, которую, как он услышал, звали Виктория Львовна.

Группа уходила и возвращалась, иногда в неполном составе, минут через пятнадцать.

К прошедшим собеседование сразу бросались с вопросом: «Ну как?» — но те лишь пожимали плечами.

— Да, что они сказать сейчас могут? — задал вопрос всем спрашивающим ещё сам не ходивший за Викторией Львовной русый парень-эрудит и тут же ответил за всех вышедших из аудитории: — Завтра результаты узнаем. Все однозначно не пройдут.

— А откуда такие сведения, Константин? — спросили его из толпы, подпирающей дверь 417-й аудитории.

— Да есть свои люди в ректорате,— сказал эрудит Константин, оказавшийся сразу в центре всеобщего внимания.— Из зачисленных сделают две группы по тридцать пять человек. Учиться будем вместе — и журналисты, и юристы, и историки, и все остальные. Мы же школьную программу тут мурыжить будем, а на предметный уклон отводится где-то часа два в неделю.

После выхода из аудитории третьей группы отсобеседовавшихся было установлено, что комиссия «гоняет» всех без разбору по историческим датам, названиям и авторам литературных произведений, задаёт вопросы личного характера.

Володя удивлялся сам себе. Он, сам не зная почему, был уверен, что собеседование пройдёт.

Его вызвали примерно через час, когда толпа заметно поредела. Вместе с ним зашёл тощий рыжий парень, и Володя узнал, что фамилия его Перцев.

Восемь солидных мужчин и две женщины сидели за четырьмя составленными в ряд столами, а напротив них стояли тоже в ряд четыре стула — голгофа для их собеседников. Как сообщили вошедшим, комиссия состояла из преподавателей университета во главе с проректором и секретарём из обкома комсомола.

Володя сел с краю, рядом с Перцевым. Вопрос, который задал сидевший в центре мужчина, вызвал на лицах собеседующихся удивление и даже растерянность.

— Как звали Печорина, кто скажет? — спросил мужчина, и собеседующиеся сразу поняли: он и есть председатель комиссии.

Володе понадобилось секунд пять-шесть, чтобы сообразить и поднять руку.

Председатель кивнул.

— Григорий Александрович,— выдохнул Володя.

— Правильно, внимательно Лермонтова читали, молодой человек,— одобрил председатель.— На литературу поступаете?

— Нет, на исторический…

— О, историк! — воскликнул председатель. — Будущий коллега. Похвально, что и литературу знаете. Как ваша фамилия?

— Сапрунов Владимир.

— А какое, на ваш взгляд, Сапрунов Владимир, самое значительное событие произошло на Руси во время её пребывания под монголо-татарским игом?

— Куликовская битва, — быстро ответил Володя.

— Напомните нам, в каком веке была эта битва? — не унимался председатель.

— В тысяча триста восьмидесятом году.

— А это какой век?

Володя снова взял пятисекундную паузу.

— Выходит, четырнадцатый, — сказал Володя.

— Да, выходит, — согласился председатель и тут же спросил: — Вы только из армии?

— Так точно! — уже смелее и громче отчеканил Володя.

— Общественной работой занимались в армии? — задал свой вопрос сидевший рядом с председателем мужчина помоложе.

— Был групоргом танкового взвода.

— Танкист, — улыбнулся сидевший рядом с председателем. — А со спортом дружите?

— Да. Есть разряды по футболу и лёгкой атлетике. Беговые дисциплины на три, пять и десять тысяч метров, — Володя отвечал чётко, по-военному.

— А вы тоже историк? — взял снова инициативу председательствующий, обращаясь к Перцеву.

— Да, — кивнул тот.

— Скажете нам, в каком году была основана Москва?

— В т-т-ты-ты… — начал заикаться рыжий Перцев. — Од-дна т-тысяча сто с-сорок седьмом году!

— Вы заикаетесь? — спросил председатель.

— Эт-то я от волнения. А так нет, — сказал покрасневший лицом Перцев.

— Ладно. Литературу тоже любите?

— Да. Люблю.

— Назовите основные произведения Ивана Сергеевича Тургенева.

— «Р-рудин» «Н-накануне», «Дворянское г-гнездо», «Записки охотника»… — начал перечислять чем дальше, тем уверенней Перцев.

Краснота пропала с его лица.

— Вы тоже только из армии?

— Я весной пришёл, но летом поступить не получилось. На уборочной работал в совхозе.

— Фамилия?

— Перцев Виктор.

— А со спортом у вас как? — снова задал свой вопрос сидевший рядом с председателем.

— Я шахматы люблю, — сказал уже совершенно спокойный Перцев.

По лицам всех членов комиссии пробежала улыбка.

— Владимир Васильевич, я думаю, этих парней нам надо отпустить, — предложил сидевший рядом с председателем член комиссии.

— Да, — согласился председатель. — Сапрунов и Перцев — свободны. Завтра к десяти сюда же, без опоздания.

Володя встал первым и хотел по-солдатски ответить: «Есть!» — но сказал лишь:

— До свидания.

5.

Наверное, именно тогда, в конце ноября 1978 года, впервые в своей ещё недолгой жизни двадцатилетний Володя Сапрунов задумался серьёзно над вечным философским вопросом, ответа на который не знает никто: случайно или закономерно то, что происходит в жизни человека? Случайно или закономерно то, что происходит с ним? Почему ему пришла мысль написать письмо в университет и отправить его именно в тот день, а не в какой-нибудь другой? Случайно или не случайно это письмо попало именно к женщине из ректората, и она, прочитав его, почему-то решила ответить ему подробно и даже пригласила на собеседование? Случайно или не случайно пришёл он именно в этот час и минуту в университет, поднялся на четвёртый этаж и встал рядом с Константином и Виктором, а потом к ним подошёл Исаак? Ведь он мог и не писать письмо в университет или же написать, но не получить ответа. Мог прийти на собеседование чуть позже или чуть раньше и остановиться не там, где стояли парни, а встать возле другого окна или вообще уйти в конец коридора. Но он письмо написал, ответ получил, пришёл на собеседование именно в тот час и встал в ту минуту у того окна, где было свободное пространство, и там оказались Константин с Виктором. А после, что удивительнее всего, их поселили в одной комнате студенческого общежития: историков Володю Сапрунова, Костю Выборова, Витю Перцева и журналиста Исаака Торноева.

Комендантша общежития направила Володю в комнату № 325, и когда он туда пришёл, там уже расположились, выбрав себе места у окна, Константин и Виктор. И пока ребята знакомились и гадали: кто займёт четвёртую кровать, ближе к двери, явился Исаак.

И это тоже дело случая? Совпадение? Одно совпадение, второе, третье? Или всё, что уже произошло и будет происходить дальше, закономерно, кем-то и где-то давно определено, и имя этому — судьба?

Время от времени на протяжении дальнейшей его жизни Володе приходили в голову такие мысли. Но впервые он задумался над цепью случайностей и закономерностей именно в тот вечер, когда поселился в общежитии университета.

Он долго не мог уснуть в первую свою ночь в университетском общежитии. Вспоминал встречи с разными людьми, думая, были ли они случайными. Думал о школе. Почему его записали в первый класс «Б», а двух его друзей-одногодков — в первый «А»? А после, когда они перешли из начальной школы в среднюю, всех его приятелей определили в класс, изучающий английский язык, а его — в класс, изучающий немецкий? А армия? Несколько парней из его класса получили повестки явиться в военкомат вместе с ним в один день — пятнадцатого октября, и почти всех их отправили служить на границу четвёртого ноября, а ему назначили на десятое ноября, и он попал в танкисты.

Володя встал, в темноте нащупал на тумбочке ручные часы, вышел в коридор. Был второй час ночи. Он подошёл к окну и посмотрел на ночной город с третьего этажа. Город тоже спал. Но не весь. Кое-где светились окна домов, и проезжали по улице редкие автомобили. Он вернулся в комнату. Новые товарищи его спали, безмятежно посапывая. Володя забрался под покрывало, подумал, что сегодня он будет спать на новом для себя месте, и вспомнил слова бабушки: «А на новом месте приснись, жених, невесте, а невеста парню постучится в ставню».

Под утро он видел сон. Перрон вокзала и девушку, похожую на Катю. Она шла впереди него, и он её окликнул, но она не повернулась, а прибавила шаг и скрылась за дверью вокзала. Он побежал за ней в зал ожидания. Но среди множества людей он не мог отыскать её. А люди шли ему навстречу, толкали его, и он метался между ними, кричал и звал: «Катя! Катя! Катя!» Устав, он сел на скамейку. Люди шли мимо большими толпами, устремившись к выходу, и не обращали на него внимания.

И вдруг через людской поток он увидел девушку с книжкой. Она сидела напротив и читала. Лицо девушки показалась ему знакомым, и он стал вспоминать, где видел её. Он встал и, протиснувшись через строй бесконечно идущих людей, подошёл к ней.

Она оторвалась от чтения и посмотрела на него. В больших её синих глазах он увидел сначала отражение своего лица, а потом всего себя, парящего в синеве.

6.

Наверху загрохотало.

«Неужели гроза началась? Да нет, поезд…»

Поезд шёл на запад, освещая мощным потоком света путь и часть откоса. Свет прошёл над его головой, и, казалось, совсем близко застучали колёса.

Евгений подтянулся ещё немного. Почувствовал, как проволока врезается в ладони.

За проходящим поездом снова появилась вспышка света, освещая колёса и днища вагонов.

Он снова подумал о грозе, но быстро понял, что это встречный поезд.

«Вот так выползу на рельсы, а по мне состав пройдёт… Затормозить на такой скорости сложно, да и не станет машинист, хоть и заметит, экстренно тормозить. Смысла нет…»

Ему вдруг вспомнился случай на маленькой станции возле Тайшетграда, когда перебегавшая путь женщина попала под проходящий состав. Жуткое зрелище видели несколько человек, ожидающих электричку. Поезд не остановился и даже не затормозил, а части тела женщины разбросало на несколько метров. Этот кошмар запомнился ему на всю жизнь и даже несколько раз повторялся с надуманными подробностями в его снах.

Евгения передёрнуло от воспоминания.

«Но не лежать же здесь… Надо вверх, а там как-нибудь через рельсы переберусь, вниз с откоса легче будет».

Встречные поезда промчались. Грохот затих. Евгений подтянулся ещё.

«Веселее дело пошло… — отметил он, чувствуя, что ползёт. — Надо же, университет вспомнился… Костя, Виктор, Исаак… Как наяву, будто минуту назад были рядом… Молодые, двадцатилетние… Но почему вдруг? То армия, то университет, и всё так подробно и чётко. Может, это перед смертью? Говорят, перед кончиной человек вспоминает все подробности своей жизни… Но нет, нет, нет! Умирать рано! Я выживу, выживу! Мне сорок три только вот-вот исполнится, ещё полжизни впереди… Или хотя бы лет тридцать смогу прожить ещё… Тридцать лет назад мне исполнялось всего тринадцать. Совсем ребёнком был. Тридцать лет прожить ещё — это нормально. Только не в тюрьме и не на зоне… Если повезёт и выберусь отсюда, то проживу ещё и тридцать, и больше на воле. Да, если повезёт…»

Ему вспомнилась поговорка, которую часто произносил Костя Выборов: «Везёт тому, кто везёт».

Евгений с новой силой вцепился в проволоку и ещё немного подтянулся вверх.

«Я везу, тяну самого себя. Мне повезёт… Должно повезти!»

7.

Учёба на подготовительном отделении и жизнь в общежитии вспоминались впоследствии Володе как романтический сон. Всё у него шло хорошо, всё получалось. И не у него одного. Двадцатилетние парни-одногодки, отслужившие армию и уже кое-что повидавшие в жизни, жили дружно, помогая друг другу, искренне радуясь успехам товарищей. Вместе ходили они в театр, в кино, на выставки, бывало — и на матчи по хоккею с мячом. Местный клуб «Локомотив» играл в высшей

лиге чемпионата СССР, и в Иркутск приезжали известные мастера — чемпионы мира из московского «Динамо», свердловского СКА и набирающего ход и одерживающего победу за победой красноярского «Енисея».

Эрудит Константин жил в Ангарске, и ему, как и студентам из Иркутска, общежитие не полагалось. Ангарчане добирались за один час на электричке до областного центра, и это считалось вполне приемлемым для того, чтобы они могли учиться и жить дома. Но Константин и вправду имел связи в ректорате и добился места в общежитии. Первое время он действительно своё койко-место занимал постоянно, но ближе к весне не заходил в общежитие по нескольку дней, а то и по неделе, то мотаясь домой в Ангарск, то ночуя у родственников и знакомых в Иркутске. По рассказам Константина отец его работал главным инженером на одном из заводов Ангарска, мать — заместителем председателя горисполкома. Константин был единственным ребёнком в их семье.

Виктор Перцев не обижался на то, что однокурсники редко называли его по имени. Большинство в глаза и за глаза звали его просто Перцем или Витей-Перцем. Витя-Перец был потомственным хлеборобом. До службы в армии окончил сельское профессионально-техническое училище и поработал помощником комбайнёра и даже комбайнёром. Вместе с отцом и двумя старшими братьями убирал с полей хлеб. Когда пришёл из армии, комбайна ему в совхозе не досталось, и он отработал всю уборочную страду на зернотоке: готовил и засыпал на хранение зерно, грузил машины, увозившие новый урожай на элеватор. Работа в совхозе Виктору нравилась, но он с юных лет увлекался историей и, в отличие от братьев, много читал, и когда объявил дома, что собирается поступать в университет, нашёл неожиданное понимание со стороны отца.

— Правильно Витька решил. Механизаторов и без него в семье хватает. Езжай, сынок, учись, раз тяга у тебя к этому есть. Будешь хоть один из семьи с высшим образованием. Приедешь к нам в школу учителем. Учителя в нашем селе всегда уважаемые люди были, — напутствовал сына Перцев-старший.

Родители Исаака тоже работали в совхозе. Жили они в одном их улусов Усть-Ордынского Бурятского национального округа. Отец пас овец, мать работала на ферме. У Исаака были младшие брат и сестра. Исаак ещё подростком помогал отцу — выезжал с ним на пастбище, привозил чабанам обеды. С малых лет умел обращаться с лошадью. Восьмиклассником он написал заметку о работе чабанов, которую напечатали в районной газете. Конечно же, Исаак после этого сразу стал знаменитостью школы и села. Быть известным и в центре внимания ему понравилось, и молодой селькор послал в местную газету ещё несколько сочинений из школьной и совхозной жизни. Паренька газетчики заметили и, что называется, стали вести — готовить в районные журналисты. Но поступить до армии в университет у Исаака не получилось. Он пошёл в школу на год позже своих сверстников, к тому же призыв на службу выпал у него на весну, и по просьбе военкомата новобранцу даже пришлось досрочно сдавать выпускные экзамены. Во время службы Исаак писал заметки в армейские газеты. Ему предлагали попробовать поступить в военно-политическое училище, готовившее военных корреспондентов, но Исаак отказался, не захотел связывать свою жизнь с армией, мечтая об учёбе в университете. Вернулся он в родные края с желанием сразу же поступить на факультет журналистики, однако редактор районной газеты, посмотрев последние публикации Исаака, уговорил его повременить до осени и предложил полгода поработать штатным корреспондентом, пока не выйдет из декретного отпуска сотрудница отдела писем.

— Ну и работал бы там уже корреспондентом, — говорил ему Константин, — поступил бы на заочный. Зато стаж шёл бы и опыта набирался.

— Можно было и заочно, — отвечал ему Исаак. — Но я думаю, что очно всё же лучше — более глубокие знания получишь. И в редакции мне все советовали на очное поступать. За пять лет учёбы можно же себя проявить, раскрыть свои способности и потом работать уже не в районной, а в областной или даже центральной газете. А если учиться заочно и работать, то, скорее всего, на всю жизнь в одной газете и застрянешь. Ну, может, до редактора дорастёшь, и всё.

— За это, Исаак, уважаю! — согласно кивал Константин и пожимал приятелю руку.

Вот такие были друзья-приятели у Володи. Вместе жили, вместе учились. Конечно же, общался Володя и с другими своими сокурсниками и сокурсницами. Особенно после того, как стал студентом и прошло формирование новых групп. Но комната № 325 общежития стала его домом почти на три года.

Именно там, да скорее всего там, в этой комнате № 325, всё и началось однажды. Весной, в мае, когда они заканчивали первый курс университета и готовились к зачётам и экзаменам, Костя принёс вечером большую спортивную сумку.

— Учёные мужи, разгрызающие гранит науки и ломающие на этом зубы, хотите немного заработать? — задал в своём обычном стиле вопрос Константин, когда все собрались в комнате.

— Заработать было бы неплохо. Но что нужно делать? — поинтересовался Исаак.

— Да практически ничего! — улыбнулся Константин. — Тут дело такое. К нам в Ангарск,

на завод, приехала большая иностранная делегация, и мой приятель, сосед по дому, с ними работал и приобрёл у иностранцев очень хорошие вещи — кофточки, рубашки импортные высокого качества, джинсы-брюки, джинсы-юбки, и попросил меня реализовать. Как думаете, мы сможем всё сделать по-тихому? Предложить нашим проверенным жизнью студентам, естественно, не бедным, некоторые вещи? От реализации каждой — двадцать процентов от стоимости наши.

В комнате после слов Константина стало так тихо, как не было никогда в их присутствии.

— И как ты это себе представляешь? — спросил Володя. — Будем ходить и всех спрашивать: «Тебе не надо джинсы, а тебе кофточку?» Смешно. Мы не барыги. Может, лучше пойти на рынок и предложить кому-то продать и поделиться с продавцом?

— Ну ты молодец! — отреагировал резко и громко Константин. — Товар весь импортный с этикетками, нашивками. Откуда на нашем рынке такой товар? Продавца сразу, как увидят, что он продаёт, потянут в милицию.

— Так ты нам предлагаешь заняться рискованным делом, пахнущим уголовным наказанием? — снова спросил Володя.

— Я примерно такого вопроса и ожидал, — сказал Константин, — и отвечу так: да, риск есть, но он минимальный, и если мы это сделаем по-умному и тихо, то всё будет о’кей. Я, конечно, мог обойтись без вас, у меня есть кому предложить сразу всю партию, но я хотел, чтобы вы немного себе заработали денег. Я наметил уже ряд кандидатур, кому можно и нужно предложить в первую очередь.

Много раз потом вспоминал этот вечер Володя и много думал о том, почему и он, и Витя-Перец, и даже Исаак согласились тогда и взялись за это дело.

Люба-Любава
Помнить и жить

Каждый из нас предан. Кому-то или кем-то.
Фёдор Достоевский, русский писатель

I.

Люба подходила к перрону, когда из-за сосен навстречу ей выскочил товарняк и, отсалютовав гудком выбежавшей на крыльцо дежурной и всей станции Бирюсинка, не снижая скорости, помчался по откосу к железнодорожному мосту и дальше — через Бирюсу на запад.

Дежурная по станции Нина Васильева приветливо помахала Любе. Нина, сестра Любиного одноклассника Генки Васильева, была младше Любы лет на десять.

«Да, наверное, на десять… — подумала Люба. — Мы закончили в тот год школу, а она пошла в первый класс… А когда я пошла в первый класс, она ещё и не родилась…»

Люба улыбнулась, вспомнив девочку в школьной форме, с двумя косичками, в белом фартуке и с большим букетом георгинов.

Как будто только вчера она, семилетняя Люба — Любава Рюрик, пошла в первый класс.

«Да мне тогда и семи не было даже! Первого сентября точно не было. Семь исполнилось, когда две недели сентября уже прошли…»

Не будь её отец школьным учителем, сидеть ей ещё целый год дома с бабушкой и дедом.

В первый класс в тот год в Бирюсинке, как никогда, записалось много детей, и директор сказала отцу, что в районо ей рекомендовали не брать в школу ребятишек, которым на первое сентября не исполнилось семи лет. Такие в Бирюсинке были. Несколько ребят, родившихся с Любой в один год, были младше её на месяц-два, и в другое время, когда случался у первоклашек недобор (а это бывало нередко), в класс зачисляли шестилеток, дни рождения которых были в ноябре и даже декабре. Но не в тот 1971 год. Тогда даже тех, кто родился в октябре, в первый класс не записывали. А Любе не хватало до семилетия всего двух недель. Она помнила, как говорил отец бабушке, что это будет несправедливо, если из-за каких-то четырнадцати дней дочери придётся «отложить свидание с учебниками и партой на целый год». Он так и говорил, как вспоминала бабушка: «отложить свидание», — и, видимо, замолвил своё слово в районо или ещё где, и Любу в первый класс зачислили. И не только её. Ещё и Генку Васильева, день рождения которого выпадал на двадцатые числа сентября.

И она пошла в школу в первый день осени 1971 года. Последний год, последнюю осень, последнюю зиму отец был с ними. Он тогда проводил их — Любу, маму, бабушку — до станции, поцеловал маму и побежал на электричку: у него был свой класс, своя школа в Городке — Городке на Бирюсе. А Люба пошла с большим букетом, в сопровождении мамы и бабушки, в свою школу — в Бирюсинке.

«Первый раз в первый класс!» — улыбнулась Люба, вспомнив и представив себя первоклассницей.

Тридцать шесть ребятишек набрали в том году в первый класс начальной школы станции Бирюсинка, и тридцать шесть пышных букетов от первоклашек и их родителей достались их первой учительнице Наталье Степановне.

Наталья Степановна…

Она приехала в Бирюсинку после окончания Тулунского педагогического училища как раз в тот год, когда Люба пошла в школу. Сколько ей было тогда лет? Девятнадцать? Двадцать?

Небольшого роста, плотная, симпатичная светловолосая девушка, с толстой косой, курносым носиком. Тёмный, в чуть видимую полоску,

пиджачок и такая же юбка ниже колен, как казалось Любе, придавали учительнице строгий вид. И учительница старалась держаться строго со своими первыми учениками и их родителями. Рассаживала всех лично по партам и по рядам, говорила о дисциплине: что опаздывать на уроки никому нельзя, что все должны иметь тетрадки и не забывать дома ручки и чернильницы (Люба ещё застала в своей школе ручки со сменными перьями и чернильницы-непроливашки). Наталья Степановна, обращаясь к родителям, советовала им находить время и всегда проверять, как их дети выполняют домашние задания и все ли уроки учат. Она говорила это в присутствии директора, завуча и других учителей школы. Чётко и громко произносила слова, а потом вдруг неожиданно замолчала, и в светлом от солнечного утра классе на три окна, при большом скоплении народа, повисла минутная тишина.

Ситуацию под контроль взял тогда один из родителей — мастер сплавконторы Левчук. Он захлопал в ладоши, поднял на руки свою дочь Марину, и они первыми вручили молодой учительнице большой букет из красных и белых цветов. За ними понесли цветы остальные родители и ученики. Взрослые и дети, окружив маленькую учительницу, вручали ей цветы, говорили напутственные слова и пожелания. Цветов было много, учительница не могла удержать в руках все букеты, и их стали складывать на стол. Наталья Степановна сначала смущённо улыбалась, а потом не выдержала и заплакала от обилия цветов и внимания. Из строгой учительницы на глазах у Любы она превратилась в обычную девушку с цветами, похожую на старшую сестру, и Любе-Любаве захотелось назвать её просто Наташей. Люба до этого часто представляла знакомых ей старших девочек в роли своей старшей сестры, а в день первого сентября 1971 года подумала, что её старшая сестра, будь она у неё, должна быть именно такой, как Наталья Степановна — Наташа.

Все четыре года учёбы Любы в начальной школе Наталья Степановна была с ними. Учила писать, читать, рисовать, лепить из пластилина и вырезать из бумаги фигурки, делать своими руками подарки родителям.

Иногда Наталья Степановна останавливала урок, ученики поднимали вверх руки и, сжимая-разжимая пальцы, хором повторяли за учительницей:

Мы писали, мы писали —
Наши пальчики устали.
Мы немножко отдохнём
И опять писать начнём!

Это упражнение было похоже на игру и нравилось всем. И всем нравилось, что учительница с ними играет, и, наверное, не одна Люба в такие минуты сравнивала Наталью Степановну со старшей сестрой.

А Наталья Степановна не разочаровывала их: организовывала утренники перед каникулами, в мае водила в лес — смотреть на птиц, белочек, бурундучков, рассказывала о цветах и травах. Зимой, в хорошую погоду, вместе со своими ребятишками учительница строила во дворе школы снежную горку и каталась с ними с этой горки на санках. А ещё она учила своих первых учеников любить стихи и декламировать их «с чувством и выражением». И Люба-Любава, и Марина Левчук, и Генка Васильев, и Света с Тамарой, с которыми Люба подружилась в классе больше, чем с кем-то, читали стихи так, как учила их Наталья Степановна, и получали призы за декламацию на общешкольных мероприятиях и даже на поселковых — в клубе сплавконторы, куда приглашали школьников в канун Первого мая и Нового года.

Но однажды было и такое: Наталья Степановна чуть не уехала от них и даже написала заявление об уходе. Случилось это на третий год её работы в школе, когда к ней приехал отслуживший на Тихоокеанском флоте старшина первой статьи по имени Александр. Парень в военной форме пришёл в школу убедить директора отпустить его Наталью с ним в город Тулун, где он собирался жить и работать. И директор, сама ещё молодая женщина, не так давно вышедшая замуж, согласилась было и подписала заявление об увольнении учительницы начальных классов. Об этом тут же узнали родители учеников. Срочно был создан родительский комитет во главе с мастером сплавной конторы Левчуком. Весь комитет, в составе восьми родителей, среди которых была и мама Любы, в тот же день явился в школу с настоятельной просьбой: не отпускать и удержать любыми способами в школе молодую учительницу. В кабинет директора комитетчики пригласили Наталью Степановну, её жениха-моряка и после полуторачасового разговора убедили всех. В результате заявление об увольнении учительницы порвали, Наталья Степановна согласилась работать в школе дальше, а уволенный в запас моряк Александр был приглашён мастером Левчуком на работу в сплавную контору.

На другой день Александр уехал в свой Тулун один, но через две недели вернулся с чемоданом и рюкзаком к своей Наталье, как в своё время приехал отец Любы Святослав Игоревич к её матери Катерине Петровне, чтобы остаться жить в Бирюсинке.

А ещё через месяц работник сплавной конторы Саша и учительница начальных классов Наташа расписались в районном загсе, и это событие отметили торжественно в клубе сплавконторы все учителя и сплавщики, жившие в Бирюсинке.

Свадьбу подгадали ко времени зимних каникул. Субботний январский день выдался погожим, и все ученики третьего класса школы станции Бирюсинка пришли к клубу сплавконторы, чтобы посмотреть на свою учительницу-невесту. Наталья Степановна, в белой фате и длинном белом платье, вышла из свадебных «Жигулей» и, увидев своих учеников, сначала смутилась, но потом помахала им приветливо. Ученики её класса стояли, молча улыбаясь, на пригорке перед клубом. Люба тогда не растерялась: подбежала к учительнице и протянула ей свой давно приготовленный подарок — склеенный из бумаги домик с окнами на три стороны, крылечком и трубой, покрашенной в красный цвет.

Наталья Степановна приняла из её рук домик, улыбнулась и сказала:

— Спасибо, Любавочка.

К ним подошёл жених Саша в чёрном с отливом костюме и обнял невесту за плечо.

— А вот мои ученики, — кивнув в сторону стоявших ребятишек, сказала ему учительница. — А это Любавочка Рюрик нам подарила домик, чтобы у нас свой такой же был.

Наталья Степановна поставила домик на ладонь и показала Александру.

— Будет! — сказал Саша уверенно невесте и, наклонившись к Любе, поблагодарил: — Спасибо, Любава.

Из «Жигулей» выскочил и подбежал к молодым мастер сплавной конторы Левчук, возивший новобрачных в райцентр на своей автомашине.

— Ребята, скорее в клуб! Пойдёмте, пойдёмте! Замёрзнете раздетые на морозе. Не май месяц на дворе… — заговорил он быстро и увлёк молодых за собой.

Молодые, а следом все гости пошли в клуб. Ученики стали расходиться. Девочки обсуждали платье учительницы, мальчики, казалось, уже забыв о событии, собирались идти на лёд — играть в хоккей, а Люба осталась стоять возле клуба. Она радовалась счастью своей учительницы, радовалась её свадебному платью, фате, тому, что у Натальи Степановны такой красивый муж Саша, и тому, что Саша сказал ей спасибо и улыбнулся.

Любе очень хотелось в тот день, чтобы Наталья Степановна была действительно её сестрой, и она, Люба-Любава, тогда смогла бы быть на её свадьбе, кричать со всеми «Горько!» и смотреть, как Наташа и Саша будут целоваться.

А Сашу она представила было своим братом, но потом подумала, что брат не смог бы жениться на сестре, если Наташа была бы её сестрой, а Саша братом. И тогда ей захотелось скорее стать взрослой, обязательно учительницей и чтобы к ней тоже приехал такой вот парень, как Саша, моряк Тихоокеанского флота.

2.

Люба ещё несколько раз за время учёбы в начальных классах представляла Наталью Степановну старшей сестрой. Их учительница после замужества так же ходила с ними на экскурсии в лес и каталась с горки, возила их на районные конкурсы чтецов и на городские новогодние ёлки в Городок на Бирюсе и в Тайшетград. Но новые обязанности по дому, забота о муже, конечно же, занимали теперь немало места в её жизни. Она уже не задерживалась в школе после уроков, всё реже оставляла отстающих учеников на дополнительные занятия — торопилась домой. Иногда к концу последнего урока за Натальей Степановной приходил или приезжал на мотоцикле «Минск» муж Александр. Когда учительница выбегала к нему, ученики её класса как по команде занимали места у окон. Многим из младшеклассников было интересно: станут ли молодые целоваться при встрече? Особенно это интересовало девчонок. И Любу тоже. Молодые поначалу, не подозревая ничего, целовались на глазах всего класса, а может быть, даже целой школы, прямо у крыльца учебного заведения. Но это длилось недолго. Любопытство было ими замечено, и встречи после уроков учительницы с мужем возле школьного крыльца стали сдержаннее. Когда муж приходил пешком, он брал вышедшую ему навстречу жену за руку, и они уходили, не оборачиваясь. Если приезжал на мотоцикле, то учительница надевала каску, садилась позади мужа, и они сразу же уезжали.

Первый год учительница с мужем жили рядом со школой — в «учительском доме», как называли малосемейное общежитие на четыре комнаты с отдельным входом в каждую; но примерно через год совместной жизни они перебрались в собственный дом, который Александр выстроил с бригадой строителей из сплавконторы. Новый дом на самой окраине станции, у реки, был в чём-то похож на тот бумажный домик, что подарила учительнице Люба: с окнами на три стороны, высоким крылечком и трубой из красного кирпича. Все в школе ждали, что скоро в новой семье появится пополнение, и строители соорудили в доме, помимо кухни, две комнаты, но ни через год, ни через два, ни через три дети у Саши и Наташи не появились.

Работа сплавщиком Александру пришлась по душе. Он быстро вошёл в курс дела и уже во второй свой сезон выходил на смену старшим, подменяя бригадира. Молодым кадрам в Бирюсинской сплавконторе давали возможность с пользой для производства реализовать свои способности, и Александр по совету Левчука поступил заочно в институт. Дважды в год уезжал он в Красноярск на сессии, возвращаясь оттуда с подарками для Натальи. Несколько раз в Красноярск с мужем ездила и учительница. Но ненадолго. До начала сессии денёк-другой

Наташа с Сашей гуляли по улицам и скверам города, по набережной Енисея, ходили в театр. А потом Александр провожал жену на поезд, сам оставаясь сдавать в институте зачёты и экзамены.

И летом 1978 года, когда Саша уезжал на сессию, Наташа собиралась было с ним, но муж отговорил, сказав, что нынче ему нужно сдать много зачётов и будет не до прогулок. Наташа обратила тогда внимание на то, что Саша взял с собою некоторые вещи, которые не брал раньше, в том числе тёплую одежду.

— Пригодится. Мне не тяжело,— сказал он ей, когда она спросила его об этом.— А не пригодится — обратно привезу.

Они простились у вагона стоявшего всего минуту в Бирюсинке поезда. Александр на прощание поцеловал жену не как обычно в губы, а в лоб. Наташа объяснила это спешкой и не придала значения. Заволновалась она примерно через неделю.

Обычно на третий или четвёртый день после отъезда Саши он вызывал её на переговоры, и Наташа в назначенное время шла на почту или в учительскую школы, где был телефон.

В тот раз привычного для неё сообщения от мужа не было ни на третий, ни на четвёртый, ни на седьмой день. И Наташа забеспокоилась и решила, что ей самой нужно ехать в Красноярск.

Она собралась вечерним поездом в субботу, с таким расчётом, чтобы приехать рано утром.

«В воскресенье у Саши нет занятий. Он должен быть в общежитии. Я пройдусь от вокзала пешком. Это недалеко. Мы с ним не один раз так ходили. Минут сорок самое большее на дорогу затрачу с сумками…» — думала она, собираясь в дорогу.

Утром в субботу она покормила курей, пса-дворнягу Дружка, полила в огороде грядки с луком и редиской, парник с огурцами и присела на скамейку у палисадника, на которой они любили иногда сидеть с мужем. Со скамейки было видно место, где маленькая речушка Бирюсинка впадает в большую реку Бирюсу. Вдали виднелся противоположный берег: там, за лесом и изгибом реки, был Городок на Бирюсе, куда уезжали учиться после окончания начальной школы в школу среднюю её ученики. Со скамейки у дома Наташи и Саши был виден и железнодорожный мост, по которому ходили пассажирские, почтовые и товарные поезда.

Как раз, когда Наташа присела на скамейку, по мосту промчался утренний поезд из Красноярска. Сбавляя скорость, он на минуту затормозил на станции Бирюсинка и поехал дальше — в Тайшетград, а оттуда на север — к Байкало-Амурской магистрали.

Поезд по этому же маршруту, но в обратном направлении, с минутной остановкой в Бирюсинке, должен пройти вечером. На нём всегда уезжал на сессии Саша, на нём и собиралась ехать сегодня Наташа.

Она просидела на скамеечке около получаса, думая о муже.

«Наверное, у Саши нет совсем времени даже на переговоры из-за экзаменов… Или, может, возникли какие-то неожиданные сложности, поэтому он и не позвонил. Может, деньги потерял? Наверное, не хотел меня расстраивать, не понимая, что молчанием своим, неизвестностью расстраивает ещё больше… Попрошу соседку покормить завтра утром Дружка и курей, а грядки полью уже сама, послезавтра, когда домой приеду».

Наташа поднялась, подошла к воротам дома, оглянувшись, посмотрела ещё раз в сторону железнодорожного моста и увидела второклассника Колю Скворцова, поднимающегося по тропинке к её дому. С ним шла незнакомая ей девушка.

— Здравствуйте, Наталья Степановна,— поздоровался Коля и кивнул на незнакомку.— Вот, вас спрашивают…

— Здравствуйте,— сказала девушка, подойдя к Наташе близко.— Я — Алла.

Девушка, возрастом примерно двадцати пяти лет, в синей вязаной кофточке, надетой поверх платья, с небольшой белой кожаной сумочкой в руке, явно смущалась.

— Здравствуйте, Алла,— сказала ей Наташа насторожённо, и вдруг тяжёлое предчувствие, словно упавшее сверху, сдавило ей грудь, перехватило дыхание.— Я вас… вас слушаю…

— Не знаю, с чего начать…— смутилась Алла.— Давайте присядем на скамейку.

— Давайте…

Наташа села на скамью, не зная, о чём ей думать.

— Я бы сама ни за что не поехала,— сказала Алла, присаживаясь рядом. В её словах чувствовалось волнение.— Но Александр меня так просил, так просил…

— Александр? — спросила Наташа, хотя уже чувствовала, что речь пойдёт о муже.— Саша вас просил? О чём? Что с ним?

— Вы не переживайте только…— сказала Алла и отвела глаза.— С ним всё в порядке.

— В по… в порядке? — спросила снова Наташа.— А где он? Почему не позвонил, не приехал? Он иногда приезжал домой по воскресным дням…

— Он попросил меня поехать сюда и сказать вам, что он больше не вернётся…

— Не ве… не вернётся? — тихо спросила Наташа.— Почему?

— Он решил больше не возвращаться в Бирюсинку! Он звонил в сплавконтору и берёт там расчёт! — быстро и громко проговорила Алла, глядя Наташе в глаза, а потом снова отвернулась.

— Не может быть…— ещё тише сказала Наташа.— Как он не вернётся? А где же он будет жить?

— В Красноярске,— сказала тоже на этот раз тихо Алла.— Он уже себе там работу нашёл…

— А вы… вы кто? — еле слышно спросила Наташа.— Почему он попросил приехать вас?..

— А мы с ним вместе учимся. В одной группе,— не поднимая глаз, ответила Алла.

Наташе хотелось заплакать, но слёз не было. Сознание её не принимало услышанное, отказывалось верить сказанному Аллой.

Не может же быть, чтобы её Саша… Саша, которого она знала с юных лет, которого ждала три года со службы на флоте… Саша, с которым они прожили вместе пять лет и никогда не ругались… Не может её Саша взять и уехать от неё ни с того ни с сего и не вернуться…

— Нет! Нет! Нет! — закричала Наташа, соскочив со скамейки.— Я не верю вам! Не верю! Скажите мне, где он? Нет! Я сама, сама сегодня поеду в Красноярск и найду его! Найду и узнаю, что то, что вы мне сказали,— неправда!

— Правда! — резко остановила её Алла, поднимаясь.— Александр мне сказал, что вы не поверите и захотите приехать к нему, поэтому и послал меня — сказать, чтобы не ездили зря!

— Нет! Нет! Нет! — кричала Наташа, не слушая её.

Она подбежала к воротам дома, и тут слёзы ручьями хлынули из её глаз.

— Вы извините,— сказала Алла.— Мне пора. Надо на электричке до Тайшетграда доехать, а там проходящим поездом обратно в Красноярск, чтобы вечером дома быть. И так целый день потеряла…

Но Наташа не слышала ни её слов, ни её удаляющих шагов. Из-под ворот выскочил пёс Дружок и запрыгал возле хозяйки.

3.

В тот 1978 год Люба перешла в восьмой класс. А в тот летний день, когда к Наталье Степановне приезжала девушка Алла из Красноярска, Люба с мамой с утра занялись огородом: пропалывали и поливали грядки, окучивали картошку. Они сели передохнуть и попить чаю в летней кухне, когда, примерно часа в три пополудни, пришла к ним из дома напротив жена начальника станции Дмитрия Алексеевича — Марья Васильевна.

— Вы, соседи, наверное, ещё и не знаете новость? — сказала она, присаживаясь к столу.

— Сегодняшних пока не знаем,— улыбнулась ей Катерина Петровна.— Скажите — будем знать.

— Да новость невесёлая на этот раз, Катя,— вдохнула соседка.— Левчук из Бирюсы учительшу вытащил… Топиться надумала…

— Это которую учительницу-то? — спросила Катерина.

— Да Наталью…

— Наталью Степановну?! — не дав договорить соседке, выкрикнула Люба.

— Да, её,— подтвердила Марья Васильевна.— Я толком не знаю, что и как, и никто не знает. Говорят, что Левчук её вытащил из реки, откачал и скорую помощь вызвал. Увезли учительницу в больницу, в Тайшетград.

Эта новость ошеломила всю станцию Бирюсинка. В магазине, на почте, на станции, в сплавконторе несколько дней только и говорили про Александра, про обманутую им несчастную учительницу, спрашивая друг друга, как ей теперь жить и кому вообще можно верить на белом свете.

Люба с Катериной Петровной ездили к учительнице в больницу два раза за неделю, которую Наталья Степановна провела там. Люба смотрела за её домом, кормила курей и собаку, поливала грядки. А когда Наталью Степановну выписывали, она поехала её встречать, помогала нести вещи, проводила до дома. С той поры они подружились. Люба и Катерина Петровна нередко стали бывать в доме учительницы, Наталья Степановна приходила в гости к ним. Приглашали друг друга на дни рождения и праздники; бывало, вместе ездили в Городок на Бирюсе или Тайшетград, чаще за покупками, реже — на прогулки, в кинотеатр или на концерт приехавших из Иркутска, Красноярска или Москвы артистов. Всегда, когда Люба приходила в дом своей бывшей учительницы, видела стоящий на комоде, склеенный когда-то ею бумажный, разукрашенный, на три окна, домик с крылечком и красной трубой и улыбалась.

Наверное, нельзя сказать, что Люба и Наталья Степановна сразу стали подругами в полном смысле этого слова. Дистанцию «учительница — ученица» Люба соблюдала и переступить долго не могла. Сказывалась, видимо, и разница в возрасте между бывшей ученицей и учительницей — тринадцать лет. Разница в возрасте между Катериной Петровной и Натальей Степановной была поменьше, но в этом случае не могла переступить через невидимый барьер «мать ученицы — учительница» уже Наталья Степановна. Катерина Петровна называла учительницу Натальей, Наташей и Наташенькой, а та её — по имени и отчеству. Учительница звала Любу по имени (Люба, Любава, Любавушка), но в ответ слышала неизменное: Наталья Степановна.

— Я Александру его трусости простить не смогла и, наверное, никогда не смогу,— говорила Наталья Любе и Катерине, вспоминая мужа и тот день, когда к ней приехала с известием Алла.— Он сразу упал в моих глазах… Я ведь знала его с юных лет. Он был всегда смелый, решительный, за что мне и нравился, а тут вдруг струсил, прислал эту Аллу за себя с объяснениями… Я не знаю что на меня нашло тогда, как я у реки оказалась, в воду зашла… Помню, что солнце ярко светило, дети купались, кричали, а потом только вода надо мною…

4.

Года два Наталья Степановна жила тихо и скромно в своём доме с красной кирпичной

трубой на берегу реки. По-прежнему держала курей и ухаживала за грядками. При участии мастера сплавконторы Левчука её обеспечивали дровами, а поселковая администрация заботилась, чтобы по весне её огород, как и земельные участки других учителей Бирюсинки, был вспахан.

Несколько раз соседи видели, как в ворота её дома стучался, а затем проходил в дом мастер Левчук. Примерно года за полтора до того, как расстались Наташа с Сашей, он потерял жену и один воспитывал взрослеющую дочь.

Супруга мастера сплавной конторы слегла неожиданно. Врачи выявили у неё онкологическое заболевание, и она растаяла быстро, прямо на глазах у мужа. Из высокой, дородной, цветущей, краснолицей сорокалетней женщины за пару месяцев превратилась в худую, долговязую и некрасивую. Последние дни своей жизни она уже не вставала и не разговаривала.

Левчук сильно переживал. Сам похудел и осунулся и после похорон жены несколько месяцев сторонился общения с людьми. Ходил на работу, а в магазин за продуктами отправлял дочь или ездил на своих «Жигулях» в Городок на Бирюсе, где его мало кто знал.

Его появление возле дома учительницы и хождение к ней в гости никого не удивило в Бирюсинке. Все знали, что он всегда относился к Наталье Степановне с симпатией. Когда его дочь училась в младших классах, Левчук неизменно состоял в родительском комитете школы, первым приходил на родительские собрания, охотно отзывался на просьбы учительницы помочь школе. Многие в Бирюсинке помнили, что именно Левчук принимал самое активное участие в организации свадьбы учительницы, что именно он способствовал тому, чтобы её муж Александр пошёл на работу в сплавную контору и поступил учиться в институт, и что именно он был против того, чтобы Александру выдали заочный расчёт.

— Пусть, как мужик, приедет и смело объяснит, почему жену бросает и убегает от нас, — настаивал он в отделе кадров и перед начальником сплавконторы.

Но Александр не приехал, и денежный расчёт и документы ему в конце концов переслали в Красноярск.

Некоторое время спустя (года через два после того, как учительница осталась одна) соседи Натальи Степановны несколько раз видели возле её дома «Жигули» Левчука, в которые садилась учительница. Чаще всего легковой автомобиль брал курс от дома с красной трубой на Тайшетград, но иногда маршрут сокращался и заканчивался у начальной школы.

И никто из жителей Бирюсинки особенно не удивился, когда (ещё примерно через год) Левчук перевёз учительницу в свой дом. Конечно, некоторые посудачили об этом в магазине, на почте и на станции, но с пониманием и одобрением.

«Это было летом тысяча девятьсот восемьдесят первого года, — вспомнила Люба. — Я тогда закончила школу и собиралась поступать в медучилище».

Не удивились тогда решению Натальи Степановны выйти замуж за Левчука и Катерина Петровна с Любой.

— Всё к этому шло, — сказала Катерина Петровна дочери. — Я рада за Наташу. Левчук — мужик хороший, хозяйственный, и ему тоже несладко в жизни пришлось. С детства его знаю. Рос без отца, сам поднимался и помогал матери поднять младших брата и сестру.

С переездом Натальи к Левчуку домик с тремя окнами и красной трубой на берегу реки не остался сиротой. И хотя курей там уже не держали, летом Наталья Степановна с мужем занимались огородом и, бывало, топили баню — носили вёдрами воду из Бирюсы. Зимой тоже дом не оставляли: Наталья приходила протапливать раз в неделю печку, а Левчук отгребал от ворот снег, иногда вручную лопатой, а иногда — подогнав трактор «Беларусь».

Когда уже стала студенткой и училась в университете в Красноярске, летом иногда жила в этом доме, приезжая на каникулы в Бирюсинку, дочь Левчука Марина.

Люба видела, как её бывшая учительница переживала новое счастье с новым мужем. Она, казалось, забыла предавшего её Сашу и светилась от одного воспоминания о Левчуке, когда о нём заговаривали в её присутствии. Сколько помнила Люба, все в посёлке от мала до велика звали мастера сплавконторы только по фамилии — Левчуком. Звала его так и Наталья. Это было почему-то так привычно, что ни Люба, ни Катерина Петровна даже не интересовались, как имя мастера. Левчук и Левчук. И только когда хоронили его, Люба прочла на памятнике полностью имя и отчество: Николай Дмитриевич.

Лет семь жили душа в душу Наталья Степановна и Левчук. А в конце восьмидесятых неизлечимая болезнь настигла мастера сплавконторы. Ему сделали две операции, но спасти не смогли. Рак желудка вытянул из него все его силы.

«Николай Дмитриевич умер в девяностом году, когда уже мамы не было…» — вспомнилось Любе.

После похорон мужа Наталья некоторое время ещё жила в доме Левчука, а потом вернулась в свой дом на берегу Бирюсы.

— Не могу я там… — сказала она Любе. — Всё мне о нём напоминает. Пусть Марине дом остаётся. Это правильно. Она там родилась, а у меня свой есть.

И вот тогда, когда Люба осталась одна, а Наталья потеряла мужа, они сблизились ещё теснее, и Люба впервые назвала свою бывшую учительницу

Наташей и снова, как в детстве, подумала, что Наташа ей как старшая сестра.

Да, они были как сёстры и вместе переживали тяжёлое время девяностых годов: перебои с продуктами в магазинах, задержки заработной платы. И, как родные сёстры, они помогали друг другу.

А в конце девяностых неожиданно в посёлке появился Александр. Он приехал на вечерней электричке и пришёл к дому с красной трубой, когда стемнело. А утром все в Бирюсинке уже знали, что Наталья не приняла его, что он провёл ночь на станции и уехал в Красноярск утренним поездом. Но через несколько дней приехал снова и снова ждал утреннего поезда у дежурной по станции, а потом приехал ещё раз и ещё. И наконец, добившись милости, остался.

Александр устроился мастером на лесосклад. Сплавная контора в то время уже не существовала, лес сплавлять по Бирюсе перестали, но лесозаготовки продолжались, и погрузка в вагоны леса на станции шла.

Любе вернувшийся в посёлок Александр уже не казался героем и идеально-красивым. Похудевший, осунувшийся, возмужавший мужчина не был похож на того демобилизованного моряка — жениха учительницы, который в день своей свадьбы благодарно улыбался Любе, принимая её подарок. Это был совсем другой для неё человек.

Когда Люба увидела вернувшегося в Бирюсинку Александра, ей почему-то вдруг вспомнилась одна далёкая встреча на вокзале Тайшетграда поздней осенью 1978 года.

«Да, это было в ноябре. Я тогда училась в восьмом классе и ждала электричку, читала „Анатомию человека“, и ко мне подошли двое солдат. Один заговорил со мной. У него было красивое молодое лицо, добрая улыбка и такой приятный голос. Потом друг его позвал, и он ушёл, а я пошла на электричку. Уже из вагона в окно увидела, что парень вернулся в зал ожидания, но электричка уже отъезжала от перрона… И мне так тогда захотелось, чтобы она остановилась, дверь открылась и в вагон вошёл этот парень-солдат…»

Люба не знала, почему она вспомнила вдруг эту давнюю встречу на вокзале Тайшетграда, и не знала, почему она была уверена, что парень вернулся на вокзал, в зал ожидания, из-за неё и искал именно её, а не своего друга.

ДиН СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Зинаида Гиппиус

Живая тайна

Идущий мимо

У каждого, кто встретится случайно
Хотя бы раз — и сгинет навсегда,
Своя история, своя живая тайна,
Свои счастливые и скорбные года.

Какой бы ни был он, прошедший мимо,
Его наверно любит кто-нибудь…
И он не брошен: с высоты, незримо,
За ним следят, пока не кончен путь.

Как Бог, хотел бы знать я всё о каждом,
Чужое сердце видеть, как своё,
Водой бессмертья утолить их жажду —
И возвращать иных в небытиё.

Мера

Всегда чего-нибудь нет, —
Чего-нибудь слишком много…
На всё как бы есть ответ —
Но без последнего слога.

Свершится ли что — не так,
Некстати, непрочно, зыбко…
И каждый не верен знак,
В решеньи каждом — ошибка.

Змеится луна в воде, —
Но лжёт, золотясь, дорога…
Ущерб, перехлёст везде.
А мера — только у Бога.

Георгий Попов

Хранители

В дым

Я совсем разучился курить.
Нет, не бросил… Не так… Чудеса —
Послевкусием терпким внутри
Вдруг узнал вековые леса.
Ветры прерий золу ворошат:
Трубки мира пылают за мир —
Так дымками летит не спеша
Дивный шар, населённый людьми.
Я увидел: сигарой во рту
Нефть и уголь, гранит и уран
В дым пускает дородный пастух,
Пепел прибылью ссыпав в карман;
А пастух из соседней страны
Курит орды пустяшных людей,
Чтобы видели в странах иных:
Табачок тут не тот, что везде…
Я-то больше растил самосад —
Для друзей. Для себя. Покурить…
Нет, не бросил… Не так… Чудеса —
Небосвод облаками покрыт.
Да совсем не дожди в облаках,
Не туманы, предвестницы рос, —
Души мёртвых цветков табака,
Обратившихся в дым папирос…

Хранители

Чёрное небо. Наверное, всё же ночь,
Но мелкой занозой мысль: а вдруг я ослеп?
Чёртик на левом плече грызёт сухое зерно,
Ангел на правом плече зерно превращает в хлеб —
Заняты оба. И я занят — иду.
Куда — не знаю ни сам, ни сидящие на плечах.
Ангел думает: быть мне сегодня точно в аду.
Бесёнок знает: мои копыта в сторону рая стучат.
А я понимаю, чувствую и страшусь —
Двое врастают в меня, крыльями становясь.
Раскрываю их, но, видно, слишком спешу
И слышу внезапно слева сухое «Хрясть!»
А справа — словно ножом полоснули, и… пустота.
И чёрное небо. И нет никого вокруг.
Я раскрываю глаза. Чёртик сидит в бинтах,
Ангел его утешает, как настоящий друг.
Закрываю глаза опять: зачем мне видимый свет?
Двое моих провожатых — вся его суть.
Я просто иду в никуда по обычной земной траве,
Но всю бесконечность Вселенной я на плечах несу…

Миражи

Идёт свой путь Иисус, а в спину толпа свистит;
Терновый венец сжимает, жалит змеёй виски —
Лечь бы на пыльной дороге да тут же и умереть.
Говорит Иисус: — Устал я!
Лечит усталость плеть;
А жара пытает, дорожная пыль вздымается в миражи.
Иисус шепчет чуть слышно: — Жить бы ещё да жить!
Ходить в города людей, говорить про город Отца…
Вдруг навстречу идёт человек — не различить лица.
— Ты, — говорит, — Иисус, и я, — говорит, — Иисус.
Посмотри же — похожий крест
на битой спине несу.
Всей-то и разницы в нас: ты Бог, я же не Бог пока…
Ну что, — говорит, — ударили по рукам?
Положи свой крест, сядь, платок в толпе попроси.
Солдаты сверкают бронёй, как копчёные караси,
И им, карасям, всё равно, ты ли продолжишь путь.
Положи свой крест, потом уходи в толпу,
А я за тебя хоть в огонь, хоть на крест,
хоть в коптящий ад.
— Нет, — говорит Иисус, — это ты уходи меж солдат:
Кажется мне, нас с тобою не различить.
Я возвращаюсь домой, ты останься: людей учи.
— Нет, — говорит другой, — мне нечего людям сказать.
Откинул волосы с глаз, Иисусу глянул в глаза
И говорит: — Давай-ка сюда свой крест.
Для него на моей спине свободное место есть.
А когда дойдём — не гони. И я с тобой вознесусь.
И сказал Иисус: — Ты же и есть Иисус.
Ты моя оболочка, моя человечья суть!
А толпа людская не знает,
что двое тот крест несут…

Творец

Мир был создан по плану, но вышел он глух и нем.
Посмотрел Господь и сказал: «Этот мир
не нравится мне».
Рассердившись, стёр впопыхах,
смахнул рукой сгоряча
И, изъяв у себя ребро, стал выстругивать скрипача.
Сказал ему: «Сделай мир, каким постигаешь сам,
Имея всё: и скрипку, и бескрайние небеса».
Но воскликнул скрипач: «Дай мне смычок тогда».
Только Бог рассердился: «Подумаешь, ерунда!
Желая создать великое, с малого путь начни.
Да не выпячивай грудь — мы в хаосе лет одни.
Превращайся в меня, сорвав первородный лоск».
Скрипач без улыбки выдернул прядь Божьих волос;
Он ломал себе кость, выгибая руку в смычок,
И шептал: «Музыка — вечность,
вечности боль — ничто»;
Тронул смычком струну, и…
взрывом сверхновой — звук.
Рассмеялся скрипач: «Весело я живу!»
А Господь подумал: «Хороший выходит мир.
Я, пожалуй, решусь его заселить людьми!..»

Геннадий Васильев

Венок сонетов

1.
Перо познать пытается бумагу.
Неверный лист касания бежит.
Как удержать, перу вернув отвагу?
Как приручить? Как приучить служить

Слезой Эвтерпы смазанному жалу
Прохладный лист древесного шитья?
Поэт — слуга. Но он — и бог, пожалуй.
Ему струи Кастальского ручья

Лоб освежают. Делается твёрдой
Его рука. Чернильница аорты
Отворена. Невмоготу молчать!

Он ловит лист, нанизывая строки.
И лист покорен, а касанья — строги.
Подвижно время. Поделом печаль.

2.
Подвижно время. Поделом печаль.
Годам грядущим чуждо хлебосольство.
Пора настала — дат не замечать,
Не отмечать — ни розницей, ни горстью.

Морозом взяты, стонут провода.
Январь горазд потрескивать ночами.
На белом небе синяя звезда
Нам назначает чаянное — чаять.

На лунный диск грешит вороний грай:
«Не назначай пути! Не выбирай
Того, кто пить готов из лунной фляги!»

Рука легко вмещается в рукав.
Снег серебрится на моих висках.
Зима скорбит и машет белым флагом.

3.
Зима скорбит и машет белым флагом.
Она больна предчувствием весны,
Хоть синий лёд ещё — архипелагом,
И — снег с небес, не чуждый белизны.

Ещё не скоро сменит дымный порох
Сырых небес — сухие небеса.
Ещё и ёлки вынесут не скоро.
Ещё сосулькам не на чем свисать

И плакать нечем — слёз пока не выжать
Из скатов крыш. Но делается ближе
Значенье слов. Соломинка. Скрижаль.

Январь бубнит, гребя снега до кучи:
«Пусть я не лют — другие чем же лучше?!»
Сдаваться трудно. Не сдаваться — жаль.

4.
Сдаваться трудно. Не сдаваться — жаль.
Высокий слог теряется в размере.
Плетенье рифм — прозрачная вуаль.
Сонет живёт, но ход времён — потерян.

Не торопись! Ошибкой не сочти,
Что календарь чреват не той погодой.
Исповедимы зимние пути.
Петарды свод проткнули мимоходом.

Из торжества, из промысла родства
Январь швыряет пригоршней слова.
Восторжен миг. Шампанское игристо.

Сдаётся ночь, чтоб выспаться к утру.
А я подушку попусту сотру.
Нет, не пора сдаваться. Небо мглисто.

5.
Нет, не пора сдаваться. Небо мглисто.
Но мглу развеет таинство причин,
Хоть фейерверков судорожный выстрел
Мешает слышать слабый всхлип свечи.

Слезу свечи фарфор в ладонь приемлет,
И там она растает без следа.
Сгустится ночь над полушарьем древним.
Любовь и сон закинут невода,

Поймают нас — не выпутаться, слиться!
Рассвет приходит новою страницей,
След фейерверков начисто слизнув.

Уже не мглисто небо. Но чреваты
Лохмотья туч. И клочья снежной ваты
Ещё асфальту вверят белизну.

6.
Ещё асфальту вверят белизну
Мои глаголы, как сосуды света.
Дано сказать — преступно не дерзнуть.
Прозрачна форма строгого сонета.

Трепещет жизнь синицею в силке.
Раскрыть силок — и вслед махнуть рукою.
Как бороздят коньками на катке,
Слог чертит след — и не даёт покоя.

На что покой? Ему придёт пора.
Мятежен скрип чернильного пера.
Не всякий в хоре равен стать солистом.

Но если стал, не сжалилась судьба —
Поверь листу судьбу. Смахни со лба
Седые космы. Зимне. Хрустко, чисто.

7.
Седые космы. Зимне. Хрустко, чисто.
Мне снега жаль, но дворники скребут.
На чёрных ветках белые мониста —
Зимы сибирской точный атрибут.

Стерильный снег слагается в сугробы,
Как букв ряды слагаются в слова.
Январь берет то вязью, то ознобом.
Светает жизни новая глава.

Лучи Минервы плавят мирозданье.
Ночь беспристрастно проведёт дознанье
И досветла отпустит нас ко сну.

Захватит сон, короткий, как неволя.
А в зимнем небе, как в ажурном поле,
Луна клюёт на звёздную блесну.

8.
Луна клюёт на звёздную блесну,
Глотая точки, множа многоточья.
Ещё не в силах обещать весну
Слепой пейзаж — сугробов средоточье.

Так ведь и нам пока — не до весны.
Мы тешим время, тискаем пределы.
И времена — хоть смутны, но ясны.
Не изменить, как нас — не переделать.

Не извести. Хоть шёпот торжества
Крадёт, как вор, хорошие слова
И, как бродяга, в подворотнях жмётся.

Прозрачна ночь. И звездочёт в сердцах
Трёт окуляры, восклицая: — Ах!
Уж скоро небо розовым займётся!

9.
Уж скоро небо розовым займётся.
Рассвет поставит мысли на поток.
Ночь перестанет звёздами колоться.
Лист подчинится. Свежий завиток,

С пера скользнув, уляжется привольно,
Даст новый ход течению стиха.
Звонарь зайдётся стоном колокольным,
То смяв низы, то путаясь в верхах.

И мандарин оранжевый взойдёт
На новом небе. Високосный год
Грядёт, сличая с Козерогом сходство.

Ещё вчера казавшийся игрой —
Ваяльной глиной, пихтовой корой —
Сонет родится. Право первородства.

10.
Сонет родится. Право первородства
Ни со счетов не сбросить, ни свести.
Прекрасен мир, когда в нём нет юродства.
Уродлив свет, где почести — в чести.

Строка ведёт, порой гадюкой жалит,
Но чаще так добра, как поводырь.
Слышна в катрене музыка чужая —
Терцет ладони ладит на лады.

Перо скрипит, ссылая нас к истокам.
Оно порою ранит так жестоко
И выжигает на челе тавро.

Куда бежать от призрака призванья?
Клеймо вины, как результат дознанья,
Последней точкой закрепит перо.

11.
Последней точкой закрепит перо
Колючих строк канатное плетенье.
Не говори: «Предание — старо!» —
Поверь преданью. Щучьего ль веленья

Вдруг захотеть? Иль к ночи ко двору
Взять горбунка? Иль в молоке свариться?
Иль поддержать смертельную игру
С той, что звалась египетской царицей?

Преданья — сон. Они — не про меня.
Мне отродясь не оседлать коня,
Как не сойти с Поэтом в подземелье.

Плеснёт по небу птица-Жар хвостом.
В последний раз издав стерильный стон,
Год обозначит первое похмелье.

12.
Год обозначит первое похмелье.
Назначит новь, пороется в старье.
Рот искривив гримасою веселья,
Рассолом сбрызнет кружки сомелье.

Наступит то, что нам давно знакомо:
Сердечный ропот, шепоток свечи.
Пушистый призрак — дуновенье дома.
Чужой дневник — как перечень причин.

Слетит вопрос: кто сблизит полюса?
Подвинув стрелки вправо на часах,
Кто свист прервёт метели канительной?

Ещё зима. Ещё снега кружат.
Мы жизнь живём, вопросом дорожа:
Куда идти, сжимая крест нательный?

13.
Куда идти, сжимая крест нательный?
Пред чьим каноном лба не осквернить?
Преданье — ложь. Предательство — смертельно.
Куда ведёт нас Ариадны нить?

Кого сегодня мой корявый почерк
Введёт в расход, дав желчи свежий ток?
В графе «Желанья» — нет, не минус: прочерк.
В графе «О прочем» — сизый любисток.

Моя вина — чужих времён смешенье.
Но любисток — предвестие отмщенья,
Листок надежды, ангела перо.

Мы станем тьмой, когда нам свет наскучит.
Но я молю, глотая снег колючий:
Не дай мне, Бог, поставить на зеро.

14.
Не дай мне, Бог, поставить на зеро.
Не дай уйти без подлинной причины.
Нас время дарит розою ветров,
Цветы иные нам неразличимы.

Нам не важны ни звуки, ни слова,
Когда они назначены забвенью.
Не стает снег, не вскроется трава,
Когда душе не станет просветленья.

Но сдёрнет небо войлок, обнажит
Суставы света. В перекрестье лжи
Не попадут ни робость, ни отвага.

Сонет составлен. Круглая печать
Заставит нас всё заново начать.
Перо познать пытается бумагу.

15.
Перо познать пытается бумагу.
Подвижно время. Поделом печаль.
Зима скорбит и машет белым флагом.
Сдаваться трудно. Не сдаваться — жаль.

Нет, не пора сдаваться. Небо мглисто.
Ещё асфальту вверят белизну
Седые космы. Зимне. Хрустко. Чисто.
Луна клюёт на звёздную блесну.

Уж скоро небо розовым займётся.
Сонет родится. Право первородства
Последней точкой закрепит перо.

Год обозначит первое похмелье.
Куда идти, сжимая крест нательный?
Не дай мне, Бог, поставить на зеро!

Марина Панфилова

Стихи про стихи

Предчувствие весны

О чём грустишь, завьюженный февраль?
Зачем ветрами бередишь мне душу?
Пройдёт зима, и времени спираль
Оставит в прошлом холода и стужу.

Ещё пейзаж графичен и суров,
Он нарисован в гамме чёрно-белой,
Но сквозь вуаль высоких облаков
Лазурь небес проглядывает смело.

Кружится, заметая город, снег,
Он тает, оседая на ресницы,
И всё же прибавляет день разбег,
И звонче, веселей поют синицы.

Февраль, ты слышишь? Март стучит в окно,
Он неизбежен, как в любви признанье,
И в воздухе витает озорно
Весны грядущей лёгкое дыханье!

Что такое любовь?

Что такое любовь? Это лучик апреля,
Колокольчиком смеха разгонит он грусть.
Я люблю эту пору весёлой капели
И с минувшей зимою легко расстаюсь.

Что такое любовь? Это лепет младенца,
В сердце матери нежность нахлынет волной.
Прижимая к груди сына тёплое тельце,
Растворяюсь в любви — материнской, святой.

Что такое любовь? Это жаркая жажда,
Жажда жить и любить, отдавать и гореть.
Так большая любовь к нам приходит однажды —
Велика, словно жизнь, и крепка, словно смерть.

Что такое любовь? Это корочка хлеба,
Стопка водки — на память о тех, кого нет,
Дорогих и любимых, ушедших на небо…
На Земле их любить надо было сильней!

Что такое любовь? Это светлая сила,
Крылья Ангела Света, летящего ввысь.
Это правое дело во имя России,
Той великой страны, где мы все родились!

Я умела летать

Я умела летать. Помню точно — умела.
И в небесную высь уносилась стрелой.
Невесомым, как свет, радость делала тело,
И два сильных крыла помню я за спиной.

Отчего же сейчас тянут вниз неудачи?
Где же крылья мои? Где ликующий смех?
Хлопочу день-деньской. Я не ною, не плачу.
И в потерях моих не виню больше всех.

Виновата сама! Просто стала взрослее,
Вслед за юным вином выпив мудрости яд.
Чуда больше не жду. Ни о чём не жалею.
Не хочу медных труб и высоких наград.

Я мечтаю опять стать однажды крылатой
От пьянящей любви, что пригрезится мне.
Маргаритой из дома сбегу на закате…
А пока что летаю. Но только во сне.

Пропуск в Вечность

Художник ощущает мир иным,
Ему дано особенное зренье.
Он, как и все, идёт путём земным,
Но искры Божьей одержим гореньем.

Вселенская серебряная нить
С небес на Землю сквозь него струится:
Ведь он рождён любить, страдать, творить
И к совершенству всей душой стремиться.

Когда же вдаль по Млечному Пути
Творец навек уходит в бесконечность,
Он оставляет нам труды свои —
Стихи, картины, песни — пропуск в Вечность.

Пройдут века, но через сотни лет
Искусство настоящее прорвётся,
Взволнует сердце, излучая свет,
И эхом вдохновенья отзовётся!

Удел звезды

Удел звезды прекрасен и печален:
Сиять в ночи — всем бедам вопреки,
Всему венцом быть и всему — началом…
Но как миры иные далеки!

Не дотянуться до звезды-соседки,
Лишь можно ей игриво подмигнуть:
Мол, как дела? Как настроенье, детки?
Зашла бы, что ли, в гости как-нибудь…

А как влюбиться в звёздного соседа?
К нему лететь — сто миллиардов лет…
Тире да точки — вот и вся беседа,
Друг другу дарят звёзды только свет.

Но где-то там, во глубине Вселенной,
Мечтой о звёздах грезит человек,
Звездой зовёт любимую, бесценной,
Хоть дан ему земной, короткий век.

И сколько раз слова любви звучали
Под звёздным небом, как пред алтарём…
Удел звезды прекрасен и печален:
Ей — не судьба с любимым быть вдвоём.

Настанет миг, когда она угаснет,
Но свет летит к нам долгие года,
Чтоб кто-нибудь желание на счастье,
Любуясь звездопадом, загадал…

Леди Осень

Тихо бродит по парку вечер,
Плащ накинув из листопада.
Догорают заката свечи.
Бал окончен. Прощаться надо.

Задремала устало стража.
Стали длинными ночи, тени.
На просторе пустого пляжа
Губы жжёт поцелуй осенний.

Ровно в полночь умчит карета —
В сентября молодую просинь.
Башмачок потеряло Лето,
Ты найди его, леди Осень!

Стихи про стихи

Вчера ко мне пришли стихи.
Ворвались шумною ватагой.
Перо повенчано с бумагой —
И строки вовсе не плохи.

Зачем рождаются стихи,
Томят и разрывают душу?
Не отступлюсь я и не струшу,
Очищу смысл от шелухи.

Я не хочу писать стихи —
Они, как птицы, рвутся в небо,
Где солнца свет, где быль и небыль,
Полны наивной чепухи.

Весь мир заполнили стихи.
Они поют, как шум прибоя,
И манят в море за собою,
Горланят, словно петухи.

Всю ночь не сплю, пишу стихи.
Им, как подарку Бога, рада.
Они и му́ка, и награда,
Моё прощенье за грехи.

Легко ли написать стихи?
Найти единственное слово.
Хоть под Луною всё не ново,
Сковать подкову для блохи.

Любовь нахлынет, как стихи.
В ночи бьёт летний ливень в стёкла,
Сирень цветущая промокла…
Какая мощь — разгул стихий!

Пласт чернозёма от сохи.
Глоток живой воды студёной.
Как исповедь души влюблённой,
Ко мне вчера пришли стихи!

Астафьев где-то рядом

К 100-летию В. П. Астафьева

Нам от памяти некуда деться —
Оживает она в тишине.
По селу бродит Витино детство,
Где герани грустят на окне.

Стрекот слышится швейной машинки —
Это бабушка шьёт всей родне.
Запах хлеба в печи — по старинке,
Как привычно в родной стороне.

И куда бы судьба ни носила,
Как магнит, тянет Родина, дом!
Только здесь обретаем мы силу,
Только здесь вдохновенье найдём!

И Астафьева Виктора тоже
Опалили война и беда.
Понял он: нет Овсянки дороже, —
И вернулся в Сибирь — навсегда!

Очарован таёжной природой,
Он писал так же страстно, как жил.
Языком, что понятен народу,
Правду жизни взахлёб говорил.

Нищей, голой, святой и великой —
Он Россию всем сердцем любил.
В сельском храме с икон смотрят лики —
За ошибки Господь нас простил…

Наш Астафьев сейчас где-то рядом —
К Енисею ушёл напрямик,
Книг на полках оставив отряды —
Мудрых мыслей чистейший родник!

Веют вешние свежие ветры
Над рекой, как и сто лет назад.
Зеленеют могучие кедры,
В нежной дымке невестится сад.

Заалеет заря над Овсянкой,
В небе ясный зажжётся огонь,
И царь-рыба плеснёт спозаранку,
Скачет с розовой гривою конь!

Люблю Кирилла и Мефодия

Родного языка мелодия
Легла на сердце с детских лет.
Люблю Кирилла и Мефодия
За просвещенья яркий след.

В народ культуру христианскую
Два брата-грека принесли,
Создали азбуку славянскую
И письмена перевели.

С тех пор кириллица с глаголицей
В любой встречаются строке.
Народ читает, пишет, молится
На чистом русском языке!

И слово русское печатное
Способно всех объединять,
Вести на труд и битвы ратные,
Страну хранить и защищать.

Пускай идут тысячелетия —
Звучит могуче наша речь!
Передадим любовь к ней детям мы,
И будут правнуки беречь!

Поэты не умирают

Как быстро свеча догорает!
Мигнула — и гаснет в ночи.
Поэты, как все, умирают,
Но голос их в строчках звучит.

Душа — словно нерв. Не до вздоха,
Поэтам лишь снится покой.
Их доля — на поступь эпохи
Откликнуться чуткой строкой.

Они не прощаются с нами,
Неведом забвения страх.
Сердец беспокойное пламя
Пылает в бессмертных стихах!

Марина Росс

Ранетки цветут

* * *

И колокола гул, и звон кадила,
Я знаю, кровно связаны со мной
И с небом над моей родной землёй
С младенчества, которое забыла.

Наверное, тогда я знала больше
О самом главном, и теперь душа
Старается припомнить — и не может, —
Что этот звон небесный обещал.

И только помнит церковь у дороги
И кладбище, исполненное тайн
Другого мира… шум берёз высоких
И вдоль большой дороги иван-чай.

Ранетки цветут

И даже хмурый трудяга-город
В соседстве с этой красой в цвету
И юн, и свеж, будто тоже скоро
Пойдёт к венцу, как они идут —

Роскошным облаком ароматным,
Гляди, закружится голова!
Небесной нежности делегатом,
Концертом счастья от Божества,

Где в партитуре сплошное dolce…
И взгляды пристальнее, и кровь
Опять поёт и уже не хочет
Прощаться с лучшим из всех миров.

Велосипедная прогулка

Листья сухие — с деревьев ли, с неба —
Тихо летят на асфальт.
Словно пластинка из прошлого века,
Шинами тронешь — шуршат.

Так начинается музыка эта —
Музыка осени в тихой душе.
Кажется, только вчера было лето…
Жаль, та пластинка в архиве уже.

* * *

Перед расписанием маршрутов
Замираю, как у образо́в,
В книгу жизни вчитываясь будто…
В ней зовётся родиной любовь.

И беру билет на *тот* автобус,
Всё такой же старенький, битком,
Но в реестре ценностей особо
Важный — в списке памятном моём.

Это он взрослевшего ребёнка
Вёз в начале лета каждый год
В край, манящий солнечно и звонко,
Где простая жизнь светло течёт.

Я теперь не плачу, как бывало,
Приближаясь к сёлам дорогим,
Но переживаю жизнь сначала…
Не спеши, шофёр, притормози!

Он за поворотом остановит,
Где цветы калины и скамья.
Место свято, но оно пустое…
Без тебя, родимая моя.

Цветаева

С океаном читающей письма,
Словно брат он певучей душе,
В мире лживом, где каждый зависим
От продажных людей и вещей,

Ей, мерилом считающей совесть,
Где же было прийтись ко двору?!
А на жертву бескровную —в слове —
Не призрел Ты? Неправеден труд?

Отказалась от «третьего царства» —
Неподъёмной даётся ценой…
Неужели и *там* ей мытарства —
И не меньше, чем в жизни земной?

* * *

Памяти А. И. Смирновой

Множатся на тополе пушинки,
А в лугах— пахучие цветы.
Видишь, даже к тоненькой травинке
Солнце потянулось с высоты…

Телеграммы текст в слезах растаял,
Я ему не верю… ты живёшь!
Лёгкий воздух радостно вдыхая,
По траве некошеной идёшь,

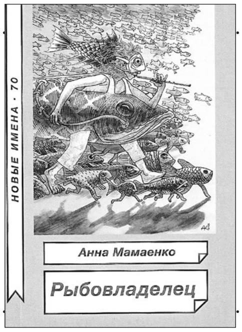
Козырьком прижав ко лбу ладони,
Смотришь: это кто там, вдалеке?
Тополя стоят за старым домом
Так же, как стояли сотню лет,

Только жизнь промчалась… пухом белым
В эту пору устлана земля.
Я к тебе приду… приду несмело…
Ты прости, прости, прости меня…

Молитва

Отведи, Господи, от России
Демонократии
вторжение
долларокрылое.
Да не восстанет Каин на Авеля,
не захлебнётся мир
чашей кровавой!
Покрывалом своим накрой, Пречистая,
города и сёла многострадальные —
Донецк и Горловку, Луганск, Широкино…
Вразуми, Господи,
скачущих в Киеве,
Харькове, Львове
с портретами идолов —
пособников рейха,
с нацистской символикой.
Пусть им приснятся
печи Освенцима
и поводырь их — дьявол.

Д*и*Н ревю



Анна Мамаенко

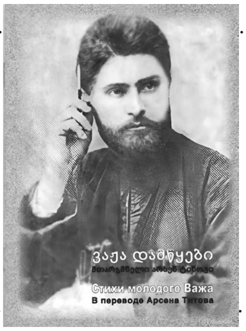
Рыбовладелец

Оренбург: Издательский центр МВГ, 2022

Книга издана в рамках реализации социально значимого проекта «Всероссийский семинар-совещание молодых писателей «Мы выросли в России» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, Оренбургским региональным отделением Союза российских писателей.

* * *

Доброй дороги — говоришь ты, делая шаг,
не зная сам, где окажешься через миг.
По рельсам гудящим — в рай понеслась душа.
Соколом по-над дорогою проводник
макает в лазурь маховое перо,
серое с красным, как выжженный солнцем луг.
Жребий, что выпал, становится на ребро
и колесом по рельсам бежит из рук
из пункта А в обетованный край
открытых дверей и детских любимых книг.
Только сперва собирайся и умирай
из своих Вавилонов и Палестин своих.
Сорок лет пустыни — это ещё цветы.
Удивлённое небо рассмотрит тебя в упор
и поднимет шлагбаум в Слово из немоты,
продолжая когда-то прерванный разговор.



Арсен Титов

Стихи молодого Важа

Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2023

От автора-переводчика

Важа Пшавела (Лука Павлович Разикашвили) — великий грузинский поэт, один из пяти деятелей литературы, которых принято называть по именам: Шота (Руставели), Илья (Чавчавадзе), Акакий (Церетели), Галактион (Табидзе) и Важа.

Он родился 14 июля старого стиля 1861 года в селении Чергали (маленькая область Пшавети в горной Грузии), в семье священника старшим ребёнком. В семье чтили поэзию, и Лука с братьями Бачаной и Тедо, тоже ставшими литераторами, писать стихи пробовал с детских лет.

Учился Важа сначала в духовной семинарии в Телави, потом в учительской семинарии в Гори, один год слушал лекции в Петербургском университете, затем преподавал детям князя И.Г. Амилахвари, предки которого были сподвижниками грузинских царей. И всё-таки Важа вернулся в горы и стал жить обычной жизнью своих сельчан: учительствовал, пастушил, пахал и убирал урожай, охотился – и писал.

Его поэтическое наследие составляет 36 эпических поэм и 400 стихотворений, несколько пьес, рассказы, публицистические, этнографические, критические статьи (Википедия).

Умер он в возрасте 53 лет 10 июля старого стиля 1915 года. В 1935 году его прах перенесён в Пантеон выдающихся людей Грузии на горе Мтацминда в Тбилиси.

Приведённые в сборнике стихи — это стихи молодого Важа, начинающего поэта, пока ещё особо не выдающего того факта, что через несколько лет, в 1893 году, миру будет явлен шедевр — поэма «Гость и хозяин».

В своём поэтическом языке Важа в большей степени использует токи народного творчества, сохраняя и язык, что является одной из многих трудностей для точности перевода. Многие стихи сам он называл песнями, и они пошли в народ, стали народными.

Большинство приведённых в сборнике стихотворений состоят из 14 строк (как в сонетах) с довольно оригинальной и сложной рифмовкой. Я постарался в переводе быть как можно ближе к оригиналу, может быть, даже в ущерб некоторым поэтическим канонам, которые соблюдали такие блестящие мастера перевода, как Н. Заболоцкий, Б. Пастернак и другие. Но такой подход, мне думается, наиболее передаёт уровень раннего поэтического мастерства Важа, что и было моей задачей.

Я выражаю искреннюю признательность своему другу и замечательному человеку Григорию (Гие) Вашакидзе, чью помощь в работе над переводами невозможно переоценить.

გაზაფხულს ია ამოდის

გაზაფხულს ია ამოდის,
სთველში ირემი ყვირისო -
ე ჩემი გული ტიალი
ისევ და ისევ სტირისო.
ღამით მინახავს მთის პირად
ბუ გულისაკლავად კიოდეს;
ნეტავ, თუ კიდევ სხვასაცა
ჩემებრივ გული სტკიოდეს?!
მითამ სუყველას ბოლო აქვს,
ზღვანიც-კი დაშრებიანო;
მაშ ჩემის გულის დამჭრელნი
რათომ არ გასწყდებიანო?!

1886

ВЕСНА, И ФИАЛКИ ВСХОДЯТ

Снова весна, и фиалки всходят,
И олень снова трубит в чаще.
Эх, а мое сердце весной
Снова и снова плачет.
Ночью снится сова, что кричит,
Сердце мне надрывая.
Чтоб так же, как я, здесь мучился,
Есть ли еще сторона другая?!
Когда-то всему приходит конец,
Когда-то и моря пересыхают.
Только раны на сердце моем
Почему не утихают?!

Алексей Небыков

Тиромалка

Панночка

— Сергей Александрович, всё! Вконец увязли! Сделайте одолжение, переждите вон в той церкве, где тихий свет мается! Дальше сегодня никак нельзя. А я приберу тута — да за вами…

— Поступай как знаешь! — недовольно, но с некоторой искрой чаяния нового стечения прокричал в ответ невысокий, коренастый парень и спрыгнул с коляски, направляясь к деревянной, совсем почерневшей церкви, сиротливо стоявшей на небольшом отдалении от дороги.

Кругом стояла ночь непроглядная. Дождь заливал весь минувший день, дорогу разъело, и не было никакого средства, чтобы справиться с распутицей. Надлежало ждать, пока кругом пообсохнет.

Сергей шёл вдоль погоста, мимо покосившихся крестов прочь от дороги и удивлялся, отчего хоронение устроили на подходе, а не как принято — подальше от глаз, на заднем церковном дворе.

— Спаси и сохрани! — решительно проговорил, осеняя себя крестом, Сергей, забегая по высоким ступеням под своды обители, и звёзды вдруг проглянули кое-где на небе, но в тот же час тучи вновь набежали на них, нагнетая бессветие.

Снаружи церковь всю окутал закостенелый мох, и если бы в окнах не светился огонь, любой бы подумал, что в приходе давно уже не отправлялось никакое служение. Внутри было манко, натоплено и безлюдно. Свечи окрашивали почти каждый образ, и что-то вытянутое стояло на возвышении в центре, перед самым алтарём.

Сергей перекликнулся, оглядывая тёмные углы церкви, куда не доносился разлитый у образов свет, но голос его не звучал. Он хотел было разрешиться сильнее, но внезапный гулкий скрип остановил его. Обернувшись на звук, он увидел у непонятного, таинственно расположенного посередине предмета вдруг появившуюся девушку.

— Зачем шумишь? Время покойное будоражишь, — тихо проговорила она и точно нерешительно, не переступая, а скорее проплывая над землёй, стала приближаться к парню.

— Край ты мой заброшенный. Край ты мой пустой! Милая, глухомань-то какая у вас тут. А я застоялся в дороге, не даются пути. Забежал сердца чуткого увидеть, а здесь — умирения тоска. А мне нужно, сильно нужно доехать до ладной своей Изадоры. Зацелую допьяна! Изомну, как цвет!.. — зазвучал нараспев Сергей.

— Ясно… Весёлый ты, складный. А у меня как с прежним назначенным разладилось, так и не найду себе путника по жизни согласного, — почти зашептала, приближаясь к парню, девушка, и резвый, остылый ветер заносил вдруг её слова по сводам церкви и по укрытым мраком углам.

— Небось, милая. Найдётся он, — и Сергей с удовольствием приметил, какая исключительная к нему приближалась красавица — с немного растрёпанной косой, с длинными стрелами-ресницами, с кожей нежной, ослепляющей, как снег, с устами-рубинами, с чертами лица резкими, жгучими, опасными для любого молодого сердца.

Что-то страшно-пронзительное вдруг затрепетало на душе у Сергея, и он решился спросить:

— Говоришь, разладилось с прежним? А что так?

— Так сгинул он али сбежал… Почём я знаю? Дед Векий его сохранял, а он нелюдим и угрюм у меня. Может, и ты его увидишь, если не сладимся.

«Эге, да это ведьма, — догадка жуткая вмиг поразила Сергея. — Или чего плоше — покойница. Вон и гроб под сводами раззявенный стоит…»

— Ты вот что, послушай, милая. Мне же никак нельзя, любовь у меня, понимаешь? Глупое, милое счастье! Свежая розовость щёк! Нежная девушка в белом! Нежную песню поёт!

— Какая ещё любовь? Вклепался просто, остынешь, — или околдовала. В неосвящённом браке живёте, пристрастием проникаетесь. Нет уж, не будет дороги тебе теперь обратной.

В тот же миг хлопнули ставни церковных окон, вихрем загасились свечные огни, писком нетопырей заполонилось подсводное пространство, и заблестели в темноте совсем рядом с Сергеем глаза незнакомки.

Пробудившись в холодном поту, увидел Сергей Александрович привычную столичной квартиры обстановку, расслышал шарканье знакомых ему по лёгкой поступи ног и прокричал:

— Знаешь, Дунька, думаю, нам гоже благословить наш союз, обвенчаться! Сегодня же! Что скажешь?..

Тиромалка

Уходя, он обещал вернуться через пучину лет, чтобы вновь увести детей...

Надпись на доме гамельнского крысолова, 1284 г.

— Сымай, говорю, подеяло с покойника, — шипели из-под распахнутого окна Николеньке, а тот хоть и нашёл в себе стойкость перевалиться через оконник в мертвецкую, теперь вдруг заиндевел в недвижимости в глухоте приуснувшего дома.

Дед Михей околел два дня назад, и сегодня в последний раз надлежало ему ночевать под родными сводами. Близкие его утомились от поминальных приготовлений и потому не слышали ни шарканья оконной щеколды, ни стука ставень, ни скрипа половиц под неокрепшими ногами. А Николенька был бы теперь только рад, погибая от нерешительности, если бы обнажилась засада хозяевами и замутка не имела бы разрешения.

Ночь стояла святочная, дети села Погостова по привычаю собирались на посиделки, тогда-то и загорелись друзья-товарищи соображением жуткой постановки. Решили украсть саван покойника, окрутиться в него, набелиться известкую да явиться видом таким на побеседки. Долго спорили, не решались, ужастились, но затем сговорились: кому выпадет жребий — чур, не робеть.

Не робеть надлежало теперь Николеньке. Он стоял в полупустой, не окрашенной светом комнате, где на крепком столе в самом центре лежал дед Михей. Тело его было покрыто саваном, и казалось, что нет ничего легче — стянуть одеяло и задать бегуна. Но зубы Николеньки неостановимо стучали, и если бы не засиленное прежде слово, никакая забава, никакая хвальба в итоге не сдержали бы его благоразумную робость.

Но некуда было теперь деваться — прихватил погребальную одёжу Николька у самых окостенелых дедовых колен, зашуршал ею вверх, оголяя помутнелое, совсем поусохшее тело, и сорвал наконец ткань и с головы упокойника. И открылось взгляду его ужасающее лицо старика. Казалось, рот Михея беззубо-раззявленный Николеньке скалится, глазницы прикрытые клокочут смоляными шайбами-впадинами, а уши лохматые шелыхаются в отсветах луны.

Опрокинулся навзничь Николенька, заелозил ногами к окну, вынырнул прочь в растворённый проём и припустил от дома, прижимая к груди саван.

Долго потом хохотали друзья-товарищи по дороге на встречу с деревенскими, вспоминая, как сильно сначала Николенька в мертвецкой куралежился, но затем достал всё же крепости раздобыть саван.

Детвора тем временем уже собралась на колядки в заброшенной бане и обсказывала, пугая друг друга, кошмарные о неживых побасни... И вот посреди сказа о пробудившемся мертвяке, о явлении его для истребования душегуба себе на расправу за честь, за совесть, за жизни загубленные — послышались вдруг за окном на скрипучем снегу шаги. Дети вмиг поутихли: девочки жались к парням, а те и сами рады были к теплу поприпасть, крутили головы, не зная, что делать. Самый храбрый среди детей, Тимофей, решил было поглядеть в небольшие окна-бойницы, как вдруг мелькнула под ними неспешная тень, распахнулась дверь предбанника, влетел с жутким визгом в баню чёрный кот, а за ним с морозным туманом просочилась внутрь фигура в жутко-белом саване.

О́бмерла враз детвора, позабывала дыхание, а когда вдруг явившееся нечто воздело вперёд и руки — позакричала, позавскакивала, позапрыгала. Рванулась толпой сперва было к окнам бани, а затем и мимо покойника, превозмогая страхи и жуть оказаться застигнутым.

Больше всего в кутерьме досталось двенадцатилетней Малке. Невесомая, хрупкая, ладная, проявляя характер, она старалась сперва пробиться через толпу, прихватиться за кого-нибудь, кто многим сильнее, чтобы вынестись на его руках, но вместо того различила сперва тычок грубый, жёсткий в ключицу, затем пинок от кого-то высокого мосластым коленом под самую лопатку, ну а следом развернула её перепуганная детвора и припечатала лбом о занозивый крепкий дверной косяк. Покачнуло Малку, от удара попятило, и осела она, поутратив чувства от дурноты, духоты и жасти.

В полусне слышался Малке заливистый смех, разговоры весёлые, и казалось — кто-то подтаскивает её, подсаживает, умещает, но потом беседы шутейные прекратились, завязался спор, пробудивший и Малку к сознанию и мучительной головной боли.

— Ты сымал, ты и ворочай! — отбивались от приступившего с обидой Николеньки парни.

— Договор был и наше дружество! — причитал, выпрашивая, Николенька. — Как туда одному? До сих пор рожа его знобливая пронимает до трепета! До окошка только меня, ребя, чтобы на глазах был, на голосе али что. А там я сам. Враз или отказ, а?..

Но никто за Николеньку не вступился, никто не пожелал под остывшей луной к незахороненному идти.

В этот миг и пробудилась окончательно Малка. Распознала забаву, разъярепела и, замыслив расправу гневную, обругала ребят, загрозила Николеньке за обиду, на лбу набитую, и, громко хлопнув дверью, зачастила по снегу домой, бормоча и расточая про себя поношения.

Подбегая к отецкому дому на краю села, различила в дали потемнелого леса огни. Малка и прежде примечала их проявление, цеплялась

взглядом не в первый раз. Но всё как-то не до того было, не до отрыва от дел ежебудных. Не до огней было и в эту ночь — надуманное ею не терпело промедления, потому и промелькнула она в комнату, не расточая себя на другие вокруг дела.

— Сымаю крест и пояс. Отпускаю в космах узлы. Сахарного петушка за губу, — заговаривала Малка положенные ворожбе обряды, избавляя себя от охранений, расплетая волосы, запасаясь и меной на случай выкупа себя у духов, чтобы в незадавшемся случае было чем отбрасываться за свою жизнь.

Такого, правда, с Малкой прежде не случалось, чтобы крыса её, Боянка, не сглодала предлагаемый кусок тироса, сыра по-нашему, но бабка-ведунья, выдыхая из себя последнюю жизнь, строго-настрого наказывала, передавая внучке свирепый дар, об о́ткупе не забывать.

Заскрипели половицы пола, и явился на свет тусклой лампы в руках Малки целый подпол сыров — отличных размеров, узоров и степени разложения. Куски тироса лежали поодаль друг от друга, и каждый пропорот был зуботычкой с закреплённой на конце запиской. Вписаны в записки были и папа, и мама, и сестрица Френечка, и ребята деревенские, и товарка из магазина, и много кто ещё из сопредельных Погостову мест.

Созревали сыры втайне от близких Малки по старинным бабкиным рецептам и помогали справляться с теснителями, предугадывать выбор, чувствовать стержень жизни и ни за что не бояться.

Решила Малка теперь завязать негодяя Николеньку по-крупному, не с большого зла, а скорее по неосознанной какой-то одержимости. Забухтела что-то шипящее себе под нос, потирая шишку на лбу, застучала в стену безокую кулачками-костяшками, и послышалось в тишине под луной неспешное копошение да шарканье.

За кроватью, в неприметном углу, хоронилась прикрытая рогожей аккуратная скважина. Ткань, застилающая выход из проеденной когда-то прежде глубины, завозилась, задвигалась и наконец откинулась, проявив в подземном мраке светящиеся в темноте красные суетливые глаза. Затем из затеми показалось крупное тело чёрной тяжёлой крысы, сотрясаемое беспокойным дыханием. Передние лапы, так похожие на ладони людей, примеряли крючковатыми, когтистыми пальцами на ощупь половицы на пути, а затем вдруг поднялись в воздух и сомкнулись в замок, замерев в ожидании угощения.

Крыса опиралась на толстый, густо покрытый волосками хвост, а вибриссы её суетливо взбивали воздух, распознавая запах еды и предупреждая любую опасность.

Это была Боянка, доставшаяся Малке от бабки-ведуньи Хмары. Боянка не могла уже более исполнять спорые в движении рывки и прыжки высокие, но по-прежнему была такой же опасной — не столько способностью укусом причинять человеку неизлечимую болезнь, загнивающую заживо, прорастающую в жертве желваками и нарывами, сколько способностями своими хтоническими, расточаемыми по воле хозяйки Малки.

Так и теперь подцепила Малка кусок чеддера, высвободила зуботычину с именем Николеньки и пустила скакать тирос по полу до самой до выеденной скважины, где застыла крыса.

Заприметив большой, нераздельный кусок, не прежние небольшие отломы, Боянка замешкалась, застоялась, точно давая Малке миг проявить нерешительность, перезадумать. Но Малка отважилась наверняка и лишь думала теперь об обидчике, потирая кулачком зудящую шишку. Тогда Боянка подцепила сыр своими хваткими пальчиками, прихватила жёлтыми зубками и уволокла в туннель, где в закутке между крепким домом и подпирающей его амбарной стеной располагалось её подземелье.

Поутихнув чувства свои и негодования, Малка не скоро, но провалилась в сон, а утром, ещё спросонок, расслышала вдруг пробегающей сестры Френечки крик в окно:

— Николеньки нема, не ночлегал дома! Сбегай к забросу… — не расслышала Малка до конца призывы сестры, вмиг пробудившись сознанием вины своего поступления.

• • •

— Говорил я вам, ребя, что Михей — колдун. Сунемся — завернёт головы на затылок, будем следы считать! А вы дразнились! А теперь Николька канул.

— Да не он это, а банник, — подхватил разговор Тимофей. — Я ещё когда в окно заглядывал, чувствовал, будто баня вся скрыпит. Не любит мохнатый забав пропокойных, не нравится то ему, против евойных правил. Николька, поди, как саван отнёс, вернулся за вами. А вы-то уж дома сопели. Вот и заволок банник его за полог да заколупал… Когти-то у него… — и Тимофей растянул руки в стороны, сообщая деревенским меру когтей страшного славянского духа.

Но не покойники и не домовые случили ненастное с Николенькой. Близкий надумал, настращал беду. Знала такое про себя Малка и сама не могла поверить, как отвратилась от добра, оказавшись враз злодейкою.

Забросом в деревне звали стоявший поодаль от дороги и основной гряды деревенских построек дом. Теперь он стоял полуразрушен, крышу его посносило временем, стены сточила непогода, пол, провалившись, врос в землю. Ночью сюда редкий отваживался забрести гость, а днём ребята

часто собирались на сходки — взрослых нет, да и дорога мимо идёт.

Всего год назад здесь ещё в нелюдимости жила бабка Хмара — родная Малкина кровь. То ли звали её так, то ли прозванье за скверный нрав надумали, Малка в том так и не разобралась, даже когда сама стала хранителем родового секрета…

Была Хмара и неприветлива, и неговорлива. С родителями Малки общалась редко, но внучек, как оказалось, любила, а Малку, младшую свою, так и совсем решила оберегать.

Деревенские дети прежде часто собирались на кладбище, любили ходить под луной среди устий жизни и стращать друг друга привычными замогильными историями. Часто они пугали друг друга старухой Хмарой. Так было и в тот первый знакомства Малки с Хмарой день.

Тимофей признавался, будто слышал, что Хмара способна заговаривать кровь, не только живую, но и стылую, подчиняя и нечисть себе на службу, знала про всех и про всё — что сбудется, что сотворилось и что задумано. Николенька сообщал, что однажды проходившие мимо деревни путники усмехнулись, повстречав Хмару, а она в ответ руки крестом на груди сложила и долго о чём-то своём бормотала на месте, да всё в землю сплёвывала, недобро провожая их тяжёлым взглядом. Нашли грибники путников этих в лесу через три дня, точнее, вещи повстречали поразбросанные, а людей — нет, так, говорят, и посгинули.

И много ещё у ребят историй неясных про Хмару было припасено, начали они уже и над Малкой насмешничать: мол, глаза у тебя в ночи как у ведьмы сияют, плещутся — поди, и заметливость впотьмах лучше, чем днём… Но тут вдруг разнёсся эхом могильным неспешный шорох и ворчание шипящее. Затем пробудился какой-то хруст и скрежет: казалось, кость кто-то среди могил глодает-грызёт. И вот большой серый валун, у которого приостановились для бесед ребята, заершился, зашевелился и, возбухая ввысь, обернулся к детям старухой Хмарой.

Вся в земле, в паутине, в руках лопата, волосы, всклокоченные до самого пояса, жёлтые кошачьи глаза углями горят, побрякушки и бляхи железные, понавешанные на платье, разнообразные — противно позвякивают. Как голосом своим, неотличимым от скрипа дверных петель, захрепетала Хмара, так детвора позавскакивала да позаразбежалась.

— Куда?! Кимарики! Заговорю сей час, хто хворым станется, хто тусклым загниёт, хто бранной руганью больбу себе зазывает, силы защитные истончает!

И трепетали дети этих как раз наговоров Хмары больше, чем дел её непонятных на кладбище — то ли копала, то ли прикапывала, — главное, слово сглазное в свой адрес не расслышать.

Метнулась было за ребятами и Малка, да, отступая назад, провалилась по колено в яму примогильную, от времени поосыпавшуюся, да застряла от ужаса, вырывая ногу против препятствия, хотя неспешно легко бы могла его обойти, не царапая кожу в кровь, не собирая раны и ссадины.

— Обожди, не рви, — недовольно проскрипела Хмара и склонилась на коленях к Малкиной ноге.

«Закусает до издоха, загрызёт посередь упокоенных», — убеждала себя Малка, зажмурившись от ужаса, пока Хмара длинными своими костлявыми руками вызволяла ногу из ямы.

— Заживится, затянется. Однако надо отварный намазать свет. Идём, мелкота. Не хошь? Заговорю!.. — и Малка, не имея решимости противиться, увлеклась бабкой своей родной в стены обходимого прежде стороной дома, ставшего затем на долгие дни самым милым в деревне приютом.

В тепле речей Хмары, в мягкости её прикосновений, в вязанном особливо для внучки кардигане, в иван-чае, заваренном с сушёными ягодами, мёдом и яблоками, находила Малка больше приветливости и внимания, чем в быстротечных разговорах на ночь с безызбывно уставшими родителями и в пустяковом вредительстве Френечки, ревновавшей младшую сестру с самого детства.

В тот первый знакомства день обработала Хмара раны и ссадины Малки, поснимала с одежды репей и, усадив внучку в мягкое кресло, пошла и себя приводить в порядок, явившись на глаза уютной и опрятной старушкой, поснимавшей с себя побрякушки странные, расчесавшей в широкую косу волосы, набелившей и руки до чистоты…

Обстановка у Хмары в доме, в общем, была современной, хотя выделялась сложенной в самом углу дома по-старинному, без смазки, каменкой. Печь в наши дни Хмара уже не использовала, но засмолённые стены хранили свидетельства прежних дней, когда топили её по-чёрному, а солнечные лучи проникали в дом, сочетаясь с дымом, точно копчёные. У печи стояла та самая кладбищенская лопата, с которой деревенские встретили Хмару под луной, а ещё на полу стелилась небольшая, изгрызенная со всех сторон рогожа.

— Чяго смиряешься? Не сто́ишь за сябя! — прервала размышления Малки проявившаяся из уборной комнаты Хмара. — У меня в твои годы могли враз охрометь али чяго похуже… — и ведунья хитро заблестела глазом, застучала посудою, зашуршала мешочками и туесками, и явились на тусклый лампадный свет сухофрукты, варенья разные и целая россыпь сахарных петушков, которых затем и сама научилась варить Малка.

— Не надо никого хрометь. Ребята годные у нас. Да, забавники. А и ты, бабушка, кажись престранная. Переплетни знашь каки про тебя? А ты вона! Не жастная совсем. За что так дико себя ведёшь, одеваешься, нелюдима?..

— Для острастки, для охранения… Не люблю людей… — и, увидев испуг на лице Малки, добавила Хмара: — Но той не про тябя. Ты моя кровь, мой сглаз. И моё к тебе буде всегда жалейское внимание. Лопай скорее, — и Хмара толкнула внучку в плечо, чтобы та приступала к угощениям.

— А с мамой моей почему поразладились?..

— Сама она… сама… Сперва, конечно, и я всё не могла простить дочери заурядный выбор… Когда кругом силы стихийные, непознанные, дикая мощь, густота. Был ведь у матери твоей, Малка, ведуньин дар, да растеряла она его, утопив в делах семейных. Ну а потом и сама она стала меня обегать… Село, вишь, наше торговое же испокон было. Не просто так «Погостово», значит — «соборище торговое», прозывалось. Завсе тута торговали сыром, творогом и всяким подсобным. Это теперь позабывали ремесло, а давеча не только торговали, но и нагадывали: за кого замуж девка пойдёт, в кого влюбится себе на счастье, а в кого — на погибель. Сыр, вишь, не просто так сворачивается, свёртывается — по его узорам, дырам и плесени о жизни можно читать…

— Так то же и ничего неправедного в том, отчего мамка-то?..

— Вишь ли, люди кругом в основном середняки, а бабка твоя Хмара силой наделена. Урожай-то ведь не только на то, что произрастает в земле, случается, но и на наши людские особенности. У неё, у натуры, знашь какая мощь! Заталанить может. А тому, кто поперёк устройства надумает чего, али разумом своим, али характером, замыслит нравничать, отделяться, порчи свои внутренние станет на свет вызволять, наоборот, натура враз от себя избавит. В зависимости мы все, в едином потоке… Так вот, мне-то больше других силы досталось. Могла и дурного человека различить, предупредить болезного, чтобы поосберёгся, а душевной хворью томимого — чтобы не надумывал недоброе. Особо искусно вызревал у меня и сыр, да творог сладкий собирался до восхищения. Но не торговала энтим я в товарных рядах, а использовала для разговора с силами верными, разъясняя приходящим и судьбу, и всякое разное…

И рассказала тогда Малке Хмара, как являлись к ней люди, робко, тихо стучались в двери по ночам, как уходили с решением и надеждой, благодарили, кланялись, но за глаза стали бояться и привирать. Мол, заодно старуха с бесами, исполняет злые гадания, мелет в сыр и кости, сообщается с упокойниками… Напужалась было Малка тут, вспомнила недавнюю на кладбище встречу, лопату, притулённую недалеко у печи, но Хмара так ласково на неё посмотрела, что вмиг страхи отринулись. А бабка всё продолжала, что, мол, так и мать раньше, когда недорослой была, — всё принимала с увлечением, а как созрела, смужилась — стала стороной…

— Давно всё это было, теперь уж не прибегаю… Одна Боянка сзывает в памяти те времена. Иди, познакомлю…

И застучала Хмара по стене костяшками, зашептала наговоры, точно змея, закрутилась на пятках в разные стороны, и повылезла из-за печи на рогожу крыса Боянка.

Случилось Хмаре с рождения стать сил природных хранительницей, дававших ей и жизненной крепи, и способности заглядывать в неизведанное. Науке сподобили предки — потомственные ведуны, что в свой час переняли искусство от старших сородичей, и так из колена в колено по девичьей линии — до тех пор, пока след и известия не затерялись в позабытой теперь летоистории.

Боянку же приютила Хмара в один из торговых дней, когда на крыс расположенного недалеко от деревни Погостово города объявили смертный лов. Случилась в городе нехорошая болезнь, грызунов посчитали заносчиками. И пошла на них охота — ловушки лютые, приманки и отравы отменные. Завезли и котов, и терьеров наученных в большом количестве. Пригласили и крысоловов умелых.

Был среди них один, пооткрывший причину грызунов множения. Мол, человек в беде повинен сам: всё замусоривает кругом, не вычищает стоки, запруживает подвалы и амбары, содержит в гниении помойки и тюрьмы, закономерит и голод, и войны, и бедствия. Но не одумались горожане, не послушали его, лишь поизбили и прогнали прочь.

Случилось в те дни оказаться Хмаре в городе, и, следуя по его тесным улицам через крысиной резни гул, завернула она на истошный писк в один из глухих проулков и увидела Боянку, бьющуюся от безысходности с тремя терьерами, выдравшую уже одной собаке глаз, израненную, но не уступающую схватке за последние жизни мгновения. Отбила Хмара у собак Боянку, укрыла в платье, унесла из города и с тех пор живёт с крысой вдвоём.

И благословила натура союз этот, наделила Боянку силой жизни тягучей. Пережила она не одно своё поколение, а ещё выучилась загаданное хозяйкой исполнять.

— Твари эти, Малка, — не только болезни и разрушение, они есть знаки природной выручки, свободы, мудрости. А Боянка моя так и вовсе особенная: крысы-то живут всего несколько лет, а она позабыла о времени, породнилась с тех дней с моей судьбой, а после и тебе будет охранительницей.

Так и простились Малка с Хмарой в тот знакомства день, и часто затем забегала внучка к бабке по всякому важно-неважному.

Поисбылись годы, стала Малка встречать одиннадцатую весну, распалялся круг високосный, безудачливый. И пошёл вдруг посреди лета жаркого неостановимый дождь. Шесть дней заливал,

а на седьмой утихнул. Не ходила в ненастные дни к Хмаре Малка, а здесь с первыми лучами и заторопилась.

А Хмара при смерти лежит, на остатнем дыхании, Малку дожидается. Целый день лишь чуть говорила с внучкой, будто силы копила, укажет на что-то пальцем кривым своим: мол, подай, принеси, переставь, припрячь, приоткрой,— и отвернётся в молчании к стенке. А вечером на самом уже забегающем солнце присела на постель Хмара, шушукнула Малку и говорит:

— Ты, мелкота, слухай теперь внимательно. В дела взрослых не втягивайся, они души сгубленные, не выпутать их, не помочь. Токмо если кто из самых твоих поблизких. А так весь пользуй дар токмо для себя и жди, когда сердце твоё натуре отзовётся — путь распознает, дело разбередит. Никого не суди, но за обиду умей сквитаться. Иначе за тебя иной дело твоё станет решать. Ведь так и положено устроением — кому страсти, тому и жасти,— и Хмара приобняла ничего не понимающую внучку, принакрыла голову её ладонями, забурлив шёпотом вязким, неясным.

Свет в доме Хмары закачался, замигал вспышками, в странную глухоту погрузилась враз Малка, а затем зазвенел ветра свист, повышибал посуду со столов в доме, посваливал горшки, побрякушки, закладки с подоконников, стукнулась, дребезжа, об пол приставленная к каменке лопата, и опрокинулась на подушки Хмара, а Малка застыла, не понимая случившегося преобразия, прошедшего через неё от самых соков земли до горнего неба.

— Ба-а-а, что это было?!.. Что соизошло?!..

— Не жастись, мелкота, сила теперь в тебе немеряна! Я сей час стану увядать на глазах. Слухай, не перебивай! Книгу вишь, укрытую тканью, на столе? Там все средства про наши родовые гадания, про сорта сыров, творогов, про рецепты на случаи всякие. Я многому тебя в эти годы обучила, сей раз только засилить тебе осталось. Стой за себя в любом сположении, не бойся, но сама першая не вреди — всё взращается, все мы в одном колесе.

В этот момент крыса Боянка забралась, перепуганная, на грудки хозяйки, суетливо стала вращать головой, содрогая себя дыханием.

— Боянку к себе прибери. Опусти на землю рядом с домом, она сама пристанище отыщет, прогрызёт к тебе в комнату лаз, и будешь выстукивать её костяшками, как я учила, в дни обрядные. Иди теперь, упокоеваться стану,— насовсем попрощалась уже Хмара.— Матери станешь про меня сказывать — передай, что я за всё её простила и жалела о нашей размолвке каждый день. Иди, обойму тебя, и брысь из дома, мелкота моя ненаглядная…

Хмару схоронили на третий день, Боянка поселилась в запустелом амбаре позади Малкиного дома, а сама девочка с тех пор начала приколдовывать.

Обряд её складывался так. В устроенном в подполе тайнике хранился укрытый Малкой со стола или купленный в магазине сыр разных сортов и размеров. Каждому куску, отличному один от другого, назначалось имя знакомого человека, и хранились сыры, вызревали в покое до наступления обиды или другого до Малки неуважения. Кто злословил её, вредительствовал — вмиг получал расплату. Кругом думали, будто сама доля вступается за Малку, а потому нет-нет да и стали относиться к ней с опаскою и приютом. Ведь мало-помалу нашлись, как сопоставить прошествия да случайности.

Пёс, напугавший Малку однажды, на следующий день охромел, угодив, играясь, в яму. Дразнившие в голос заезжие из города мальчишки напоролись босыми ногами на битое на дне водоёма стекло и поразъехались по домам перевязанные. Дед Михей, накричавший как-то раз на ребят, три дня извивался грыжею, а товарка Рина поскользнулась и вывихнула ногу, нагрубив как-то пришедшим за мороженым детям. Много чего ещё случалось, но ничего прежде такого непоправимого. Но то и скармливала Малка Боянке всегда от заговорённых кусков по малому отщипу, а не целому, как случилось с Николенькой в этот раз…

Малка в ворожбе, от Хмары доставшейся, и раньше не сомневалась, да только теперь различила её силу погибельную.

— Како мне дело, зазнобят меня куры али нет, если же я их люблю есть? — говорила Хмара о силе своей и способностях, чтобы внучка не сомневалась и справляла дело без нерешительности.

В угрызеньях и холоде проходила Малка дотемна по окраинам деревни, вспоминала все с ужасом наказы бабки, что если целиком заглотит Боянка кусок заворожённый, то ходу обратного уж не будет и свороченного не вернёшь. Да всё же решилась пролистать сызнова затворную книгу: вдруг сыщется что-то, чего не различила, не довыглядела?..

Вернулась Малка домой, проводив закат, встретили её растревоженные дома родители, стали расспрашивать про Френечку, где сама была, почему долго так сей час гуляла. Думала Малка сознаться в наговоре и в своей беде, посоветоваться, позаручаться. А случилось, что Френечки дома не было до сих пор: как ушла с утра на заброшку, так и не возвернулась. Не до Малки стало перепуганным родителям, собирались на поиски, по деревенским в розыск.

Закутилась Малка в комнату свою, стала поднимать половицы. Николькин сыр был изъеден целиком вчера, лишь позеленевшая валялась в подполе зуботычина теперь с его именем. А до Николеньки стравливала Малка Боянке Френечкин кусок, небольшой,— за обиду, за добро, сестре преднаказанное. Нагадала Малка Френечке

не встречаться с женихом из соседней деревни, проявила, что неверный он, позабывчивый, окромя того и сутулый. А Френечка, счастья не зная, заругала Малку, запозорила… Тогда и стравила кусочек тироса Малка Боянке… Но думала, попривычно, не страшное ничего случится — поотравится, проостынет, и всё. А тут, гляди, и с малого куска в незнание. А кровь своего, право, не шутка. Думай не думай, а выручай.

Стала ручками своими Малка елозить в подполе и высвободила на свет книгу дремучую, сыпучую, заметами на всех страницах исписанную. Всю ночь читала-выгадывала и распознала, что, коли насытится совесть, нажалится, дабы обернуть всё вспять, можно опробовать средство одно: достать сыру того же сорта и размера, истопить целиком на огне до прижарок, до гари, наговорить покаянные слова, дабы с дымом ушло вредительство. А коли и то не поможет, единое станется средство — расплатиться жизнью животины, в ворожбу замешанной… силы уж тогда изойдут насовсем и несвет рассеется.

Испугалась Малка такого разрешения. Нет, не можно, не должно задушегубить Боянку милую, безропотно, беззаветно отдавшуюся служению…

И уверилась девочка с утра разрешить всё малыми средствами, и позабылась на пару часов до истечения оставшегося предрассветного времени.

• • •

Утром Малка споро влетела в магазин.

— Рина, Рина! Скажите, где у вас тот красный чеддер? Завозили две недели назад…

Но нужного сыра в магазине не оказалось, не было и иных не занятых в ворожбе Малкой сортов, и что оставалось теперь делать, девочка не представляла.

Захлёбываясь от досады и неприключения, вышла от товарки Малка и села тут же на окаймляющий магазин оледеневший бордюр, расклеилась как-то враз, заплакала. Ветер хлестал её волосы, засыпал лицо колкими мелкими снежинками, оголённые ладошки, спасающие ясного солнца лучи вдруг накрыла какая-то тень, загородив от тепла и света.

Перед Малкой стоял долговязый, крепкий, приветливо смотрящий на неё человек в пёстрой, создающей ясное настроение одежде. Он был похож на охотника, только странного охотника, будто ненастоящего, а принаряженного. На ногах его были тёмно-серые высокие угги, в которых прятались хмуро-синие гетры, надетые поверх бежевых штанов, украшенных расписным узорным поясом. Скандинавского фасона куртка в разноцветных причудливых узорах, длинная, до колен, была расстёгнута, под ней скрывался буро-зелёный шерстяной жилет на застёжках, а на шее был повязан коричневый шарф. На голове его была бордовая, гусеницей, шапка, похожая на рыболовный силок. Незнакомец дружелюбно улыбался и через мгновение предложил:

— Я слышал, ты ищешь особый янтарный чеддер? Не плачь, у меня как раз есть целый для тебя кусок, — и он протянул, вытащив из-за пазухи, тот самый, нужный Малке, кусок сыра — похожего цвета, должной упругости.

И только Малка коснулась куска, что-то вдруг в голове её зазвучало, засвиристело, заплакало. Казалось, неразличимо где, но в то же время и повсюду, льются звуки уличной флейты, звуки неясные, но такие завораживающие, зазывающие. И Малка сама не заметила, как вдруг приподнялась и оставила пределы магазина, дошла до границ деревни и отправилась в чащу леса вместе с пёстрым незнакомцем, не имея сил противиться, не желая возражать.

Они шли мимо дороги, мимо знакомого поля, вошли в лес, уходя от деревни всё глубже и глубже, а деревья, привычно мрачные и нелюдимые, встречали в этот раз Малку приветливо, расступались, расслаивались, давая ножкам её спокойно идти, убирая всякий неприятный взгляду сор и препятствия. Незнакомец, чужой человек в пёстрой одежде, глазами счастился, подмигивал Малке, будто рассказывал занимательную историю. А Малка всё шла и не думала, что огни, святящиеся впереди, виделись ей в чаще и прежде…

Когда Малка пробудилась от морока, она обнаружила себя на краю широкой ямы. Перед ней было не стихийно обвалившееся заглубление, а подготовленный умелыми руками глубокий погреб, задуманный для долгого обращения. Погреб имел крепкую глухую, укрытую мхом крышку с отверстиями для воздуха, утеплённые стены и пол, подушки и одеяла, светильники, чадящие маслом, а ещё игрушки, разбросанные внутри. Прятал погреб и детей, напоённых внутренней какой-то безмятежностью, среди них различила Малка Николеньку и сестру свою Френечку.

— Полезай в землю, душа моя, широкую, просторную, всяк принимающую, — предложил Малке незнакомец спуститься по небольшим ступеням, а дети, глядящие как мальки в неводе, головками послушно в такт голосу пёстрого незнакомца закивали. — Легко впустит тебя к себе земля, покроет собой, точно приютной шерстью, не бойся, не задумывай, — тихо продолжал незнакомец, глаза его вмиг стали красны, как угли, и в воздухе вновь зазвучали знакомые переливы.

В этот момент сильно-сильно Малка зажмурилась, сознавая приступы охватывавшего её непротивления, представила себя дома, в комнате, — вот они, заветные половицы, а здесь тяжёлая кровать, там позади неё пробирается

по лазу Боянка, пробирается в любой час и в любой день, и, примостившись на колени, стала Малка стучать по доскам лестницы, нашёптывая под нос привычные заклинания, призывая подругу к себе на помощь.

— Как? Противится? Когда музыкант пособрал поотсталых, не дабы плодить зло, а во имя пагубы в душах взрослых искоренения, — с интересом произнёс пёстрый незнакомец и, развернув к себе Малку, только невесомо коснулся её живота раскрытой ладонью, но от этого лёгкого прикосновения скрутило с такой жуткой силой живот девочке, что ноги её подкосились, и рухнула она в яму, испытывая несносимую боль.

Последнее, что видела до потери сознания Малка, — замельтешившую над ямой тень, а ещё будто силуэт отца, напомнившего вновь о доме своим движением.

• • •

Малка очнулась на следующий день. Оглядела знакомые стены, наобнималась с сестрой, нажалелась с матерью, приворошила Боянку…

Зло поотстало. Хотя не случись этой негаданной папиной приметливости, преследования незнакомца в лесу, уведшего Малку, сшибки на краю ямы, порезанного до глубины живота, из-за чего папа теперь в больнице, а ещё внезапно пробудившихся от морока детских криков, — не сбежал бы тогда, пожалуй, пёстрый незнакомец и не знамо, где бы теснились теперь деревенские дети.

Нагулявшись в тот самый пробуждения день, Малка сидела дома в закатном угасающего дня солнце и всё шептала Боянке, нашёптывала:

— Ты прости меня, милая, я же и впрямь было уже задумала тебя извести… от безысхода, отчаяния. А ты всегда была заступницей, моей жалейкой. И в лесу меня услышала, и отца навела. Ведь тоже ты?.. Не скажешь, а я-то ведаю… Но осталось у нас с тобою дело незарешённое. Составим его и оборвём со стихией связь, пущай натура сама разрешает… — и достала Малка предмет с кулачок, укутанный в бумагу, развернула сыра кусок, нашептала в него, наговорила и целиком Боянке бросила. — Никаких теперя поотсталых, никаких боле утерянных…

Д*и*Н симметрия · 1924 г.

Михаил Зенкевич

Стакан шрапнели

• • •

И теперь, как тогда в июле,
Грозовые тучи не мне ль
Отливают из града пули,
И облачком рвётся шрапнель?

И земля, от крови сырая,
Изрешеченная, не мне ль
От взорвавшейся бомбы в Сараеве
Пуховую стелет постель?

И голову надо, как кубок
Заздравный, высоко держать,
Чтоб пить для прицельных трубок
Со смертью на брудершафт.

И сердце замрёт и ёкнет,
Горячим ключом истекай:
О череп, взвизгнувши, чокнется
С неба шрапнельный стакан.

И золотом молния мимо
Сознанья: ведь я погиб…
И радио… мама… мама…
Уже не звучащих губ…

И теперь, как тогда, в то лето,
Между тучами не потому ль
Из дождей пулемётную ленту
Просовывает июль?

Анна Темникова

История под ковром

Женька в свои двадцать шесть по долгу службы много колесил по России и уже ничему не удивлялся. Навигаторы возили его несуществующими дорогами, предлагали остановиться в недействующих отелях. Иногда выходило так, что вместо посёлка с заправочной станцией в чистом поле его встречал полуразрушенный кирпичный остов с сиротливой бензоколонкой советских времён. Обратного никогда не случалось — до этого вечера.

Деревня в навигаторе отсутствовала, указатель на неё присутствовал, причём вполне явно: белые буквы на синем фоне, направление, километраж. Деревня носила красивое имя «Свобода», которое хулиганы перечеркнули чёрной линией и снизу подписали: «Подковрово». Ни одно название на карте не значилось.

Женька притормозил на обочине и залез было в «Гугл», чтобы попробовать найти деревеньку там — навигатор частенько подтупливал, особенно в последнее время,— но его намерения прервал звонок от мамы.

— Евгений Александрович! — без всяких приветствий начала она, и это обращение не предвещало ничего хорошего.

— Здравствуй, мама! Что случилось? — ритмично и громко, словно стихи декламировал, воскликнул Женька.

— Ваш младший брат, некто Тимофей Александрович, отхватил трояк за контрольную по истории и отказывается исправлять!

Женька подумал, что трояк — это не неуд, да и история для будущего программиста — не самый важный предмет, но сказал другое:

— Давай его сюда.

Пока мама гневно подзывала троечника, его старший брат лихорадочно пытался придумать внятное и весомое доказательство того, что трояки исправлять надо и вообще историю учить, но не срослось. Придётся импровизировать.

— Ну,— голос у младшего брата был замученный и слегка раздражённый.

— Почему трояк, Тим?

— Да ну офигеть! Я эту историю даже не сдаю на ЕГЭ, потом вообще про неё забуду, и всё!

— Пересдай. И вообще, учить историю надо.

По снисходительному смешку стало понятно, что сейчас Тим припомнит брату, что из школы он выпускался с тем же самым трояком, а в универе еле как дотянул до четвёрки.

— Почему это?

Не припомнил, и на том спасибо.

— Потому что. Ладно, я в дороге. Завтра заскочу в гости — поговорим.

Тим недовольно цокнул языком и отключился, а Женька счёл, что отделался малой кровью, особенно если мама не надумает перезвонить. Обошлось.

Время близилось к пяти; Женька устал, но не настолько, чтобы устраиваться на ночлег. Да и смысл? До Челябы пара часов езды, а там уж по накатанной ещё три часа до дома покажутся мелочью. Взбодриться бы. Стаканчик чёрного кофе или баночка колы вполне сгодятся. Женька усмехнулся и съехал с трассы на грунтовку.

Деревня Свобода-Подковрово скрывалась за густой лесопосадкой. Ничего примечательного: с десяток домов вдоль дороги, с большими промежутками, словно хитрая улыбка растерявшего половину молочных зубов ребятёнка. Что насторожило Женьку, так это отсутствие всяческих сельхозстроений. Чем только живут? Разве что в соседние города ездят.

Дома ухоженные, не развалюхи. Видно, что жители стараются уют поддерживать. В одном домике даже отделка посовременнее — профнастил, сэндвич-панели, ворота автоматические, на которые был накинут красный персидский ковёр. Забавно, Женька сразу и не заметил, что на каждом заборе висели ковры и коврики, паласы и половики: пёстрые и выцветшие, полосатые, с цветами, с геометрическими узорами и однотонные.

От звука приближающейся машины домики сбросили уютное одеяло дрёмы: там окно открылось, здесь занавески чуть в сторону отвели, а из ближайшего домика деловито вышла опрятного, даже современного вида пожилая нерусская женщина. Она приложила руку «козырьком», защищаясь от закатного солнца, бьющего по глазам. Худая, подтянутая, в чёрных спортивных брюках, запылённых кроссовках и красной толстовке, она смотрела с интересом.

Женя решил притормозить и немного пообщаться с ней, хоть узнать, есть ли здесь подобие магазина. Должно быть, по логике, до ближайшего населённого пункта неблизко.

С полей дул ветер, донося терпкие ароматы степных трав и разноцветья: то резкими, довольно ощутимыми порывами, то едва заметно. На Урале всегда так, летом ещё терпимо, а вот зимой — бр-р…

— Машина сломалась? — женщина подслеповато сощурилась и оглядела Женину «Киа Рио». — К нам по другому поводу мало кто заезжает.

— Нет, магазин ищу.

Ответом ему был тихий смех. Странно звучит, словно маятник старых часов ходит из стороны в сторону.

— Так нету магазинов у нас. Тут жителей — раз-два и обчёлся. А чего купить хотел-то? Может, подсоблю. Не зря же в такую глушь подался.

— Да ладно, я поеду, — наигранно улыбнулся Женька, недоверчиво поглядывая за забор, накрытый красным ковром. — Спасибо вам.

— Ну, как знаешь, — пожала плечами женщина и неторопливо побрела к дому.

Ветер бросил в лицо дорожную пыль, Женька с силой зажмурился, проморгался, от второго порыва закрылся ладонью. Бросил прощальный взгляд в сторону дома. Ветер всколыхнул ковёр, открыв грубо выполненную надпись чёрным: «29.09.57». В ту же секунду послышался сиплый, полный отчаяния женский крик. Со всех сторон прямо из земли вылетели чёрные крупные хлопья и устремились в небо. В глазах зарябило, словно всё пространство потонуло в телевизионных помехах, шум стоял соответствующий.

Женька сморгнул помехи, как сор из глаз, сквозь блестящие искринки слёз глянул вперёд и обомлел. Всё изменилось, словно откатилось на несколько десятилетий назад. Профнастил на крыше уступил место шиферу, забор с автоматическими воротами канул в небытие, вместо него — резные синие ворота, блестящие свежей краской. Домов стало заметно больше.

Женщины как не бывало. К забору бежала перепачканная растрёпанная девочка лет одиннадцати в зелёном спортивном костюме. Тонкая, угловатая вся, как обмёрзшая веточка в зимнем лесу.

— Галь, бегом переодеваться! На кружок опоздаешь! — донеслось из-за забора.

Девочка-веточка скрипнула калиткой и скрылась из виду.

Женька растерянно огляделся, с нажимом потёр веки пальцами. Меняться обратно окружение не собиралось. Порыв ветра не по-летнему нырнул в рукава футболки, заставив Женьку поёжиться. Плевать на кофе, на всё плевать, лишь бы убраться отсюда, в нормальное, привычное, своё. Для начала хотя бы в машину. Думать о деревне, откатившейся в прошлое, не хотелось. Случившееся встало в одном ряду с детскими страшилками и городскими легендами, совершенно глупыми и неправдоподобными. Мираж, думал Женька, поворачивая ключ. Машина ожила. Страшно признаваться, но на долю секунды показалось, что всё будет иначе. Выдохнув и посмеявшись над собой, Женька развернулся и покатил обратно на трассу.

Едва машина выехала за пределы грунтовки на асфальт, в глазах зарябило от телевизионных помех. Только бы не снова… Наваждение прошло почти сразу. Машина катила между домов Подковрово-Свободы.

Женька вдарил по тормозам и включил «аварийки». Привычки спасают в непредвиденных ситуациях, упорядочивают события, сводят борьбу с любыми нестандартными проявлениями к нескольким простым осмысленным действиям. Сейчас не помогало ничего. Под щёлканье «авариек» разворачивались события, которых происходить не должно.

Девочка-веточка выпорхнула в чистой школьной форме времён «совка», словно сошла с агитационных плакатов: яркая, улыбчивая, смело глядящая в светлое будущее. Женька таращился на неё во все глаза из убежища мерно гудящей машины, она, заметив незнакомую и явно не соответствующую времени иномарку, лишь слегка нахмурилась, а потом едва ли не вприпрыжку унеслась вдаль по улице.

— Старый телевизор, — произнёс Женька вслух то, что вертелось на языке.

Помехи эти, пионерия радостная… Надо переключать канал, срочно. Только вот как?

Вторая попытка покинуть Подковрово-Свободу не увенчалась успехом, равно как и третья. Пешком тоже не получилось. Логика разбивалась о мистику. Если Женька попал в старый телевизор, может, попробовать подыграть?

К незнакомцу начали проявлять интерес местные, сначала просто разглядывали, а потом осмелели.

— А вы кем будете?

— Евгений Александрович, — бурчал в ответ Женька, ненавидевший официоз, но чувствовавший, что так будет правильнее.

— Вы, наверное, с проверкой приехали, Евгеньсаныч? Хорошая машина, красивая! Небось, под стать должности.

Женька молча кивал, в очередной раз исчезая возле столба с названием населённого пункта и оказываясь у дома девочки-веточки.

Никого это не удивляло. Не удивляло даже Женькино заявление: «Я из будущего». Самая яркая реакция — улыбка да ответная фраза: «Ну и шуточки у вас, Евгеньсаныч!»

Внезапно громыхнуло так, что взвыла сигнализация. Женьке даже показалось, что зубы стукнули друг о друга. Землетрясения только не хватало. Как вскоре выяснилось, землетрясения боялся только

он. То тут, то там — тихие, опасливые, дрожащие голоса, повторяющие одно и то же: «Война».

— Какой сейчас год? — спросил Женя у первого подвернувшегося под руку местного.

— Пятьдесят седьмой, Евгеньсаныч, — последовал растерянный ответ.

— Не война это, отставить панику.

«Сарафанное радио» вкупе с баснословным авторитетом «Евгеньсаныча» возымело немедленный эффект. Нет, бояться они не перестали, но теперь боялись они не конкретной, знакомой уже беды, а чего-то другого. Там видно будет.

Женька навалился на капот, не особо заботясь о внешнем виде одежды. Что дальше? От телефона вряд ли будет толк, но он всё же решил испытать удачу. Единственное, на что оказался пригоден смартфон, — посмотреть время. Замершее на одном месте. Сеть не ловила, секундомер исправно пробегал минута за минутой, но цифры «16:52» не желали исчезать с экрана.

— Евгеньсаныч, может, по маленькой? — несмело предложили из-за спины.

Женька отмахивался, получая в ответ понимающее:

— И то верно, как-никак служба.

Хотелось крикнуть во всю глотку: «Разуйте глаза, люди! Я же не из вашего времени! Вот смартфон, вот навигатор, вот „Рио“ две тыщи пятнадцатого года выпуска!» Но не кричал. Всё равно ничто извне не покачнёт лодочку их тихого быта.

На капот, прогретый солнцем, упало что-то чёрное и мягкое. Наглая, самоуверенная, неправильная снежинка. Растаяла, превратившись в чёрную кляксу. Женька поднял голову. Чёрные хлопья сыпались с неба, словно незримый трубочист решил почистить небесный дымоход. Чёрный снег выпадал на Урале не так чтобы часто, но уж точно не в это время года. Не летом… то есть осенью, да — школьники в форме и холодок.

Под чёрным снегопадом в спешке возвращались домой взрослые, дети с криками — не поймёшь, радостными или напуганными, наверное, всё сразу, — бежали из школы.

Женьку они не замечали, а он не замечал их, глядя, как снег мокрыми комками лепится на заборы, складываясь в те же цифры. В дату «29.09.57». Вспомнить бы, что тогда случилось… И ведь что-то из ряда вон выходящее, тем более в родном регионе, а Женька ни слухом ни духом.

Сосед девочки-веточки, тот самый, который предлагал «по маленькой», зазвал в гости:

— Евгеньсаныч, примите приглашение!

В тот вечер они долго сидели на кухне под тусклым светом лампочки и слушали трескучее радио, которое вещало о чём угодно, но только не о чёрном снеге.

Ночь Женька провёл в машине, хоть сосед девочки-веточки и предлагал устроиться в зале на диване. Сосед. Так и не представился ведь, словно давно знакомы. Сон не шёл, поэтому Женька вспоминал, есть ли поблизости завод: за аномальные осадки надо сказать ему спасибо. На ум пришла только пресловутая Челяба, но двести километров — это перебор, конечно. Это какой силы должны быть выбросы в атмосферу, чтобы столько пролететь и не осесть по дороге? Ну уж лучше такое объяснение, чем никакого.

К утру чёрный снег растаял, оставив после себя лишь дату на каждом заборе. Сосед, выйдя во двор, чертыхнулся и попытался стереть её тряпкой.

— Черти, — ни к кому особо не обращаясь, раздосадованно протянул сосед. — С этими циферками я как во вчерашнем дне живу.

Женька пожал плечами. Жить во вчерашнем дне он бы сейчас счёл за радость. В своём вчерашнем дне, разумеется.

Второй день в Подковрово-Свободе принёс массовые беспокойства, особенно среди школьников. Их дважды гоняли на поля: сначала — чтобы закопать выкопанную вчера картошку, а потом — чтобы откопать и снова закопать в другом месте.

— Совсем там из ума выжили, — на слове «там» сосед глубокомысленно поднял палец к небу. — Вы б это… разобрались, Евгеньсаныч.

— Я бы с радостью, но…

— Не в вашей компетенции, — понимающе кивнул сосед и тут же завёл любимую пластинку: — Может, по маленькой?

Женька согласился на чай. Под треск радио и тихий голос соседа он думал, что если не выберется отсюда, то вскоре начнёт сомневаться, какое время его, а какое — неправильное. Ночью сон опять не шёл, и Женька перепробовал новые, невесть как пришедшие в голову способы покинуть Свободу: на одной ноге, задом наперёд, на четвереньках, по-пластунски. Не может же случиться такого, что отсюда нет выхода. Или придётся жить здесь до того момента, когда он из будущего — ха, какое тут будущее! — снова сюда приедет. Нужно будет остановиться у знака, предупредить… Женька попытался вспомнить, встречался ли ему на обочине старик. Вроде нет. Глупости какие.

На третий день приехали настоящие чиновники, на Женьку поглядывали с хорошо скрываемым подозрением, но лишь кивали, если ненароком встречались взглядом. Ходили с дозиметрами, раздавали ценные указания, предлагали деньги за переезд. При виде дозиметра у Женьки в памяти щёлкнуло. Ну конечно! Авария на «Маяке»! Только это ничего не объясняло толком: ни эффект «старого телевизора», ни то, что в Свободе его все за своего держали, ни то, что он не может отсюда выбраться.

Чиновники вскоре добрались и до соседа.

— Это что за художество? — тыча пальцем в дату на заборе, спросил один из чиновников. — Стереть!

— А вы дом за сколько продавать собираетесь? — покручивал карандаш в руке второй.

Сосед промямлил что-то нечленораздельное и скрылся за забором. Чиновники подождали его пару минут и перешли к другому дому.

Многие уезжали, оставив все пожитки, и тогда пустые деревянные домишки выкорчёвывали, будто гнилые зубы, до краёв нагружали грузовики и увозили обломки прочь с глаз. Будто и не было на пустом месте ничего и никогда. Женька смотрел на это с какой-то щемящей тоской. На очередное:

— Евгеньсаныч, давайте по маленькой, а то больно смотреть, как Свободу убивают, — он смешно кивнул, по-голубиному качнув головой вперёд-назад.

— Сор выносят из избы, — горько кхекнул сосед. — Напакостили, а теперь вот… Ну как так-то, Евгеньсаныч?

Ответа у Женьки не было, поэтому он опрокинул вторую по счёту «маленькую» и, закусив чёрным хлебом с чесноком и тоненьким кусочком сала, отставил стопку. Сор, значит. Пожалуй, что так. Только не выносят, а под ковёр заметают.

— Как есть Подковрово, — пробормотал он, глядя в глухую темноту вечерней улицы.

С улицы позвали хозяев. Сосед тяжело поднялся и скрылся из виду. Женька остался один на небольшой кухоньке, среди обитой цветастой клеёнкой мебели, запахов горькой настойки, чеснока и сушёных яблок.

Большой сине-зелёный будильник шумно отстукивал секунды; длинный змеиный язык облизывал белое блюдо циферблата. Хорошо им, думал Женька. Их время движется, хоть и в прошлом. Его время застыло и никак не хотело размораживаться. Не хотелось ни есть, ни пить, ни спать… Так ведь и с ума сойти недолго.

Сосед так и не вернулся. Женька боязливо заскрипел половицами, выглянул во двор. В сгущающихся осенних сумерках несколько человек колдовали над забором.

— Я ж говорю — надо чёрным закрашивать! — сытым, размеренным голосом вещал один из чиновников.

— А я говорю — белым, — с нажимом спорил другой.

Сосед макал кисточку в коричневую краску и водил вверх-вниз по доскам, к которым прикипел чёрный снег. Цифры и точки на мгновение скрывались под вязкой, резко пахнущей гладью, чтобы в следующее мгновение вновь проступить чёрными пятнами на поверхности. Будто и не снег это вовсе, а агрессивная скороспелая плесень.

— Ну дурак! Чёрную неси!

— А я говорю — белую!

Сосед жалобно зыркнул на Женьку и пролепетал:

— Евгеньсаныч…

Женька стоял в растерянности и совершенно не понимал, чем помочь. Что можно сделать, чтобы нарушить ход странного времени? Закономерное, обычное. То, что останется и не сотрёт дату из памяти…

— Тьфу на тебя! — раздражённо махнул Женька. — Ковром завесь. В будущем все с коврами — и ничего, живут.

Чиновники переглянулись и, потратив несколько секунд на осознание того, что Женькино решение на порядок глупее предложенного ими, дружно кивнули головами и поторопили хозяина дома с исполнением.

Через пару минут на заборе гордо красовался потёртый зелёный половичок овальной формы.

— Вот! Другое дело! Надо внедрять повсеместно!

Радостные чиновники пошли по домам.

— Евгеньсаныч, давайте ещё по маленькой? — просипел стремительно стареющий хозяин дома. — На посошок.

Замелькал знакомый чёрно-белый снег из помех. Старый телевизор заскрипел и с натужным щелчком переключил канал. На мгновение всё потемнело, исчезло, сжалось, словно зимой порыв ветра швырнул охапку снега — и инстинктивно жмуришься, дыхание задерживаешь, замираешь всем телом.

Первым, что увидел Женька, были слёзы на глазах соседа.

— Спасибо, Евгеньсаныч.

От незаслуженной похвалы стало тошно.

— Да я же ничего не сделал толком. Так, костыль вкрутил. Эта ваша дата… Не надо её, как сор под ковёр, прятать. Не дело это.

— Мы что-нибудь придумаем, Евгеньсаныч. Напоказ тоже нельзя. Наше это только. Езжайте спокойно и не думайте об этом.

Женька сомневался, что получится выполнить все наказы соседа.

Машина беспрепятственно выбралась на трассу. Женька отъехал метров сто и остановился прямо посреди дороги, включив «аварийки». Долго сидел и смотрел на экран смартфона, радуясь, как ребёнок, каждой смене цифр. Пятьдесят два, пятьдесят три, пятьдесят четыре, пятьдесят пять… Ровно в семнадцать ноль-ноль он вышел из оцепенения и позвонил брату.

— Тим.

— Чего?

Женька задумался, как объяснить, как сформулировать то, что всколыхнулось внутри под влиянием этой деревеньки, стёртой с карт ради спокойствия и иллюзии всеобщего благополучия.

— Учи историю, пока есть чего учить.

— Ничего более пафосного придумать не мог? — хмыкнул брат.

— Не мог. Приеду — расскажу.

Расскажет, но, разумеется, не всё.

Татьяна Сидоренко

Весенний ветер касается моей щеки…

Мы со старшим братом сидим на покосившемся заборе в старом парке. Скамейки давно сломаны, деревья проросли сквозь их остатки. Поодаль ревут машины — даже здесь от них не скрыться. Ветер царапает нос льдинками, первый снег такой колючий. Взрослые ветра не боятся — он под масками не колет.

Брат позвал меня поговорить, но теперь молчит. Я не тороплю. Нам некуда спешить — уроки уже закончились, до темноты ещё далеко. Родители домой вернутся ближе к ночи. Даже если мы вернёмся поздно, через их маски не просочится злость. Да и волнение за нас — тоже.

Под ногами валяется потрёпанная листовка, сминаю её краем ботинка. Яркие цвета утонули в пыли. Крупные буквы почти кричат: «Лицевые протезы! Долой неудобства!» В школе о таких рассказывали — некоторые учителя думают, что через пару лет они полностью заменят маски. Мне не кажется это хорошей идеей — и Сорока, моя подруга, согласна. Маски упрощают нашу жизнь, протезы скрывают недостатки. Протез нельзя снять. Маску — вполне. Правда, наши с братом родители забывают об этом. Я убираю с листовки ногу, её подхватывает ветер. Последний цвет исчезает в грязно-сером мире.

Брат перебирает браслеты на запястьях, что-то тихо говорит. Я не слышу — гудит проезжающий грузовик — и хмурюсь в непонимании. Он, замявшись, повторяет:

— Маски теперь надевают в шестнадцать.

Я не сразу понимаю смысл. Фраза точно случайно выскользнула из головы. Должно быть продолжение, и я жду, но брат больше ничего не говорит. Он опасливо заглядывает в мои глаза.

— Так, — произношу осторожно, — и тебе уже шестнадцать.

Он кивает, не отрывая взгляда от меня. Я всё ещё ничего не понимаю.

Ещё недавно маски надевали в восемнадцать, с выпуском из школы. Она олицетворяет взрослость, нарекает частью общества. Такого, в котором все равны. Маска в медицинском халате, в полицейской форме. Маска в деловом костюме, в рабочей спецодежде. Возраст, пол, внешность — это не важно.

Маска — это большая честь. Каждый хочет её надеть, и я в их числе — только от протеза пока откажусь, — но брат не выглядит счастливым.

— Это ж круто, ага? — я стараюсь улыбнуться. — Помню, мы из бумаги маски вырезали. А ещё из глины пытались — ужасно тяжёлые были!

Этот разговор такой неправильный.

— Я не готов, — он почти шепчет, голубые глаза смотрят в душу.

Улыбнись. Засмейся. Обрадуйся. Скажи, что это шутка. Очень неудачная и глупая шутка — кто вообще шутит с масками? Маски слишком хороши, чтобы с ними шутить. Но я не вижу на его лице веселья. Я вижу страх, я вижу надежду, я вижу потерянность, и я не понимаю ничего — это так сложно. Эмоции только мешают. Без них не будет вопросов.

— Ты наденешь маску, и всё будет хорошо, — я отворачиваюсь.

И меж моих слов ветер шепчет правду: «Разбирайся сам».

Мы замерли в ожидании чего-то страшного. Только ничего не происходит, и мы просто сидим, задержав дыхание. Теперь всё между нами такое неловкое. Между масками не бывает неловкости и невысказанных слов. Всё наладится — как только он её наденет. И следом я, всего через год.

Я встаю, чувствую его взгляд на своей спине. Мне бы что-то сказать, но я понятия не имею что. И зачем? Уже через неделю эти вопросы не будут его тревожить.

Поэтому я ухожу. Он остаётся один в холодном парке.

Мне некуда спешить. Но я не могу оставаться с ним. Не сейчас, после этого разговора.

В остальные дни мы тоже не видимся. Впервые за столько лет возвращаемся домой порознь, не общаемся дома, запершись в комнатах, но никого это не волнует. Я не собираюсь думать об этом, родителям плевать, брат — ну, у него теперь дела важнее. То к парикмахеру, то в магазин за костюмом, то ещё куда. День вручения масок настанет меньше чем через неделю после нашего разговора.

С маской он будет в порядке, и наши отношения восстановятся. Это обязательно будет так.

И поэтому я прихожу к школе в выходной и жду, когда он появится в дверях — с пластиком на своём лице.

Мимо проходят волны новых масок — белее свежих сугробов вокруг. Они не перешучиваются друг с другом. Они смотрят прямо перед собой — у масок нет сомнений, только твёрдая улыбка пластиковых губ. Все наверняка идут домой. У масок нет времени на бессмысленные прогулки, но, надеюсь, брат будет делать исключения для меня.

Школьный двор пустеет, когда он появляется в дверях. Прямая спина, взгляд вперёд, размеренный шаг. Я взмахиваю рукой, и брат меня замечает, останавливается, смотрит из темноты прорезей в белой маске.

— Как всё прошло? — спрашиваю, подходя ближе.

— Всё хорошо.

— Ох. Да-да, это был ужасный ответ, извини. Но теперь-то мир?

Он не отвечает, щурится, в посеревших глазах искрит раздражение из-за потерянного времени. Я спотыкаюсь на полуслове, от чужого взгляда сердце ухает вниз.

— Всё в порядке? — бормочу непонимающе.

— *Всё в порядке.*

Ответ звучит отрешённо, точно он говорит что-то другое. Брат обходит меня, идёт к калитке.

— Подожди, ты куда? — я срываюсь следом.— Стой! Мне жаль, хорошо?! Мне не стоило уходить!

Я хватаю его за рукав пальто и обнимаю.

В объятиях ни капли тепла, в руках деревянная кукла. Я замираю, не дышу, точно в ловушке, но не сдаюсь. Его руки безвольно висят вдоль тела, брат терпеливо ждёт, когда всё закончится. Он ждёт, пока мои эмоции не утихнут.

Он не чувствует ничего. Я отстраняюсь — и он уходит.

Свищет ветер. Холодно.

И это не обида — мой брат никогда не умел обижаться. И он никогда бы не выдержал в такой обиде целый год, не смог бы в тихом презрении игнорировать меня день ото дня. Он не забыл бы пожелать мне приятных снов, не снял бы любимые браслеты, не проходил бы мимо меня в школе *тысячи* раз. Но он сделал всё это за следующий год.

Это не было днём нашей разлуки. Трещины пошли в вечер, когда он остался один в холодном парке.

• • •

По улицам разливается голодный собачий вой. Утопая в сугробах, я обхожу псов, сцепившихся у мусорки. Снег в переулках не чистят. Зачем? Маски всё равно ходят по главным улицам. А дорожку от подъезда до неё можно и самим протоптать. Чёртовы лжецы. Стискиваю зубы до боли.

Мне не хватает воздуха. На улице холодно, завывает ветер, разбиваясь о здания, а я задыхаюсь. В нос бьёт смрад гнилых объедков, раскиданных тощими собаками, но и эта вонь исчезнет совсем скоро. Меня душит город, душит маска, которую я надену уже через два дня. Я надену её — и никогда не вдохну опять.

Я почти бегу, мне нужно торопиться. Разламываю ледяную корку на снегу, в рюкзаке об учебники стукается баллончик с краской. Дома ждёт брат в маске,— и почему ему не плевать, как родителям? — ему о таких отлучках лучше не знать.

Никому лучше не знать. Баллончики с краской достать так нелегко.

Подхожу к заброшенным гаражам. Даже если здесь пройдёт кто-то — обратит ли он внимание на стены? Стены кричат, к этому привыкли все. Признания в любви, ругательства, глупые рисунки, старые объявления. Цветастые плакаты, призывающие надевать маски или — менять их на вечные протезы.

Наши послания, выведенные на кирпичных стенах. Чёрные маски в кровавых разводах. Трещины, разлившиеся по воротам гаража. Одежда и маска — но без туловища и головы. Человек, пытающийся снять протез, разодравший себе кожу ногтями. Для большинства эти работы — просто визуальный шум.

И поэтому это лучший способ спрятаться от масок.

Некоторые рисунки — мои. И сегодня — рюкзак тонет в снегу, трещит встряхиваемый баллончик — родится моя лучшая работа.

Я смотрю на стены, замечаю новые слова и линии. Вижу на снегу следы — каким-то всего пара дней, другие уже припорошены. Место живёт, хоть я не видела никого из этих людей. Надеюсь, некоторым уже шестнадцать, и мы найдём друг друга на посвящении уже послезавтра. Но если нет — что ж, я стану их маяком.

Чёрные контуры во всю стену. В потёках краски — очертания маски. Встаю на цыпочки, чтобы достать до верха, но линия всё равно смазанная. Не важно — не в красоте дело.

Брат надел маску больше года назад, в начале зимы. Мне повезло — наш час настал в марте. В прошлый раз никто не учёл, что на посвящение придут дети сразу трёх возрастов. Все запасы пластика ушли на свежие маски. Их не проблема восполнить, конечно,— да только никакой прибыли от них, лишний пластик долго собирали с заводов. Вот и задержка на целый сезон.

Я заливаю контуры цветом, рука затекает с непривычки. Было бы здорово дать акцент красным, но достать и этот баллончик мне едва удалось. Сойдёт и так.

Ещё недавно во мне таилась надежда, что посвящение отложат до мая, как это было раньше. Но нет.

Она умерла, когда нас позвали на снятие слепков лиц меньше недели назад. Без предупреждения. Брат, верно, так же узнал, что их час почти настал. Один, в тёмном кабинете, с тяжёлым гипсом на лице, без счёта времени, без веры в будущее. Когда в запасе ещё вчера было два года.

Я отхожу от рисунка, оставляю баллончик рядом. Оглядываю работу — это треснувшая на две половины маска. Краска растекается по кирпичам, ветер ведёт капли. Моё последнее слово здесь.

Это то, что я собираюсь сделать уже через два дня.

А пока я спешу домой через переулки, заметённые снегом. И таю́ внутри себя небольшую надежду — последнюю из всего, что у меня остались. В телефоне негнущимися пальцами я набираю: «Привет, Сорока. Поговорим завтра после школы? Хочу рассказать один секрет».

Не брат, но ровесница, одноклассница и подруга. Она против протезов — может, и от масок откажется со мной?

Вечером, засыпая, я представляю наш разговор. Я верю: она согласится со мной.

О подробностях она пыталась разузнать ещё в школе. Сорока не зря получила от меня такую кличку — она та ещё любительница потрещать. Но в школе такое не обсуждают, в ней слишком много людей и масок.

Мы пошли в заросший парк. За год он почти не изменился — те же сломанные ограждения, торчащие штыри скамеек, утонувший в снегу мусор. Сугробами всё завалило, идти было тяжело. Сорока уже начала заводиться, пока мы искали, где присесть. Но за язвительностью — растущее любопытство. Я знаю её давно, помню каждую привычку.

— Так, всё, стоп! Я больше никуда не пойду,— слышится из-за спины.— Я устала. Говори так.

— Это надолго,— хмурюсь я.

— Да плевать. Начинай, я слушаю.

Сорока упёртая. Спор для неё — дело принципа, мы часто цепляемся по мелочам. Но сегодня я киваю и подхожу к ней.

— Помнишь, что случилось с моим братом в том году?

Вызов стирается из прищуренных глаз. Сорока смотрит на меня озабоченно, немного напряжённо.

— Произошло что-то ещё?

— Нет,— я качаю головой.— До того, как он… надел маску, мы немного поговорили.

Сорока замолкает, и я начинаю сбивчиво, но потом всё спокойнее рассказывать о нашей последней встрече. Настоящей встрече — когда мы ещё могли быть честны друг с другом, когда между нами не появился слой неживого пластика.

Сорока слушает. Сорока хмурится. Сорока вникает и кивает. Невольно радуюсь в глубине души: она меня поймёт. Я не потеряю ещё одного близкого человека за маской.

— Ты всё ещё винишь себя из-за этого? — осторожно спрашивает она.

— Каждый день,— киваю.— Но я могу всё изменить. И мне нужна твоя помощь.

Сорока вопросительно смотрит, и я глубоко вдыхаю. Ветер качает голые деревья, скрипит ветками. Волнение оседает комком в животе.

— Я не буду надевать маску,— я не смотрю ей в глаза,— я откажусь от неё. Я не хочу терять себя. И, может быть… мой брат тоже снимет свою, и всё будет хорошо. Это ведь не запрещено законом. Я могу сделать это.

У Сороки округляются глаза. Она думает несколько секунд.

— Это ужасная идея,— качает она головой.— Ты ничего так не исправишь.

У Сороки на лице — жёсткость и упрямство. Она закрывается, выпускает шипы, и ветхий мостик понимания между нами рушится. Всё, что я пыталась ей сказать,— рушится.

— А что ещё мне остаётся? Принять всё это?

— Искать лучший вариант. С маской, без — это не важно.

— Не важно? Да мы же эмоций лишимся! Ты хочешь стать такой же лживой и лицемерной?!

— Ты думаешь, маска заколдованная? Она из тебя что, высосет все чувства? — Сорока взмахивает руками.— Как, не знаю, вампир? Это пластик! Обычный дешёвый пластик!

— Мой брат возненавидел меня, когда надел этот пластик! И нас ждёт то же самое!

— Да он ненавидит тебя за предательство.

Я ошеломлённо смотрю на неё. Ни слов в голове, ни воздуха в лёгких.

— Что, правда глаза режет? — цедит она.— А теперь слушай. Закон, не закон — плевать. Откажешься от маски — лишишься всего. Со школы не выгонят, а вот в универ и на работу чёрт только возьмёт. Каждый прохожий будет осуждать. Любой отбитый подросток с радостью закидает камнями. Маска тебе ничего не сделает. Только спасёт. И знаешь почему?

Я молчу. Её глаза покрыты коркой льда.

— Потому что настоящая маска, чёрт возьми,— здесь! — Сорока тычет пальцем мне в грудь.— Мы с детства живём в лицемерии и лжи. Ты думаешь, мы другие?!

Да, чёрт возьми!

— Я надену маску,— она делает шаг назад, массирует переносицу.— И тебе советую тоже. Не нарывайся на проблемы. Проходи посвящение, и мы вместе пойдём дальше. Я не брошу тебя, как ты — своего брата. Несмотря на весь этот разговор.

— Справлюсь без тебя,— поджимаю губы.— Увидимся завтра.

— Тогда тебе лучше не приходить,— Сорока даже не смотрит на меня.

Я ухожу, в груди клокочет злоба, по венам чернотой разливается ненависть. Предательница.

Я не надену маску — не надену подтверждение тому, что жила в ней все эти годы. Я не буду скрываться. Я не буду прятаться.

Но вечером, сидя за столом с братом, я думаю: неужели он правда меня ненавидит?

• • •

Я стою перед зеркалом в раздевалке, поправляю костюм. Синтетическая рубашка неприятная и скользкая, зато, как сказали родители, она белее снега. Холодная она тоже как снег. Галстук красной змеёй обвивается вокруг шеи. Почти душит. А может, воздуха мне не хватает из-за двери в один конец, на которую я даже не смотрю.

Глухой стук заставляет вздрогнуть. Выдыхаю. Подхожу к двери, задерживаю руку над ручкой — ладонь мелко дрожит — и выхожу в тёмный коридор, уже заполненный детьми.

Детьми,— я ловлю эту мысль,— именно *детьми*. Мы просто дети.

На меня обращаются десятки взглядов — и исчезают в тот же миг, поглядывают осторожно, искоса. В сумраке разливаются шёпотки. По спине пробегает холодок. Я сглатываю комок в горле, оглядываюсь — вижу Сороку. Она неловко отводит взгляд. Осознание выбивает землю из-под ног, воздуха всё меньше.

Все знают.

Я нахожу свободное место, прислоняюсь спиной к ледяной стене, закрываю глаза, считаю до десяти. Сердце стучит так громко, я не слышу ничего, разве это нормально? Холодно и жарко, дышать нечем, и я хочу свернуться в комок где-нибудь в темноте, где не буду чувствовать скользкой рубашки и чужих липких взглядов, где чужие разговоры не будут зудеть под кожей, где мне будет плевать уже на всё — но я здесь, я здесь, и вокруг нет никого, кому я могу верить. Нигде нет никого, кому я могу верить. Нигде нет такого безопасного уголка, где я могу спрятаться.

В коридоре все приходят в движение. Я открываю глаза, слепо плетусь за остальными. Свет со сцены ударяет в глаза — болезненно-жёлтый, он слишком яркий, но мы идём на него, как мотыльки. Только я единственный здесь мотылёк. Меня сожгут заживо.

Выстраиваемся в линию. Стоять прямо так тяжело, я вот-вот упаду. Голова так болит. Я оглядываюсь вокруг — лица каждого безжизненны. Моё тоже. Это не праздник эмоций. Сегодня мы надеваем маски.

Но настоящие маски уже на каждом.

Что-то шуршит позади, все разворачиваются, и я тоже. Я встречаюсь с серыми глазами брата, его взгляд цепкий, он смотрит прямо в душу. Наклоняется ко мне, глаза прячутся в темноте прорезей маски.

— Что ты делаешь? — его тихий, опасливый шёпот.— Беги.

Конечно, он тоже знает. Я поджимаю губы, осматриваюсь — старшие дети вручают нам маски. И в руках моего брата — вижу на запястьях старые браслеты — маска. Я забираю её негнущимися пальцами. Все разворачиваются опять, я следом, оставляя его без ответа.

На миг образуется полная тишина, все заняли свои места. А потом звучат слова клятвы. Сотни голосов сливаются в один монотонный гул, я молчу — не выдавлю и жалобного хрипа. Взгляд прикован к белому пластику в моих руках.

Мы бы смотрелись вместе хорошо. Даже красиво. Её изгибы идеально повторяют черты моего лица. Её белизна идеальнее моей кожи. Её присутствие сделает мою жизнь идеальной. Спокойной. Монотонной, как тихое гудение клятвы, заполнившее собой сцену.

А без неё?

Уходи. Беги. Избегай масок.

Только я больше не могу прятаться. Я поднимаю глаза, залитая светом сцена обрывается глубокой темнотой. В этой бездне сидят родители, учителя, гости. Я смотрю прямо во тьму. Дрожащие ладони успокаиваются, подушечки пальцев белеют, изгибается под давлением маска в моих руках. Прочная, только я сильнее.

Слышу шорохи позади. Спотыкается равномерный гул клятвы.

Треск пластика разрывает её оглушающим громом. Всё замолкает.

Белые осколки падают на пол, маска сломана надвое. Я беру куски в одну руку, бросаю их далеко в темноту, пластик стукается о пол с другой стороны.

Дети расступаются, отходят от меня, в их глазах страх. В моё плечо вцепляются чужие пальцы — когти? — и я стискиваю зубы, вырываю руку. В глазах за маской блестит бешенство и злоба. Я смотрю на неё, а потом смеюсь, смеюсь, смеюсь — это всё притворство! И где же ваш самоконтроль?!

— Руки прочь!

— Подождите! Успокойтесь!

Всё на сцене движется, шумит, визжит. Кто-то отрывает от меня женщину в маске, кто-то запрыгивает на сцену из темноты, кто-то убегает, кто-то спешит надеть свою маску и слиться с остальными. Кто-то толкает меня плечом, кто-то запинается о мою ногу, а я утираю слёзы веселья, потому что — серьёзно?! Это всё?!

— Не двигайтесь! Не бегите! Стойте!

К кулисам пятится Сорока, свою маску она прижимает к груди. Испуганные глаза смотрят

на меня, секундное веселье исчезает, и внутри что-то падает от этого взгляда. Я делаю к ней шаг, но она медленно качает головой и убегает.

Это её выбор. Но больно всё равно.

— Осторожно!

Я отворачиваюсь и замечаю брата — волосы растрёпаны, он жестикулирует и почти кричит. Он говорит с женщиной в маске, вцепившейся мне в плечо недавно,— защищает меня? Та уходит, а брат устало вздыхает и поворачивается ко мне. Его голос в рокоте прочих я слышу прекрасно.

— Пойдём отсюда,— протягивает он ладонь.

И я, не веря, иду за ним. Мы спускаемся вниз, проходим через зал. Под ногами что-то хрустит — я смотрю на пол.

Он усеян сломанным пластиком. Десятки разорванных масок на пыльном полу. Ничто по сравнению с тем, сколько детей сегодня посвящалось.

Я смотрю на них и улыбаюсь.

Мы выходим на улицу без курток, стоим у заднего выхода, слышим отголоски усиливающейся суеты. Скоро она дойдёт и до нас, но пока здесь нет никого — только мы и мартовский холод. Проблемы могут подождать. Особенно если дело касается моего брата.

Я поднимаю глаза на него с лёгкой опаской. Он глядит вдаль, облокотившись на ограждение, тихо вздыхает, расстёгивает ремни маски. Смотрит на пластиковые очертания пару секунд и — кидает её вдаль.

Я вижу его лицо впервые за год.

Он выглядит уставшим. Кожа загрубела, стала болезненно бледной. Под глазами мешки. Брови нахмурены.

— Ты злишься,— осторожно отмечаю я, подходя к нему.

— Конечно, я злюсь,— отвечает он и смотрит на меня.— Сначала ты говоришь мне надеть маску, а потом ломаешь свою перед всей школой. Какого чёрта?

Был бы у меня ответ на этот вопрос.

— Соскучился по эмоциям?

Он молчит. А потом улыбается едва заметной и слабой улыбкой — как улыбается человек, не делавший это долгие месяцы.

— Невероятно.

И мой брат раскрывает руки. Я обнимаю его впервые за всё это время, растворяюсь в безопасном мгновении, чувствую его тёплые ладони на своей спине, и холод улицы не кажется таким страшным. Напряжение, страх, гнев, боль — всё отступает окончательно.

Это только начало, впереди ещё столько непонятного. Но это сейчас не важно.

Первый весенний ветер касается моей щеки.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Вера Инбер

На смерть Ленина

● ● ●

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней…

И потекли людские толпы,
Неся знамёна впереди,
Чтобы взглянуть на профиль жёлтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землёю
Такая лютая была,
Как будто он унёс с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почётный караул.

Николай Тимченко

Загадочное давным-давно

Предисловие

О, как давно это было! Листва и даже деревья отживали свой век, падали и, перегнивая, превращались в почву. Даже пыль, попадающая в пещеры, успела превратиться в толстый слой почвы. Но, на наше счастье, не всё успело стать прахом. И археологи, скрупулёзно вскрывая землю слой за слоем, по крупицам собирают дошедшие до наших дней отголоски далёких эпох. Где-то сохранились останки скелетов, иногда учёные находят отдельные кости черепа, а порой раскопки можно считать удачными, если обнаружили единственный зуб или фалангу пальца древнего человека.

Благодаря кропотливым трудам целых коллективов шаг за шагом, год за годом коллекции находок пополняются, систематизируются, изучаются учёными различных направлений. Одни устанавливают возраст находок, а другие, как дотошные криминалисты, из костных тканей, чудом сохранившихся, выделяют ДНК. Кто-то воссоздаёт облик обладателя заветной косточки или пытается подвести научную основу под гипотезу, пока ещё спорную, но становящуюся неоспоримой.

Перенесёмся же из быстротечных и насыщенных событиями дней нашего техногенного мира в то далёкое прошлое, когда ручной обработке поддавались только глина, дерево и камень. От изделий из дерева и глины следов почти не осталось, но они служили жителям каменного века верой и правдой. Да и век ли он? В привычном нам понимании век — это всего лишь столетие. А каменный век затянулся на… миллионы лет!

Следы деятельности самых отдалённых от нас эректусов найдены на рубеже двух миллионов лет. Эректус — это человек прямоходящий. Заметьте, что именно человек, а не обезьяна. Природа не спешила преобразовывать древних предков человечества. И всё-таки они медленно, но неоспоримо эволюционировали и внешне, и интеллектуально. За миллионы лет эволюции человек очень преобразился.

Нет единого мнения о том, когда возникла речь. Но не оспаривается тот факт, что в описываемый в повествовании период люди могли общаться словесно, дополняя речь жестами и мимикой. Пусть читателя не смущает богатство слов в языке людей каменного века. Все диалоги можно рассматривать авторским переводом с языка слов, жестов и мимики жителей той далёкой поры.

Период, отдалённый от нас на четыре с половиной десятка тысячелетий, примечателен ещё и тем, что в горах Алтая — практически в одном месте и в одно время — сошлись три ветви человечества. Кроманьонцы, прямыми потомками которых все мы являемся, не только выжили, но и заселили всю планету. Неандертальцев и денисовцев постигла участь вымирания. Но они не ушли бесследно — небольшая доля их ДНК есть в каждом из нас.

Люди рождались, взрослели, набирались знаний и опыта. Во многом наши далёкие предки походили на нас. Чему-то, независимо от возраста, те люди бурно радовались или просто улыбались. Если род настигала беда, они горевали. Находились у них поводы и для мимолётной грусти. Но жизнь была бы невыносима без радости. И поводы для проявления приятных чувств находились в их повседневной жизни.

Как и у наших современников, у людей древнего мира не обошлось без человеческих пороков. Так же могли быть трусы, предатели, карьеристы… Людей, наделённых этими качествами, соплеменники ненавидели даже тогда, когда опасались попасть под их увесистый кулак. Ценились люди не просто за силу, а за силу, соединённую с отвагой, умением своевременно найти правильное решение, за способность предвидеть ход событий.

Всякий мыслящий человек пытается заглянуть в будущее. Что-то планируется, о чём-то мечтается, а чего-то пытается избежать. И те архаичные люди не были исключением. Они, как и мы, тоже не могли жить без мечты, хотя воображение не уводило их так далеко, как современных мечтателей.

Сегодня, когда есть государства с их границами, большинство людей живёт по законам, но кто-то — по понятиям. Древние же люди, независимо от принадлежности к ветви человечества, жили и взаимодействовали согласно традициям, сформировавшимся десятками или даже сотнями предшествовавших поколений, устоявшимся нравам.

Нет ни письменных источников, ни устных преданий о нравах и интересах жителей тех времён. Но как знать — быть может, всё было именно так, как отражено в этом повествовании!

Отчий дом

Да, она была домом для многих поколений. Родившимся в ней малышам сразу имён не давали. До поры всех мальчиков называли словом «мон», а девочек — «мин». Позже, когда ребёнок в чём-то проявлял себя, ему давали имя. У некоторых это происходило по достижении четырёх, а кто-то без имени доживал до семи и даже до восьми зим.

Зоуло и его друзья обзавелись именами рано. Зоуло — то есть «любознательный», или «почемучка», как теперь называют большинство малышей. Он оправдывал своё имя и взрослея, оставаясь при этом заводилой мальчишеских дел, предводителем сверстников. И они не просто прислушивались к своему знающему вожаку, а доверяли ему практически во всех начинаниях, шли с ним даже тогда, когда становилось страшно.

Туно — имя, означающее «бесшабашность», «склонность к неоправданным рискам»,— стало повседневным обозначением одного из ближайших друзей вожака мальчишек. Будто в подтверждение имени, Туно продолжал вести себя так, что за ним постоянно требовался глаз да глаз, чтобы и подростком он не совершил что-нибудь непоправимое. Главное, что он привык к одёргиваниям и не обижался за это на осторожных друзей.

И Саво был не таким, как все. Ко всем его характеристикам, он не выглядел простоватым мальчиком. Его хитрости, изворотливости и умения предугадать ситуацию хватило бы на троих. Нет, мальчишка не блистал искромётным умом, не был семи пядей во лбу, не обладал феноменальной памятью — но он был очень хитёр. Потому-то и звался Саво, то есть «лис». Как и Туно, он был старше Зоуло на одну зиму.

Тавк — представитель неразлучной троицы, ни на шаг не отстающий от этих дружков. Не только ходил, но и делал он всё необыкновенно быстро. Уже через три зимы от рождения он получил имя за свою неугомонность. Окружающие удивлялись, откуда мальчишка черпает энергию, которой с лихвой хватило бы на двоих или более. Он единственный в компании был старше вожака на две зимы.

Единственная девочка, которую приняли мальчишки в свою компанию, получила имя Сонх благодаря общению с дружным мальчишеским квартетом. Тихая и неразговорчивая, она попросила не прогонять её, разрешить быть рядом. Девочка пообещала не мешать в мальчишеских играх. Своё желание быть с ними она объяснила страхом уходить в одиночку далеко от жилища. Несколько раз прогнав Сонх, мальчишки смирились с присутствием тихой и незаметной девчонки-попутчицы. Она сопровождала неразлучных друзей везде, как бы далеко ни уводила их тяга к познанию мира. Попутчица же везде находила время для сбора цветов и трав. Этому бесполезному занятию долго никто из детей и взрослых не придавал значения, но через семь зим от рождения она стала Сонх — «травницей».

Несмотря на то, что он был единственным ребёнком, который получил имя при рождении, этот мальчишка рос незаметным. Родился он богатырём и на несколько дней раньше Зоуло, но немного позже, чем Сонх. Если бы у пещерников того времени были весы, он весил бы около семи килограммов. Большеголовый, как все дети племени, малыш-богатырь рождался в муках. Либо при прохождении материнского таза, или «благодаря» усилиям повитухи, принимающей роды, он родился уродцем. Его череп оказался деформирован так, что на правой стороне ухо, глаз и часть рта оказались выше, чем на левой. Носик младенца повёрнут вправо. Оба глаза оказались выпученными, не моргающими. Самым ужасающим оказался звериный оскал, который не могли прикрыть детские губки.

Женщины хотели умертвить похожего на зверёныша младенца, но Бахро, вождь племени в тот период, сказал:

— Такой крепыш должен жить. Он страшный, но вырастет сильным охотником и воином, защитником жилья и соплеменников, нас с вами.

Немного подумав, добавил:

— Если не озлобится на весь мир и на нас в первую очередь.

Эти слова вождя соплеменники приняли за указание не нервировать мальчишку. Непроизвольно вождь дал имя малышу. Соплеменники оставили без внимания слово «крепыш», но ухватились за слово «страшный» — Пнихо. Дети сторонились его. Они боялись Пнихо, который казался им ужасным.

Имя «крепыш» — Булут — шестью зимами позже рождения Пнихо получил другой мальчик. В свои пять зим он рос крепким, несмотря на то что босиком, как и его сверстники, бродил по лужам, причём не по летним тёплым лужам, а по тем, которые появляются весной, когда тает снег. Булут был очень крепкого телосложения. К компании Зоуло он примкнул в шесть зим, когда предводителю было уже семь.

Поначалу в детских забавах, придуманных обычно Зоуло, принимала участие вся мелюзга — мон и мин. Игры тогда не выходили за пределы пещеры — древнего жилища племени, живущего одной большой семьёй. Удаляясь не дальше второго поворота своей пещеры, уходящей куда-то в глубь горы, дети играли в прятки, догонялки, устраивали кучу-малу… Их не восхищали

и не удивляли какие-либо особенности жилища. Они воспринимали существующее как само собой разумеющееся, не требующее объяснений. Но уже тогда нашлись и те, кто значительно отличался от своих доброжелательных сверстников.

Молх в переводе на современный русский означало «вредный». Он на одну зиму моложе, чем Тавк. Если дети играли, то ему обязательно хотелось привнести в игру разлад, навязать свои правила игры, иногда даже небезопасные. Но это не означает, что недовольный игрой мальчишка был инициативным. Как только игроки теряли интерес к игре, он не мог предложить альтернативное развлечение. Неудивительно, что когда подрос Кукто, который младше его на две зимы, Молх попал под его влияние.

В природе Кукто звался «тигр». Мальчик рос непомерно жестоким, как тигр, не щадящий свою жертву. Уступая в силе более старшим, он набрасывался на обидчика с тем, что попадало под руку. Бил этот мальчишка без намёка на опасение, что может покалечить своего противника. Даже тогда, когда нарывался на более сильного мальчишку, он не выходил из драки. В таких случаях ему приходилось уползать с поля сражения.

Сулух, то есть «злой», носил волчье имя. Люди заметили, что волк, даже тяжело раненный, огрызается, скалит зубы, в злобе может наброситься на охотника. Это бывает и тогда, когда сам истекает кровью, доживает последние мгновения. Он был слабее Зоуло, хоть был ему ровесником. Необщительный, он злился на других даже за то, что им весело, когда ему грустно, что они вместе, а он одинок. Кукто не обошёл нелюдимого своим вниманием, решил подчинить себе. Видя, что младший мальчишка пытается им верховодить, Сулух долго противился этому.

— Снова волчонок с тигрёнком выясняют, кто сильнее, — говорили взрослые и принимались растаскивать дерущихся в разные концы жилого грота пещеры.

Тигр стал вожаком троицы. И все они всячески пытались навредить компании Зоуло. Получая по заслугам, не оставляли мысли поквитаться с кем-нибудь, когда те окажутся порознь. И так повторялось раз за разом. Подходы к Пнихо искали недолго. Мальчишка знал о скверности характеров всех троих, но был рад, что хоть кто-то хочет дружить с ним. И всё-таки, несмотря на сближение с Кукто, страшный мальчик больше симпатизировал компании Зоуло.

В первой же стычке группировок Пнихо не оправдал надежд на то, что он будет жестоким. Вместо того чтобы драться на стороне Кукто, он пытался растаскивать дерущихся. Его дружки, которым досталось от соперников, хотели побить миротворца. Мальчишки уже приступили к расправе, когда подоспевшие взрослые защитили убогого, разогнав драчунов. Они-то хорошо помнили наставление вождя относительно особенного мальчишки. Зоуло подошёл к оставленному дружками мальчику и сказал:

— Ты поступил здорово. Когда они вместе, все становятся жестокими злыднями и врединами. Ты, Пнихо, не такой, как они. Хороший! Жаль, что мы не можем взять тебя в свою компанию — Сонх боится тебя. Сегодня ты показал нам свою доброту, но одного раза для избавления от страха Сонх недостаточно. Уверен, что скоро её страхи пройдут, и тогда ты станешь нашим другом.

Кукто, увидев Зоуло около Пнихо, сообразил, что этого нового дружка надо не бить, а задабривать. Только так он постепенно примет правила «игры», которыми руководствуются они сами. О своём выводе предводитель поведал компаньонам, потребовав от них не настраивать новичка против себя.

Старшие же дети играли в свои игры. Стены жилища стесняли их действия, заставляли выходить за его пределы даже зимой.

Пещерный учитель

Летом все жители зимнего пристанища покидали пещеру. Они кочевали за стадами шерстистых носорогов, маралов и других травоядных, которых неустанно сопровождали стаи волков и гиен и даже тигры. Все хищники стремились урвать из мигрирующего стада свой лакомый кусок — травоядную жертву неопытности или беспечности.

Для защиты от зноя и дождя, для кочующих, не участвующих в охоте, устанавливались несколько подобий переносных чумов. В них люди проживали не более недели. Когда стадо отдалялось, временные жилища переносились и обживались до следующего переселения. Чтобы защитить людей от хищников или завоевателей, вождь оставлял на стоянке нескольких воинов-охотников. Нападение родственных племён можно было исключить. Кроме людей снипс, как называли себя те, кого мы именуем денисовцами, в преследовании мигрирующего стада участвовали и люди пливс, по-современному — неандертальцы.

Но Сибирь — не тропики. Лето на Алтае — пора короткая. Бóльшую часть года людям приходилось жить в пещере. В морозы, ради сохранения тепла, люди жертвовали частью дневного света, завешивая шкурами выход из жилища почти полностью. Но вместе с дымом улетучивалась и часть тепла. Неудивительно, что в те времена люди отсчитывали годы, в отличие от нас, на зимы. Показывая на пальцах, человек говорил:

— Вот сколько мне зим!

Объясняли это они очень просто:

— Пережить лето, даже если оно сухое и жаркое, нетрудно. А вот пережить зиму почти всегда проблематично. Летом, в случае неудачной

охоты, можно забить живот травами, ягодами, съедобными кореньями или хвоей. Зимой мягкой съедобной лиственничной хвои нет. Как нет ничего, что можно было собирать растущее летом. От холода и нерегулярного питания зимой чаще болеют и умирают. Что такое зимы, знают даже мин и мон, неоднократно испытавшие их тяготы на собственной шкуре.

Жилище и племенной очаг в нём — это спасение и от морозов, и от стай голодных хищников. Потому-то его защищали, если находились бездомные претенденты на родовой дом. За пару сотен тысячелетий пещера, приютившая теперь людей снипс, бывала домом и для людей пливс, но возвращалась хозяевами, предками нынешних владельцев. Зоуло и его друзья узнали об истории пещеры от Колса.

Ещё в детстве жители пещеры заметили, что мальчишка хорошо видит то, что другие на расстоянии не различают. Вот и получил он имя Колс, означающее «зоркий». И в преклонном возрасте, когда осталась дальнозоркость, но силы и изворотливость покинули пещерника, когда в нём отпала надобность на охоте, он словно впал в детство — играя, ненавязчиво учил мальчишек премудростям взрослой жизни. Дед, проживший тридцать семь зим, удивлял всех тем, что ему удаётся видеть где-то далеко-далеко. Ребятня, не веря словам старика, бегала вдаль, чтобы убедиться в правдивости сказанного. Точнее, они бежали с желанием уличить старца в неточности увиденного им, но каждый раз убеждались, что в очередной раз это невозможно.

Ещё раньше, Зоуло не помнит, сколько зим ему тогда было, его компания впервые оказалась за пределами пещеры. Вероятно, это произошло в его три зимы. Всех тогда поразило невиданное: прижавшись к скале, возле неё сидел медведь. Детям было страшно, но они осторожно приблизились к огромному зверю. Сидя без движения, гигант не рычал, не отпугивал любопытную публику. Осмелев, ребятня с опаской потрогала шерсть и огромные острые когти. До баловства дело не дошло. Уже тогда мальчишки знали, что медведь — зверь, уважаемый взрослыми.

Вернувшись в пещеру, они поделились впечатлениями со взрослыми. Колс рассказал тогда о «рыре» — медведе на языке людей снипс:

— Этот рыр сидит здесь ровно столько, сколько зим сейчас Туно и Саво. Люди нашей пещеры знают его давно. Я был мальчишкой чуть старше вас, когда рыра впервые увидели невдалеке от пещеры. Наверное, тогда он был совсем молодым, но вёл себя степенно. И до того дня наши люди преклонялись перед силой и покладистым характером этих лесных богатырей. Не делая лишних движений, вынесли из пещеры остатки от ужина, положили для рыра около скалы, там, где он сидит теперь. Кости какого животного — не помню. Да это и не главное. Рыр учуял съедобное и подошёл к подношению. Вскоре он привык к щедрости людей. Навещал нас, хоть и не был голодным.

— А что было потом? — поинтересовался Туно, когда старик прервал рассказ, чтобы собраться с мыслями.

— Потом он стал объектом нашего поклонения и покровителем племени. Приметили, что после «свиданий» с нашим рыром охотникам сопутствовала удача, а ему самому — богатый ужин. Ему стали подносить в качестве жертвоприношения охотников племени, когда кого-то из них приносили бездыханным. Храбреца усаживали спиной к скале с подогнутыми к подбородку коленями. Это стало традицией, которой удостаиваются только охотники и воины, лишившиеся жизни в бою с неприятелями или ушедшие в мир тьмы от боевых ран. Никто не смотрел, когда и как рыр поедал жертву. Но при этом зверь ни разу не напал на живого человека. И так было до последнего дня жизни нашего покровителя.

— Разве рыр сидит неживой? — поинтересовался кто-то из малышей.

— В тот вечер наш любимец не пришёл, а приполз к пещере. Наверное, он надеялся, что люди помогут ему. Но никто не отважился приблизиться к великану даже на несколько шагов. Да и чем мы могли помочь ему, истекающему кровью? Когда рыр ушёл в мир тьмы, люди увидели следы драки до победного конца. Наверное, наш рыр победил ещё не старого и сильного тигра, но и сам пережил врага ненадолго. Все сожалели, что схватка произошла на склоне лет рыра. Иначе он вышел бы победителем и выжил. С мёртвого покровителя сняли шкуру, зашили её и набили сухим песком. Не менее тяжёлый, чем живой, рыр остаётся на месте при любом ветре. Ему так же приносят остатки еды и оставляют жертвоприношения. И так же, как при живом, никто не смотрит на поедание оставленного.

— А тех, кто уходит в мир тьмы от болезней, тоже приносят в жертву рыру? — спросил Тавк.

— Ему приносят только достойных — воинов и охотников. Остальных отдают птицам, поднимая на лабаз недалеко от пещеры. Бирк — главная из птиц, — был ответ старика Колса.

«Бирк» на языке современников — это беркут. Так Зоуло и его друзья узнали о традициях поклонения покровителю. Узнали и о расставании с теми, кто уходит в мир тьмы. Учитывая возраст рассказчика, получалось, что рыр жил около людей почти столько зим, сколько пальцев на руках и ногах рассказчика и на обеих руках одного из слушателей. После рассказа о рыре ещё три зимы люди поклонялись чучелу, приносящему удачу так же, как когда-то он живой покровительствовал им самим и убежищу.

Об этом событии помнили не только взрослые, но и дети. Под конец зимы стая голодных волков

ночью напала на чучело рыра. Утром люди обнаружили волчьи следы и утоптанный стаей снег, клочья растерзанной шкуры и песок, рассыпанный вокруг места «обитания» чучела. Пытаться собрать и сшить клочки шкуры оказалось невыполнимой задачей. Обнаружив невосполнимую утрату, люди будто осиротели. Племя лишилось покровителя. Плакали даже мужчины.

Наступила седьмая зима Зоуло, когда произошло открытие невероятного. Совершенно случайно люди узнали… Впрочем, обо всём по порядку.

Вечером, не предполагая, что ночью будет заморозок, каменную чашу с остатками воды не занесли в пещеру. Утром на дне чаши обнаружили льдину. Подержав каменный сосуд около племенного пещерного костра, льдину небрежно вытряхнули. Но мальчишки не выбросили её за пределы пещеры, а принялись играть с ней. Зоуло вдруг заметил, что удерживающие льдину пальцы на той стороне, за льдиной, кажутся больше, чем есть на самом деле. Любознательный мальчишка стал смотреть сквозь прозрачный предмет на стены, лес около жилища и на других мальчишек. Что-то расплывалось, но коечто удалось увидеть. Удивлению не было предела. Увиденное представало взору увеличенным.

Переходя с места на место, мальчишки оказались на уступе скалы при входе в пещеру. Приветливо светило предполуденное солнце. В лучах его можно было рассмотреть даже те подробности, которые в пещере были не видны. Тавк, в руках которого оказалась льдина, рассматривал волоски на своей ноге выше колена. Ситуация улучшалась ещё и тем, что за льдинкой на ноге оказалось светлое пятно. То приближая, то удаляя льдинку от ноги и от глаз, мальчишка вдруг взревел:

— Бон! Бон!

Мальчишки пытались понять, где Тавк видит огонь. Лишь вспомнив, что слово «бон» означает не только «огонь», а ещё и «горячо», стали проверять эмоционально пережитое их другом Тавком. Выяснилось, что когда светлое пятнышко за льдинкой становилось меньше и ярче, начинало прижигать именно то место тела, где было это пятнышко. Может быть, игра с льдинкой очень быстро надоела бы и осталась без продолжения, если бы среди мальчишек не было любознательного Зоуло. Предводитель мальчишек продолжил испытания. Он направил яркую точку на кусочек лишайника, оказавшийся в пещере в начале зимы. К удивлению всех, полусухая пластинка сначала задымила, а потом вспыхнула.

Колс, наблюдающий за вознёй детворы издали, был поражён увиденным ещё больше, чем мальчишки. И они удивлялись, что холодный ситих — лёд — может породить бон. Весь жизненный опыт старца утверждал, что бон и пун — это противоположности. Там, куда приходит бон, бесследно исчезает пун — холод.

«Открытие мальчишек тем более ценно, что может иметь практическое применение,— размышлял старик.— Ребятня наигралась и рассталась с игрушкой. Надо приберечь эту необычную льдинку. С другими-то кусками льда ничего подобного никогда не было. Приберечь и показать другим взрослым. Полагаю, что Бахро оценит открытие».

Охотники вернулись после захода солнца. Заинтриговав всех необычным явлением, Колс предложил задержаться утром, чтобы увидеть лично, как холодная льдинка рождает огонь. Утром Бахро был поражён увиденным не менее остальных. Ему и пришла в голову мысль, что, если бон умрёт, льдинкой можно возродить его даже зимой.

— Но лёд скоро растает,— возразила Куно, пожилая женщина, возраст которой приближался к тридцати зимам.

— Была бы чаша, делающая лёд необыкновенным, а найти воду и заморозить её — не проблема,— возразил вождь.— Даже согреть чашу теплом рук и дыхания, чтобы добыть и не повредить льдинку, мы сообща сможем. А это чудо из чудес заверните и закопайте в снег. Вдруг добыть бон придётся уже этой зимой.

Да, чаша, которая дном придавала льдинке выпуклость и делала её поверхность совершенно ровной с другой стороны, становилась равноценной сокровищу. Другим способом то, что мы называем линзой, пещерники того времени изготовить не могли.

Приключения начинаются

Лишившись покровителя, с немалыми трудностями племя пережило остаток зимы и весенний период. И тем летом жители пещеры кочевали вслед за мигрирующими стадами. Как всегда, вслед за летом, изобилующим теплом и разнообразием еды, наступила плаксивая осенняя пора. Гулять на улице становилось всё менее комфортно. Вот в такую-то непогодь Зоуло организовывал сверстников на рискованные походы внутри пещеры. Со своими неразлучными друзьями он исследовал пещеру в кромешной темноте. Тогда предводитель перешёл рубеж в восемь зим.

К исследованиям своего жилища мальчишек подтолкнуло желание узнать, куда уходит дым, который при западном ветре почти не выходит в оставленное для него отверстие при входе. Проследовав путём, о длине которого мальчишки не имели представления, они дошли до разветвления. Один, более узкий, проход уходил куда-то дальше, прямо по пути следования. Другой — сразу же приводил в просторную галерею. Сначала исследователи пошли в ответвление, в котором чувствовалось слабое, едва ощутимое дуновение, направленное куда-то в глубь подземелья.

Ориентируясь лишь по запахам каменных стен и свода да полусухого грунта под ногами, любознательная толпа продвигалась всё дальше и дальше. Исследователи пытались найти отверстие, через которое выходит дым. Они старались изучить повороты и запомнить места ещё двух ответвлений, чтобы, возвращаясь, не потеряться в этих лабиринтах. Запомнили, что, попадая в тупиковые ответвления, не имеющие выхода, они ощущали запахи сырости, застоявшегося воздуха и даже плесени.

Никакой видимости, но на обратном пути интуитивная ориентация в пространстве и обоняние давали надежду на безошибочное возвращение следопытов в обжитый грот. День исследований подходил к концу. Уже пора было подумать о возвращении, и… вдруг на пути возникло препятствие. До того неширокий и низкий проход пошёл почти вертикально. Зоуло, опираясь о стенки руками и ногами, пролез расстояние в три собственных роста и очутился в просторном гроте. Глаза, давно привыкшие к темноте, ощутили едва заметный свет. Он достигал дальней стены грота, многократно отразившись от стен на поворотах ещё не изведанного участка прохода.

Дождались, когда Сонх, последняя из путешествующих по подземелью, преодолеет подъём и окажется рядом. Зоуло обратил внимание друзей на еле заметный свет. Все устремились к нему — надежде на долгожданный выход. Поворот за поворотом приближали пещерных путешественников к концу пути, туда, где дым выходил из пещеры.

Каково же было разочарование, когда выяснилось, что выход из пещеры завален камнями. Промежутки между огромными валунами оказались забиты более мелкими осколками скалы. Отверстия в завале на выходе были достаточны для прохода дыма или какой-нибудь мелкой зверушки, но слишком малы, чтобы в них можно было пролезть мальчишкам. Все понимали, что по улице, даже под дождём, идти было бы проще и быстрее. Пришлось возвращаться тем же путём, которым пришли.

Пока шли до крутого узкого спуска, глаза постепенно освоились с полной темнотой. Аккуратно спустившись, прошли все препятствия и оказались в жилище так поздно, что другие дети уже спали. Но и тогда ребятня не могла удержаться, чтобы не рассказать взрослым о результатах исследований. Выслушав детвору, Куно сказала тогда:

— Наверное, вы не первые, кто прошёл по этому дымоходу. Кто-то наверняка бывал у того заваленного выхода. Но этим путём невозможно пользоваться, поэтому про проход к нему все давно забыли.

И всё-таки детей распирала гордость за то, что благодаря именно им люди стоянки узнали о своей пещере чуточку больше. Это обстоятельство подталкивало, звало исследовать и другое продолжение пещеры. Оно временно было оставлено, когда повернули в задымлённый проход. Но почему-то было страшновато идти туда даже не в одиночку.

Зоуло пришла в голову мысль о том, чтобы отправиться в неизведанное, освещая свой путь. Единственно возможным способом казался поход со светлячками. Их-то за пределами жилища, на траве, было предостаточно. Никто из готовящихся к походу в глубь пещеры не знал, будут ли они светить в пути, а если да, то как долго. То, что много позднее индейцы использовали светлячков для освещения помещения, как свечи, эти путешественники знать не могли.

Насобирав более десятка насекомых, дети разместили их на крупных листьях. Чаще плавные, а где-то и резкие повороты, подъёмы и спуски, обширные галереи и узкие, порой низкие проходы чередовали друг друга. По ним исследователи уходили всё дальше от обжитого грота. Казалось, что пещера бесконечна. Части пространства, являющиеся взорам в мягком свете, нередко заставляли съёживаться от страха. Казалось, что глыбы, свисающие со свода, в любой момент могут сорваться. Если даже они упадут мимо, то могут привести к обвалу и обрезать обратный путь.

Старались идти молча, громко не шлёпать босыми ногами по полу, местами каменному, но чаще — земляному. Казалось, что не только прикосновение к чему-нибудь, но и громкий звук тоже способен привести к обвалу. Но шло время, продвигалась людская цепочка, а огромные глыбы, наводившие страх, сменялись другими опасными участками.

Мальчишки и Сонх, ещё не знавшие участия в охоте, могли безошибочно определять зверя по запаху. Лёгкий, щекочущий ноздри, с привкусом пота и жира, запашок стал ощутим ещё до появления отблесков света. Зоуло припал носом к полу. Нет, здесь зверь никогда не был, не оставил следов. Запах распространялся откуда-то оттуда, куда шла любознательная детвора. Становилось всё неопровержимее, что впереди рыр.

«Если рыр не был здесь, то почему? Ему хватает места там и нет надобности идти сюда? Как рыр попал туда, если здесь он не проходил? Неужели дальше есть ещё один выход?» — терялся в догадках Зоуло.

Вопросы роились в головах, но дети продолжали продвижение к неизведанному.

— Наверное, дальше есть выход из пещеры, в него и входит рыр, — высказал Зоуло догадку вслух.

Ему предлагали прекратить продвижение, но мальчишка-предводитель оказался непоколебим в решении продвигаться именно вперёд. Он даже сказал, что желающие могут возвращаться хоть все, но его и это не остановит. Бесстрашный

до бесшабашности Туно поддержал идею идти дальше. Остальные последовали примеру друзей. А вот и свет замаячил. Сомнения рассеялись. С каждым шагом медвежий запах ощущался всё сильнее, а идти становилось опаснее. Запах совсем близко. В невысоком, но широком проёме за узкой щелью перед юными путниками предстали звёзды. Осеннее утро ещё не наступило.

Ведомые любознательностью, они друг за другом проникли сквозь щель. Этого не случилось бы, если бы чувствовался запах живого зверя рядом. Но рыр отлучился из пещеры по своим делам. При свете светлячков осмотрели грот. Невысокий вход в пещеру препятствовал задуванию снега дальше нескольких шагов от начала грота. В дальнем углу от щели и входа чистая площадка земляного пола оказалась самой сухой и наиболее сильно сохраняющей запах хозяина жилища. Несомненно, это было местом лежбища временно отсутствующего зверя.

Обрывки шкур устилали пол просторного грота пещеры. Удалось различить бывшее одеяние гиен, лисиц, росомахи, ещё каких-то животных, которых взрослые никогда не приносили с охоты. В углу поодиночке валялись рога оленя. Их взяли в доказательство посещения логова рыра. Некоторые участники путешествия уже прошли щель, отделяющую грот медведя от прохода между выходами, когда Зоуло ощутил свежий запах приближающегося медведя. Остальным пришлось поторопиться, чтобы не стать добычей хозяина помещения. Одно успокаивало — в щель медведь не втиснется, даже если бы его разозлили. Злить медведя не стали. К этим сильным животным взрослые относились уважительно, а дети во всём подражали взрослым.

Вернувшимся с оленьими рогами взрослые поверили в существование медведя в глубине пещеры и выхода за горой. Известию о рыре радовались все. Племя вновь обрело покровителя. Свуно взял тогда двух соплеменников, и они унесли не только объеденные кости, но и часть оставшейся с вечера трапезы. При удачной охоте еды всем хватало с избытком. За много лет и этот медведь привык не только к подношениям, но и к жертвоприношениям, которыми становились погибшие в схватках с недругами воины и лишившиеся жизни охотники на крупного зверя.

Не только взрослые, но и Зоуло с друзьями тоже приходили с подношениями для рыра. Вскоре он стал подходить к подаркам детей с негромкими короткими рыками. Они отличались от грозного и гневного рёва этого сильного зверя. Дети не были уверены в правильности предположения, но стали воспринимать сдержанные рыки жителя этого грота за своеобразную благодарность.

Жизнь за жизнь

Пережить зиму считалось главным достижением за весь год. Но и лето, бывало, приносило свои неприятности и беды. Вот и в то лето, предшествующее девятой зиме Зоуло, произошли события, повлёкшие за собой немалые перемены для жителей пещеры.

Нет, началось всё в то лето как обычно. Засушливое, оно погнало стада животных в более северные и влажные местности. Охотники, удаляющиеся на два дня пути, сообщили тогда, что стада маралов и кабарги под охраной шерстистых носорогов приближаются к стоянке наших пещерников. Как всегда, вслед за травоядными шли хищники: тигры, а также стаи волков и гиен. Начались приготовления к летней, кочевой, жизни племени. Надо было взять менее громоздкую посуду, шкуры для чумов, охотничье снаряжение.

В жилище царило всеобщее возбуждение. Со стороны зимнее пристанище могло показаться пчелиным ульем, работягам которого непогода мешает заниматься нужным, привычным делом. Ждать, когда пища придёт к пещере, не стали. Все семнадцать охотников, в их числе шесть женщин, отправились навстречу приближающемуся стаду.

Солнце подходило к зениту, когда вождь всех остановил. Впереди слышался пока только еле различимый глухой равномерный шум. Его порождали сотни, а может, даже тысячи копыт, касающихся земли. Казалось, что шум доносится отовсюду, даже сзади. Но более тонкий слух Бахро определил, что правее идущих земля гудит дальше. Вождь решил обойти стадо левее. Напомнил соплеменникам, что нельзя преграждать путь гигантам.

— Не надо уподобляться и гиенам или волкам, пытающимся вырвать кого-то на обед, нападая сбоку, — предупредил Бахро.

Высказал он и напоминание о том, что численность этих хищников, держащих больших и малых оленей в постоянном напряжении, надо по возможности сокращать. Даже более того, необходимо в любой момент быть готовыми к их нападению на людей.

Молодых охотников напутствовали бывалые:

— Если станет ясно, что от огромной стаи не отбиться, надо уходить под защиту носорогов. Люди обычно не трогают этих гигантов, а волки и гиены докучают им днём и ночью. Эти наглецы надоели настолько, что при их приближении носорог идёт в наступление, отпугивает стаю, какой большой бы она ни оказалась. И всё мелкое в сравнении с носорогом зверьё отступает.

— Тактика понятна. Лучше заходить сзади и выбивать какого-нибудь замешкавшегося олешка, — согласился совсем юный обладатель охотничьего копья.

Около половины дня ушло на обход стада. Сколько в нём гигантов, посчитать было невозможно. Каждый раз в крупный просвет между группами деревьев попадало до десятка шерстистых

гигантов. Но это лишь малая часть от общего числа совершающих переход мохнатых реликтовых травоядных. Маралов и других разновидностей оленей, кучками держащихся внутри групп носорогов, и вовсе было несчётное количество. Ещё больше рыскало вокруг зубастых тварей. Они стаями до тридцати особей неожиданно появлялись то тут, то там и так же непредсказуемо терялись из виду.

У денисовцев никогда не было ни нужды, ни желания интересоваться численностью проходящего стада. У них просто не хватило бы пальцев на ногах и руках всех жителей пещеры, чтобы вести счёт такого порядка. Взять олешка и не обратить на это внимание хищников пока не удавалось. Лёгкими копьями, летящими дальше и быстрее, пригвоздили трёх гиен, обеспечив долгожданный обед другим членам стаи, разрывающим несчастных собратьев в драках между собой.

Выбрав подходящий момент, дружно завалили марала. Охотники вывернули желудок, вырвали печень и насладились парными внутренностями. Лишь потом они выпустили внутренности, стали выносить тушу подальше от любителей отбить добычу. Столкнулись с группой из семи волков. Ранив двоих, оставили на растерзание остальным. Уйдя от стада километра на три, отправились к чумам. Ужин и завтрак, почти барские, на всю стоянку были обеспечены.

Только через четверо суток стадо прошло оставленную на лето пещеру по менее гористой местности, минуя её в часе быстрого хода охотника налегке. В обеденный зной, насытившись к тому времени, почти все животные ложились отдыхать. Лишь несколько носорогов, сменяя друг друга, оставались на страже покоя. За сутки вся ватага продвигалась чуть больше, чем охотник за время от заката до темноты.

Дважды перенеся чумы на новые места, чтобы подносить добычу было недалеко, племя встретилось с другими людьми снипс. Но и до соединения с ними в поле зрения наших охотников оказывались добытчики мяса из племени пливс. Люди разных ветвей не конфликтовали на охоте. Добычи было достаточно для всех. И те, и другие просто соблюдали негласные границы, на которых им не мешали, и они сами не препятствовали другим добывать пропитание.

Денисовцы и алтайские неандертальцы, живя рядом, нередко встречались на охоте. Жители этой пещеры знали и о людях снипс, живущих в далёких пещерах. Возможно, что и в той, которая ныне зовётся Денисовой. Реки, холмистая лесостепь, предгорья, поросшие почти сплошными лесами, и всё, что там водилось, не принадлежали никому. Охотиться, собирать съестное с деревьев, кустарника, из земли и воды тоже никому не воспрещалось.

Неписаным правилом для всех был делёж добычи при совместной охоте. Если случалось, что одна группа охотников загоняла зверей, а другая оказывалась добытчиком, то трофеи делились поровну, независимо от численности охотников в группах. Если неудачливые охотники встречались с группой, у которой был богатый трофей, то расходились с миром без дележа и захвата. Так повелось со времён встреч прадедов тех и других и даже раньше на много тысячелетий.

Всё это время люди разных ветвей человечества контактировали, общались. Было бы удивительно, если бы представитель рода снипс не понимал человека пливс или наоборот. В большинстве случаев именно непонимание приводит к стычкам. Враждуя, народы могли бы истребить друг друга. Мирное сосуществование позволяло и тем, и другим безбоязненно удаляться от стоянки на пару дней пути.

Вскоре сообщество охотников пополнилось третьим племенем людей снипс. Увеличилось и число охотников людей пливс. Но добычи хватало всем, включая и хищников. Люди снипс, охотясь своими коллективами, устанавливали чумы рядом, образовывая большие кочевые селения. Охотясь на маралов и кабаргу, добытчики мечтали совместными усилиями одолеть носорога.

Бахро не признавал каменный наконечник копья. Уже несколько миграционных походов он пользовался копьём с костяным наконечником. Когда-то он сколол часть большой берцовой кости сохатого с одной стороны и камнем обровнял с другой. Камнем, но уже другим, обработал полость кости. После обжига конца древка копья Бахро насадил на него костяной наконечник. Кость, острая в местах сколов, при ударе копья неоднократно легко прорезала шкуру даже дикой лошади и сохатого.

И в эту миграцию животных Бахро охотился со своим проверенным оружием. По общему решению всех трёх вождей, именно ему предстояло ослепить носорога. Другой, уже рядовой, охотник должен был копьём с каменным наконечником пустить кровь из ноздрей сильного животного, чтобы лишить его обоняния. Остальным предстояло копьями и каменными топорами нанести носорогу как можно больше ран. Только истекая кровью, гигант перестал бы сопротивляться.

Прежний, состарившийся, вождь остался охранять чумы. К сожалению, только там он мог дать дельный совет нынешнему, Бахро, если что-то пошло бы не так, как надо. Огромная толпа охотников без проблем окружила спокойно лежащее животное. Огуп — большой шерстистый носорог — не обращал внимания на людей. Главный напарник встал чуть левее Бахро, и они вместе приступили к выполнению своих обязанностей. Огромное животное, только что казавшееся воплощением наивысшей степени спокойствия, лишённое зрения

и обоняния, с диким рёвом вскочило с лёжки и напролом понеслось невесть куда.

Несколько охотников с каменными топорами, напоминающими современные колуны, успели вскочить на спину и, держась за шерсть животного, стали наносить удар за ударом. Взбешённый гигант, не ощущая препятствий, понёсся куда-то вперёд, напролом. Потом огуп, несмотря на кажущуюся неповоротливость, повернул так резко, что «наездники» едва удержались на мохнатой спине. Они продолжали наносить удар за ударом, едва прорубая толстую и прочную, как щит, шкуру своей жертвы. Один обладатель топора успел отрубить носорогу одно ухо и с усердием пытался лишить животное второго. Уши — одни из наиболее уязвимых мест этого «бронированного» реликтового гиганта. К тому же там можно перерубить крупные артерии, ускорив кровопотерю.

Сам Бахро успел нанести удар по второму глазу, но не увернулся от вздыбившегося разъярённого животного. В агонии гигант и не почувствовал, что всем своим трёхтонным весом наступил на живое существо. Кровь хлынула не только изо рта и носа вождя, но и из ушей. Едва успевая сглатывать наполняющую рот вязкую сладковатую жидкость, первооснову жизни высших существ, он успел выдавить из себя единственное слово:

— Свуро.

Да, Бахро сказал не Свуно, как звался один из лучших охотников, а Свуро. Звук «р» мог присутствовать только в именах вождей племени. Так он дал знать о передаче своих полномочий и в корне пресёк возможную тяжбу соплеменников за титул вождя.

И раньше Бахро часто назначал Свуно предводителем группы охотников, когда обстоятельства заставляли промышлять на нескольких участках обширных охотничьих территорий одновременно. Не всегда можно было рассчитывать на то, что пропитание найдётся наверняка и где-то в одном месте.

Этот находчивый добытчик умело организовывал соплеменников, когда охотились на крупное травоядное: лошадь, сохатого, марала, — или если приходилось выбивать нескольких хищников из многочисленной волчьей стаи. Был Свуно не менее удачливым в нечастых сражениях с людьми пливс. Не прячась за чьи-то спины, он умудрялся не получить ни одного, даже лёгкого, ранения. Но шрамы, оставленные когтями и клыками животных на охоте, украшали и его тело.

Общими слаженными усилиями с носорогом справились. Отбиваясь от полчищ волков и гиен, почувствовавших предстоящий дармовой пир, охотники унесли к стоянке столько мяса, сколько было им по силам. Сладкие внутренности: печень, не имеющую желчного пузыря, сердце и прочее, — не оставили хищникам, взяли в первую очередь. Но более полутонны шкуры, костей и оставшегося мягкого парного мяса осталось хищникам, которые будут делить это в драке.

Обезображенное тяжеловесом тело Бахро несли по очереди. Несмотря на людское горе, яркое летнее солнце продолжало лить свой тёплый свет на всё живое: травы, кустарники и деревья. Тепло ласкало птиц, парящих высоко в небе. Правее похоронной процессии, чуть в отдалении друг от друга, парили несколько ястребов. Левее людей и выше, чем ястребы, выписывая невероятные фигуры, выслеживали добычу два беркута. Мелкая живность обширных полян с опаской расступилась перед бесчисленным количеством копыт стада травоядных, скопилась здесь, поодаль от мест миграции. Этих-то полёвок, сусликов, зайцев, куропаток и прочую мелкую живность выискивали теперь пернатые хищники.

У реки тело бывшего вождя усадили с подогнутыми к груди коленями спиной к дереву. К туловищу приставили обломок копья. Попытка снять с древка костяной наконечник оказалась безрезультатной. Кость словно приросла к древку. Чтобы тело охотника досталось рыру, а не гиенам, его заложили наиболее крупными камнями. Запах разлагающегося трупа почувствуют и гиены, и рыр, но разобрать примитивный склеп было по силам только рыру. Тигров и волков мертвечина не привлекала. Особенно в сезон изобилия мясной пищи.

И вот, в двадцать пять зим от роду, когда огуп забрал жизнь Бахро, Свуро стал вождём племени. На него легла ответственность за сытость, благодушие и уверенность соплеменников в завтрашнем дне. Никто не пытался предположить, что будет с ним или с племенем после рождения новой луны, но очередное завтра интересовало всех взрослых.

Свой вывод после превращения Свуно в Свуро сделала Сонх. Не без хвастовства она сообщила Кукто:

— Теперь только попробуй тронуть Зоуло. Он стал сыном вождя.

— Ну и подумаешь. Нашла причину. Если Свуно не бегал за нами раньше, то и теперь Свуро не побежит наказывать нас. Вождь ведь, а не просто отец. По статусу не полагается, — с издёвкой в голосе сообщил девочке нагловатый мальчишка.

К своему сожалению, Сонх признала, что Кукто прав.

Подопытные

Всё началось неожиданно и совершенно случайно. Бродя по осеннему лесу, Зоуло и компания оказались в кедровом бору. Под одним из деревьев-великанов валялись кем-то разбросанные свежие ветки. Бурундук, опираясь на задние лапки, как маленький человечек, держа шишку в передних, куда-то относил её и возвращался за следующей.

Маленьких шишкарей оказалось двое. Детям было интересно наблюдать за суетой зверьков.

Вдруг у вершины огромного кедра что-то затрещало. Через мгновение стали слышны звуки чего-то падающего и цепляющегося за ветки. Оказалось, что это макушка сибирского богатыря, кедра. А впереди неё, как крупные градины по каменистому берегу, глухо ударяясь о ветви, с шумом падали шишки. С приземлением одной из них в траве послышался писк. Не свист бурундучка, уже привычный наблюдательной детворе, а именно писк.

— Наверное, это шишкой зашибло спешащего вернуться зверька, — предположил Туно.

Любопытство подстегнуло мальчишек выяснить, так ли это. В редкой таёжной траве лежал бурундучок. Осторожно, чтобы зверёк не укусил, сердобольная Сонх взяла лесного обитателя на руки. Аккуратно прощупав животное, девочка выяснила, что удар пришёлся по области таза.

— Наверное, задние ноги на время отказали, потому-то зверёк и не смог убежать, — сочувственно сказала девочка.

Пока выясняли, что случилось с бурундучком, услышали, что кто-то спускается с дерева. Этим кем-то оказался медведь-второгодок. Он уже перезимовал в берлоге с матерью, отжировал летом на ягодах, а теперь пополнял запас жира, трамбуя желудок кедровыми орехами, — готовился к самостоятельной зимовке. Медведь увидел посторонних и, находясь ещё на дереве, рявкнул для острастки.

— Пойдёмте отсюда, не надо беспокоить рыра, — позвала друзей Сонх.

Держа копья наготове на случай, если молодой медведь вздумает напасть, все в спешке отошли на безопасное расстояние от небезопасного соседа. А он стал спокойно разыскивать разлетевшиеся шишки и выедать вкусные и питательные орехи. Мальчишки успели прихватить для себя по несколько шишек и тоже наслаждались, разгрызая орехи. Девочка взяла несколько орешков и на ладони поднесла зверьку. Взяв орехи, как руками, передними лапками, бурундук быстро отправил их себе в рот. Это понравилось детям, и они продолжили кормить найдёныша.

Незаметно для себя дошли до родной пещеры. Сонх призналась, что хочет заботиться о больном, но не знает, куда его поместить. Саво предложил вырыть в земле ямку и выпустить зверька в неё. Туно уже принялся вырубать топориком дёрн, но девочка остановила друга словами:

— Его же здесь съест кто-нибудь. Может полакомиться лиса или соболь, а могут и волки подойти к пещере. Как тогда, когда они в клочья порвали шкуру чучела рыра, сидящего недалеко от входа.

— То было ранней весной, когда волки были голодные, — возразил Зоуло. — Но и теперь беспомощного бедолагу может съесть кто угодно. Даже хищная птица. Не будем же мы сторожить его.

Сошлись на том, что жить больному лучше с людьми. В дальнем углу грота, чтобы никто не наступил на нового пещерного жителя, вырыли ямку. Зверёк беспомощно лежал на постеленной для него траве. Всем мин и мон запретили трогать больного, предупредив, что он может укусить. Но как удержаться от соблазна, когда нельзя, но очень хочется? Один несмышлёныш не выполнил запрет и, в назидание другим, был укушен. Кому-то пришла мысль, что нового жильца надо не только кормить, но и поить. У Сонх был запас трав, она распарила одну из разновидностей и поставила перед новым жителем в глиняном подобии блюдца. Зверёк дотянулся и полакал.

Сначала бурундук волочил тело, скребясь передними лапами, но через несколько дней ему удалось встать на все ноги. Тогда Сонх, беспокоясь, что её пациент может покинуть пещеру до выздоровления, углубила ямку. Кому-то из малышей пришла мысль, что одному полосатику скучно, ему нужны друзья.

— Что мы, на всех шишек должны запасать? — съязвил Тавк.

Сонх посмотрела на друга укоризненно, но пояснила:

— Можно не только шишек. Смотри, этот выбирает траву из своей подстилки. Особенно ту, где есть семена. Наверное, он будет есть грибы и ягоды. Ест он и остатки нашей еды. И другие будут есть.

Весь остаток дня дружная компания отлавливала друзей для своего питомца. Примостившись на сваленное ветром дерево, рядом клали кедровую шишку, а над ней подвешивали на колышки душегрейку. Когда осмелевший бурундучок подбегал к лакомству, его резко накрывали душегрейкой. Так вместо одного в новой, более вместительной и глубокой ямке оказалось пять зверьков.

Сонх поила всех отварами, но каждого своим. Со стороны это не было заметно. Ни дети, ни взрослые не догадывались о намерениях ухаживающей за бурундучками. Все предполагали, что ей надоело возиться с цветами и травами, и она переключилась на зверушек. Через два дня одного подопечного обнаружили мёртвым.

— Суслики давно бы вырыли нору и сбежали от твоей заботы о них, — злорадно подметил тогда Кукто.

— Меня радует, что сбежали бы не к тебе. У тебя бы они не выжили даже дня, — колкостью на колкость ответила Сонх.

В действительности же девочка на зверушках испытывала свои снадобья. Не зная о полезности отваров, она выявляла те, которые опасны для употребления. О том, что на зверьках испытывает травы, Сонх не рассказывала даже друзьям.

С промежутками в несколько дней пришлось выбросить тушки ещё двух испытуемых. Часть взрослых расценила падёж питомцев неумением ухаживать, а другая часть сделала обобщение: дикие звери неспособны выжить в неволе. Никто не знал и того, что одного подопытного девочка напоила крутым отваром из мухомора.

Сонх настояла на отлове ещё хотя бы двух друзей для выздоравливающего питомца. Не без труда, но её просьбу удовлетворили. Экспериментаторша и раньше замечала, что зверьки едят не все грибы. Из этого она сделала вывод о несъедобности и съедобности конкретных видов грибов. И снова не обошлось без жертв среди бурундучков. Было ясно, что виной тому не грибы, а снадобье. По счастливой случайности именно главный питомец девочки остался жив и был бодр.

Наступили холода. Бурундуки, живущие на воле, забились в свои дупла. Стали менее активными и пещерные зверьки. Сонх поила их тёплыми отварами, и тогда зверьки ненадолго становились более шустрыми. Но настало время, когда, подобно собратьям в дикой природе, пещерные зверушки впали в спячку. К той поре девочка точно знала, какие именно травы ядовиты, и выбросила их.

Зимой обострились простудные заболевания. Болели не только мин и мон, но и взрослые. Девочка запаривала и настаивала разные травы и предлагала выпить, не называя это средством для поправки здоровья. Таковым снадобье могло бы стать, пройдя испытание, ранее вылечив кого-то. Она всегда наблюдала, кому напиток пойдёт на пользу. Не зная письменности, люди той поры старались всё удерживать в памяти. Так же приходилось набираться знаний и опыта Сонх.

Весной обострились расстройства живота. Однообразное и нерегулярное питание давало знать о себе болезнями. И снова эксперимент за экспериментом. Какие-то настои и отвары давали непосредственный эффект, а другие оказались просто витаминными добавками, которых так не хватало весной. Пригодились ягоды шиповника, жимолости, черёмухи и малины! Но главное то, что усилия девочки венчались успехом. Быстрее от болезней избавлялись мин и мон, но помогали снадобья и тем взрослым, которые не отказывались их пить.

Уже тогда жители пещеры обратили внимание на полезность снадобий девочки. С пониманием их лечебных свойств к понятию «травница» добавился синоним «лекарша». Взрослея, Сонх становилась всё более значима для соплеменников, поскольку была необходима им в трудные периоды. Её не хотели отпускать в мальчишеские продолжительные летние походы, но более обширные знания об окружающем мире стали смыслом жизни путешественницы. Её открытия становились достоянием собратьев-пещерников, обогащали их жизненный опыт.

Время шло, и с его медленным ходом древние люди пополняли копилку знаний, передаваемых из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие.

Важные открытия

В повседневных хлопотах пролетели лето и осень, подходила к концу кажущаяся нескончаемой зима, все ждали наступления весны. Зима не хотела сдавать свои позиции и разразилась трёхдневной вьюгой. Гулять за пределами пещеры не хотелось не только безымянным малышам мон и мин. Перенеся несколько горящих палок в грот у разветвления, в которое уходил дым, Зоуло с друзьями развели там небольшой костёр. Сидеть или играть в кромешной темноте не хотелось.

При слабых отблесках пламени костра Туно заметил нечто, наполовину вросшее в земляной пол. Постаравшись, он раскопал и извлёк из земли глиняное подобие вместительной чаши. Было видно, что это предмет посуды, побывавший в огне много-много раз. Наверное, в нём кипятили воду или таяли её из снега, когда ближайший ручей покрывался панцирем замёрзшей наледи.

Находка заинтересовала исследователей, но не сама по себе. Детям захотелось выяснить, нет ли в гроте ещё чего-нибудь, что может пригодиться у племенного костра. Рыхля землю осколочными камнями, которых нападало со стен предостаточно, каждый надеялся найти что-то необычное. Хитрый Саво копал в том углу грота, который был наиболее удалён от обоих выходов. Ему представлялось, что это самое укромное место, что именно там спрятано или завалялось как раз то, что все ищут. А все искали неведомо что — просто что-нибудь полезное.

При раскопках удача посетила именно его, Саво. Приподняв оскольчатый камень, величиной немного больший, чем подошва его зимней обуви, мальчишка заметил ещё два небольших камня. Они были разными и по размерам, и по форме, и по составу. Одна из поверхностей камня, того, что побольше, оказалась плоской, но бугристой. Камень удобно ложился даже в ладонь подростка в девять зим от роду. Наш современник сравнил бы бугристость камня с поверхностью рашпиля или крупного напильника. Другой камень оказался со всех сторон угловатым.

Когда налипшая на камни грязь подсохла и осыпалась, стало видно, что почти все края угловатых выступов закруглены. Зоуло беззвучно отметил, что остриё каждого скола стало таким, будто его пытались затупить и тщательно тёрли о другой камень. Он провёл угловатым камнем по бугристому. Никакого видимого эффекта не последовало. И всё-таки Саво потребовал отдать его находку. Камни казались Зоуло интересными, но загадка

их не была разгадана. Он решил оба камня пока оставить у себя.

Хозяин находки попытался отнять сокровища. Зоуло пришлось увернуться, руки с камнями оказались в тени от пламени костра. Чтобы друг не вырвал заинтриговавшую всех находку, камни пришлось держать, крепко прижимая друг к другу. И всё-таки Саво удалось резко дёрнуть друга за локоть. Зоуло не ожидал такой дерзости. Камни с ощутимым трением прошлись по поверхностям друг друга, породив слабый пучок искр.

Мальчишки поняли, что потёртости острия граней не случайны — камнями когда-то многократно целенаправленно пользовались. Зачем, для чего? Это стало загадкой. Исследователи стали по очереди с усилием проводить камнем по камню, пока не случился удар Тавка. Он хотел, чтобы все отказались от идеи разгадать предназначение камней. От разочарования тем, что к нему не прислушиваются, мальчишка ударил камнем по камню. Из мест касания вылетел сноп искр, метнув отблеск на стену грота.

— Я понял! — разнеслось по пещере эхо возгласа Саво. — Они камнями освещали себе путь в темноте.

— Сомневаюсь, что оно так и было, — неуверенно произнесла Сонх. — Искры светят так недолго, что невозможно успеть рассмотреть что-то даже у себя под ногами.

«Думай, Зоуло, лучше думай, — мысленно произнёс предводитель группы друзей-исследователей. — А вдруг камни служили для получения огня? Но тогда должно быть что-то такое, что может загореться от пучка искр. Сохранилась растопка, или её не оставили? Если оставили, то где? Наверное, в самом сухом месте? Где оно, такое место?»

Ещё не поведав друзьям о догадке, он стал всматриваться в стены грота.

«Это мог быть какой-то мох. Но пучок мха можно втиснуть в щель чуть шире моего пальца, а их в растрескавшихся каменных стенах немало. И был ли такой пучок?» — размышлял Зоуло.

Внимательно вглядываясь в стены, заметил кое-где подтёки.

«Наверное, иногда вода выдавливалась из земли над скалой и по трещинам просачивалась. Где же искать? — мысленно гадал мальчишка. — Растопка должна быть там, где нет подтёков воды, есть движение воздуха».

Чтобы привлечь к поискам друзей, сообщил им о своих предположениях. Идея захватила всех. Булут и Сонх принесли дров. Разгоревшись, дрова дали больше света. Саво, осмотревшись, стал исследовать трещины около выхода из грота, ведущего к обвалу второго входа. Там место наиболее продуваемое. При отсветах костра, еле достающих до этого места, не доверяя глазам, мальчик-лис прощупывал каждую щель пальцами. Надо представить его разочарование — все щели оказались пустыми. Он был уверен, что схрон с растопкой находится в этой части грота и именно на этой стене.

Согласившись со всеми доводами Саво, Зоуло сообразил, что другу просто не хватило роста. Взрослые выше мальчишек и могли спрятать растопку на досягаемой только для них высоте. Он предложил Сонх продолжить поиск выше. Свой выбор он объяснил тем, что её, самую щуплую, держать на плечах будет легче, чем любого из мальчишек.

— Нашла! Здесь что-то есть! — радостно сообщила подруга.

Зоуло не ошибся. Это был мох, который оказался хрупким, распадающимся на мелкие частички. Сонх взяла всего-то щепоть мха, положив остальное обратно в щель. Высыпала раскрошившийся материал на поверхность оскольчатого камня Саво, до поры укрывающего клад. Оставшийся от щепоти мох оставила в кулачке. Булут нерешительно ударил камнем о камень. Маленький сноп редких искр брызнул рядом с тонким слоем мха.

Следующую попытку получить огонь предоставили Тавку. От его удара, сделанного с немалым усердием, искры осветили ближайшее пространство. Почти все они достигли крошева из частичек мха, а по двум обломкам стебельков побежали искорки. Но они мгновенно погасли, не сумев перебраться дальше.

Саво решил проблему немного иначе, ударив камень о камень трижды. Несколько мельчайших желтоватых искорок поползли по стебелькам. Они то отдалялись, то приближались друг к другу. Две из них, сойдясь, вспыхнули, воспламенив остальной мох. Зоуло задумчиво произнёс:

— Я был прав, полагая, что камни предназначались для получения огня. Но кто и когда ими пользовался? Где те люди теперь, и почему они оставили камни с растопкой?

С этими вопросами дети, показав новый навык, обратились к своему учителю Колсу. Старик долго вертел камни, рассматривая их, усердно почёсывал лысину. Его старые шрамы, оставленные на охоте когтями хищников, вздулись и побагровели. Но он не мог придумать ничего вразумительного для ответа на совсем не детскую загадку. Пришлось ждать прихода охотников и собирателей съедобных почек. Женщины не были уверены, что охотники придут с добычей, а накормить изрядно проголодавшихся соплеменников было надо. Растительная пища хоть и ненадолго, но давала ощущение относительной сытости.

Сообща, предполагая самые невероятные ситуации, пришли к общему мнению. Возможно, племя ушло за мигрирующим стадом, а пустое жилище было занято кочующим племенем. Выбить

захватчиков жилья не удалось, вот и остались камни с растопкой лежать до их обнаружения детьми. Могло быть и как-то иначе. На жителей пещеры, например, могло напасть другое племя. Но спасшиеся от истребления захватчиками люди не смогли забрать сокровище, которое зимой и летом хранилось в укромном местечке. В обоих случаях это мог быть запасной комплект огнива, а с другим люди кочевали.

Невероятным и не поддающимся пониманию было то, кто мог пользоваться приспособлением для получения огня, как давно это было. Тогда люди не могли знать, что имеют дело с огнивом. Усовершенствованными огнивами люди пользовались до конца восемнадцатого века нашей эры, до распространения в обиходе спичек. Туристы и охотники пользуются современными огнивами и в наши дни.

Даже современная наука не может дать точного ответа на вопрос о времени появления огнива. Тем более нет ответа на то, кто именно впервые воспользовался примитивным огнивом — неандертальцы, денисовцы или кроманьонцы. Нельзя исключать, что первыми хозяевами огнива были… эректусы. Находки археологов не могут дать однозначного ответа. Любым огнивом могли пользоваться несколько поколений пещерников. Если так, то культурные слои, в которых найдены огнива, оказываются более поздними в сравнении с годом начала получения огня посредством того огнива.

Поиск ответа на многие вопросы, которые интересуют не только современного обывателя, но и учёных, — это уже наши проблемы. А тогда Своро забрал оба камня и распорядился, чтобы Колс и Куно отнесли сокровище в укромное место для хранения. Группы Зоуло и Кукто хотели подсмотреть место тайника, но взрослые преградили им путь. Своё дело дети сделали, а теперь, играя, могли потерять драгоценные камни, сто́ящие для пещерников не менее, чем сегодня стоили бы аметист и сапфир таких же размеров.

Вскоре везде, где сходил снег и обнажались камни, ребятня группами искала комбинацию камней, которые при соударении порождают пучок искр. Если Зоуло с друзьями видели камни, то остальные не имели представления о том, как они выглядят, что́ именно следует искать. Очень скоро Кукто и его дружкам надоели бесполезные поиски. Они стали шпионить за поисками, которые вела группа противников.

А поисковики проверяли любые из оказавшихся доступными комбинации камней: куски скалы собственной пещеры, осколки речных валунов, речные окатыши, каменные отщепы от скал далеко за пределами их жилища. Многие пары камней давали искры, но такие слабые, что получить огонь с их помощью не удавалось даже при максимуме усилий и стараний.

Там, за горой

Той весной, в девять своих зим, Зоуло и его друзья не стали дожидаться поры миграции стад. Хоть и взрослели дети каменного века раньше, чем современные, на охоту их ещё не брали, а приключения жизни в чумах им были известны по предыдущим кочевым сезонам. Хотелось ощутить что-то новое, необычное. Надеялись они и на отыскание удачной комбинации камней для получения огня.

Взяв чего-то по мелочи для перекуса и личное оружие, улучив момент, когда куктовцы не шпионили, Зоуло с друзьями углубились в туннель пещеры, проходящей под всей горой. Преодолев препятствия хорошо знакомого им прохода, подошли к логову зверя, хорошо знающего их, но всё равно вызывающего опасения. Хозяина грота, рыра, на месте не оказалось. Друзья спокойно покинули жилище покровителя племени.

— На нашей стороне горы солнцу ещё светить и светить, а здесь оно совсем скоро спрячется за вершинами. А там недолго останется до темноты, — подметила Сонх.

На её сожаление отозвался Тавк:

— Нашла из чего делать проблему. Раньше стемнеет — раньше уснём. Зато и утро наступит раньше. Там-то у нас пока солнце поднимется, чтобы выглянуть из-за макушки горы. А здесь с рани ранней оно будет радовать глаз, как спелое яблоко на ладошке.

Перед путешественниками открыла свои красоты широкая пологая долина. Редкие деревья и кустарники на склонах переходили в заросли, протянувшиеся неширокой извивающейся полосой на самом дне. В небольших просветах, где заросли расступались, виднелись лужицы. Их поверхность не казалась блестящей. Наверное, наблюдалась рябь перекатов небольшого горного ручья. Высоко в небе, покрытом лёгкой дымкой редких полупрозрачных облаков, кувыркаясь, заливисто насвистывали несколько пичужек, радующихся предзакатному солнцу.

Левее и ниже ребят спокойно паслась семейка маралов. Даже на расстоянии просматривались рога самцов. Заметили, что у взрослого и более крупного самца отростков на рогах больше, чем у молодого. От трёх самочек не отставали телята. Ребята с копьями могли бы подкрасться и смертельно поразить одного из телят. Но им не нужно было столько мяса. К тому же существовала опасность, что, ощутив запах свежей крови, самцы озвереют, могут жестоко расправиться с юными охотниками. Пришлось отказаться от заманчивой идеи охоты на маралёнка.

Пока дошли до ручья с полоской леса, солнце скрылось за горой. В лесном массиве сумерки не замедлили дать о себе знать. Сонх призналась, что ей страшно. Туно успокаивал спутницу:

— Сейчас выйдем из чащи, станет светлее, и обзор увеличится. Не бойся, мы рядом. Защитим тебя, если потребуется.

— Я ночевать боюсь. Вдруг кто-нибудь нападёт на нас во время сна?

— Кто на нас может напасть?! — не унимался Туно.

— Волки, например. Они хоть и не такие голодные, как зимой, но всё равно есть хотят.

Туно хотел ещё что-то возразить, но Зоуло выразил согласие с опасениями Сонх:

— Надо обезопасить себя на время ночлега. Можно было бы развести большой костёр и по одному дежурить, но с нашими камнями о костре речи быть не может. Надо придумывать что-то другое.

— Есть идея. Помните, как оставляют покоиться тех, кто не воин и не охотник? Их кладут на площадку среди деревьев. Туда могут попасть только птицы или рысь, но не волки. Сделаем что-то подобное здесь, на ветках деревьев. На открытом месте деревья стоят поодиночке, там не получится, — предложил Саво.

На воплощение этой идеи много времени не потребовалось. Попробовали лечь. Места хватило всем, но Сонх отказалась ложиться на край, побоялась упасть во время сна. Без опасений свалиться, места на краях решили занять Туно и Тавк. В оставшееся до темноты время все разбрелись по ручью в поисках подходящих камней.

Когда Булут окликнул всех, чтобы вместе перекусить тем, что взяли в дорогу, Сонх отозвалась со словами:

— Я, кажется, нашла то, что мы ищем! Этот камень даёт искры при ударах по любому из камней!

Подбежавший Зоуло ударил по одному из своих камней тем, который второпях выхватил у девочки. Искр оказалось не больше, чем при соударениях других пар. В сгущающихся сумерках они были просто ярче, чем днём. Не успев разочароваться неудачей, мальчишка опробовал другое сочетание камней. Сноп ярких искр осветил лица столпившихся подростков, а они, как по команде, запрыгали с криками и визгами, не сдерживая бурной радости.

Взбудораженные такой долгожданной и столь неожиданной удачей, дети не смогли бы сдержать желание развести костёр, но вспомнили, что не запаслись сухим мхом для растопки. Уже в глубоких сумерках отыскали на деревьях мох. Надеялись, что за ночь и завтрашний день он подсохнет и будет пригоден для разведения вечернего костра. Удовлетворённые успехами дня, поужинали уже в темноте. Сквозь изредка набегающие полупрозрачные облака посылала свет полная луна. Ночь прошла без приключений. Никто не упал с настила-лабаза, волки не окружили неприступную крепость, а рыси в эту ночь промышляли где-то далеко.

Проснулись, когда первые солнечные лучи пробились между ветвями полоски деревьев. После недолгих сборов путешественники шли, преодолевая пологий подъём. Весеннее разнотравье дарило миру множество ароматов. Дикие пчёлы и шмели добросовестно трудились, перелетая с цветка на цветок. Поднимающееся утреннее солнце приступило к выжиманию пота из каждого юного путешественника, совершающего восхождение на перевал.

— Пиу, — полушёпотом сообщил Тавк, идущий первым.

Обсудив тактику и пригнувшись, на полусогнутых ногах дети двинулись к кусту, под которым скрылся зайчишка. Как потом выяснилось, это была зайчиха, укрывшаяся под куст для кормления малыша. Булут обошёл и остановился выше куста. Сонх и Зоуло обошли куст с одной стороны, а Туно и Тавк — с другой. Саво остановился напротив Булута. Девочка пронзительно взвизгнула, а перепуганная зайчиха метнулась из-под куста в надежде спастись. Не спаслась. Два детских копья пронзили трусливое существо, успевшее издать единственный писк: «Пиу».

Позавтракали парным мясом и тем съестным, что осталось с вечера. Не откладывая, продолжили восхождение. Перевал казался близким, но путь к его седловине занял половину дня. На спуске Сонх остановилась, чтобы сорвать красивый цветок. Булут оглянулся с желанием поторопить спутницу. Именно в этот момент раздался его приглушённый крик:

— Кукто! За нами бежит кукто. Не наш, а лесной.

О том, что Кукто с друзьями следят за каждым их шагом, все знали и не обратили бы на это внимания. Только при последних словах все оглянулись, желая убедиться, что друг не пошутил, чтобы напугать задержавшуюся спутницу. Обернувшись, увидели, что матёрый тигр степенной рысцой бежит по их следам. Зоуло мгновенно оценил ситуацию:

— Кукто — это не пиу и не птицы, на которых они охотились раньше. Даже если бросить в эту громаду все пять копий, а они пробьют шкуру хищника, то для зверя это будет почти равносильно комариным укусам. И топорики, что у каждого на поясе, не помогут — не подставит кукто висок под один из них. Ножи тем более пригодились бы только при разделывании туши.

Ненадолго хищник скрылся в ложбине, а когда оказался на взгорке, увидел своих потенциальных жертв убегающими. Лёгкая рысца зверя мгновенно сменилась на бег во весь опор.

— Все к деревьям! Бегом! Влезаем так высоко, чтобы кукто не достал, — скомандовал Зоуло.

Схватка «титанов»

Сонх чуточку замешкалась, продолжая держать в руках внушительных размеров букет из трав и цветов.

— Бросай цветы! Кукто их не ест. Полезай скорее, — крикнул Тавк.

Оставив копья на земле, дети успели взобраться на три собственных роста, когда хищник с разбега прыгнул на дерево, где сидел Саво. Его поднятая лапа ударила по стволу там, где только что была ступня спасающегося мальчишки. Острые когти прочертили на коре ствола глубокие борозды. Все следующие попытки хищника допрыгнуть до кого-нибудь оказались напрасными. Счастье, что тигр выбрал дерево

с Саво. Если бы он пробежал ещё несколько шагов, то когти вонзились бы не в ствол, а в ногу девочки.

Злобно урча, зверь прошёлся под деревьями со спасающимися. Обнюхав копьё Саво, тигр фыркнул, будто ему не понравилась смесь запахов человека и дерева. Потом, никуда не торопясь, хищник улёгся на краю поляны так, что все его «лакомые кусочки» оставались в поле зрения.

— Выбирайте сук покрепче, усаживайтесь на него поудобнее и постарайтесь не задремать. Сидеть придётся долго или очень долго. Может быть, здесь же и заночевать придётся,— поделился своими соображениями Зоуло.

— Неужели зверюга будет караулить нас, даже сильно проголодавшись? — неуверенно выдавила из себя испуганная Сонх.

— А ты спроси у него самого,— съязвил Тавк.

— Да, влипли так влипли,— посетовал Саво.

Тигр прикрыл глаза. Казалось, что он заснул в ожидании обеда. Можно было пошутить на этот счёт, но никому не шутилось. Успокоившись, что все живы и недосягаемы для хищника, дети надеялись, что голод заставит тигра уйти на охоту. О том, что и потом, убегающим, им пришлось бы опасаться нападения этого зверя, думать не хотелось. Они могли бы обсуждать эпизоды побега ещё долго.

— Рыр! Сюда бежит рыр,— с нескрываемой досадой сообщил новость Саво.

— Только рыра нам не хватало. Этот-то сумеет долезть до каждого. От него и деревья не спасут,— едва сдерживая слёзы, сетовала Сонх.

— Кукто без боя не отдаст свою добычу. Может, он победит рыра? Тогда, может быть, досидим, дождёмся, когда он, сильно проголодавшийся, оставит нас,— высказал надежду Туно.

— Размечтался. Если он одержит победу над рыром, то мы свалимся от голода раньше, чем кукто проголодается. Такой туши ему хватит надолго,— с досадой подметил Саво.

Тигр почувствовал приближение медведя. Не спеша, будто нехотя, кукто встал. Потом зевнул, потягиваясь. Вдруг зверь напрягся, как сжатая пружина. Шерсть на всей спине встала дыбом. Картину воинственности дополнял оскал, обнаживший внушительные жёлтые клыки, величиной с указательный палец Зоуло. Урчание, более злобное, чем на спасающуюся детвору, превратилось в басовитый прерывистый рык, напоминающий богатырский храп. По всему было видно, что в одном Туно прав: без боя он свою добычу не отдаст. Но и медведь не спасовал, увидев грозного и сильного врага. Он знал, что идёт по следам тигра. Готовый к нападению в любой миг, медведь медленно наступал.

Когда косолапый остановился, расстояние между ним и тигром сократилось до длины туловища его соперника. И в тот же миг полосатый красавец совершил прыжок в направлении пришельца. Вставший на дыбы медведь взмахнул обеими лапами. Тигр в полёте развернулся, и удар лап пришёлся по воздуху. Несмотря на кажущуюся неповоротливость, медведь раз за разом успевал отражать удары.

Если бы кто-то догадался загибать пальцы в моменты нападений, то не только на руках, но и на ногах их могло не хватить. И оба зверя рычали и урчали так громко и озлобленно, что даже высоко на деревьях слышать неумолкающие, накладывающиеся друг на друга рёв и храп было жутковато. Противники сумели нанести друг другу по несколько ран. Оставленные вскользь, они только обозлили соперников и заставили действовать осмотрительнее.

А вот тигр поменял тактику и совершил прыжок мимо медведя. Едва успев приземлиться на передние лапы, он резко развернулся и был готов напасть сзади. Наверное, ловкий зверь надеялся, что противник не успеет развернуться. Просчитался. Увалень не только развернулся, но и одной лапой встретил нападавшего. Увернуться от этого неожиданного удара гибкое животное не успело. Огромные острые медвежьи когти вскользь прошлись по черепу, завернув шкуру от затылка до пасти.

Ослеплённое животное крутнулось, будто ища выход из возникшей темноты. И тут же вторая медвежья лапа с нешуточной силой опустилась на полосатую спину. Хребет не выдержал удара, переломился, а выпущенные когти захватили его. Сквозь прорвавшуюся шкуру лапа косолапого богатыря вынесла наружу несколько позвонков поверженного врага. Здоровое сердце тигра продолжало биться, с силой выбрасывая пульсирующий поток крови. С таким существенным повреждением позвоночника и со снятым скальпом тигр был уже не жилец.

Разъярённый победитель зубами и когтями прорывал шкуру то в одном, то в другом месте. Богатырь вымещал злобу за наглость противостоять ему, хозяину тайги. Он разорвал шкуру и выломал рёбра, а потом, почти до ушей, его морда скрылась в чреве побеждённого. Слышалось неторопливое чавканье.

Перепуганные дети едва осмысливали увиденный ужас поединка. Действия победителя воспринималась ими как единственно возможные у диких зверей, казались неизбежными и правильными.

— Было бы здорово, если бы рыр наелся и ушёл,— вполголоса произнёс Булут.

Словно услышав мальчишку, зверь прекратил «насыщение», приступил к зализыванию ран. Потом он прошёлся под каждым деревом, где примостились юные путешественники. А те сидели, боясь дышать полной грудью. Прошествовав около каждого ствола по несколько раз, он не попытался влезать на деревья. Наконец медведь стал останавливаться с негромкими рыками. Услышав их, Туно неуверенно произнёс:

— Это наш рыр, прикормленный и всеми нами тоже. Да, это он — покровитель нашего племени. Наверное, возвращаясь в пещеру, зверь ощутил следы, а потом по ним пошёл искать нас. Когда вместе

с нашими оказались следы кукто, он пришёл спасать нас. А сейчас ждёт, чтобы быть рядом с нами.

— Ты выдумщик, Туно. Никому из нас даже часть такой нелепости не пришла в голову,— возразил Саво.

— Даже если Туно и прав, то спускаться очень опасно,— поделилась девочка своим недоверием к предполагаемым намерениям медведя.

— Ну и сидите здесь, ждите, когда вы, обессиленные от голода, свалитесь.

После этих слов безбашенный, по мнению друзей, мальчик стал спускаться. Медведь подошёл к дереву со спускающимся. Несмотря на бесшабашность Туно и на безрассудство решения слезть с дерева, он не стал спрыгивать, а осторожно спустился до земли. Оказавшись в шаге от морды зверя, медленно протянул руку и, превозмогая страх, погладил животное по краешку уха.

Медведь издал приглушённый рык. Краткий, он прозвучал так же, как и там, в пещере, когда дети приносили своему покровителю съедобные подарочки. Оценив ситуацию, первым начал спускаться Зоуло. Его примеру последовали остальные. Каждый мальчишка осторожно подошёл и погладил зверя, а Туно, осмелев, потрепал медведя по загривку.

Только Сонх страшилась подойти ближе трёх шагов. Медведь сам пошёл к девочке. Она хотела бежать прочь, хоть куда-нибудь, но ноги будто приросли к земле. Девочка не могла ни отступить, ни закричать. К огромному изумлению мальчишек, зверь лизнул тыльную сторону ладони девочки-трусихи. Постепенно страхи рассеялись. Булут просяще произнёс:

— Ох, поесть бы сейчас.

Солнце светило с наивысшей точки, когда дети оказались перед спуском с перевала. Позади длительная осада с нервным и физическим напряжением: при всём этом организму требовалось пополнение энергии.

Медведь, конечно же, не мог понять смысл сказанного Булутом, но по абсолютнейшей случайности пошёл к бездыханной, но ещё тёплой полосатой туше. Запустив морду внутрь, вырвал кусок и положил перед приближающимися детьми. Он успел повторить подношения несколько раз, прежде чем Зоуло успел опомниться.

— Не будем ждать до вечера. Попробуем сейчас развести костёр и обжарить угощение рыра. Собирайте сухие сучья. Я опробую камни и растопку в деле.

Вскоре подрумяненное пламенем мясо пережёвывали и дети, и медведь. Топориками вырубили рёбрышки и, подержав над огнём, смаковали вкус мяса с них.

Когда отправились в путь, обратили внимание на то, что медведь сопровождает их, то теряясь из виду, то появляясь, давая знать о себе. Даже на ночёвке он был невдалеке от детей. А во время ужина спасителя и телохранителя снова угостили обжаренным в костре тигриным мясом, предусмотрительно взятым после обеда.

И новая осада

К середине следующего дня путешествия за очередным перевалом показалась река. О лёгком перекусе «подножным кормом» уже можно было забыть. Великолепие извивающегося змейкой стремительного горного потока на голодный желудок не радовало. Не восторгались путешественники и изменившимся пейзажем. А было чем. Противоположный склон, начинающийся сразу от реки, оказался сплошь поросшим лесом. Никто не говорил об этом, но чувствовалось, что шагать по непрерывным таёжным буреломам не хотелось.

Рыр оказался у воды первым. Наверное, он проголодался не меньше, чем дети. Иначе зачем ему было забродить в стремительный поток? Недоумевающие подростки приближались к воде, когда, описав в воздухе дугу, на пологий каменистый берег плюхнулась рыбина.

— Саот! — с удивлением воскликнул Саво. — Огромная саот!

Наш современник сказал бы, что это крупный хариус, но для путешественников это была просто саот — рыба. Крупная рыба. Мелких рыбёшек жители пещеры часто видели и в ручье около своего жилища. На них не обращали внимания и не представляли едой. Без ощущения близости еды все с любопытством наблюдали, как медведь выбрасывал на берег рыбину за рыбиной. Иногда он опускал в воду морду. При этом ловля становилась более успешной.

На берегу было уже более десятка рыбин, все они трепыхались, подпрыгивали и медленно приближались к воде. Какие-то казались упругими, другие уже совершали вялые движения, но одна успела вернуться в свою стихию. Только тогда наблюдатели сообразили преградить путь остальным. Было интересно, для чего рыр набросал сюда этих водоплавающих.

Долго гадать не пришлось. Разгадка оказалась необыкновенно простой, когда медведь неторопливо вышел из воды, отряхнулся и приступил к насыщению.

— Саот — это еда! — воскликнула Сонх.

Мальчишки мгновенно оказались в воде. Погрузив руки в стремительный непрозрачный поток, они пытались ухватить проплывающих мимо рыбин. Лишь коснувшись добычи, ощущали безнадёжность затеи — рыба мгновенно выскальзывала. Задержав дыхание, Зоуло опустил лицо в холодную воду. Видимость улучшилась. Изловчившись, схватил и выбросил одну рыбину. Сонх тут же преградила добыче путь к воде. Остальные рыболовы, последовали примеру Зоуло. Изрядно замёрзнув, стоя в холодной воде, сообща выбросили по одной рыбине для каждого путешественника. Чешуя мешала пережёвыванию.

Раньше всех идея есть рыбу без чешуи пришла к Саво. К тому времени он успел расправиться с частью рыбьей тушки около головы. Выворачивая шкуру, он стал освобождать вкусные мышечные ткани. На тушке без шкуры остались плавники и

чешуя, прилипшая с рук. Проточная вода смыла её, а плавники и кости только внесли разнообразие во вкус. Заметив, с каким наслаждением поглощает свою порцию Саво, все последовали его примеру. Вдруг изобретатель способа поедания рыбы начал плеваться и побежал к воде. Лишь прополоскав рот, произнёс:

— Фу-у. Кунз.

Это слово имело два значения — «горечь» и «жёлчь». Все стали есть аккуратно, чтобы не повторить ошибку друга. Самыми вкусными в рыбе оказались икра и молоки. Всем хотелось попробовать и то, и другое, дети делились вкусностью.

Медведь тем временем вылавливал для себя новую порцию рыбы. «Аппетит приходит во время еды», — гласит пословица. И детям, для полного насыщения, захотелось рыбы ещё. Зоуло и Сонх остались на берегу, чтобы развести костёр, а остальные приступили к рыбалке. Никому не пришло в голову, что рыбачить можно не только по-медвежьи. Потому-то на всё время задержки дыхания мальчишки опускали лицо в воду. Нечасто кто-нибудь, выныривая, выбрасывал на берег рыбу. Наконец сочли, что наловленной рыбы на один раз хватит.

Мальчишки принялись сдирать шкуру, а Саво решил схитрить. Он вставил в рот рыбы палочку так, что её конец появился между жабрами. Не чистя, подержал рыбу над костром. Шкура на горячей тушке оказалась менее прочной, часто обрывалась, но снималась быстро. Чищеная рыба после костра оказалась суховатой, а запечённая в шкуре — сочной. Все учли эти тонкости при готовке следующих рыбин. Побывавший над огнём деликатес достался и медведю.

Дальнейшее продвижение отряду преградила река. Бурелом за рекой не манил. Да и сама река не шла в сравнение с потоком, который удалось перебрести. Получалось, что продвигаться дальше предстоит по этому берегу. Вопрос был лишь в том, куда идти — против течения или по нему. Пошли вверх. Рыр, наверное, увлёкшийся рыбалкой на обеденном привале, прекратил сопровождение. Вечером остановились на ночлег, но, проголодавшись, снова занялись ловлей рыбы.

Для ночлега пришлось сооружать уже привычный лабаз. Костёр решили поддерживать до утра. С ним ночёвка казалось более безопасной. В этот раз поднялись со всем арсеналом. Предосторожности оказались нелишними. Тавк успел подложить дров в костёр, когда где-то почти рядом послышался волчий вой. К нему присоединились «песнопения» его клыкастых сородичей. Их многоголосие заполнило темноту. Сомневаться не приходилось. На их след вышли чёрные волки.

Вскоре насторожённые путники заметили в отблесках пламени беспорядочное движение тёмных волчьих теней.

— Смотрите, какие они злющие! Даже глаза от злобы светятся, как угольки, — отметила девочка.

В отблесках костра глаза волков действительно отражали красноватый свет. Пустив испуганную Сонх в серёдку, мальчишки прижались друг к другу. На краях лабаза, где лежало оружие, поместились бы ещё трое-четверо. Обойдя костёр, хищники окружили деревья с лабазом, расселись. Мальчишки лёжа ощущали все перемещения недругов. Чувствуя свою недосягаемость, злорадствовали, словесно дразнили хищных охотников на двуногих:

— Что, сорвался ужин? Придётся вам сидеть с пустыми животами, а мы, сытые, поспим.

Будто в ответ на бодрые реплики близкой, но недоступной еды, ночную тишину пронзило новое заунывное «песнопение» раздосадованных клыкастых. Казалось, что звуки воя заполнили округу далеко-далеко, на целый день пути. Вой не прекращался. Каждый «певец», набрав воздуха, вновь и вновь подхватывал нестройный хор сородичей. Наверное, звуки, отражаясь от стволов, усиливались.

Чтобы уменьшить страх Сонх, мальчишки продолжали отпускать хищникам разные колкие словечки, показывая, что их здесь не боятся. Это дало небольшой эффект. Сонх легла, чтобы уснуть, но высказала беспокойство:

— Они ведь и завтра не уйдут, будут стеречь нас. Сегодня мы сытые, а завтра придётся сидеть голодными. Пришёл бы рыр да разогнал этих успевших надоесть зверюг.

Зоуло, не задумываясь, ответил, что завтра наступит завтра. Придёт наш спаситель или нет, завтра и узнаем. А сейчас, как ни в чём не бывало, надо спать. Сон не шёл. Наконец, или смирившись с участью ожидания, или давая глоткам передышку, хищники умолкли. В тишине на ум Зоуло пришла мысль: «Едва ли рыр придёт спасать нас. Наверное, он вернулся на свою территорию охоты. Сопровождать нас в чужих владениях было бы небезопасно даже для такого силача. Придётся полагаться на самих себя. Но это будет завтра, когда станет светло и можно будет оценить обстановку. Пока мы не знаем ни того, сколько их здесь, ни как управиться с ними».

С большим трудом все уснули, но несколько раз просыпались из-за многоголосого волчьего хора. Казалось даже, что на вой сбежались и те клыкастые кровожадные, которые до того были далеко-далеко, на пределе слышимости.

Скоротав время до утра, осторожно осмотрелись. Над землёй, немного выше роста Тавка, от соседних деревьев отходили толстые сучья, встав на которые, можно было оставаться в недосягаемости для черногривых хищников. Посоветовались, и левша Туно занял сук, держа копьё в левой руке. Тавк, на правах старшего, со своим копьём занял место на суку другого дерева. Так бесшабашный и быстрый выдвинулись для обороны и освобождения первыми.

Заметив движения предполагаемой еды, стая оживилась. Волки тоже, хоть и по-своему, оценивали ситуацию. Ноги мальчишек казались так близко, что

стоило попытаться ухватить, а потом стаскивать одного за другим и расправляться на земле. Навострив уши, члены стаи, не снимая окружения, стояли в боевой готовности. Их насчитали на два меньше, чем пальцев на обеих руках любого из путешественников.

В какое-то мгновение сначала один волк, а вслед за ним и второй ринулись на своих жертв. С короткого разбега они почти одновременно оторвались от земли в попытке вонзить клыки в ноги стоящих на ветвях юных путешественников. И так же почти одновременно каменные наконечники мальчишеских копий проломили черепа нападающих. Они приземлились и, как очумевшие, провернувшись на месте по несколько раз, попытались совершить вторую попытку.

Запах свежей крови взбудоражил и без того напряжённых собратьев. Мгновенно сообразив, откуда исходит манящий аромат крови, хищники вцепились в загривки не успевших взлететь подранков. Образовались две кучи-малы, круговерти из нападавших и оборонявшихся хищников — жителей дикой природы. Со стороны было невозможно заметить, чьи клыки вырывают чью шерсть. Но подранков свалили наземь и принялись разрывать, пытаясь не только прекратить сопротивление, но и урвать свой кусок парного мяса.

Казалось, что шестеро оставшихся хищников совершенно забыли о цели пребывания здесь. Но это продолжалось недолго. Оставив недоеденные тушки, волки, слизывая с пастей кровь, снова расселись вокруг осаждаемых. Стоять на ветвях неудобно, а стоять долго — было бы утомительно. Зоуло предложил сменить Туно, а Булут — Тавка. Нехотя те согласились.

Сначала удаление одних ребят, а потом и приближение других активизировали стаю. Мальчишки едва успели встать поустойчивее, как на них набросилась другая пара волков. В этот раз оба правши встали лицами в противоположные стороны. По воле случая и волки нападали с противоположных сторон, каждый на свою жертву сзади. Зоуло приложился наконечником своего копья к нападавшему на Булута, а тот постарался обезопасить друга. Он попал в висок клыкастого, а зверь с хлещущей из раны кровью упал, корчась в предсмертных судорогах.

И снова от двух клубков, катающихся между деревьями, летели клочья шерсти. Злоба хищников выразилась не только в грозном рычании. Каждый из них готов был отстаивать добычу, не желая делиться с другими. Они огрызались так, будто были голодны. Но, воровато вырвав по несколько кусков, они улеглись, продолжая осаду. Тавк и Туно сменили сделавших своё дело друзей. Но эти перемещения не возбудили интереса хищников. Стоять в ожидании нападения казалось бессмысленным занятием. Не шевельнулись клыкастые и тогда, когда Булут и Зоуло снова спустились на ветки.

Распределив волков, каждый метнул копьё в своего лесного врага. В этот раз, пока копья летели, звери успели увернуться. Ни один из наконечников не пробил шкуру. Копья, пройдя вскользь, оказались на земле. А мальчишки, спрыгнув, с топориками понеслись вслед за своими копьями. Волки не ожидали столь стремительного нападения. Даже не успев огрызнуться, они, пугливо поджав хвосты, ринулись наутёк в разные стороны.

Зоуло опасался, что кто-то из зверей сменит тактику и от бегства перейдёт к нападению. Он окликнул друзей, призвав возвращаться. Озираясь, чтобы хищник не напал сзади, мальчишки вернулись к еле тлеющему костру. Набранные вечером ветки предназначались для подбрасывания в пылающее пламя. Пришлось набрать веток помельче. Раздув костёр, позвали Сонх. О, как гордилась девочка своими бесстрашными спасителями! Она взахлёб рассказывала о событиях, которые, совершённые второпях, не запали в память самих юных охотников.

Сытые хищники, напуганные действиями двуногих нападающих, не возвращались. Разделав почти не тронутую волками тушу зверя, которого сразил Булут, принялись к обжариванию кусков мяса и насыщению. Собранные Сонх копья ждали хозяев приставленными к стволу дерева. В дорогу взяли недоеденное обжаренное мясо, оставив остатки туш.

Первые люди

Весь день шли по береговым окатышам, аккуратно уложенным течением большой воды. Часто прибрежный кустарник подступал к самой воде. Тогда приходилось обходить препятствие вброд или продираться сквозь заросли по берегу. Путники устали, но не столько физически, сколько морально. Они не имели представления о сказке, крылатые слова которой превратились в пословицу: «Пойди туда — не знаю куда, найди то — неизвестно что». Но ситуация была очень схожей. Страстно желая найти жилище собратьев, дети не имели представления о том, куда идти.

Усталые, они не решились пренебречь собственной безопасностью. Ночевали на очередном лабазе, предусмотрительно подняв на него всё оружие. Это была четвёртая ночёвка. Зоуло долго не мог уснуть. Ему мешали путающиеся мысли: «Идём, идём, а вокруг нет никого, кроме нас самих. Как мало на земле людей, и как много всякого зверья! Без труда и забот можно встретить кого угодно — от мелких зверушек до опасных хищников. Мы уже дважды побывали в осаде. Но как здорово, что человеческий разум способен выходить победителем над тупой звериной силой. Даже мы, имеющие такой малый опыт охоты, смогли противостоять стае сулух. С кукто было сложнее. Но ведь и там рыр не пришёл бы на помощь, если бы не был другом. А сделать его нашим заступником тоже помог разум. Плохо, когда к разуму примешаны злость, жестокость, коварство и ещё что-то, что делает человека неприятным, мешающим жить нормальным людям».

Все уже посапывали, а Сонх бормотала что-то несвязное, похожее на мурканье тигрицы, обольщающей тигра. Зоуло приходило в голову ещё и ещё что-то, заставляющее раз за разом укладываться поудобнее. Не давали покоя и мысли о завтрашнем дне. Каким он будет? Но сон всё-таки сморил и его, неугомонного и ответственного за благополучие друзей.

За полночь разразился ливень. И без того прохладная ночь казалась бесконечно долгой. Удалось поспать едва ли до полуночи. Промёрзшие, дети едва дождались утра и прекращения ливня в предрассветный час. Зоуло пришлось заботиться не о себе, а о растопке за пазухой. Для разведения костра её следовало сохранить сухой. Ночью он на всякий случай разделил мох на два пучка и поделился с Сонх. С трудом разыскали несколько стеблей прошлогодней травы, пока ещё непригодной для воспламенения ото мха. Слабый ветерок и поднимающееся солнце быстро просушили приготовленную пищу огня, но дети увлеклись ловлей рыбы. В тот день она шла чуть реже. Наверное, пик поры следования к местам икромёта заканчивался.

Костёр ещё полыхал, когда проголодавшиеся дети приступила к запеканию рыбы, не дожидаясь образования пышущих жаром углей. Позавтракав, продолжили путешествие в неведомое. Солнце ещё не дошло до наивысшей точки, когда, выйдя из-за поворота, Булут заметил за валунами какие-то шевеления. Огромные камни мешали рассмотреть, что или кто это. Валуны, будто разбросанные гневным великаном, торчали из воды по всей её ширине длинной полосой.

Видеть речной порог детворе доводилось впервые. Приближаясь к гряде огромных глыб, заметили, что вода в реке словно кипит, как в посуде над костром. Шлейфы пены отрывались от валунов и неслись по течению с огромной скоростью. Шум этого беснующегося водного потока, появившийся ещё за поворотом, при приближении нарастал, действовал подавляюще. Чувствовалась беззащитность любого, даже взрослого. Если бы кому довелось попасть в эту могучую стихию, выбраться было бы невозможно. Из стремнины течение выбросило бы любого с переломанными костями.

На фоне завораживающей воображение картины могущества огромного водного потока не хотелось замечать те неторопливые движения, на которые обратил внимание Булут. Но реальность движений всё-таки заинтриговала. Захотелось поскорее узнать, кто же там, выше порога. Только пройдя половину беснующейся водной стихии, когда мешающих обзору валунов стало меньше, ребята отчётливо увидели две фигуры, медленно бредущие около противоположного берега.

— Если это два рыра, то нам не поздоровится. Они, наверное, могут переплыть реку и оказаться перед нами, — выразила беспокойство Сонх. — Надо обойти их по лесу.

— Не спеши обходить. Кажется, что это люди, — возразил Зоуло.

Вскоре не осталось никаких сомнений: впереди люди. Стали заметны какие-то палки в их руках. Когда люди их поднимали, из воды появлялось что-то, а люди брали из него непонятно что и бросали обратно в воду у своих ног. Подошли ближе. Мужчины, увлечённые процессом, не замечали приближения путешественников. Нет, бросали что-то они не просто в воду. Рядом с мужчинами стало заметно сплетённое из прутьев подобие корзины. С похожими плетениями женщины и дети их пещеры ходят по грибы и по ягоды.

Чтобы погреть замёрзшие в холодной воде ноги, мужчины вышли на нагретые солнцем камни. Чуть раньше дети увидели, что в корзины падала рыба, которую люди доставали из приспособлений, вытаскиваемых из воды. Даже таких первобытных сачков у жителей их пещеры не было — это они видели впервые. Только теперь путешественники заметили необычно короткие ноги людей на том берегу.

Их самих увидели и те двое взрослых. Поравнялись. Ширина реки позволяла рассмотреть необычно светлые волосы и лица мужчин. Из рассказов Колса дети знали о людях пливс и о том, как те выглядят. Сомнений быть не могло: это люди пливс. Колс рассказывал, что между снипс и пливс иногда происходили стычки с человеческими жертвами, но чаще люди расходились мирно. Учитывая, что пливс на другом берегу, Зоуло без опасений крикнул:

— Скажите, люди пливс, далеко ли стоянка похожих на нас людей снипс?

Шум близкого порога заглушил мальчишеский крик. Пливс не поняли, о чём их спрашивают. Но более сильный мужской голос прорезал шум стихии, и дети услышали:

— Здесь шумно. Давайте пройдём выше, там будет слышно и вас.

Удалившись от порога, когда пливс продолжили рыбалку, путники выяснили, что скоро, немного выше, будет слияние двух рек, образующих эту. Стоянка племени пливс на том берегу их притока. От их стоянки видно место слияния. А люди снипс живут на берегу другого притока в двух неполных днях пути от места слияния. Неудобство будет в том, что путь к той стоянке преграждает приток, по которому предстоит пойти путешественникам.

— Какая досада. Мы-то не саот, плавать не умеем, — выразил досаду Саво.

— Захочешь к людям, так научишься. И я научусь. Все научимся плавать. Только так, как рыбы, не выныривая, мы не сможем, — подал надежду Туно.

— Бесшабашный прав. Придётся учиться плавать, — сообщил Зоуло неоспоримый факт.

Фигурки людей пливс исчезли за поворотом, но слияния рек впереди ещё не было. Когда солнце на

своей невидимой небесной дороге начало спуск, с трудом наловили рыбы на обед. Костёр развели на камнях у воды. Пообедав, решили попробовать учиться плавать. Дети знали, что всему новому надо учиться. Ничто не даётся человеку без длительных тренировок. Но как именно плавать, никто пока не знал, даже не имел представления об этом.

— Всем ясно, что пробовать плыть надо, не удаляясь от берега? С глубины сами не выплывем, и никто не спасёт. Спасли бы, да никто не умеет плавать. Пробуем плыть по течению, — предложил Зоуло.

С этими словами он скрылся под водой. Что и как там делал, никто не видел. Его голова появилась на поверхности быстрее, чем во время рыбалки. Холодная вода поглотила всё тело. От холода не спасала и меховая душегрейка, которую пловец не догадался снять перед купанием.

— Проплыл! На два собственных роста стал дальше, чем был! — прыгая от радости, кричала восторженная публика.

— На два моих роста я не проплыл, а меня унесло течением. Если ничего не делать, то к другому берегу мы не приблизимся. Рыбы виляют хвостом, но у нас нет рыбьего хвоста, — с досадой признался пловец.

— А руки? Зачем-то же есть у нас руки? Надо как-то действовать ими. Сейчас я попробую, — сообщил возбуждённый Туно.

— Сними душегрейку, чтобы потом не было холодно. Я не догадался, пока не вынырнул, — посоветовал Зоуло.

Туно набрал полные лёгкие воздуха и нырнул. Он проплыл три своих роста или даже больше, но не был уверен, что руки как-то помогли движению. Быть может, его просто снесло течением. А дальше он оказался потому, что дольше не выныривал. Сомнения передались остальным путешественникам, а вместе с сомнениями в души проникло разочарование.

У Зоуло родилась идея. Он предложил Туно грести руками и пробовать плыть против течения, а сам он, нырнув одновременно с другом, будет просто сплывать. Результат превзошёл все его ожидания. Неумело барахтаясь в воде, Туно оказался выше друга на собственный рост. И это при том, что вынырнули они почти одновременно. В воде Зоуло было видно, что его сносит быстрее, чем загребающего воду Туно.

Появилась надежда на то, что до жителей стоянки снипс они смогут добраться. Все приступили к тренировкам. Заметили, что руки должны не просто работать, а не тормозить движение перед очередным загребанием воды. Общими усилиями, методом проб и ошибок, наметилась техника работы рук. Радостные, дети выбежали погреться на горячих камушках берега. Уже отогреваясь, Сонх неуверенно произнесла:

— А как же мы будем вставать, чтобы набрать новую порцию воздуха? Там же, вдали от берега, будет глубина.

Снова все оказались в реке. Попытки набрать воздуха не вставая долго никому не удавались. Удержаться над поверхностью воды, чтобы успеть выдохнуть и вдохнуть, никак не получалось. Разочарованные неудачей, оделись и побрели дальше. В пути каждый думал, что же он делал не так, если набрать воздуха без опоры на дно не получалось.

Люди пливс сказали правду. Да и могли ли они слукавить? Хитрость, но не лукавство они проявляли во время охоты. Могли использовать хитрость для овладения огнём другого племени. Да, огонь можно было завоевать или взять хитростью, украсть у потерявших бдительность людей другого племени. Бывало, для этого рискованного поступка выбирали подходящий момент несколько дней и ночей.

Ещё задолго до рождения юных путешественников и их прародителей существовали суеверия. Можно было поделиться едой даже в отсутствие её изобилия. Но не огнём. Считалось: отдав чужакам часть огня, жители вскоре лишатся племенного очага. Бон не прощает предавших его. Он может умереть от недосмотра, от нашествия врагов, от причин, которые и в голову не приходят.

Люди пливс были точны, сказав, что впереди место слияния двух рек. Не сказали неправду они и о нахождении своей стоянки. От места слияния, даже стоя на этом берегу, можно было увидеть возвышающуюся над водой пещеру. В проёме входа суетились люди. Наверное, это были мин и мон — издали разглядеть и понять не получалось. Подумали о малышах потому, что взрослые вели бы себя более степенно. Да и откуда быть дома взрослым в разгар дня? И больных летом почти не бывает. Разве что младенцы болеют, несмотря на тепло. Но и они где-то внутри. Дома могли быть только старцы и непоседливые малыши.

Продолжение следует

Дмитрий Васянович

Ветер тоже нужен

1. Голубая дверь

Семипалатинск — город семи ветров, а может быть, и больше. Ветра здесь дуют знатные. Веют, сквозят, свистят, завывают, переносят предметы, растения, животных и, возможно, людей, сдвигают солнце и луну, меняют созвездия, вертят земную и небесную ось.

— Га-а-аля, — зовёт мою маму наш дачный сосед дядя Жуматай, — твою чёрную смородину нынче ветром перенесло к моей красной. Можно так оставить, или они переопылятся?

— Спроси в интернете, — откликается мама, не разгибая спины.

Мы с нею в четыре руки прореживаем грядку с морковкой.

— Он мне уже ничего не отвечает! Надоел, говорит, со своими вопросами, ата.

Вот тут то и заскрипела голубая дверь. Мы обернулись. Из старого раздвоенного сарая вальяжно вышла дымчатая, изрядно запылённая кошка с надкушенным ухом.

Летом двухтысячного принесло на наш участок ветром голубую дверь. Ходили по соседям, опрашивали — никто свою не признал. У кого красная пропала, у кого белая, у кого-то не дверь, а окно ветром унесло, у бабы Зои и вовсе — крылечко новое, лаком накануне покрытое, блестящее. Взамен же одарило дачников диваном в горчичной плюшевой обшивке, початой банкой сгущёнки, тазиком эмалированным, в котором — усики клубники, кем-то заготовленные для пересадки…

В общем, пришлось оставить дверь себе.

На даче всё сгодится. Тем более что тем же ветром разделило надвое нашу сараюшечку. Да так удачно разделило, что в образовавшийся проём вместилась та самая голубая дверь, обрела здесь новые петли и даже крючок, на который стали её закрывать.

Однако время от времени крючок этот сам собой откидывается и выпускает через дверь на наш участок разных животных и птиц. А иногда нечто такое, что и классификации никакой не поддаётся.

Прошлым летом кто-то с массивными лапами и длинным хвостом основательно подрыл нам картофельные кусты, сидящие возле сараюшки. Отец, узрев картину варварского разгрома, ругался, что оторвёт дверь и выкинет прямо на дорогу. В гневе даже пару раз ударил в сарай кулачищем.

Возможно, там, за дверью, к его угрозам прислушались, а может, совпало так, но с тех пор приходящие звери стали аккуратнее, воспитаннее, и следы их остаются только на узеньких межгрядочных дорожках.

Чаще это происходит ночами. Лежишь в домике, уснуть не можешь, прислушиваешься к шорохам, хрусту веток, хрюканью, топоту копыт и хлопанью крыльев, угадываешь живность по звукам: чешуйчатый кречет, сухопутный окунь, перепончатокрылый лис… Утром изучаешь диковинные следы, сверяешься с ночными предположениями.

— Если помёт чёрный, то ёжик, — успокаивает мама. — Им молока оставишь на ночь, они, поросята, выпьют да блюдце чёрным засыпят — не отмоешь.

Кошке налили молока, припасённого для ежей, и вновь принялись за работу.

— Весной не знаешь, за что взяться, хоть разорвись, — изрекла мама, ловко орудуя маленькой тяпочкой.

Её ровным закрайкам на грядках все соседи завидуют.

— Га-а-аля, — кричит опять дядя Жуматай, — кошка в вашей грядке с редиской разлеглась! Спасай посевы!

Мама раздала чёткие и гуманные приказы: кошке выдать казы, а грядку с редиской хорошенько полить — «в грязь она ложиться не станет».

— Как я, Галя, издалека кошку-то разглядел! — торжествует дядя Жуматай. — У меня же глаз — алмаз! После операции.

— Ну хвастун! — разгибает спину тётя Рая, его супруга. — Но глаз у него и вправду — алмаз! Всё заприметит.

— Я вот думаю, — говорит мне мама (я так и сижу на корточках у морковной грядки), — скворцов наших явно кто-то съел. Уже дня два никто из скворечника не вылетает. Эта, поди, кулёма… — мама кивает на кошку.

А кулёма-то жмурится на солнышке — сама невинность: «Нужны мне ваши скворцы

больно. Я, может, вообще казыядная и кумысолакательная».

Я пожимаю плечами. Солнце почти над головой, припекает. День жарким будет.

— Оксана, ты там не сгоришь? — мама отправляет свой вопрос лететь над дачными грядами и кустарниками.

Он достигает цели.

— Мам, я слежу по песочным часам, пятнадцать минут — и перевернусь.

Моя старшая сестра с книжкой в руках распласталась на пятачке земли, опушившейся лечебной ромашкой. Оксану нынче работать не понуждаем — она готовится к экзаменам, и книжка в её руках не абы какая, а учебник по наивысшей математике.

— Дим, ты бы слазил к скворечнику-то, — продолжает мама тише — до меня её голосу лететь не нужно, он касается меня мягко, словно пучок морковной ботвы. — Глянь, чего там? Жалко же. Я думала, птенцы скоро выведутся. Скворец-то носил уже червячков, кормил скворчиху. Была уверена, что она высиживает яйца.

Я осторожно поднимаюсь с колен, но в них всё равно предательски хрустнуло, словно я дед столетний.

— Кузнечик мой скрипучий, — сразу среагировала мама.

Мамин «кузнечик» в два прыжка перелетает к баку с водой, опускает в него лапки, чтобы землю смыть, и пережидает минутку, пока в глазах не погаснет закружившийся рой огненных мушек.

Скворечник прибит к доске, возвышающейся над летним душем. До него добраться несложно — встать ногами на край металлического бака и сделать один шаг. Впрочем, как выяснилось, чтобы заглянуть внутрь скворечника, росту мне не хватает — мал ещё. «Нам расти ещё, расти-и-и». Хотя я и не самый низкий в своём пятом «Г». На физкультуре третьим стою. Но, думаю, даже самый высокий, Рамилька Вахитов, вряд ли бы смог глазом в дыру скворечника влезть. И чего у пятиклассников глаза не как у улиток, на рожках? Чтобы вытянуть и смотреть куда хочешь!

Впрочем, всё равно ничего не разглядел бы — в скворечнике темно. Туда надо фонариком светить.

— Вы-то Диме своему, гляжу, отдельную жилплощадь выделили? — опять шутит неугомонный дядя Жуматай. — И правильно, пора уже от родителей съезжать да самостоятельно жить. Невесту скоро в свой скворечник приведёт.

— Ой, мелет и мелет, брехун, — возмущается тётя Рая, хлопая мужа по спине. — Диме-то сколько, Галя? Пятнадцать?

— Ну что вы! — восклицает мама.

Она тоже выпрямила спину. Приставив руку к глазам «козырьком», все трое смотрят, как я, опершись руками на крышу летнего душа, безнадёжно тяну шею к зияющей в скворечнике дыре — парадному птичьему входу.

— Пятый класс закончил. Тринадцать в ноябре будет.

— Джигит, — говорит дядя Жуматай. — Я в тринадцать уже сам лошадей пас.

— Ой, сочиняй, чабанёнок наш, — оборвала его тётя Рая. — Ещё вспомни, что в одиннадцать женился.

— Нет, я ведь ждал, когда ты вырастешь, — парировал дядя Жуматай. — Когда мне одиннадцать исполнилось, тебе-то всего два года было. Но уже тогда краса-а-авицей была! Женихи толпами ходили!

Раз уж глазом в скворечник не заглянуть, решил дотянуться рукой и сунуть внутрь пальчик. «Будет зайчик!» — добавляют в детской прибаутке.

И он случился.

Палец в птичий домик засунул обыкновенным, а вытащил с перстнем. В нём — огромный белый круглый камень, размером с перепелиное яйцо. Сначала подумал, что это и есть яйцо — скворцовое, что птицы высиживали, да так и оставили в скворечнике одно-одинёшенько. Однако у яйца обнаружились маленькие лапки, и оно, аккуратно переставляя их и раскачиваясь из стороны в сторону, двинулось медленно, но верно по моему пальцу к запястью.

Сердце подпрыгнуло во мне и замерло где-то в гортани. «Да это паук!» — понял я. Затряс рукой что есть силы, и паук сразу слетел с кисти. Но я потерял равновесие и уже не смог его восстановить. Замахал руками, словно бы я скворец и готовлюсь покинуть родной скворечник (где всё это время высиживался птицами-родителями вовсе не птенчик). Услышал, как вскрикнула мама, и осознал, что падаю в пропасть.

Солнце светило как ни в чём не бывало — летнее, жаркое. На берёзе, что растёт на участке бабы Зои, о чём-то отчаянно спорили воробьи — привычно галдели на сотню голосов. А сама баба Зоя стояла на границе наших с нею участков, совсем рядом со мной, но задумчиво смотрела куда-то мимо меня в небо. И по лицу её медленно передвигалась, покачиваясь, матово-белая шишка, похожая на яйцо.

Я всегда относил себя к тем людям, к которым нужная мысль приходит позже, чем необходимо («Умная мысля приходит опосля», — говорит папа). Но в этот момент успел сообразить: я просто обязан сгруппироваться. Сжаться, чтобы не удариться головой о край металлического бака. И даже успел это сделать — свернулся калачиком максимально плотно, подтянув колени к подбородку.

Ждал удара, но его всё ещё не следовало. Вжал голову в колени ещё сильнее. И ещё. Что-то произошло: я сворачивался в полёте бесконечно долго, пока не стал меньше пшеничного зёрнышка.

Наверное, зёрнышко то упало в воду, но не осталось на поверхности. Тихонько погружалось оно ниже и ниже, пока не легло на дно металлического бака, где и замерло до лучших времён.

2. Мальчик и Демон

Ему не спалось. В джунглях всю ночь бушевал пожар. Вместе с Боем они ездили смотреть на огонь. Бой остановил байк на диком Обезьяньем пляже. Впрочем, сейчас его нельзя было назвать пустынным. Местные жители собрались именно здесь — со страхом и одновременно восторгом взирали они на горящие в горах джунгли. Фотографировали, снимали видео. А потом так же смотрели и на него, затесавшегося среди них чужеземца, и за этот вечер он бесчисленное количество раз попал в камеры телефонов. Такое же событие, как пожар.

Несколько раз к нему подходили:

— Вээ ю фромь?

— Раша, — коротко отвечал он.

И слышал уже привычное:

— Ру-у-усия…

— Русия, Русия, — соглашался.

Дальше разговор не завязывался — он не мог оторваться от огня, лижущего в ночи пальмы и бамбук, оплетённые лианами. Деревья вспыхивали целиком и прогорали за минуту.

Время от времени раздавался в огненном море страшный треск, что-то большое валилось наземь, отчаянно ворочалось, а потом затихало, разбросав напоследок в стороны фонтаны искр.

Казалось, кто-то выпускает золотых рыбок стайками к звёздам. Некоторые из них сразу уплывали прямо в глубь неба, а те, что оставались кружиться на месте, в конце концов гасли и опадали серыми пушинками на стоящих у подножия горы людей.

— He's a writer, — донёсся до него голос Боя. Тот говорил на своём забавном английском. Возможно, чтобы и он мог разобрать смысл сказанного. — He writes something all the time. About us, about the island, about animals, about monkeys. I show him everything around. His name's Demon, and he's my friend. He really likes roty canai and Milo. (Он писатель. Всё время что-то пишет. О нас, об острове, о животных, об обезьянах. Я показываю ему всё вокруг. Он демон и при этом мой друг. Очень любит наши лепёшки и какао.)

«Хм… Ну вот зачем он говорит про демона? Ещё решат, что из-за меня пожар, и в лучшем случае попрут с острова. А в худшем…»

Бой оторвался от окруживших его притихших островитян и двинулся к нему, чтобы поделиться тем, что успел узнать:

— Накануне джунгли уже горели. Какой-то турист решил самостоятельно погулять, заблудился, развёл костёр — дым валил из леса очень густой. Туриста отыскали, огонь затушили. Может, упустили искорку, и всё разгорелось вновь? Но не надо бояться. На острове есть хорошая пожарная станция — они уже тушат. С материка пришлют вертолёт.

Уже под конец бессонной ночи ему приснился очень реалистичный сон.

В дверь его домика громко застучали, затарабанили и потребовали срочно выйти: «Демон, выходи! Де-е-емо-о-он!»

Он глянул в окошко — во дворе полыхал огонь, в панике носились люди. Принялся в спешке скидывать вещи в рюкзак. Оказалось, что у него кипа важных рукописей, зарисовок и нот, которые в рюкзак не помещаются.

И вдруг бумаги пропали. Так бывает во снах: только что были на глазах — а уже не найти! Махнул рукой, вылез через окно на улицу — ведь рукописи, как известно, не горят. Вернётся и заберёт.

Но никто, как оказалось, за ним не охотился — местных эвакуировали.

Из пляжного посёлка на военных грузовиках всех перевезли на другую сторону острова — в город. Разместили в старом музее механических игрушек. Перед пробуждением он бродил по галерее комнат, в которых забавные заводные зверушки пели, танцевали, разыгрывали сценки.

На втором этаже, в коридоре, стоял стол. За ним сидела кукла-китаянка в красном халате, расшитом золотыми драконами и белоснежными длинноносыми цаплями. Кукла стучала одним фарфоровым пальцем по клавишам настоящей печатной машинки.

Он решил прочесть напечатанное и обнаружил, что вместо букв на листе оставались маленькие чёрные паучки. Изначально они слагались в некие слова, но прочитать их не получалось — буквы-пауки расползались в разные стороны, путали написанное.

Два слова чудом удалось зацепить взглядом: «Cari dia». Он повторял их во сне много раз, чтобы не забыть поутру. И проснулся с ними на устах.

В голове не находилось перевода. Похоже было скорее на итальянский, чем на английский. Что-то созвучное знаменитой арии «Casta diva». Напевая на её мотив загадочную фразу из сна, он вышел к завтраку.

Бой решил его порадовать и уже сгонял с утра в город за лепёшками роти чанаи. Остывшие они были не такие вкусные, как те, что «с пылу с жару», но всё же есть их, макая в острую нутовую кашицу, похожую на хумус, было ни с чем не сравнимым удовольствием.

— Пожар ночью потушили, — торжествовал Бой. — Зря ты боялся.

Над джунглями клубился белый пар. Наверное, островные духи варили облака и выпускали их в тихое синее небо.

— Бой, зачем ты пугаешь местных и говоришь, что я Демон? — спросил он после завтрака, вспомнив вчерашнюю поездку на Обезьяний пляж.

— Ты сказал, что тебя так зовут, — невозмутимо ответил островитянин.

— Неправда, я сказал, что меня можно звать Дима, Димка, Митя, и в том числе — Димон.

— Вот! Опять сказал! — торжествовал Бой и тыкал пальцем в его сторону.

— Не Демон, а Димон. Это разные вещи.

Он мог бы сказать про ударение на другой слог, но для этого он не очень-то хорошо владел английским. Да и Бой разговаривал с ним на каком-то своём английском, порядком его смягчая («айм фуль», «свим ин пуль» и тому подобное), а значит, вряд ли смог бы уловить смысл. Вот и сейчас упирался:

— Звучит одинаково.

— Я боюсь, что жители острова соберутся и закидают меня камнями, — горько усмехнулся он.

— Никогда! Они побоятся даже смотреть на тебя! — Боя явно забавляла возможность пугать аборигенов своим другом — «русским демоном».

Увидев, что он не смеётся, Бой мгновенно стал серьёзным:

— Если хочешь, я могу отвезти тебя в город сегодня вечером. Поужинаешь как настоящий островитянин.

— Это будет великолепно, Бой.

Тот разговор, в ходе которого он стал «демоном», начался совершенно безобидно. Ничто не предвещало такого исхода. Он просто спросил, что значит имя Бой.

— Бой — значит мальчик, — невозмутимо ответил островитянин.

— С малайского?

— С английского.

— Это настоящее твоё имя?

— Да, — ответил Бой, и в глазах его заиграли огоньки.

Похоже, он рассказывал эту историю не в первый раз, но всегда с большим удовольствием.

— Когда я родился, мама меня так звала, потому что я был маленький. И все вокруг стали меня так звать. Я вырос, но остался Мальчиком. И когда у меня будут внуки, они будут звать меня дедушка Бой — дедушка Мальчик. Это весело.

— Ты всегда останешься мальчиком, как Питер Пэн, — задумчиво произнёс он, понимая, что настоящего своего имени Бой называть не хочет.

Это прозвище парню по душе, пусть остаётся Боем.

— А меня все зовут по-разному, потому что моё имя в Русии имеет несколько вариантов…

● ● ●

На острове темнеет рано и стремительно. Небесная каракатица выпускает в воздух свои чернила, и густая темень заполняет каждую тропинку, каждый закоулочек с невероятной скоростью. Можно услышать, как тьма ползёт по верхушкам пальм из джунглей, шуршит листьями, а потом достигает посёлка на побережье и наваливается на него, словно желая раздавить своим весом.

Вечер не приносит особой прохлады. Когда прячется солнце, земля начинает щедро отдавать накопленное за день тепло — выдыхает жар, словно из разгорячённой печи, а его скопилось так много внутри!

Бой выполнил своё обещание, и, прокатившись на байке по серпантину дороги, что обвивала остров по периметру, они наконец въехали в город. Впрочем, город — это громкое название для этого местечка. Скорее, посёлок, с рядами двухэтажных домишек среди промысловых баз.

Остров живёт рыбацким делом. Рано утром на катерах мужчины уходят в море и возвращаются ещё до полудня. Пойманную рыбу сортируют. Самую мелкую сушат тут же, на деревянных настилах, возле длинных портовых бараков. Издалека настилы кажутся ковром с длинным пушистым ворсом. Каждая ворсинка — пожелтевшая и скрючившаяся на жарком солнце рыбка. Высушенная, она будет упакована в яркие пакеты и отправлена на материк. Местные анчоусы — настоящая гордость аборигенов. То, что даёт острову жизнь, приносит доход. Но просто так эту рыбёшку не поешь — уж слишком она сдобрена солью. Настолько, что кажется горькой. Впрочем, что могут понимать русские в местной кухне? Эти сушёные анчоусы в качестве приправы добавляются практически в любое блюдо, даже в чикен лаксу — куриный суп с лапшой. А уж ежедневный наси лемак без них тем более не обходится. Разворачиваешь свёрнутый в кулёчек банановый лист, а там аккуратно уложены рис, сваренный в кокосовом молоке, яйцо вкрутую, жареный арахис, свежий огурчик и обязательно — провяленные на бережке анчоусы. Если можешь заплатить подороже, то в этот набор для тебя добавят румяные кусочки куриного мяса.

Он с любопытством рассматривал узенькие улочки в огнях, вдыхал жаркий морской воздух, в котором смешались запахи рыбы, дуриана и цветов.

Бой свернул с асфальтированной оживлённой трассы в сторону, на просёлочную дорогу. Звуки оживлённой улицы сразу отдалились, стали невнятным бормотанием.

Бой провёл свой байк между домишками и притормозил у буддийского храма.

— Здесь ужинают местные? — удивился Демон.

Бой засмеялся:

— Пойдём, я хочу познакомить тебя с Мамой Анчоус.

— С Мамой Анчоус?!

Бой хохотал. В темноте сверкали его зубы и белки глаз.

Ворота распахнуты — ни монахов, ни других посетителей не видно. Вся храмовая территория расцвечена яркими фонариками и гирляндами. Многочисленные пагоды, раскрашенные глиняные статуэтки, причудливые фонтаны, пруды с мосточками теснятся друг к другу так, что невозможно объять всё взглядом. В одном из фонтанов спят черепахи — большие и маленькие. В другом — неподвижно зависли в воде лупоглазые золотые рыбки.

— Может быть, Мама Анчоус тоже спит… — задумчиво произнёс Бой и опять рассмеялся.

Сложно было понять — шутит ли над Демоном подросший Мальчик или нервничает.

Бой привёл его на середину мостика, перекинутого через пруд, и приложил палец к губам. Сам присел на корточки, просунул руку через отверстие в ограждении моста и стал шлёпать ладонью по поверхности пруда, приговаривая:

— Мама Анчоус, Мама Анчо-о-оу-у-ус… ты спи-ишь?.. Выходи, я хочу показать тебе доброго Демона…

Мама не спала. Казалось, она ждала, что её позовут. Через мгновение из-под моста медленно выплыла огромная рыбина — в человеческий рост или больше. Он хотел бы взглянуть в её глаза, чтобы понять, похожа ли она на какую-либо речную живность, что доводилось ему видеть раньше, но Мама Анчоус не высунула морду из воды. В свете фонарей чешуя на её спине блеснула таинственным глубинным огнём, и ему показалось: на миг им, стоящим на мосту, открылись древние, не разгаданные человечеством письмена.

Бой ликовал:

— Ты видишь? Ты видишь?

— Вижу. Или ты её спрашиваешь?

— Это мама всех анчоусов, — громким шёпотом важно сообщил Бой. — Ей миллион лет. Может быть, миллиард.

Глаза островитянина округлились, и он сейчас сам походил на рыбу.

— А что она ест?

— Людей. Она съела всех монахов в этом храме.

Мальчик шутил?

— Теперь ты привёз меня к ней на ужин?

Бой хохотал до слёз. А потом кричал в темноту — туда, где скрылась рыбина:

— Мама Анчоус, дай мне счастье! И денег. И Демону тоже!

В ответ неожиданно раздался громкий всплеск, и Бой отшатнулся от края моста. Похоже, островитянин действительно верил, что Мама Анчоус может его съесть.

Теперь смеялся Демон.

Бой поднялся, отряхнул колени от впившихся в них мелких камешков и заверил:

— Мама Анчоус согласилась дать деньги и счастье. Мне и тебе.

— Спасибо, Мама Анчоус, — усмехнулся он, а Бой одобрительно закивал.

3. Спасённый Арбуз

Кафе находилось у самого причала. Его держала многочисленная семья китайцев. Хозяева занимали несколько соседних домов, жили на вторых этажах, а первые отвели под закусочные. С заходом солнца китайцы выставляли столики на выложенную булыжниками улицу. И сейчас здесь было на удивление многолюдно. На закате местные стекались сюда, чтобы обсудить прошедший день, богатый или не очень улов, обменяться новостями.

Бой встретил здесь своих друзей: пятеро молодых индусов ужинали, попивали что-то из стеклянных бутылочек и увлечённо болтали, замешивая свои голоса в общий шум. У одного из них в тарелке плавала лапша в желеобразном, похожем на сырой яичный белок соусе. У остальных лежало вовсе бесформенное — поди разберись, чего они тут едят!

— Чего ты хочешь? — спросил его Бой, помахивая заламинированной картонкой — меню, на котором не было никаких картинок, а значит, не несущее для русского никакой информации.

— Не знаю. Может, роти чанаи? — робко предположил он.

Парни засмеялись и объяснили, что роти едят только на завтрак. Исключительно.

— Тогда я хочу большую рыбу, жареную, — решил он.

Парни одобрительно закивали.

— Очень большую?

Он в ответ раскинул руки вширь насколько возможно:

— Размером с Маму Анчоус или немного меньше.

Всех сидящих за столом это привело в неимоверный восторг. Если этот русский знаком с Мамой Анчоус, значит он уже наполовину свой.

Рыба оказалась раз в пять меньше Мамы Анчоус, от неё потихоньку отщипывали все, но начисто так и не объели. Бой опять завёл свою шарманку про то, что его гость — писатель. Ну, хоть демоном вслух не называл, и то хорошо.

— Что ты пишешь? — спросил кто-то из ребят.

— Я не знаю, — и, увидев недоумение на лицах, отшутился: — У меня плохая память. Пишу и забываю.

Парни заулыбались.

Он не мог ответить на вопрос, с чего Бой решил представлять его так. Он был писателем разве что в своём недавнем сне. Во всяком случае, там были рукописи. Но и во сне он их не забрал с собой во время эвакуации. Либо то, что в них было, не представляло для него никакой ценности, либо написаны они кем-то другим. Писатели ни за что не оставят своё детище даже в самых критических

ситуациях. Это ведь их надежда на бессмертие. Эликсир вечной жизни.

● ● ●

В очередной раз, когда Бой отправился заказать ещё напитков на компанию, Демон увязался следом. Из любопытства — хотел поближе рассмотреть ту часть кафе, что находилась на первом этаже одного из домишек. Тут стояли три столика и роскошный комод, украшенный резьбой. Деревянная лестница с перилами вела на второй этаж. Под высоким потолком с шуршанием, словно высохшие крылья огромных стрекоз, вращались вентиляторы с длинными лопастями. На стенах — семейные фотографии и пара больших фотопортретов, реставрированных, похоже, вручную, отчего лица казались неестественными, нарисованными.

Комод тоже притягивал внимание. Вернее, то, что стояло на нём: многочисленные фаянсовые чашечки, чайнички и вазы, расписанные цветами, рыбами и драконами. Здесь же были фигурки птиц и животных: небесно-голубая цапля, поджавшая под себя лапку, изумрудная жаба с серебряными письменами на теле, красно-золотой тигр с длинными белоснежными клыками. Если бы не те три круглых столика, за которыми, к слову, никто из посетителей не сидел, он бы решил, что зашёл в квартиру, а не в кафе.

Кто-то осторожно взял его за руку. Он обернулся и увидел трёхсотлетнюю китайскую старушку. Маленькая, сухонькая, она едва доставала ему до груди. Мелкие коричневые пигментные пятна рассыпались по всему лицу и рукам. Но волосы на удивление не были седыми. Вернее, седина в них проглядывала, но по большому счёту они не утеряли своего вороного окраса. Стриженные под каре, пряди были зачёсаны назад и крепко схвачены на затылке широким красным гребнем.

Старушка глядела прямо ему в глаза и что-то говорила. На китайском, вероятнее всего.

От растерянности он сказал по-русски:

— Простите, я не понимаю.

Потом спохватился и повторил это же на английском.

Старушка отняла руку, повернулась к нему спиной и пошла прочь, в глубь комнаты, шаркая ногами.

Только тут он заметил в своей руке кусочек бумаги. Это был маленький красный журавлик, сложенный по типу оригами — он как раз помещался в ладошке.

— Спасибо большое, — запоздало поблагодарил он.

Старушка не остановилась и не обернулась. Как ему показалось, только приглушённо засмеялась. Или закашлялась.

Вернулись в посёлок они ещё до полуночи, хотя ему казалось, что провели в компании ребят довольно много времени.

Сели на открытой веранде, крышу которой обнимали ветви огромного дерева манго. В его кроне по ночам никогда не бывало тихо. Казалось страшные ведьмы отчаянно визжали там, каждую ночь слетаясь на свой жуткий шабаш. Бой сказал, что это кричат летучие собаки.

— На них кто-то напал?

— Они сами с собой дерутся. Из-за манго, — руками Бой изобразил двух остромордых животных, которые кусают друг друга и рвут на части.

— Жуть.

— Мне уже семнадцать лет, — задумчиво изрёк Бой, — но за это время я не съел ни одного манго с этого дерева.

— Совсем ни одного? Ты не любишь манго?

— Ни одного. Люблю. Оно не успевает вырасти и созреть. Днём его терзают обезьяны, а ночью — эти чудовища. Обезьяна срывает неспелый манго, пробует на вкус, — Бой поморщился, — кислый! И бросает вниз. Потом срывает другое. Поэтому манго с этого дерева мне не увидеть никогда. Я сердился и хотел срубить его, но мама не разрешила.

Бой поднял с земли зелёный плод и передал Демону. Манго был твёрдым, как камень, но со следами зубов. Что за челюсти у обезьян — ими бы орехи колоть!

— Как по-русски сказать «манго»?

— Манго.

— Русский совсем не сложный! — засмеялся Бой.

И началась игра «А как по-русски…». Услышав слова «арбуз» и «мор-ков-ка», Бой заключил, что русский язык всё-таки странный, смешной и грубый.

— А-а-а-ар-р-рбус, а-а-а-ар-р-рбус, — повторял Бой нараспев и заливисто хохотал.

В ночи, наполненной смехом малайского юноши, криками летучих собак и оглушительным треском цикад, Демон не сразу услышал жалобное мяуканье. А когда вычленил его из всего этого гвалта, поднял палец к губам, призывая Боя прислушаться:

— Это кошка?

Надо заметить, что джунгли начинались практически сразу за нехитрой оградой. Стоило выйти за ворота — перед тобой расстилалась поляна с редкими деревьями помéло. На ветвях висели спелые плоды, но никто не срывал их, потому как до деревьев надо было сделать три-четыре шага по высокой траве, переплетённой вьюнами и лианами. А в траве той мог оказаться кто угодно — ядовитый и зубастый. Поэтому плоды помело, почти с футбольный мяч величиной, просто падали в траву и исчезали в ней бесследно, кем-нибудь обязательно съеденные.

— Почему обезьяны не едят помело?

— Они боятся змей.

У границы человеческого обиталища и джунглей возвышался деревянный столб с жёлтым

прожектором на верхушке. Но его света было слишком мало для густой островной ночи. Жалобное мяуканье раздавалось около ближайшего дерева помело. Бой вооружился внушительной палкой и фонариком.

Кошка на призывный русский «кис-кис» и малайский «мяо-мяо» стала вопить ещё жалостливее, но из травы не показывалась. И неудивительно: из цельносплетённого травяного ковра самостоятельно не выбраться и человеку без сподручного инструмента.

— Мой Бог, пожалуйста, только не змея, не змея… — произнёс Бой как заклинание и ступил на обочину.

Бог, видимо, всё-таки услышал молитвы островитянина и русского — им не пришлось долго шарить по опасной траве. Заблудившегося котёнка обнаружили шаге на пятом, но это были бесконечно долгие шаги!

Чтобы извлечь малыша, пришлось разрывать лианы руками.

Принесли спасённого дымчатого котёнка на кухню, налили молока в мисочку, потыкали мордой — бесполезно. Он отчаянно пищал, но не пил. Бой (словно не в первый раз спасает котят!) принёс кусочек лепёшки, макнул в молоко, и найдёныш наконец, звонко причмокивая, принялся обсасывать хлеб.

— Я буду звать его А-а-а-ар-р-рбус, — вдруг заявил Бой.

— Почему Арбуз? — удивился Демон. — Арбуз круглый и большой, а котёнок маленький и худой.

— В честь тебя, — не смутился Бой. — Полное имя — Арбуз Демона. Вырастет и станет большим и круглым.

Котёнок оглушительно трещал. Громче, чем цикады. Похоже, найдёнышу нравилось новое имя. Демон гладил котёнка по дымчатой голове, теребил осторожно за правое ушко — левое было словно надкушено. Кто знает, кого котёнок повстречал там, в траве… Насытившийся и обогретый, Арбуз уже забыл обо всём пережитом и, выпустив коготки, настойчиво лез в карман демонских шорт — там что-то шуршало.

Так, благодаря малышу с надкушенным ухом, был извлечён на свет фонаря бумажный журавлик, подаренный китайской старушкой.

— Откуда он у тебя? — Бой взял журавлика и стал вертеть в руках, внимательно изучая.

— Старая женщина в кафе подарила мне это.

— Тут что-то написано.

Журавлик оказался сложен из листочка, исписанного от руки. Ровные строчки просвечивали, если поднести оригами к фонарю поближе.

— Это письмо. Можно открыть? — спросил Бой.

Демон кивнул — ему самому хотелось увидеть, что внутри.

На красном листке выведено аккуратно — так старательно пишут, пожалуй, прилежные ученики в младших классах:

«Labah-labah ini menyelamatkan anda lama dahulu.
Ini bukan hidupmu.
Kau harus kembali.
Cari dia.
Menara Condong».

Когда он увидел знакомое «cari dia», оживился:

— Какой это язык?

Летучие собаки замолчали. Прислушивались. Котёнок тоже притих, свернулся в маленький пушистый калачик. Бой пожал плечами:

— Малайский.

Мол, какой ещё?

— Ты можешь перевести?

— Могу, — Бой пробежал глазами по записке и добавил: — Но это писала сумасшедшая.

— Почему? Переведи!

Бой повертел записку в руках, как будто ждал, что от этого слова поменяются местами и обретут хоть какой-то смысл.

— Здесь написано: паук кого-то спас. Это чужая жизнь, и надо куда-то вернуться, кого-то найти. Менара Чондонг, — Бой поморщился, словно откусил всё-таки неспелое манго. — Ничего не понятно.

— Cari dia — это что?

— Найди его.

— А что значит — Менара Чондонг? Это имя?

— Да. Это имя башни в Телук Интане. Она… — Бой наклонил руку, показывая, что башня медленно падала, а потом остановилась, наклонившись градусов на сорок пять.

— Пизанская башня!

— Да-да, похоже. Как в Италии. Но эта — в Телук Интане.

— Она высокая?

— Средняя. Она красивая. Я завтра утром с ребятами на пароме поплыву на остров Пенанг, проведу там выходные, заодно увижу сестру с маленьким племянником. Могу тебя до пристани добросить. Если проснёшься рано.

— Проснусь.

— Поплывёшь в Лумут, — медленно рассказывал Бой и рисовал в воздухе пальцем некий маршрут. — Автобусная станция рядом с причалом. Оттуда автобус до Телук Интана ходит каждый час. Это недалеко. Полчаса на автобусе. Посмотришь на башню, погуляешь и возвращайся. Будет тебе путешествие. Или, если хочешь, дождись меня. Вернусь с Пенанга — съездим вместе.

Но он уже загорелся:

— Я поеду завтра. Хочу увидеть башню. Если она ещё не упала.

— Тогда доброго пути. Кота утром отвезу маме, — пообещал Бой, бережно принимая в ладони спящего найдёныша.

И опять он долго не мог уснуть. Залез в «Гугл-переводчик», старательно вбил в окошко текст из записки.

Получилось почти так, как объяснял Бой. И в то же время иначе. Ведь если представить, что записка обращена именно к нему, то выходило, что ехать к башне Чондонг просто необходимо.

«Этот паук спас тебя давным-давно.
Это не твоя жизнь.
Ты должен вернуться.
Найди его.
Менара Чондонг».

4. Башня в шкафу

Утром на автовокзале в Лумуте он увидел цаплю. Обычную взрослую цаплю. Настоящую. К одной из лап тянулась цепочка. Люди собак на цепь сажают. А тут — цапля. Из соседнего торгового павильона вышел мужичок-малаец с пластиковым ведёрком, в котором лежало несколько рыбин. Цапля стала нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, расправлять крылья, потягиваться. Цепочка позвякивала.

Началась кормёжка. Мужик взял цаплю за клюв, разжал его руками и теперь уверенно закладывал рыбу птице прямо в глотку. Ей оставалось только проглотить. Непонятно было — то ли птица ранена и не может есть самостоятельно, то ли отказывается от пищи, потому что сидит на цепи.

До рейса на Телук Интан оставалось достаточно времени, чтобы пройтись по небольшому продуктовому рынку, который примыкал к кассам автовокзала. Из десятка лавчонок открыта была только одна, за которой хозяйничали две пожилые женщины в хиджабах. Зато у них на прилавке обнаружился разнос с горячей выпечкой — жаренные в масле круглые пончики.

— Они сладкие, — радушно улыбаясь, пояснила одна из хозяек.

«То, что надо», — решил он. Взял стакан горячего какао «Мило» и пончик. Внутри оказался розоватый джем, весь мелкими крупинками. Из чего он был сделан — не разберёшь, но очень вкусно.

Поблагодарив женщин, не удержался и спросил: что же внутри? Оказалось, зёрна фасоли, протёртые с сахаром в однородную массу.

Телук Интан — городок небольшой, но ухоженный. До башни Чондонг он решил прогуляться пешком от самого автовокзала. Хотелось смотреть на улочки и дома глазами местных. Словно он ходит здесь каждое утро на работу, например. Мимо католического храма Святого Антония и длинного здания школы при нём. Может, в этой школе он и работает. Из-за высокой кирпичной стены слышался гомон звонких детских голосов. Он мог бы вести такие уроки, на которых бы все смеялись.

Сама же башня Чондонг внешне оказалась невпечатляющей. Башня и башня — высотой с восьмиэтажный дом. Некогда была водонапорной, а ныне — историческая достопримечательность. Памятная табличка на стене извещала о том, что в башне двадцать пять метров высоты, внутри — сто десять ступеней, а на верхушке установлены часы, которые специально куплены в Лондоне ещё в 1894 году.

Вроде ничего особенного в башне этой не было, но когда он шагнул внутрь и встал перед винтом уходящей вверх деревянной лестницей, его охватило непонятное волнение. На стенах висели чёрно-белые фотографии: местные и европейцы на фоне строящейся башни, достроившейся, реставрируемой, рядом с привезённым из Лондона огромным циферблатом… А вот часы уже водрузили на башню, и тут они не кажутся такими внушительными. Башня на площади, башня со стороны реки, на фоне заката…

На каждом этаже открывалась анфилада комнат, переходы, коридорчики, окошки, забранные цветными стёклами (красное-синее-зелёное-жёлтое…), углубления в стенах, где покачивались от сквозняка сухоцветы в глиняных вазах, национальная малайская одежда на плетённых из пальмового ротанга фигурках-манекенах…

Его посетило странное ощущение. Какое-то смутное воспоминание. Некое дежавю. Словно он был в похожем месте. И вот этот неожиданно возникший перед ним комод с сотней мелких шкатулок и фигурок…

Что это напоминало? Что?

С высоты Менары Чондонг открывался вид на городок и даже его окрестности. Поблизости не было зданий выше башни. Конечно, в мегаполисе она бы затерялась, а тут была безусловной и неоспоримой достопримечательностью. С верхней обзорной площадки можно разглядеть и местную речку, которая почти петлёй сворачивается вокруг городка. Река эта полноводная и мутная, по ней неспешно плыли целые острова цветущих лотосов: откуда сорвало их течением? Теперь они направлялись в открытое море.

На другом берегу раскинулось бескрайнее море непролазных джунглей. Время от времени туда сновали из города маленькие моторные катерочки, выпускающие клубы чёрного дыма.

Владельцы судёнышек — скучающие речные таксисты — сидели на берегу реки, под деревом, увешанным красными китайскими фонариками. Вот туда, на эту маленькую пристань, пожалуй, можно будет прогуляться потом. Может, даже нанять катерок, чтобы полавировать среди плывущих зелёных кочек и островов с белыми и розовыми цветами.

Солнце уже слепило, не давало толком осмотреть окрестности и беспощадно жарило.

Он снова шагнул внутрь, в спасительную прохладу и полумрак башни, спустился по скрипучей лестнице на один пролёт. Ослеплённый солнцем, видел перед собой цветные пятна, поэтому

остановился, боясь промахнуться мимо ступеньки и покатиться кубарем вниз.

И вдруг понеслись перед его глазами некие картинки. Мальчик и девочка. Брат и сестра. Они играют в дачном домике. В нём нехитрый быт. Есть комод с выдвигающимися ящиками. Кровати со скрипучими панцирными сетками. На них хорошо прыгать, на этих кроватях, но нельзя — родители станут ругаться. А что как сетки растянутся и спать на них станет неудобно?

Посреди комнаты — фанерный шкаф. Вокруг его двери, открывающейся в главный, центральный отдел шкафа, — квадратные цветные стёклышки. Девочка забирается внутрь, на кипу дачных вещей, и зовёт младшего брата присоединиться. Когда дверь в шкаф закрывается, дети глядят из него на комнату через цветные стёклышки. Нет, это не одна комната — их много, и все они разные: зелёная, оранжевая, красная, синяя…

Мальчик было подпрыгнул на мягкой груде рубашек и штанов, но старшая сестра одёргивает его:

— Не надо. Фанера под нами очень старая. Она сломается, и мы провалимся в нижний отдел шкафа. А там живут гигантские крысы. Они могут съесть тебя. Меня не тронут, я уже взрослая.

Мальчика сковывает ужас. Почему никто никогда при нём не выдвигал нижний ящик шкафа? Вполне возможно, из-за крыс.

Но нет. Правда в том, что в нижнем отделе их дачного шкафа — башня Чондонг. И проломись тогда фанера, они с сестрой оказались бы прямо здесь.

У него кружится голова. Он опирается руками на старинный комод и, не отдавая себе отчёта, открывает маленькие расписные шкатулочки, стоящие перед ним.

Он и есть этот мальчик? Он был им? Когда?

Несомненно, башня и есть тот шкаф, только растянутый в пространстве и, похоже, во времени…

— Что за чушь?

В одной из шкатулок обнаруживается круглый белый камень, похожий на яйцо небольшой птицы. Воробья. Или скворца.

Он берёт камень в руку и тут же отдёргивает её. У камня — шесть ножек и маленькая голова. Это паук!

Искусно сделанная из камня и металла фигурка паука ударяется о деревянный пол и залетает под комод.

Ему стыдно за то, что напугался обычной статуэтки. Бред какой-то. О чём он только что думал? Что башня — это шкаф? Наваждение и сумасшествие.

— Хоть-бы не разбилась…

Он опустился на колени и заглянул под комод. Белая статуэтка слегка светилась; кажется, до неё можно дотянуться. Между полом и комодом — щель сантиметров в семь, рука пролезет. Он даже дотронулся до каменного паука пальцами, но, круглый и гладкий, тот отодвинулся ещё дальше.

Вздохнув, он плашмя лёг на скрипучий пол, чтобы просунуть руку дальше, глубже под шкаф. Вытянулся стрункой, рука продвинулась ещё, ещё. Он видел светлое пятнышко, тянулся к нему. А оно словно издевалось и уходило дальше.

Наверное, своим весом он слегка приподнял комод, раз рука уже целиком скользнула в тёмную щель. А за нею — голова. Плечи. Он полз к белеющему паучку по-пластунски и вдруг заметил, что светлое пятнышко приобрело вытянутую форму. Оно уже напоминало светящийся луч, бьющий от пола вверх. Он смог подняться на четвереньки и должен был упереться спиной в дно комода, но этого не случилось. Шаря перед собой руками, неожиданно наткнулся на невидимую преграду (стену?). Послышался скрип. («Что, если комодом меня всё-таки придавит сверху и я останусь тут лежать? Когда меня обнаружат смотрители или другие посетители? Сегодня? Завтра? Через неделю?) Стена подалась. Луч стремительно расширялся, полнел, становился ярче и даже наполнялся какими-то шумами и голосами. Неожиданно и резко на месте луча образовался прямоугольник, и стало понятно: перед ним распахнулась дверь. В глаза ударил солнечный свет…

5. Ветер

…Я вывалился из сараюшки на пыльную дачную дорожку, аккурат возле ровных картофельных рядов. Голубая дверь, разрезая воздух, со свистом пронеслась в паре сантиметров от моего лица и стремительно захлопнулась, выбив облако пыли из старой сараюшки. Я скорёхонько запер её на крючок и сказал вслух, объясняя прежде всего самому себе:

— Ветром распахнуло. Кто забыл её закрыть?

— Ты не ушибся? — забеспокоилась мама. — Споткнулся, что ли?

Я осмотрел свои колени, но не обнаружил на них ни одной ссадины.

— Ничего-ничего, до свадьбы заживёт, — уверил дядя Жуматай. — Только соседей своих не забудьте на свадьбу пригласить. С подарками придём. Два мешка картошки подарим. Мы её нынче с луковой шелухой садили. Рая говорит, урожая будет много. Мешок с куста. А где и два.

— Ой, брехун, ой, брехy-у-ун, — отзывается тётя Рая.

Я присаживаюсь рядом с мамой, нависаю над грядой с морковкой.

— У скворцов-то птенчик вывелся, — говорит мама, и у меня теплеет на сердце.

Наполовину высунувшись из скворечника, желторотый птенец, почти с родителей величиной,

жадно раскрывает рот и трясёт головой, когда отец или мать подлетает к домику.

— А кошка-то где? — озирается мама.

— Ветром унесло,— отвечаю я привычной в этих местах поговоркой.

Дядя Жуматай глядит алмазным взором за горизонт, кивает: мол, видит её, сердешную, над деревьями, что на правой стороне Иртыша, ветром несомую.

— А рядом с кошкой что кувыркается? Уж не ваша ли дверь?

Мы оборачиваемся на сараюшечку. Ну конечно. Нет двери. И сараюшку ветром сдвинуло опять — ни следа не осталось от дверного проёма.

— Улетела наша дверь. И крючок не удержал. Вместе с ним и улетела,— говорю я.

Дверь вращается в небе колесом. Поворачиваясь торцом, становится на миг невидимой — и внезапно появляется вновь, развернувшись к нам лицевой стороной, на которой позвякивает металлический крючок. Но вскоре дверь вовсе сливается с голубым небом, растворяется в нём. Даже дяде Жуматаю её не разглядеть своим «вооружённым» глазом.

— Когда только этот ветер стихнет? — роняет мама.

Горячим южным ветром треплет и раздувает её русые кудри.

— И ветер тоже нужен, Галя,— философски отвечает ей тётя Рая, а мне сообщает: — Мне-то, Дима, уже седьмой десяток пошёл, Жуматаю — восьмой. Так-то. Но ничего, трудимся потихоньку.

Я искренне удивляюсь тому, как молодо выглядят наши соседи-дачники.

Ну да ветра здесь сильные. Носят по свету птиц, одноухих кошек, кусты смородины, разноцветные двери. Годы тоже унести могут. Сдуть. Ополовинить.

Д*и*Н симметрия · 1924 г.

Василий Казин

Поезд из Ростова

* * *

Вот огромный поезд из Ростова
С грохотом примчал твои глаза,
И не только сам,— восторгом снова
Дрогнул и московский мой вокзал.

Словно там, в глазах, взгорался порох
Так и порывалась взглядом их…
И пошла, взлучая чёрный всполох,
Чаровать знакомых и чужих.

Даже и приказчик магазина
Облик свой прилавочный терял
И твоё простое имя — Нина,—
Услыхав, невольно повторял.

Чёрный всполох глаз и это имя!
Как твой образ мною завладел!
Мнилось, что твоими же, твоими
На тебя глазами я глядел.

Теребил ли день в житейском рвенье,
Иль склонялся ночи тихий час,—
Так вот и ворочалась в виденье
Всполохом прекрасных чёрных глаз.

Были нежны помыслы и грубы:
Длить восторг иль, тело обнажа…
И теснились пьяной тягой губы,
Слитной завистью дрожа.

Вдруг твои глаза назад мотнулись,
И, как я, готовый загрустить,
Каждый угол переулков, улиц
Их просил подольше погостить.

И просила каждая витрина:
«Милая, помедли, погляди!»
А в груди-то у меня, в груди
Так и колотилось: «Нина, Нина,
Нина, Нина, погоди!»

Погоди! В волненье вдохновенном,
Под прекрасный чёрный всполох глаз,
Эх, о самом, самом сокровенном
Я б тебе поведал свой рассказ.

Но огромный поезд в даль Ростова
От меня умчал твои глаза.
Дрогнул сам прощальной дрожью слова,
Дрогнул и московский мой вокзал.

Алексей Корнилов

Принцип айсберга

Повесть «Вожделенный остров Кристины» я прочёл четыре года назад в книге «Игры на интерес», вышедшей в «Эксмо» в 2018 году. Повесть увлекательная, только я не мог понять, почему Сергей Кузнечихин предварил её эпиграфом: «Русь моя! Жена моя! До боли…» — и закончил этой же цитатой из Блока. Явно не случайно. Но какое отношение имеет эпиграф к содержанию повести, действие которой происходит на рубеже тысячелетий, когда уже схлынула волна бандитизма, но зарплату выдают всё ещё эпизодически?

У работника нии Владимира Ивановича заболевает жена. Врачи не могут определить диагноз, но за лечение требуют деньги, которых у героя повести, естественно, нет. Сюжет до боли знакомый по растиражированным телесериалам, но путь, по которому пытается выйти из тяжёлой ситуации герой Кузнечихина, заслуживает внимания. Обратиться за помощью Владимиру Ивановичу не к кому. Единственный сын, художник-авангардист, не понятый ни родителями, ни Родиной, в погоне за славой уехал в Европу и там потерялся. Бывший коллега, некто Игорь, ушедший из института после того, как возникли проблемы с зарплатой, промышляющий посредничеством, предлагает ему продать крупному чиновнику написанную, но не защищённую диссертацию. Уговорив Владимира Ивановича, он просит его прогуляться пару часов, чтобы пригласить в его квартиру проститутку. Герой возвращается чуть раньше условленного и застаёт красивую обнажённую девушку, которая, нисколько не смутившись, предлагает остаться и с ним. Владимир Иванович, ни разу не изменявший жене, отказывается, но красавица по имени Кристина застревает в его памяти. После жёсткого разговора с лечащим врачом, требующим очередные деньги, расстроенный Владимир Иванович звонит в эскорт-услуги. Ему привозят Кристину, но она оказывается не той девушкой, которую он видел. После он поймёт, что Кристина — всего лишь звучный псевдоним эскортниц, но прекратить поиски уже не может. Навещая жену, Владимир Иванович замечает, что ей становится всё хуже и хуже, а врачи настойчиво требуют денег. Возле палаты жены его останавливает санитарка. Она убеждает Владимира Ивановича, что продажные доктора вгонят больную в гроб, и предлагает увезти жену в глухую деревню к её родственнице-знахарке, и он соглашается. Деньги, полученные за диссертацию, отданы врачам. Отправив жену в деревню, герой словно забывает о ней и, нарушив верность в первый раз, направляет энергию на поиски мифической Кристины. Его увлекает возможность лёгкого выбора, которого у него никогда не было, да он и не задумывался о его существовании. Однако за выбор надо платить. Чтобы достать денег, он продаёт библиотеку, которую долгие годы собирал вместе с женой. Когда ценные книги заканчиваются, Игорь убеждает его, что нии скоро развалится и можно безбоязненно продать часть оборудования, скопившегося за времена советской власти, всё равно никто не заметит. Вырученные деньги тратятся только на визиты Кристин, без которых Владимир Иванович уже не может. Кстати, встречи с ними описаны не только изобретательно, но и целомудренно. Когда распродажа доходит до личных вещей жены и воровства денег у «партнёра по бизнесу», из деревни приходит известие, что жена пошла на поправку. Владимир Иванович в растерянности, и ему ничего не остаётся, как имитировать ограбление квартиры.

Перечитал повесть после того, как в сетевом журнале «Камертон» появилась статья Александра Кузьменкова «Опоздавший» по случаю присуждения Кузнечихину премии имени Фазиля Искандера. Знаменитый критик оговаривается, что не всё принимает у С. К., но статья в целом доброжелательная — может, потому, что Кузнечихин не настолько знаменит по сравнению с Прилепиным или Яхиной. Большой эрудит и блестящий стилист Кузьменков известен тем, что не боится поднять голос на нынешних фаворитов премиальных гонок.

В статье «Опоздавший» критик уделил место и повести «Вожделенный остров Кристины». Обратил внимание и на эпиграф, но комментировать воздержался. Назвав повесть «панихидой по советской интеллигенции», Кузьменков отметил психологическую точность и убедительность в описании героев. Ответа на свой вопрос об эпиграфе я не нашёл, и всё-таки статья подтолкнула меня к догадке. Больная жена героя повести — это и есть

больная Россия. Другое дело, что все поступки одурманенного свободой Владимира Ивановича, к сожалению, направлены не на выздоровление, а на усугубление болезни.

Обозначим этапы падения героя:

1. Продажа диссертации.
2. Продажа книг.
3. Продажа оборудования из лаборатории.
4. Воровство у партнёра.

Это вам ничего не напоминает?

Через всё это прошла Россия, но в глобальных масштабах. В повести проекция и на отъезд квалифицированных специалистов за границу, и на приватизацию с продажей за гроши заводов и месторождений, и на запредельную нечистоплотность бизнеса, и на советников «от медицины», заинтересованных, чтобы Россия болела как можно дольше. И, конечно же, на опьянение бывшей советской интеллигенции от свободы выбора.

В своё время Хемингуэй ввёл в литературу «принцип айсберга». Во многих его рассказах на поверхности находится десять-пятнадцать процентов, а суть содержания спрятана в подтексте. Выбрать оптимальное соотношение между надводной и подводной частями — задача очень трудная. Если оставить на поверхности минимум, есть риск, что читатель не поймёт (а то и читать не станет), а если сделать надводную часть увлекательной, он может удовлетвориться тем, что на поверхности. Использовать этот приём в наше торопливое время довольно-таки рискованно. Кузнечихин рискнул, но нашлись ли заинтересованные читатели, желающие полюбопытствовать, что же скрывается в подводной части повести?

Д*и*Н СИММЕТРИЯ · 1924 г.

Осип Мандельштам

Ходят боты, ходят серые…

Вы, с квадратными окошками, невысокие дома,—
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!

И торчат, как щуки рёбрами, незамёрзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких валяются коньки.

А давно ли по каналу плыл с красным обжигом гончар,
Продавал с гранитной лесенки добросовестный товар.

Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора,
И сама собой сдирается с мандаринов кожура.

И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду домой,
Электрическою мельницей смолот мокко золотой.

Шоколадные, кирпичные, невысокие дома, —
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима!

И приёмные с роялями, где, по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют ворохами старых «Нив».

После бани, после оперы, — всё равно, куда ни шло,—
Бестолковое, последнее трамвайное тепло!

Подвиг любви и веры

Сочинения лауреатов Международного детского литературного конкурса «Лето Господне — 2023»

Иван Донец

9 класс, Елизаветинская гимназия, Москва

Урок длиною в жизнь

Личный пример — не просто лучший метод убеждения, а единственный.
А. Швейцер

Весной у меня пропал телефон. Был в кармане рюкзака — и не стало. Телефоном этим я очень дорожил. Во-первых, мне его подарили родители на моё четырнадцатилетие. А во-вторых, было чем дорожить: стильный, современный, с большим сенсорным экраном, с множеством разных функций, начиная от различных картинок и мелодий и заканчивая восьмимегапиксельной камерой со встроенной вспышкой. И дёрнуло меня на следующий же день принести его в школу, похвастаться перед товарищами! Конечно же, увидев мой мобильник, весь класс обзавидовался: у некоторых до сих пор кнопочные телефоны, а у меня — самая последняя и модная модель, о которой можно только мечтать.

Видимо, кто-то заметил, куда я телефон убирал, и, когда я не видел или на физкультуре, когда класс пустует, потихоньку стащил. Интересно, кто мог на такое пойти? Колю Силантьева я даже и не собираюсь подозревать: он мой самый близкий друг, мы дружим ещё с начальной школы. Он бы точно, перед тем как взять, обязательно спросил разрешения.

За окном весна, яркое солнце, все ребята в предвкушении каникул, а у меня беда: как мне домой прийти, в глаза родителям посмотреть, и главное — что сказать? Признаться, что по глупости взял в школу телефон стоимостью в половину зарплаты моих родителей?!

Николай Васильевич, наш классный руководитель, тёзка великого прозаика (которого он, кстати, очень любил и с удовольствием перечитывал), зашёл в кабинет с серьёзным выражением лица: складка между бровями свидетельствовала о предстоящем разговоре. Тема уже была известна: кража телефона. Учитель внимательно устремил суровый взор на наши детские лица, ожидающие развязки шумной истории, которая успела облететь всю школу вплоть до кабинета директора.

Николай Васильевич работает в нашей школе очень давно, и многие родители моих одноклассников гордятся тем, что учились у него. Если говорить честно, я побаивался некоторое время своего классного руководителя, а точнее, его авторитета, сформировавшегося годами преподавания. Несмотря на то, что он никогда не повышал на нас голос, не жаловался родителям на нелепые проступки, была в нём непрезрительная проницательность, словно он смотрел сквозь меня. Однако многозначительное молчание учителя было страшнее самых громких слов.

Классный руководитель стоял в центре кабинета, разглядывая каждого ученика так, точно в наших глазах или действиях можно было узнать виновника предстоящей беседы. На парте Кати лежал ластик, Николай Васильевич взял его и сказал спокойным, но строгим голосом:

— Видите эту вещь? Самый простой ластик, который продаётся в каждом канцелярском магазине. Полвека назад таких ярких ластиков в нашей стране не производили, но их дарили иностранцы или привозили соотечественники в качестве сувенира из Венгрии и других дружественных государств, где располагались советские гарнизоны, — начинал рассказывать наш учитель. — У моего друга Миши, с которым я сидел вместе за одной партой, появился такой необычный зелёный ластик, обладающий мятным ароматом. Мне было почти столько же лет, сколько вам сейчас, когда я совершил это преступление. Да, я не смог удержаться от искушения обладать кусочком с неповторимым ароматом. Наш учитель, как и я сейчас, находился перед классом. Он попросил всех учеников закрыть глаза: «Пусть тот, кто совершил этот поступок, вернёт владельцу украденное». Все закрыли глаза, и я сначала тоже. Нащупав в кармане ластик мокрыми от волнения пальцами, оставаясь с закрытыми глазами, я тихо-претихо положил его на Мишину тетрадь. Теперь мне было очень стыдно открыть глаза и посмотреть на учителя. Больше всего я боялся его мнения обо мне, об ученике, которому он так доверял. Когда я с ужасом разомкнул веки, то увидел одноклассников, стоявших у своих парт с зажмуренными глазами. Но каково же было моё удивление, когда я,

исподлобья пытаясь взглянуть на фигуру учителя, увидел его обращённым лицом к доске. Чтобы не разочароваться ни в одном из нас, не унизить никого обличающим взглядом, он отвернулся и тоже закрыл глаза. Это был для меня бесценный урок, который я пронёс через жизнь. Всё моё сердце пылало благодарностью к этому человеку, научившему меня верить в людей и прощать им обиды. Сейчас и я прошу каждого из вас закрыть глаза.

Все послушно исполнили просьбу, а Николай Васильевич подошёл к учительскому столу и отвернулся. По моим щекам потекли слёзы — то ли от услышанной истории, то ли от случайного прикосновения чьей-то тёплой руки, бесшумно возвращающей мне телефон.

Эпилог

Когда я пришёл из школы, а родителей ещё не было, на мой новый телефон неожиданно позвонили. Это был Коля.

— Привет, — сказал он. — Я тут тебе одну вещь хотел сказать. Не знаю, как и начать… Короче, это я взял твой телефон, прости. Он действительно классный у тебя! Думал, возьму на некоторое время, потом отдам…

Конечно же, после таких слов чистосердечного признания я и не думал держать обиду на Колю. Я его успокоил, сказал, что всё в порядке, ничего страшного в этом нет, и со спокойной душой положил трубку. После этого случая, произошедшего со мной, я вспомнил одну фразу, которую наш классный руководитель очень любил цитировать из поэмы «Мёртвые души»: «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Мария Зубарева

7 класс, воскресная школа Сретенского собора, Ялуторовск, Тюменская область

Встреча

«Ту-дух, ту-дух… ту-дух, ту-дух…» Поезд мчится, отмеряя километр за километром, всё дальше и дальше от дома. Каждый стук колёс приближает долгожданный момент встречи с дорогим человеком. Привычный сибирский пейзаж за окном сначала меняется на южноуральский, равнины уступают место невысоким горам, а речки становятся всё быстрей и извилистей. За стеклом пролетают густые хвойные леса с острыми верхушками ёлок. На другой день поезд уже рассекает бескрайние поля Поволжья. Летом они колосятся пшеницей и рожью, но сейчас поздняя осень, и поля выглядят немного грустно, как и весь пейзаж последних чисел октября. Но на душе у наших путешественников совсем не грусть, а радостное, нетерпеливое ожидание долгожданной встречи. Ещё немного, и они смогут прижаться к родной груди своего защитника Отечества, дорогого мужа и отца, командира батальона Российской армии, несущего военную службу на территории Луганской Народной Республики.

Тётя Наташа задумчиво смотрит в окно. Маленькая дочка Аннушка — шустрая девчушка полутора лет — наконец-то уснула и мирно посапывает рядом. Несмотря на свой возраст, она не забывает папу, хотя не видела его ох как давно. Последний раз дядя Коля приезжал в двухнедельный отпуск почти полгода назад. Дома, когда Анюта слышит про папу, она всегда бежит к иконам и показывает маленьким пальчиком в сторону Спасителя. Может быть, потому, что образ отца связан у малышки с храмом. Дядя Коля до войны был звонарём нашего собора и всегда возил свою семью на воскресные и праздничные службы. А может, потому, что папа чем-то похож на Спасителя, глядящего с иконы строгими, но любящими глазами. Или этим жестом Аннушка напоминает всем домочадцам о том, что папа очень нуждается в их молитве, особенно сейчас, когда находится на передовой.

Напротив сидят старшие сыновья — первоклассник Платон и шестиклассник Паша. Это их первое путешествие на поезде.

— А папа покажет нам свой автомат? — спрашивает Платон. — Он нам даст пострелять?

— Не знаю… — задумчиво отвечает старший брат.

— Сынок, автомат — не игрушка. Это оружие, — отвечает тётя Наташа. — Ты уже такой большой, а задаёшь смешные вопросы.

Платон очень хотел, чтобы папа повёл его на торжественную линейку в первый класс православной гимназии, но понимал, что у отца сейчас более важное дело — защищать страну от врага, чтобы тысячи таких же маленьких первоклашек без страха могли пойти в свои школы.

— Мама, а почему здесь нет снега? — снова нарушил тишину Платоша. — Когда мы уезжали, у нас уже лежал снег…

— Да, мы едем от зимы лето искать, — пошутила тётя Наташа, — ну не то чтобы совсем лето, но золотую осень — это точно.

И правда, за несколько дней их путешествия время как бы обернулось вспять: трава снова начала зеленеть, деревья опять покрылись густой позолотой. На второй день пути природа стала ещё добрее, приветливей. Даже не верилось, что каждый день совсем недалеко отсюда взрываются ракеты и снаряды разлетаются на тысячи смертоносных осколков, а в местных огородах сапёры собирают не урожай овощей и ягод, а неразорвавшиеся мины…

Один из таких сапёров-героев, рискующих своей жизнью ради жителей Луганской области и всей

России, — Николай, а для нас просто дядя Коля — крёстный моего младшего братишки. Мы знаем дядю Колю почти три года, с тех пор как он начал ходить в наш храм. Могучий, широкоплечий, с окладистой бородой, он всегда приходил ещё до начала службы и смирно стоял до самого конца богослужения, степенно крестясь и кладя поясные поклоны. Во всей его фигуре было что-то сильное, богатырское. Чуть позже он привёл в храм свою семью, сыновья стали ходить в воскресную школу, а сам он начал звонить на колокольне. Их дочь Аннушка и наш младший братик Никитушка родились в одно время и крестились в один день. С этого момента наши семьи сдружились, мы больше узнали друг о друге.

В прошлом дядя Коля проходил службу в ВДВ, был участником чеченской войны, а после оказался на «гражданке» в своём родном сибирском городке Ялуторовске. Летом, если мы видели перед воротами храма блестевший на солнце огромный белый мотоцикл, являющийся предметом восхищения приходских мальчишек, то знали: дядя Коля уже в храме, и это он так красиво звонит сейчас на колокольне, созывая народ на богослужение…

Папа рассказывал, что познакомился с ним, когда Николай впервые зашёл в храм и обратился с вопросом: «Как можно научиться звонить в колокола?» В скором времени в наш город по приглашению настоятеля приехал известный мастер колокольного звона Владимир Петровский, переоборудовал соборную колокольню и обучил всех желающих древнему церковному искусству. Дядя Коля стал одним из лучших его учеников. У него чудесно получались и праздничные перезвоны, весело будоражащие тишину небольшого тихого городка, и благовесты, степенно разливающиеся по воздуху и уносящиеся вдаль по реке Тобол.

Как только началась военная операция на Украине, наш звонарь восстановился в рядах Вооружённых сил и засобирался на фронт. Тётя Наташа долго не могла смириться с его решением, с тяжёлым сердцем отпускала мужа. Ещё бы, на ней оставались недостроенный дом и трое малолетних детей, младшая из которых родилась за пять дней до начала войны.

Конечно, дядя Коля мог бы и не уезжать в зону боевых действий, а жить спокойно в родном городе со своей семьёй. Но он выбрал другой путь — путь солдата, героя, защитника Отечества. Дядя Коля сказал, что особенно сейчас каждый человек нужен на своём месте: учителя и родители должны учить детей добру, чести, жизни по правде Божьей, рабочие должны добросовестно трудиться на заводах, начальники — мудро руководить подчинёнными. Если каждый будет ответственно и с душой делать своё дело, то всё в нашей жизни тоже будет на своём месте. Дядя Коля имел боевой опыт и военную специальность, поэтому решил, что его место сегодня — на фронте. Он не смог остаться в стороне от этой войны.

Оказавшись осенью прошлого года в освобождённом от врага небольшом городке Сватове, Николай, с позывным Гром, возглавил подразделение сапёров. К боевым задачам его команды относилось разминирование территории от взрывоопасных предметов, «припрятанных» отходящими войсками противника. Особенно много таких «сюрпризов» стало весной, когда сошёл снег и люди вышли на огороды, в свои приусадебные участки.

Мне вспоминается история, которую дядя Коля рассказал нашим прихожанам, когда приезжал в свой небольшой летний отпуск. Во время очередного разминирования его команда нашла с десяток неразорвавшихся ракет нового, неизвестного образца. Сначала он собственноручно собрал их и положил возле своей машины, чтоб отвезти подальше для дальнейшего изучения и обезвреживания. Затем дядя Коля отдал приказ двум бойцам погрузить снаряды в багажник. Как только один из них взял в руки часть ракеты, раздался взрыв. Солдаты получили тяжёлые ранения, их сразу увезли в ближайший госпиталь. Сам он отделался небольшим осколком в лицо. Дядя Коля благодарил прихожан за горячие молитвы о нём и говорил, что в такие моменты буквально физически ощущает их молитвенную помощь.

Ответственная боевая работа, решение разных бытовых задач — всё это командир Гром, как добрый отец своего подразделения, делает с молитвой и надеждой на помощь Божью. Когда в Сватово приезжает священник, чтобы организовать богослужение, поднять моральный дух бойцов, то вся сапёрная команда участвует в Божественной литургии. Так его отряд становится одной православной семьёй — братьями во Христе. На войне, перед лицом опасности и смерти, молитвы становятся самыми горячими и искренними, Литургия проходит на одном дыхании. «Едиными усты и единым сердцем» все славят и воспевают имя Божье. Тут приходит осознание, что только Он хранит их, в Его руках не только их жизнь, но и жизнь всего мира. На этой божественной службе причащаются все воины. Кто не был крещён, принимают святое крещение. Со слов дяди Коли, на передовой каждый солдат так или иначе переживает встречу с Богом. Многие батальоны называются именами святых: Архангела Михаила, Дмитрия Донского, Александра Невского. А на кого ещё надеяться, как не на заступничество Господа и Его угодников, когда ты должен выполнять смертельно опасные задачи, когда от каждого солдата зависит исход войны и будущее всей страны? И всё больше «Спасов» появляется на шевронах бойцов, а стяги с иконами всё чаще и чаще развеваются на танках и возле землянок. Без веры не будет победы — это начинают понимать многие.

Один военный священник, отец Олег Червяков, неся служение на фронтах этой войны, после многочисленных поездок по позициям русских войск сделал вывод, что главный человек в армии — это

командир, отец полковой семьи, «комбат». «Воинский дух и религиозный настрой подразделения зависит всецело не от священника, приходящего от случая к случаю, но от командира»,— пишет он в своих записках. Осенью этого года дядю Колю назначили таким «комбатом» и перевели на новое место, где идут самые активные боевые действия. Мне радостно оттого, что в нашей армии есть такие люди, как он, настоящие православные русские воины, которые полагаются на Бога и ведут нашу страну к победе.

Мы узнаём о героических подвигах русских солдат из их писем, из сюжетов военных корреспондентов и новостей. Но остаётся совсем незамеченным подвиг их жён, матерей, родных и близких, которые, как и они, только не на фронте, а в тылу, несут этот тяжкий крест разлуки, тревоги, а нередко и потери своего мужа, отца, сына… Тётя Наташа, прощаясь с мужем, понимала, что, возможно, в последний раз видит его живым и здоровым. Этот подвиг бесконечной тревоги, терпения и любви жён, матерей, детей, может, и не такой яркий, но он не меньше, чем подвиг самого солдата. Молитва родных, надежда, что их герои обязательно вернутся домой с победой, дают солдату силу, вселяют надежду. «…Мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви…» — только одна мысль о том, что его любят и ждут дома, согревает душу бойца, хранит его и облегчает тяжёлую солдатскую жизнь.

Незадолго до назначения дяди Коли на новую должность тётя Наташа решилась поехать с детьми на поезде в близлежащий к фронту относительно спокойный район, и хоть недолго, одну недельку, побыть вместе…

За окном темнеет. Сердце начинает нетерпеливо биться в волнении. Ещё несколько станций — и наступит тот самый долгожданный момент их встречи… Хочется поскорее обнять любимого человека, ощутить тепло, спокойствие и простое человеческое счастье оттого, что можно быть рядом друг с другом, а не за тысячи километров…

«Ту-дух, ту-дух… ту-дух, ту-дух…» Стук сердца сливается со стуком колёс… Поезд замедляет ход. Путешественники уже не могут усидеть на месте. Ещё одно мгновение — и поезд останавливается. В окне показалось родное лицо. Объятия, слёзы радости… кажется, что время тоже остановилось, собралось в одну точку… Они снова вместе.

Денис Литвинов

школа № 148, Самара

Три картошки

— Мама, почитай сказку! Ну пожалуйста!

— Василиса, ну что ты: расскажи да расскажи! Взрослая ведь, в школу ходишь, можешь и сама прочитать!

— А вот папа всегда читал, когда я просила!

— Да, папа читал… Запрещённый приём, Вася! Ладно. Только не буду я тебе сказку читать, а расскажу историю, которую мне бабушка на ночь рассказывала! Если всё вспомню, конечно…

— Мамочка, конечно, вспомнишь! Ты же такая памятная!

— Ну ладно, слушай, подлиза…

…Поздним вечером Людмила Ивановна Иванова вернулась домой счастливая: на работе выдали премию — три кило картошки! Что это была за картошка! Крупненькая, гладенькая, с крохотными розовыми глазка́ми, которые будто подмигивали призывно: «Съешь меня!» Хотя подмигивать Люде и её дочке, Светке-восьмилетке, было совсем не обязательно: картошки они не видели давно, если и доставалась она им, то в виде очисток. В основном перебивались хлебом по талонам и крупой, из которой варили жидкую тюрю. Но крупы, купленной ещё до войны, становилось всё меньше. А купить негде и не на что. Что поделаешь — война. «Надо терпеть, Светочка, надо держаться,— повторяла мама дочке.— Вот закончится война, тогда я тебе наготовлю большую кастрюлю картофельного пюре! А папка с фронта принесёт тебе килограмм конфет!» И Света засыпала, представляя ароматное пюре в тарелочке, с подливой из шоколада…

И вот сегодня — праздник! Целая гора картошки! Людмила Ивановна и Света сначала внимательно рассматривали тёмные клубни, пересчитывали, отбирали, какие съесть сегодня, какие — завтра, мыли отобранные шесть штук, наблюдали, как в кастрюльке бурлит вода вокруг их будущего ужина. А потом торжественно и церемонно накрыли на стол и, растягивая удовольствие, съели картошку «по-военному».

Света проснулась от вкусного запаха. «Странно… Неужели ещё вчера?» — удивилась девочка. Но в окно уже всматривался новый день: светало. Окна замёрзли: холодно. Да ещё завывает на улице метель… Эх, полежать бы в тёплой постели! Но надо вставать: в школу опаздывать нельзя! Мама хлопотала у печки: доваривала три картошки из отложенных вчера. Это Светочке с собой: пока будет идти в школу — картофелины согреют её, когда проголодается — накормят. А там, глядишь, степлится… Да и не так холодно, когда изнутри тебя греет вкусная мамина премия. Собираются Ивановы на работу и в школу.

И тут — стук. Мама впустила в комнату тётю Варю-почтальона.

— Пахнет у вас вкусно. Картошечку варили?

— Да, Варюша, премию вчера выдали. Садись, угощу!

— Что ты, Люда, тороплюсь: письма с утра разнести, потом к соседке — помочь просила. Да и тебе сейчас не до меня будет: письмо принесла! Пляши!

Письмо! От папы! С фронта! Мама с дочкой тут же принялись разворачивать треугольник, невежливо

забыв о почтальоне, а та и не обиделась: всё понимает, у самой муж и старший сын на фронте.

«Здравствуйте, дорогие мои Света и Люся. Не так давно я получил ваше письмо и понял, как мне без вас трудно. Хочется обнять, поговорить, послушать… А пока слушаю взрывы снарядов и свист пуль — страшную музыку войны. Спрашиваете: как я здесь? Воюю. За вас, мои дорогие, бьём с товарищами врага, гоним его с нашей родной земли. Подробности описывать не стану: батальные сцены не для женщин и не для девочек! Просто знайте: муж ваш и отец на солдатской работе, делает её старательно и основательно. Враг не пройдёт. Люся, не падай духом. Понимаю, как тебе тяжко: работа, дом, дочь — и за всё отвечаешь одна ты. Но скоро всё наладится, и семейное дело мы станем делать вместе, как и раньше. А ты, Света, учись хорошо, на одни пятёрки! Закончится война — тебе проектировать новые дома и школы, а для этого надо быть очень умной! Оставайтесь здоровыми, бодрыми и помогайте тем, кто нуждается в вашей помощи! До свидания, мои дорогие, крепко вас обнимаю. Павел».

Людмила Ивановна и Света несколько раз прочитали письмо: и про себя, и вслух, и вместе, и по очереди. Вот здорово! Но и в такие особенные дни работу никто не отменял: пошли Ивановы в класс и на завод…

Света сама не заметила, как до школы добралась: грудь согревали три картошки, сердце — папины слова, которые она повторяла по дороге. «Эх, вот в классе-то расскажу, какой у меня папка геройский! Обзавидуются все!»

Вот он, кабинет, скорее открыть дверь и сообщить новость!.. Но взгляд Светы остановился на мальчике, сидевшем за последней партой. И желание хвастаться вдруг улетучилось: уж очень печальным он был. Заплаканные глаза, посиневшие губы, белое лицо. Был мальчик каким-то… тонким, плоским, что ли… Будто его никогда не кормили. Будто всю радость из него выдавили и где-то спрятали, как секретик.

Пришла учительница и представила детям нового одноклассника. Звали его Петя, а приехал он из Ленинграда. Точнее, не приехал, а вывезли его по Ладожскому озеру, потому что выжить в городе невозможно: его взяли в кольцо немцы. Ленинградцам нечего есть, им нечем топить свои квартиры, пить нужно воду из растопленного снега. Но они всё равно не сдаются врагу! Обороняют город, производят оружие, не пускают проклятых фашистов дальше! Петя слушал рассказ Марины Сергеевны как-то отстранённо, будто и не про него, не про его родных говорили. А одноклассники Светы и она сама оглядывались на сидевшего за последней партой мальчика с сочувствием. «Я думала, мне плохо: мама целый день работает, папа воюет. Крупа заканчивается, опять же. Да что плохо-то? Вчера вот картошку ели, сегодня письмо получили! Каждый день праздник! А Петя, бедненький, совсем один здесь, папка не знает, куда ему написать. Мамка в Ленинграде осталась, переживает, наверное. А картошки он, наверное, вообще никогда не видел — такой худенький, аж прозрачный, — думала Света, разглядывая ленинградца. — Надо над ним шефство взять!» Не откладывая дела в долгий ящик, Света погрозила Витьке — главному задире. А после звонка подошла к последней парте и положила перед новым одноклассником холщовый мешочек:

— Это тебе!

Петя осторожно стал разворачивать свёрток, будто ожидая подвоха. Три картошки. Три картошки! Такие красивые, такие аппетитные!

— Я… не… могу это взять. Это твоё. Это очень… — с трудом выговорил новенький. — Нет, забери, это тебе мама дала.

— А вот я совсем-совсем не хочу есть, честно-честно, так что бери! Это тебе подарок на новоселье! Мы тебе очень рады!

Петя с недоверием посмотрел на Свету, на картошку. Потом взял одну, откусил, сосредоточенно начал жевать, всё ещё поглядывая на Свету: вдруг отнимет? Но девочка только улыбалась. Петя доел самую маленькую картофелину, остальные завернул и спрятал за пазуху.

— Спасибо тебе. Давно так вкусно не ел. Но мне много нельзя, я вечером ещё одну съем, ладно?

Света кивнула в ответ. Желудок её урчал — просил еды, а в душе жила радость, заглушавшая голод. Девочка возвращалась домой и придумывала, что она ответит папе:

«Здравствуй, дорогой папка! Мы прочитали твоё письмо и рады, что у тебя всё хорошо. Мы каждый день думаем о тебе. Мы очень соскучились! Дома у нас всё очень хорошо. Мы совсем-совсем не голодаем. Мама хорошо работает, делает тебе в помощь самолёты. Я хорошо учусь — готовлюсь строить везде новые дома, даже в Ленинграде, который сильно разрушили злые фашисты. Сегодня в нашем классе появился новенький, он оттуда, из блокады. Я ему на новоселье подарила три картошки. Он очень обрадовался, представляешь! Папочка, мы тебя очень любим и ждём твоего приезда. У нас ещё осталось десять картошек, мы с мамой тебя вкусно накормим. Только возвращайся поскорее».

— И папа Светы получил это письмо? — сонный голос из кроватки.

— Конечно, получил. И ответил. И не раз ещё девочка Света и мама Люда писали письма на фронт. А папа Павел с нетерпением их ждал, читал, отвечал. Людмила Ивановна и Светочка были очень трудолюбивыми, умными, старательными, добрыми — таких людей очень хочется оберегать и защищать. И девочкина, и мамина любовь папе помогли: он добыл победу, сражаясь на фронте с немцами. И принёс её домой, жене и дочке. А те накормили его отменным

картофельным пюре! И ленинградца Петю в гости позвали!

— Правда-правда?

— Конечно, правда! Вспомни бабу Люду: она когда-нибудь обманывала?

— Мамочка, а давай, мы тоже папе напишем? Волшебное помогательное письмо? Прямо так и напишем: «Папе, в самарский батальон! Мы тебя любим, ждём! Побеждай скорее и возвращайся!» И наша любовь ему тоже поможет, он победит, а?

— Родная моя, конечно, победит! Выстоял его прадед, воюя с врагами, выстоит и папа, защитит нас с тобой от новых фашистов! И нас с тобой, и всю страну! Есть хорошие традиции у русских: женщины ждут — и дожидаются, мужчины защищают — и побеждают. И так будет всегда.

Елена Степаненко

Донецкий медицинский общеобразовательный лицей-предуниверсарий ДГМУ
имени М. Горького, Донецк, ДНР

Экстремальная ситуация

«У войны не женское лицо»,— говорят те, кто эту войну в глаза не видел. Уж я-то точно знаю, что война может явиться в каком угодно обличье. Лицо войны — это лицо солдата; порох, пыль глубоко въелись в поры, оттого кожа кажется чуть сероватой. Лицо войны — это лицо матери, чей сын на фронте, взгляд её устремлён в себя, и что бы она ни делала, с кем бы ни говорила, безмолвная молитва постоянно творится в душе, создавая невидимый покров вокруг солдата. Это и лицо старушки, устало бредущей по улице в поисках воды.

Но самое нелепое, самое безжалостное проявление войны — в полных страха и безнадёжности глазах ребёнка. Мне кажется, сколько буду жить, только при одном упоминании слова «война» буду представлять себе ясноглазую светловолосую девочку, погибшую во время обстрела на детской площадке. Двести тридцатый ангел…

Иринка была приёмным ребёнком в семье. Да такая ласковая, такая добрая девчоночка удалась! Нежным котёнком ластилась к матери, а за отцом и вовсе хвостиком ходила: куда он — туда и Иринка. Без него, бывало, и спать не ложилась. Проснётся ночью, трогает лицо отца: усы на месте — значит, можно спать дальше.

Вот такая нечаянная радость свалилась на Татьяну и Дмитрия Шевцовых. Их сыновья давно выросли, уехали в Россию, сначала на время, а потом нашли работу, женились и остались там навсегда. Иринка кровно была Шевцовым не чужой. У Дмитрия была младшая сестра Светка — «непутёвая и гулящая» баба. Непонятно от кого прижила девочку. Недаром говорят, что «от осинки не родятся апельсинки». В Светку пошла девчонка. Что она видела в своей недолгой бестолковой жизни? Мать в бесконечном алкогольном угаре с чередой ухажёров-собутыльников, пьянки-гулянки. В шестнадцать лет девчонка родила и сразу же написала отказ от ребёнка. Этим ребёнком была Иринка.

В небольшом посёлке все всё знают друг о друге. Новость о Светкиной дочке мигом разлетелась по округе. Кто-то осуждал: «Как можно?» Кто-то, наоборот, одобрил поступок беспутной мамаши: «Правильно сделала! Что она ребёнку даст? Так, может, удочерят ребёнка, в нормальную семью попадёт, человеком вырастет, не то что мать и бабка!»

Когда Шевцовы узнали об этом, решение было принято сразу: «Возьмём и воспитаем девочку! Она не безродная! Своих вырастили — и на эту сил хватит!» Тем более что о девочке пара мечтала всегда, а Бог им дал только двоих сыновей.

Прошли семь кругов бюрократического ада, неизбежного в подобных ситуациях. Кажется, самое трудное позади, Иринка в семье. Потекли обычные и привычные для Татьяны будни, наполненные хлопотами о маленьком ребёнке. Нелегко порой ей было: ночи бессонные, прогулки, стирка, кормления. Сама-то уже не девочка, скоро пятьдесят стукнет. Дмитрий тогда служил в Народной милиции ДНР, но как только шёл «в увал» (так называют у нас увольнительные), мчался домой жене помочь и с дочкой поиграть.

Первый год пролетел быстро, второй на исходе. И вот уже Иринка уверенно бегает по дому и по двору, шило такое, только успевай за ней. Но одно обстоятельство огорчало Шевцовых.

Как-то в гости зашла мать Татьяны, Васильевна, как все её звали, строгая неулыбчивая старуха.

— Дура ты, Танька, как есть дура!

Сначала Татьяна опешила, а потом поняла, что мать имеет в виду.

— Вы что, нормального ребёнка взять не могли? Сирот вон сколько, война — бери не хочу! Так нет же, взяли эту, непонятно от кого! Два года скоро, а она молчит, ни словечка, мычит только. Глянь, соседские детки-двухлетки друг с другом играют, а наша-то что? А ничего, молчит! — и добавила: — Вот оно вам надо было на старости лет? Я ж тебя предупреждала! Хотя когда ты мать слушала?! — Васильевна в сердцах махнула рукой и расплакалась.

— Она не может говорить, мама,— ответила тихо и отчётливо Татьяна, словно переживая, что её слова услышит кто-то посторонний.— Она, наверное, немая, а может, задержка в развитии. Дима ищет специалиста. У нас в посёлке какой педиатр? Девчонка после института, и та, видно, не задержится! В нашем случае просто детский доктор не поможет.

Специалиста нашли. Пожилая полная женщина-врач с усталым добрым лицом долго осматривала Иринку, подробно расспрашивала Татьяну о девочке, потом что-то записывала.

— Будем наблюдать! Я не вижу здесь врождённой немоты. Тем более она прекрасно слышит, всё понимает, реагирует на эмоции и сама их открыто выражает. Больше с ней разговаривайте, читайте вслух, пойте. А там посмотрим!

Когда Татьяна уже выходила с девочкой из кабинета, доктор остановила её и добавила:

— Вы знаете, мне кажется, она заговорит! Нет, не кажется! Я уверена в этом! Но чтобы это произошло, девочку должно что-то сильно впечатлить, очень сильно. Иными словами, она должна пережить экстремальную ситуацию. Экстремальную, понимаете?

Татьяна кивнула и вышла из кабинета. Слабый лучик надежды блеснул было в её душе, но тут же погас. Какая ещё экстремальная ситуация? Землетрясение, что ли? Как есть, так есть. И такой её любить будем. Не всем, значит, дано говорить, кому-то и молчать нужно, чтобы всех этих говорунов уравновешивать.

Тем временем Иринка росла. Татьяна ей читала книги, пела песни, с удовлетворением замечая, что девочка всё понимает. Иринка любила смотреть мультфильмы. Посмотрев «Трое из Простоквашино», плакала: как мог Дядя Фёдор бросить Матроскина и Шарика и уехать в город? Мысли выражала жестами, мимикой, а вот слов так и не было!

Шевцовы переехали жить в Донецк. Удалось недорого купить маленькую квартирку — правда, в Киевском районе, неблагополучном, потому что рядом линия соприкосновения и случаются обстрелы. Но сейчас действует режим перемирия, а в городе Иришке лучше, и врачи есть, и даже специальный детский сад нашли, коррекционный.

Дмитрий уволился из армии. «Война — дело молодых», — шутил. Нашли работу, жили незатейливо, но счастливо. Иришка с избытком дарила им по́зднее родительское счастье. Отец души в ней не чаял. Не говоря ни слова, девочка была способна рассказать целые истории одним взглядом. Родители её понимали без слов и всегда были рядом. Во дворе пятиэтажки, где они жили, Дмитрий соорудил для дочки небольшую детскую площадку с песочницей и домиком, любовно обустроил всё, покрасил. Иришка полюбила это место, часами могла играть там, и никто ей был не нужен.

Когда началась специальная военная операция, Татьяна с дочкой уехала из Донецка. Обстрелы участились, в их район то и дело прилетали снаряды. Благо, не нашёлся покупатель на их домик в родном посёлке, поэтому было где пережить трудное время. Дмитрий снова ушёл служить, но вскоре получил контузию, и его комиссовали. Завели хозяйство, посадили огород. Засобирались как-то Шевцовы съездить в Донецк, проведать квартиру, решить какие-то дела. Вроде бы потише стало в городе, да и Иринке развлечение.

Поездку назначили на первое сентября. Въехали в город, утро тихое и непривычное для такого дня — не видно нарядных детей с букетами, спешащих в школы. Опять дистанционка! Но где-то вдалеке слышны тяжёлые разрывы. Подъехали к дому, Иринка увидела свою песочницу, обрадовалась, родители с вещами зашли в подъезд, а она осталась во дворе. Только вошли в квартиру — выхлоп, и спустя мгновение — разрыв, здесь, совсем рядом. Зазвенели стёкла, послышался какой-то странный треск. Снаряд приземлился в центре двора, прошив старый тополь, и его ствол раскололся надвое. Боже мой, ребёнок там, во дворе! Татьяна к окну — Иринка так и сидела в песочнице, словно застыла. Жива, жива! Отец слетел по лестнице, выбежал во двор. Всё в пыли и дыму, кругом стёкла, осколки. Дмитрий наклонился к дочке — кровь на хрупком плечике, осколок, наверное, тонкая шейка в крови. Посмотрела на отца и как-то вся обмякла, глазки прикрыла, дышит тяжело, прерывисто. Схватил, сам не помнит, как завёл машину. Травматология близко, успеем!

Бегом в приёмный покой, стал кричать:

— Срочно, врача, спасите!

Крик смешивался с рыданием. Его пытались успокоить:

— Мужчина, подождите минуточку, врач уже идёт. Всё будет хорошо!

Ох, какими же долгими бывают минуты! Опустился на скамью, ребёнок на руках. Иринка открыла глаза, внимательно-внимательно посмотрела на отца и вдруг отчётливо произнесла:

— Папа…

Дальше всё как в тумане. Девочку забрали в хирургию.

— Доченька! Доченька! Только живи! — шептал исступлённо Дмитрий, ожидая исхода операции.

Вышел хирург:

— Мне очень жаль… Мы сделали всё возможное. Осколки в голове, серьёзно повреждена печень, травмы, несовместимые с жизнью.

Как жить-то теперь после этого? Или как с этим жить?

А на небе одним донецким ангелом стало больше! Но, покидая этот мир, такой несовершенный, такой несправедливый и жестокий, если в нём взрослые убивают невинных детей, Иринка успела сказать своё главное слово человеку, которого любила, который любил её и так ждал этого слова.

В основе рассказа лежит реальная история реальных людей. Я изменила только имена, потому что по-своему увидела некоторые подробности очередной донецкой трагедии.

стр. 31 **Аврутин Анатолий Юрьевич**
Минск, Беларусь, 1948 г. р.

Поэт, переводчик, критик, публицист. Окончил истфак БГУ. Секретарь Союза писателей Беларуси. Автор двадцати шести поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде. Лауреат международной литературной премии имени Симеона Полоцкого и нескольких всероссийских литературных премий. Награждён медалью Франциска Скорины, Золотой Есенинской медалью, медалями имени Михаила Шолохова, Мусы Джалиля и др. Обладатель «Золотого Витязя — 2022». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», в 2005–2008 годах — первый секретарь правления Союза писателей Беларуси. Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. Публиковался в «Литературной газете», «Дне поэзии», журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Юность», «Нева», «Аврора», «Невский альманах», «Форум», «Братина», «Север», «Сибирские огни», «Дон», «Великороссъ», «Литературный европеец» (Германия), «Мосты» (Германия), «Пражский Парнас» (Чехия), «Венский литератор» (Австрия), «Альманах поэзии» (США), газетах «Обзор» (США), «Соотечественник» (Австрия) и др.

стр. 87 **Астафьева Анастасия Викторовна**
Костромская область, 1975 г. р.

Родилась в Вологде. Писать начала с пятнадцати лет. Автор многих сказок, повестей, рассказов и статей; участник семинаров и совещаний молодых писателей Вологодчины и Северо-Запада. Печаталась в местной прессе, в «Литературной России», в журналах «Нева», «Очаг», «Мир женщины», «День и ночь», «Невский альманах». По детективу «Сети Арахны» в 1998 году на вологодском областном радио был поставлен одноимённый спектакль. Член Союза российских писателей с 2000 года. В 2003 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Член Союза российских писателей.

стр. 130 **Васильев Геннадий Михайлович**
Красноярск, 1959 г. р.

Журналист, поэт, исполнитель авторской песни. Родился в Томске. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Авторадио», участвовал во всевозможных медиапроектах. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле в 1996 году.

стр. 176 **Васянович Дмитрий Николаевич**
Красноярск, 1975 г. р.

Заслуженный работник культуры Красноярского края, журналист, радиоведущий, композитор, лауреат Всероссийских конкурсов, культурный обозреватель «Радио России. Красноярск», музыковед Красноярской краевой филармонии, регент Красноярского архиерейского хора, эксперт Международного фестиваля «Мир Сибири», актёр проектов Фонда В. П. Астафьева.

стр. 68 **Зангиев Владимир Александрович**
Страсбург (Франция), 1955 г. р.

Родился в городе Верхний Уфалей Челябинской области. Работал инженером в строительном управлении, штатным корреспондентом в газете. Был председателем литобъединения «Горячий Ключ» и членом координационного совета Ассоциации молодых писателей Кубани. Член Союза российских писателей с 1997 года. Издал несколько книг прозы и поэзии, печатался в российских и зарубежных изданиях.

стр. 186 **Корнилов Алексей Равильевич**
Челябинск, 1968 г. р.

Родился в Южноуральске. В 1970 году семья переехала в Челябинск. Окончил Магнитогорский институт имени Носова по специальности «дизайнер».

стр. 105 **Кузичкин Сергей Николаевич**
Красноярск, 1958 г. р.

Родился в Тайшете Иркутской области. Первый рассказ «Совсем простая история» был напечатан в местной газете «Заря коммунизма» 2 января 1980 года. В 1979–1983 годах входил

в состав литературного клуба «Бирюса». Печатался в центральных газетах, в городских, районных и многотиражных газетах Иркутской области, Красноярского и Алтайского края; в коллективных сборниках столичных издательств, в журналах «Енисей», «День и ночь», «Новое и старое» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), «Мир Севера» (Москва), «Соотечественник» (Берген, Норвегия), в еженедельниках «Литературная Россия» (Москва), «Обзор» (Чикаго). Автор проекта нескольких литературных альманахов. Автор трилогий «Избранники Ангела» и «Времена и бремена», а также сборника стихов и нескольких книг повестей и рассказов. В 2005 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. В 2006 году в московском издательстве «Амадеус» отдельной книгой вышел роман «Андрей + Наташа». Лауреат «Московского Парнаса» за 2006 год в номинации «Проза». Лауреат Всероссийского конкурса литературного творчества «Золотой листопад-2008» (Иркутск), дипломант международного литературного конкурса по детской литературе имени А. Н. Толстого (2009). С 2006 года — автор проекта и редактор альманаха прозы, поэзии и публицистики «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), детского альманаха «Енисейка» и ряда приложений. Член Союза писателей России. С 2023 года — председатель Красноярского регионального отделения организации.

стр. 103

Лихачёв Даниил

1992 г. р.

Родился в Костромской области. Окончил Рыбинский лесотехнический колледж. После армии работал пожарным, дежурным по железнодорожной станции, дальнобойщиком. Затем заочно окончил Российский университет транспорта (МИИТ), поступил работать диспетчером в управлении РЖД. Творческий путь начал с участия в проводимом «Литературной газетой» при поддержке РЖД конкурсе «Золотое звено». В 2021 году с первым своим рассказом оказался среди шести человек, вошедших в длинный список в номинации «Творчество молодых».

стр. 15

Майстренко Валентина Андреевна

Красноярск

Родилась в местечке под Челябинском, затем поступила на факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького в Екатеринбурге. Работала журналистом в различных городах Советского Союза. Более 30 лет живёт и работает в Красноярске. Более 10 лет отработала в краевой газете «Красноярский рабочий», сначала корреспондентом отдела культуры, затем — заведующей отделом. Автор книг «Небесная лествица» (1994), «Тихий свет Зерцал. Жизнь и посмертная слава праведного старца Даниила Ачинского» (2006), «Отзовись, брат Даниил! По дорогам святых» (2009) и др. Лауреат III Творческого конкурса «Душа Сибири» в номинации «Мир Астафьева» (2013), лауреат премии имени В. П. Астафьева (2022), лауреат премии святителя Луки (Войно-Ясенецкого) Красноярского отделения Императорского православного Палестинского общества (2017).

стр. 76

Макоев Амир (Весмир) Леонидович

1963 г. р.

Родился в городе Тереке Кабардино-Балкарской Республики. В 1985 году окончил Саратовский институт механизации сельского хозяйства имени М. И. Калинина (ныне Саратовский аграрный университет имени Н. И. Вавилова) по специальности «Гидромелиорация». Работал инженером насосной станции, ведущим специалистом в министерстве мелиорации и водного хозяйства КБР, управляющим Международной Черкесской Ассоциации. Занимался спортом. Победитель ряда республиканских, всероссийских и всесоюзных соревнований по греко-римской борьбе. Опубликовал более пятидесяти рассказов и повестей в коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах РФ. Автор трёх книг: «В ожидании смысла», «Возвращённое небо», «Буйволиная тропа». Член Союза писателей России.

стр. 90

Макурин Денис Владимирович

Холмогоры, 1981 г. р.

Родился в посёлке Каменка Мезенского района. В пятилетнем возрасте переехал с родителями в село Холмогоры Архангельской области. В 1996 году окончил Холмогорскую среднюю школу имени М. В. Ломоносова, в 1999 году — ПУ-47 в посёлке Данилово, в 2008 году — Вологодский строительный техникум. В 1999–2001 годах служил в армии, участвовал во второй чеченской кампании. После работал мастером, прорабом в промышленно-строительных организациях. В 2015 году, после тяжёлой аварии, увлёкся литературным творчеством. Пишет рассказы, сказки, повести о детях и для детей, а также произведения для взрослых читателей. Публиковался в журналах «Юность», «Иван-да-Марья», «Север» и др.

стр. 21
Малашин Геннадий Викторович
Красноярск, 1956 г. р.

Поэт, прозаик, публицист, режиссёр, педагог. Руководитель информационно-аналитического и издательского отдела Красноярской епархии РПЦ, профессор кафедры гуманитарных и филологических дисциплин Красноярского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Родился в селе Ермаковском Красноярского края. По окончании в 1977 году Красноярского педагогического института преподавал в школах края. С августа 1981 года в течение 20 лет работал на Красноярской телестудии. В 1993 году с коллегами создал творческое объединение «Русские вечера», до сентября 2000 года еженедельно выходившее в краевой эфир. С 2011 года является секретарём Общественного совета Красноярской митрополии по науке, культуре и образованию, с 2014 года — ответственным секретарём Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-историческому наследию.

стр. 139
Небыков Алексей
Москва

Родился на острове Сахалин. Окончил Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и Литературный институт имени А. М. Горького. Аспирант Литературного института имени А. М. Горького (кафедра теории литературы). Литературное творчество совмещает с предпринимательской деятельностью в области юриспруденции. Финалист Международной премии имени Фазиля Искандера 2018 года, полуфиналист Международной Лондонской премии «Лучшие писатели 2015–2019 гг. », финалист конкурса имени Франца Кафки 2018 года, лауреат литературного конкурса «Под небом Рязанским — 2018». Публикуется в литературном журнале «Нева», сборниках поэзии и прозы, литературных альманахах и изданиях.

стр. 37
Панова Татьяна Сергеевна
Красноярск, 1971 г. р.

Окончила Ванаварскую среднюю школу. В 1993 году окончила Красноярский педагогический институт (факультет физкультуры и спорта). Член Союза писателей России, член правления Красноярского регионального отделения СПР, автор шести поэтических сборников.

стр. 133
Панфилова Марина Владимировна
Красноярск, 1962 г. р.

Родилась в Томске, выросла в Томске-7 (ныне Северск). Окончила Томский государственный университет, по профессии журналист. С 1984 года живёт в Железногорске Красноярского края. С детства пишет стихи. Публиковалась в ряде поэтических сборников и альманахов в Железногорске, Томске, Красноярске. Трижды участвовала в «Антологии поэзии закрытых городов Росатома» (1999, 2011, 2019). Автор пяти персональных сборников: «Язычница и грешница» (2000), «По следу Жар-птицы» (2008), «Мамино окошко» (2012), «Я слышу музыку небес» (2017), «Азбука счастья» (2022). Неоднократный призёр конкурса одного стихотворения, организованного альманахом «Новый Енисейский литератор». Член Союза писателей России.

стр. 128
Попов Георгий Игоревич
Москва, 1961 г. р.

Публиковался в сборниках серии «Textum araneum» за 2010, 2012, 2013, 2015 годы, а также в журнале «День и ночь». Дипломант Международного литературного конкурса «Большой финал» (2018–2019) на литературном форуме «Ковдория». Дипломант Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» — 2-е место в конкурсе «Ностальгия по настоящему» (2013).

стр. 61
Пучков Андрей Викторович
Сосновоборск, 1963 г. р.

Прозаик. Рассказы печатались в альманахе «Енисей», журналах «Сура», «Новый Енисейский литератор», на конкурсной основе вошли в альманахи «ARONAXX l», «Происхождение мрака», «Алиса», «Видимый свет», «Тайное общество сказочников» и др. издательства «Перископ-Волга», печатались в сборниках «Песня. Том 2» и «Красная незабудка» издательства «Дикси Пресс». Является призёром и лауреатом различных литературных конкурсов.

стр. 39
Пшеничников Виталий Фёдорович
Красноярск, 1948 г. р.

Родился в лесопункте Хабайдак Уярского района Красноярского края. Учился в Красноярске. Окончил техническое училище, работал слесарем, затем слесарем-испытателем на заводе «Красмаш». Заочно окончил юридический факультет Красноярского государственного университета, работал следователем прокуратуры города Канска, прокурором Новосёловского района,

с 1985 года по декабрь 2009 года — судьёй федерального суда Советского района Красноярска. Находится в почётной отставке. Член Союза писателей России с 2009 года. Печататься начал с 2004 года, издав сборник рассказов «Приговор», в основу которых положен материал из следственной и судебной практики. Автор изданных книг «Служу отечеству», «Надежда умирает последней», «Заглянуть за перевал», «Сладкий вкус смерти», «Записки полярного лётчика», «Река жизни», «Войну не оставить за порогом», «Операция „Ловля на живца“». Публиковался в альманахах «Московский Парнас», «Новый Енисейский литератор», журналах «Приокские зори», «День и ночь». За литературную деятельность в 2005 году награждён дипломом и медалью имени Альберта Швейцера «За гуманизм и служение народу» Европейской академии наук (Ганновер, Германия). В 2010 году за романы «Река жизни» и «Войну не оставить за порогом» награждён международным дипломом и золотой медалью конкурса имени Валентина Пикуля. Лауреат альманаха «Московский Парнас» (2008). Призёр литературного конкурса малой прозы «Триумф короткого сюжета» в номинации «Пространство времени» с произведением «Сквозь пространство и время» (2011). Награждён медалями: «15 лет вывода советских войск из ДРА», «За мужество и гуманизм», «За верность долгу и отечеству», «К 100-летию со дня рождения Героя Советского союза генерала Маргелова».

стр. 136

Росс (Смирнова) Марина

Красноярск

В 1989 году окончила филологический факультет Красноярского государственного университета. Стихи публиковались в журналах «Енисей», «День и ночь», «Истоки», «Новый Енисейский литератор», в альманахе «Часовенка», в изданиях Центра национальной славы России, в сборниках, составленных Н. Н. Ерёминым.

стр. 151

Сидоренко Татьяна Евгеньевна

Карталы (Челябинская область)

Победитель II Всероссийского литературного форума молодых писателей в Челябинске в 2024 году в номинации «Проза».

стр. 3

Татарников Евгений Феликсович

1959 г. р.

Родился в Удмуртии. После школы в 1976 году поступил МВТУ имени Баумана, которое окончил в 1982 году. Работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 году окончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Проживает в Ижевске. Печатался в альманахе «Ковчег», в журналах «Новая литература», «На русских просторах», «Кольцо „А“», «Москва», «Чайка» (США), в газетах «День Литературы», «Российский писатель», в историческом журнале «Суждения» и в других изданиях. 3-е место в литературном конкурсе имени С. Н. Сергеева-Ценского (2021). Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за 2022 и 2023 годы. Лауреат «Российского писателя» за 2022 год. Финалист литературной премии имени Бажова (2023).

стр. 147

Темникова Анна Борисовна

Новосибирск, 1988 г. р.

Родилась в Магнитогорске. В 2011 году окончила Магнитогорский государственный университет (физико-математический факультет). Работала преподавателем, техническим писателем в коммерческой фирме. Пишет прозу. В 2024 году стала серебряным призёром Форума молодых писателей в Челябинске в номинации «Произведения для детей».

стр. 156

Тимченко Николай Николаевич

п. Имбинский (Красноярский край), 1950 г. р.

Родился в предгорье Саян, в Красноярском крае. Окончил Красноярский педагогический институт. Автор трёх поэтических сборников. Проза печаталась в альманахах «Истоки» (Москва, изд. «Перо»), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Лауреат премии имени Игнатия Рождественского в номинации «Я себя не мыслю без Сибири» за 2014 год.

стр. 35

Ческидова Татьяна Владимировна

Троицк (Челябинская область)

Родилась в Вильнюсе, столице бывшей союзной республики Литвы. Автор трёх поэтических сборников: «Почемучки», «Небо из колодца», «Старенький футляр»; многочисленных публикаций в коллективных сборниках литературных проектов, альманахах. Участник X Международного совещания молодых писателей России (Челябинск). Выпускница Литературных курсов ЧГИК. Участник совместного проекта молодёжной Литературной мастерской

«Взлётная полоса» и Литературных курсов Челябинского государственного института культуры. С 2019 года член Союза писателей России.

стр. 9

Щербаков Александр Илларионович

Красноярск, 1939 г. р.

Родился в Красноярском крае. Образование: история и филология, экономика и журналистика. Работал учителем, корреспондентом краевых и центральных изданий. Автор двух десятков книг стихотворений, прозы, публицистики: повесть «Свет всю ночь», сборники рассказов «Деревянный всадник», «Лазоревая бабка», «Змеи оживают ночью», поэтические книги «Трубачи весны», «Глубинка», «Горлица», «Жалейка», «Дар любви» и др. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Огонёк». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Марина Наумова-Саввиных
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Дмитрий Косяков
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Владимир Безбатченко

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Владислава Васильева
КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:
Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:
Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Анастасия Астафьева
Костромская область
Александр Астраханцев
Красноярск
Наталья Ахпашева
Абакан
Юрий Беликов
Пермь
Александр Герасимов
Калининград
Лидия Довыденко
Калининград
Вера Зубарева
Филадельфия
Ирина Иваськова
Анапа
Александр Кердан
Екатеринбург
Станислав Колчин
Калуга
Сергей Кузнечихин
Красноярск
Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург
Татьяна Масс
Париж
Евгений Минин
Иерусалим
Миясат Муслимова
Махачкала
Александр Орлов
Москва
Анна Сафонова
Южно-Сахалинск
Андрей Тимофеев
Москва
Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы репродукции картин Р. Сорокина

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, 57;
Медиацентр

Наш сайт: krasdin.org

Подписано к печати: 10.08.2024
Дата выхода в свет: 30.08.2024
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Роман Сорокин | Рушники. Холст, масло. 150х200. 1976 г.

Роман Сорокин | Вечерний свет (Яр Кравченко в Ермаковском). Холст, масло. 40х70. 2005 г.

Роман Сорокин

На Ермаковской земле. Холст, масло. 161х140. 1978 г.

на обложке:

Роман Сорокин

Калина. Холст, масло. 97х136. 1989 г.